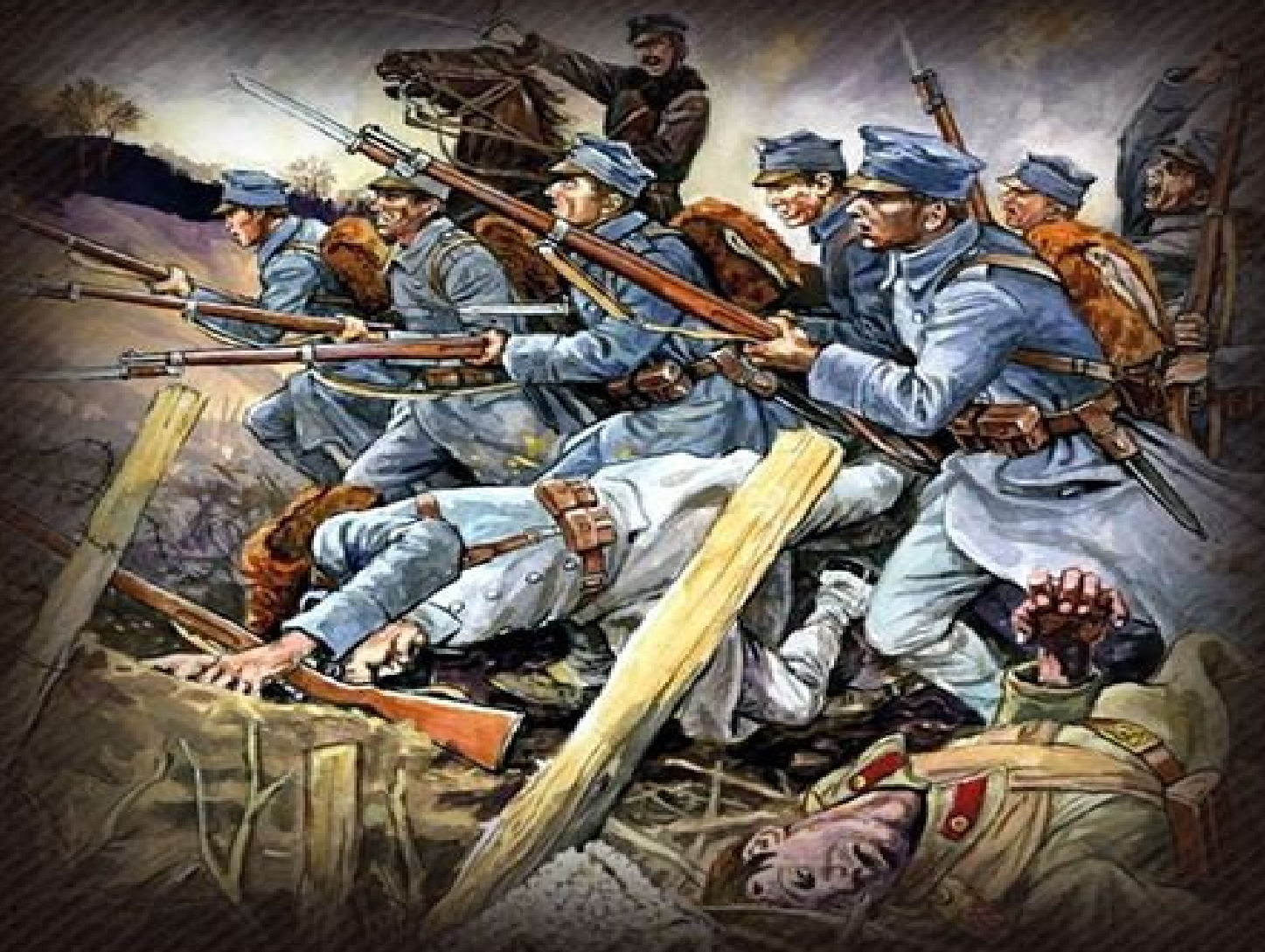

Николай Ермаков

Утро под Катовице

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Андрей Климов в результате медицинского эксперимента попадает из 2018 в 1939 год, в Польшу.

31.08.2018 года 23 часа 21 минута. Польша. Березовая роща северо-западнее Катовице.

— За Великую Польшу! — Янек провозгласил «оригинальный» тост и злобно уставился на меня. Ушлепок пшекский! Сколько мы знакомы, все пытается меня спровоцировать на выражение неуважения к Польше.

Я всем своим видом изобразил воодушевление и, выпив полстакана зубровки одним махом, закусил заранее подготовленным соленым огурцом. Несмотря на откровенную неприязнь Янека, в целом мы сидели неплохо, а передо мной стояла ставшая уже давно привычной задача: напиться, но не сболтнуть ничего лишнего. Вскоре последовали новые, не менее «оригинальные» тосты и зубровка полилась рекой. Вокруг меня сидели молодые поляки, одетые в военную форму польской армии образца 1939 года. На первое сентября запланировано участие Варшавского клуба реконструкторов в памятных мероприятиях, посвященных очередной годовщине начала Второй мировой войны, а сегодня мы по традиции устроили пьянку в живописной рощице под Катовице.

Неизвестно когда. Польша. Березовая роща северо-западнее Катовице.

Проснулся я от желания отлить, от сильного и неотложного желания. Осознав, что через секунду мочевого пузыря самопроизвольно опорожнится, я в мгновение ока вскочил на ноги и стал стараться спешно расстегнуть как назло внезапно заевшую молнию на ширинке. Однако координация рук с похмелья была не на высоте, а мочевого пузыря не дал достаточно времени для осуществления необходимых манипуляций. Теплая жидкость потекла водопадом по левой ноге, а я припомнил все известные мне матерные выражения. Молча, чтобы никого не разбудить. Не хватало ещё, чтобы мои вчерашние собутыльники увидели меня в таком виде — всю жизнь потом вспоминать будут. Я представил себе, как лет через двадцать толстый, лысый Янек за стаканом зубровки рассказывает молодым реконструкторам:

А ещё в восемнадцатом году у нас был случай... обхохочетесь! Так вот, слушайте...

Курва! Надо срочно решать проблему. Я постарался напрячь мозги для поиска выхода из пикантной ситуации. Вспомнилось, что Матеуш говорил что-то про ручей и махал рукой на восток, туда и пойду, прополоскаю штаны и скажу, что упал в ручей — это звучит намного лучше, чем: «Парни, простите, но я спяну обоссался!». Однако пройдя шагов пятьдесят в выбранном направлении, я понял, что ошибся. Роща закончилась, передо мной в сотне метров пролежала проселочная грунтовая дорога, по которой шла колонна реконструкторов в военной форме 1939 года. Я, раскрыв рот, остановился на опушке и, забыв о своей проблеме, стал любоваться строем. Как идут! Идеальная ауθενичность! Они не маршируют как на параде, но и не плетутся толпой как гражданские, а идут спокойно, не прилагая сил к поддержанию строя... А какое качество амуниции! Нашим парням невообразимо далеко до такого уровня соответствия. А если учесть едва оторвавшееся от горизонта солнце, поднимающуюся над колонной пыль, зрелище было просто фантастическим, будто я на машине времени перенёсся в прошлое.

В общем, я настолько был восхищён красотой открывшейся мне картины, всматриваясь взглядом специалиста в амуницию и оружие, что совсем не заметил, как ко мне подъехал верхом на гнедой кобыле парень в форме поручика польской армии 1939 года, который, не слезая с коня, грозно рявкнул:

— Кто такой!? Документы!

Ну, играть так играть! Мы тоже не просто ряженые, уставу и строевой обучены. Я вытянулся по стойке смирно, взял двумя пальцами под козырек:

— Рядовой сто двадцать первого полка Ковальский! — затем достал документы, протянул их поручику и вновь принял стойку смирно, вытаращившись на офицера лихо и придурковато. Он развернул мою солдатскую книжку, прочитал и недоуменно спросил:

— А что ты здесь делаешь? В нашей армии нет сто двадцать первого полка.

— Так я это... в отпуске! Тут рядом! — Вот ведь парнишка закусился, решил видимо роль полностью отыграть. Однако офицер совсем не выглядел играющим и в ответ на мою безобидную реплику потянулся к кобуре со словами:

— Что ты мелешь, дезертир, отпуска уже месяц как отменены!

— Так это, господин офицер! Марыся, невеста моя, после моего майского отпуска понесла, вот ксендз и написал командиру, а тот меня вызвал, пристыдил и отправил в отпуск, чтоб я, так сказать, искупил грех и законным образом пред лицом господ нашего... — виновато залопотал я, состроив морду лица под названием «кот из «Шрека».

Поручик, поняв, что я ещё долго могу расписывать банальную ситуацию, перевал меня новым вопросом:

— А отпускное где? — вот же валит, прямо как профессор на экзамене!

Я с показательным усердием проверил все свои карманы, затем, честно-придурковато глядя ему в глаза ответил:

— Пили много вчера, я всем отпускное показывал, что у меня только пять дней на свадьбу, и вот потерялось... Надо в хате поискать, — в этот момент я заметил, как в небе за спиной офицера, все также сидевшего в седле, появились точки, которые, постепенно увеличиваясь, превратились в силуэты самолётов, имеющих специфический излом крыла, известный как «обратная чайка». Я замолчал, мои мозги со скрипом и похмельной болью, прокрутили все что я видел в те немногие минуты, которые минули после того как я проснулся. Вывод оказался неутешительным — я каким-то непостижимым образом провалился во времени и попал в 1939 год, скорее всего в первое сентября, с Днём знаний блин, Андрюха! Но времени на рефлексии и сантименты не было и я, указав рукой на приближающиеся самолеты, крикнул:

— Воздух! — В это время уже раздался ужасающий вой сирены пикирующего самолета, а лейтенант оглянулся и стал смотреть на падающий к незащитной колонне бомбардировщик Ю-87. Вот дурень! Увидев, как от фюзеляжа отделилась бомба, я обхватил поручика за поясицу, выдернул его из седла и мы рухнули в траву. Тот

что-то возмущённо зашипел, пытаясь вырваться, но в этот момент на дороге рванула бомба, землю трянуло, взрывной волной долбануло по ушам, над нами просвистели осколки и лейтенант затих, вжавшись в землю. Затем взрывы, сирены, очереди авиационных пулеметов, свист осколков, крики раненных и умирающих, слились в единую какофонию смертельного ужаса. Когда взрывы и стрельба прекратились, я перевернулся на спину и некоторое время смотрел вслед уходящим на юг бомбардировщикам, опасаясь, что они сейчас передумают и вернуться, но самолёты таяли в небе вместе с ужасом и паникой, накрывшими меня при первом взрыве, не проявляя намерений возобновить бомбежку. Когда стало ясно, что немецкие самолёты ушли окончательно, лейтенант резким движением вскочил на ноги, посмотрел в сторону колонны, ругнулся «Пся крев» и скомандовал, обращаясь ко мне:

— Встать! — по этому приказу я вскочил, вытянулся по стойке смирно и вытаращился на него, показывая всей своей мимикой готовность выполнить любой приказ. А что сейчас ещё остаётся делать? Только плясать под дудку этого офицера.

Поручик осмотрел меня, и к моему стыду увидел, что штаны у меня мокрые, презрительно скривился, но на всякий случай он провел рукой себе по заднице, чтобы убедиться, что у него-то сухо.

— Рядовой... э-э...

— Ковальский! Господин поручик!

— Рядовой Ковальский, переходишь в мое распоряжение, включаешься в состав первой роты второго батальона тридцать восьмого пехотного полка.

— Есть! — я поднял с земли свою солдатскую книжку и протянул ему, чтобы он сделал соответствующую запись, но тот отмахнулся:

— Потом отдашь батальонному писарю или сержанту, — после этих слов лейтенант развернулся к своей лошади, лежавшей на боку и слегка дёргавшей ногами, его взгляд пробежал по отверстиям от осколков, из которых толчками вытекала алая кровь и на его лице отразилось горечь сожаления, — Эх, Берта, Берта, как жаль... Прости... — он вытащил из кобуры наган, взвел курок и выстрелил кобыле в голову, прекратив её мучения, затем резко скомандовал, — За мной, — и уверенным шагом направился к разгромленной колонне.

На подходе к дороге к нам подбежал рослый широкоплечий сержант, весь заляпанный грязью и кровью, и радостно воскликнул:

— Господин поручик, Вы живы!

Офицер, не отвечая сержанту, остановился и обежал взглядом побоище. Благодаря тому, что немецкие пикировщики атаковали неожиданно, а поляки не вели наблюдение за небом и, по всей видимости, не были обучены действиям при бомбежке, пехотному батальону были нанесены тяжёлые потери. Дорога и прилегающая полоса поля была усеяна трупами и кусками разорванных тел, между которыми ходили ошеломленные выжившие, стонали раненые и над всем этим стоял густой запах дерьма и крови. Навскидку, потери ранеными и убитыми составили до половины от общей численности батальона. Поручик судорожно согнулся и выблевал содержимое своего желудка на пропитанную кровью землю. Меня тоже потянуло очистить желудок, но удалось сдержаться. В это время к нам стали стягиваться уцелевшие солдаты и сержанты.

Быстро пришедший в работоспособное состояние офицер стал раздавать указания: определил меня в подчинение сержанту Митькевичу (тому самому, что первый подошёл к нам), приказал тому организовать помощь раненым, капралу Степовскому поручил составить списки погибших и раненых, затем подозвал к себе двух невредимых солдат и отправился в сторону головы колонны. Митькевич, следуя указаниям поручика, быстро сформировал из уцелевших солдат санитарные команды, распределил участки работы, определил место, куда надо было перенести раненых, отправил в ближайшее село неполное отделение за подводами, и если получится, за врачом или фельдшером. Было видно, что поручик сделал правильное назначение, сержант не потерял самообладания в этой ситуации и, очевидно, был грамотным командиром и хорошим организатором. Меня он определил в отделение капралу Вилковскому, который сразу же подозвал меня к себе, выкрикнул ещё четыре фамилии, и когда вызванные солдаты подошли, я с некоторым удовлетворением отметил, что только у одного бойца штаны были сухие, ещё у двоих портки были мокрые, а четвертый, имевший грустно-задумчивое выражение лица, видимо, не только обоссался, но ещё и навалил в штаны. Капрал построил нас в колонну, провел строем тридцать метров до выделенного участка и приказал:

— Приступайте к перевязкам!

Подойдя к ближайшему, неподвижно лежащему на спине раненому, у которого голова была залита кровью и нащупав пульс, я обратился к Вилковскому:

— Господин капрал, нужен нож, бинты, спирт...

— Ищи в ранцах, можешь использовать все, что найдешь.

Быстро оглядевшись, я поднял ближайший бесхозный ранец и вытряхнув содержимое, нашел упаковку с бинтами, хлопчатобумажные нитки, иголки и перочинный нож. Фляжка моя была наполнена зубровкой, за

неимением спирта вполне приличное антисептическое средство. Осмотрев рану, я пришел к выводу, что надо зашивать — видимо осколок прошел по касательной, череп целый, однако большая кровопотеря. Но сначала необходимо было побрить голову рядом с раной, и я найдя в вещах из ранца опасную бритву, наскоро соскоблил волосы у раны, потом смочил нитку с иглой зубровкой и приступил к шитью. Когда закончил, услышал от капрала, который оказывается, все это время стоял за спиной:

— Ты что, медик?

Я ответил не вставая:

— Да нет, так, по верхам нахватался по книгам, это я первый раз в жизни рану зашивал.

— У меня другие и этого не умеют, осмотри капрала Лесовского, — и указал на сидящего на земле унтер-офицера.

У капрала Лесовского была перебита лучевая кость предплечья — я промыл зубровкой, перебинтовал, как мог наложил шину. Потом перешел к раненному в ногу, здесь надо было только перебинтовать, далее был практически безнадежный с ранением в грудь... Всего я обработал шестерых раненных, когда оказалось, что больше на вверенном участке помощь оказывать некому. По соседству тоже оказали первую помощь всем, кому она требовалась. Но отдыхать нам не дали. Капрал отправил рядового Крочека, того самого который наложил в штаны, к ручью, протекавшему метрах в пятистах от дороги, чтобы помыться, а остальных, в том числе и меня, отвел к разбомбленному обозу, где среди обломков телег мы выбрали штыковые лопаты, и, отойдя от дороги метров пятьдесят, приступили к рытью братской могилы. Вскоре к нам присоединились ещё два десятка солдат, вместе с которыми мы вырыли яму примерно за час. Закончив, я подошёл к Митькевичу с просьбой разрешить мне взять недостающую амуницию и некоторые вещи из имущества, снятого с трупов. Сержант подозвал Вилковского и в его сопровождении отправил меня к куче, сложенной около могилы, где под строгим надзором капрала, следившего за тем, чтобы я не прихватил чего-нибудь лишнего, выбрал себе ранец, сложил в него чистые портянки, комплект нижнего белья, кружку с ложкой, котелок, опасную бритву с помазком, мыло, иглы с нитками, складной нож, также он разрешил мне взять кое-какую провизию — мешок с сухарями, шмат сала и банку тушёнки, а из амуниции я взял подсумки для гранат и патронов, малую лопату. Далее капрал приказал мне взять винтовку из кучи сложенного оружия, что я и сделал — придирчиво осмотрев десяток стволов, я выбрал вполне неплохую на вид маузеровскую винтовку польского производства, набил подсумки патронами и прихватил четыре гранаты-лимонки. Потом Вилковский сделал запись в моей солдатской книжке о зачислении в подразделение и выданной винтовке, а когда мы закончили, прозвучала команда строиться и остатки батальона направились в сторону границы, откуда доносились звуки артиллерийской канонады.

* * *

Шагая в колонне ополовиненного польского батальона, я будто бы со стороны просматривал ключевые моменты моей жизни, моменты когда я принимал решения, которые в конце концов и привели меня на эту пыльную дорогу.

* * *

Зовут меня Андрей Викторович Климов и родился я в 1994 году в сибирском городе Тюмени, моя бабушка по матери была врачом по специальности и полькой по национальности. В шестидесятых годах двадцатого века, обучаясь в Московском медицинском институте, она встретила моего будущего деда, вышла за него замуж и приняла советское гражданство, по окончании института их по распределению отправили в Тюмень, где они и осели. Благодаря бабушке польский был моим вторым родным языком, а по окончании школы я смог получить карту поляка и поступил в Варшавский университет по специальности «организация туризма». Я мечтал посмотреть мир, и эта специальность, на мой взгляд подходила как нельзя лучше для воплощения моих стремлений. По своей глупости после первого курса я вернулся в родную Тюмень, где совершенно неожиданно от пришедшего ко мне домой сотрудника военкомата узнал, что учеба в зарубежном университете не дает отсрочки от службы в армии. Так как я отказался давать любые подписки о неразглашении, и у меня была открыта категория С в водительских правах, меня направили на службу в автобат инженерных войск, где после полуторамесячного курса молодого бойца моя служба сводилась к обычной работе водителя. Старшим машины ко мне обычно назначали прапорщика Петрова, с которым всю дорогу мы вели разговоры за жизнь, да о политике. Через месяц таких бесед, я сам не заметил, как дал согласие работать на ГРУ в качестве разведчика-нелегала. После этого согласия я все также продолжал числиться в автобате и довольно часто ночевал в казарме, но большую часть времени проводил на конспиративной даче, где со мной проводились индивидуальные занятия, в результате чего из инфантильного переростка я превратился в хорошо подготовленного и мотивированного разведчика, который по завершении подготовки, совпавшей с окончанием моей годичной службы в российской армии получил воинское звание сержанта и должность кадрового разведчика-нелегала. В этом качестве я получил задание внедриться в Варшавский клуб реконструкторов. Казалась бы, совершенно бессмысленное поручение — ну какую информацию военного характера там можно накопить? Однако, по имевшимся сведениям, на базе этого клуба под

видом изучения военной истории проводилась боевая подготовка украинских националистов. Летом 2013 года я вернулся в Варшаву, вышел из академического отпуска и осенью приступил к учебе на втором курсе. Поступить в клуб реконструкторов было совсем несложно — заплатил по тарифу и получил членскую карту. Как оказалось, быть реконструктором в Польше — дорогое удовольствие, но за деньги здесь можно получить очень многое — аутентичную военную форму различных исторических периодов, элементы снаряжения, пройти военное обучение по стандартам выбранной эпохи. Первоначально я выбрал период второй мировой войны, так как именно на этом потоке проходили подготовку украинские нацики. Но затем, для расширения круга знакомств, да и просто интересно было, я познакомился с военным ремеслом других более популярных у поляков периодов — Грюнвальдской битвы, Речи Посполитой, наполеоновских войн. На потоке ВМВ хоть и изучали уставы, вооружение, обмундирование того периода, военная подготовка фактически соответствовала современным требованиям. У действительно интересующихся военной историей поляков этот период был не очень популярен — их интересовали более героические времена. Но здесь обучались наемники, различные авантюристы. Было много немцев, которые не могли удовлетворить свой интерес в Германии, где подобные занятия, мягко говоря, не приветствовались. Здесь же немцы спокойно одевались в форму Вермахта (только без нацистских символов) ходили строем, стреляли из множества видов вооружений, катались на различной технике вплоть до танка Pz-4, а поляки зарабатывали на всём этом немалые деньги. Во время второго майдана поток украинских курсантов значительно увеличился, а я понял, что моя работа имеет существенное значение для моей Родины. В 2015 году в ангарах клуба смонтировали натовские виртуальные военные тренажёры, слегка переделанные под историческую тему — то есть можно пользоваться оружием только периода ВМВ. Фактически тренировка на этом тренажёре походила на компьютерный шутер, но в руках макет реального оружия с пневматической имитацией отдачи и надо по настоящему бегать, прыгать, ползать, кувыркаться. Короче, я был в восторге от этой «игрушки» и регулярно проводил там очень много времени, ведь теперь начальство на финансовое обеспечение моей разведдеятельности денег не жалело, впрочем, на эти тренажёры подсел не я один, очереди были расписаны на недели вперед (но украинские парни тренировались без очереди, ведь изначально тренажёр был предназначен для них). Хозяйка клуба, увидев популярность, а соответственно и прибыльность такого оборудования, закупили ещё пару стрелково-тактических тренажеров, потом смонтировали танковые и авиационные симуляторы, которые также стали пользоваться большой популярностью, в том числе и у меня. Кроме того, я продолжал регулярно посещать стрельбище и занятия по рукопашному бою, именно там я познакомился с Катаржиной, она была яркой русофобкой, но исключила меня из своего списка ненависти и мы проводили с ней незабываемые волшебные ночи. Летом 2015 года, в период летних каникул, она, полагая, что является квалифицированным снайпером, решила поехать на, как она выразилась, «донецкое сафари» и попыталась меня уговорить отправиться вместе с ней. В результате мы поссорились, она назвала меня трусом, тряпкой и уехала убивать русских. Возвратилась она через три недели в цинковом гробу. После похорон для меня словно выключился свет и я осознал, что любил её, любил так как никого и никогда уже не смогу полюбить. На несколько месяцев меня накрыла смертельная тоска, трудно описать словами то душевное состояние в котором я находился, каждый миг каждый шаг в этот страшный период сопровождался невероятными душевными муками. Но всё проходит, постепенно прошла и депрессия, лишь в сердце остался уголок тоски, связанный с именем Катаржина, да еще и полное безразличие к собственной жизни. В течении нескольких месяцев я продолжал жить как робот по заранее написанной программе — хорошо учился, ежедневно посещал клуб реконструкторов, где занимался на тренажерах и стрельбище. Затем душевная боль постепенно угасла, но я понимал, что уже никогда не буду так счастлив как ранее. После окончания пятого курса, на меня вышли представители фармацевтической компании, которые предложили мне принять участие в испытании препарата под рабочим названием «Арес», усиливающего боевые возможности человека — выносливость, ловкость, зрение, меткость, скорость реакции, стрессоустойчивость. Со слов господина Джонса, представлявшего интересы фармгиганта, препарат прошел первую стадию испытаний, на которых была доказана его полная безопасность для человека, но те добровольцы, которые приняли участие в этом испытании — обычные люди, ведущие относительно малоподвижный образ жизни, они не подходят для проверки эффективности препарата, для этого нужны люди с хорошей спортивной формой, желательно имеющие военную подготовку, причем испытателей надо не менее тысячи человек. На мой вопрос о военнослужащих он ответил, что правилами НАТО такие эксперименты запрещены. Потому, дескать, он и обратился ко мне, как и многим другим реконструкторам-энтузиастам с предложением принять участие в исследованиях в качестве испытателя, то есть, иными словами Джонс предложил мне стать подопытным кроликом. Мне эта идея не понравилась, но всё же я не стал отказываться сразу, взял время на раздумье и доложил о предложении резиденту, который, проконсультировавшись с центром, рекомендовал мне всё-таки принять участие в экспериментах. После этого в течении полугода мне раз неделю делали инъекцию «Ареса» и проверяли мои боевые качества в спортзале и на стрельбище, а на конспиративной квартире российский медик меня осматривал, брал анализы крови, мочи и снимал энцефалограмму. Примерно с третьего месяца я стал замечать, что у меня растёт реакция, выносливость,

меткость при стрельбе из различных видов оружия, также я стал хорошо видеть ночью, улучшились слух и обоняние. Казалось бы, лекарство доказало свою эффективность, но через полгода после начала испытаний Джонс пригласил меня и сказал, что испытания прекращаются в связи возникновением необъяснимых побочных эффектов. Как следовало из его короткого рассказа, с некоторыми испытуемыми произошли трагические и невероятные происшествия — у одного в спортзале голова лопнула, разлетевшись на куски без всякой причины, три испытуемого сгорели, буквально в течение минуты превратившись в пепел, хотя поблизости не было источников огня, а их одежда осталась целой, ещё трое сошли с ума, а двое так вообще исчезли загадочным образом, хотя, как пояснил Джонс, исчезновения, возможно, и не связаны с приемом препарата. Эта информация подействовала на меня пугающе, тем более, что с этими странными случаями была полная неясность: останется ли опасность после прекращения приема препарата? Джонс тоже не знал ответа на этот вопрос. Но бойся, не бойся, а жить-то надо, вот я и продолжал тянуть слубу разведчика, посещал тренировки, учебные классы, мероприятия в клубе реконструкторов и учебу в университете. Летом 2018 года я защитил диплом, сдал экзамены и получил степень магистра экономики. Мне поступило несколько предложений о трудоустройстве, но решение о моих дальнейших действиях должен был принимать центр, а они с этим почему-то затягивали, только прислали сообщение о присвоении мне очередного звания старший лейтенант (летеху-то мне дали ещё в 2016, когда я степень бакалавра получил), поэтому я все лето отдыхал, да посещал клуб. И вот с парнями из клуба поехал на памятные мероприятия, которые должны были пройти на старой польской границе поблизости от Катовице.

Получается, в своем времени я тоже исчез загадочным образом. Жалко маму, для нее это будет страшным ударом. И жалко меня, так как я, по всей видимости попал в страшную мясорубку первых дней второй мировой войны с перспективой погибнуть за Польшу, в лучшем случае — попасть в лагерь военнопленных лет на шесть с высокими шансами не дожить до освобождения.

Все это я вспоминал, пока шел в строю, а шли мы около часа. По моим прикидкам, сейчас мы должны быть где-то в десяти километрах от границы, поблизости от укрепрайона севернее Катовице. Об этом говорил и приблизившийся звук канонады. Следуя за головой колонны, мы свернули в близлежащий рошу и по команде свалились на землю. Впрочем, сидел я недолго, а, вспомнив, что у меня пустая фляга, спросил капрала, можно ли здесь набрать воды? Унтер глубокомысленно задумался, а один из солдат сказал, что знает где здесь родник и вызвался показать, благо, у него тоже закончилась вода, за нами потянулись ещё с десятков бойцов. Наполнив флягу и вернувшись к месту привала, я перекусил салом с сухарями и с удовольствием растянулся на траве, надеясь отдохнуть, однако вскоре раздалась команда «Строиться!» и мы отправились дальше.

За полчаса мы добрались до линии траншей, расположенных в сотне метров от опушки. Перед нами раскинулось ровное пшеничное поле, противоположный край которого на расстоянии примерно полутора километров от наших позиций терялся в дыму, поднимающемся над горящими спелыми злаками. Оттуда доносился грохот взрывов и частый треск пулеметной и винтовочной стрельбы. После того как Вилковский указал мне мою позицию, я осмотрелся и занялся обустройством, между делом поглядывая по сторонам. Минут за пятнадцать в стене окопа вырыл ступеньку для упора правой ногой, сделал выемки для гранат, замаскировался. Со стороны фронта ситуация практически не менялась, в тылу, в сотне метров от наших траншей спешно разворачивалась батарея противотанковых пушек. Когда я закончил, опять подошёл Вилковский и спросил, умею ли я обращаться с пулеметом? Я соврал, что не обучен — пулеметчик это первейшая цель для противника, по нему будут стрелять все кому не лень — простые пехотинцы, снайпера, танки, а помирать за Польшу мне категорически не хотелось. Однако я со всей прямоотой откровенно признался сам себе, что для простого польского пехотинца, коим я в настоящий момент являлся, вероятность выживания в приграничном сражении под Катовице весьма невелика. Здесь первого сентября 1939 года немцы нанесли основной удар, полностью разгромив противостоящие им польские части. И я, получается, нахожусь где-то на правом фланге наступающей на Ченстохов десятой армии вермахта. Шансы уцелеть, честно выполняя воинский долг, нулевые, в лучшем случае можно раненым попасть в плен. Но я же ведь не поляк и не гражданин Польши, присягу ляхам не давал и перспектива погибнуть за их страну меня совсем не привлекает, поэтому надо уходить. Свалить отсюда по тихому до боя не получится — расстреляют как дезертира, а во время боя придется полагаться только на везение. Главное — точно поймать момент, когда оборона будет уже дезорганизована, но возможность дезертировать ещё будет.

Примерно через час после занятия нами позиций, со стороны фронта из дымного марева стали появляться фигуры солдат, бегущих к нашим окопам. Раздалась звонкая команда: «Не стрелять!». Вскоре стало ясно и причина приказа не открывать огонь — к нам бежали польские бойцы, часть из них были без оружия — эти бежали впереди быстрее всех. Но большинство приближающихся поляков были вооружены винтовками, они, останавливаясь, стреляли назад, в дым, наугад. Также в последних рядах было немало раненых, которым помогали идти сослуживцы. Из наших окопов навстречу им поднялись офицеры и унтера, которые стали останавливать приказами, а зачастую и кулаками безоружных беглецов. Прямо перед моим окопом Митькевич одного за другим кулаками отправил в нокаут троих самых быстроногих безоружных солдат, два раза выстрелил в воздух из нагана, потом с помощью энергичного мата, зуботычин и капралов привел к послушанию полтора десятка рядовых и под командой Вилковского отправил их в траншею. Вскоре в окопы прибыли и солдаты, отходившие последними. Безоружных снабдили оружием, добавив щедрые угрозы расстрелять в случае повторного проявления трусости. Рядом со мной разместили рядового, от которого густо несло свежим дерьмом. Он, сев на дно окопа, тихонько плакал, обняв винтовку. Я сначала пытался не обращать внимания на всхлипы и дурной запах, но потом не выдержал и пнул засранца в бок:

— Хватит выть! Иди почишь штаны и задницу!

Он поднял на меня мутный взгляд и вяло произнес:

— Зачем? Все равно всех убьют.

Я поднял его схватив за грудки и со всей накопившейся злостью прошипел:

— Ага, убьют, только вот я тебя, курва, раньше грохну! Пошел отсюда. — Развернув ушлепка в направлении отнорка с ротным сортиром, придал ему ускорение пинком. Тут и так тошно и страшно, так ещё в окоп нострадамуса обосранного подселили.

Засранец ещё не вернулся, а в траншеях уже раздавались передаваемые по цепи команды:

— Приготовиться к бою! Без команды не стрелять!

Со стороны фронта из дыма стали появляться силуэты немецких танков и бегущей за ними пехоты. Вскоре среди наступающих вспухли высокие султаны взрывов. По окопам пронесся одобрительный шум, солдаты надеялись, что бьющая с закрытых позиций крупнокалиберная батарея сможет остановить наступление. Я же,

посматривая на медленно приближающихся немцев, продолжал с поражающим самого себя спокойствием обдумывать возможные варианты бегства.

Когда, наконец, немцы приблизились на 400 метров, раздалась команда:

— Огонь!

Сзади загрохотали выстрелы противотанковой и полковой артиллерии, вокруг азартно строчили пулеметы и стреляли винтовки. Я тоже внёс свою небольшую лепту. Воевать за Польшу мне совсем неохота, однако, если есть возможность убить немца, то почему бы и нет? Благодаря частым посещениям стрельбища, виртуального тренажера и инъекциям «Ареса» на расстоянии четырехсот метров из пристрелянной винтовки без оптики по неподвижной ростовой мишени я попадал примерно восемь из десяти выстрелов. Здесь у меня винтовка не пристреляна, мишени мало того, что на месте не стоят, так ещё и стреляют, так что шансы на точное попадание у меня несколько ниже. Стараясь сильно не высовываться, я прицелился в далёкий серый силуэт и, задержав дыхание, плавно нажал на спусковой крючок. Винтовка отозвалась оглушающим щелчком выстрела, силуэт упал. Но повода для радости не было — немец рухнул чуть раньше, чем я выстрелил. Либо в него попал кто-нибудь другой, либо он сам бросился на землю, укрываясь от огня обороняющихся. Передергивая затвор, я произвел ещё четыре выстрела, по результатам которых уверенно мог сказать только об одном точном попадании. Перезарядив магазин, я продолжил стрельбу, тщательно выцеливая противника. Окружающие звуки слились в непрекращающийся грохот боя. Стреляли мы, стреляли немцы из всех стволов и орудий, перед окопами вспухали султаны разрывов снарядов, взметались фонтанчики от пуль. Мое самосознание растворилось, я перестал ощущать себя личностью со своим прошлым, желаниями и интересами. Весь смысл моего существования свелся только к прицельной стрельбе здесь и сейчас. Когда у меня кончились патроны, я бросился искать их в траншее, ведь мне надо было стрелять! Тут я с некоторым удивлением обнаружил, что в окопах полно раненых и убитых. Наличие трупов меня даже обрадовало — у них ведь беспрепятственно можно разжиться патронами, чем я и занялся, не обращая внимания на стоны и просьбы о помощи от раненых. Набив карманы и подсумки снаряженными обоймами и рассыпными патронами, я вновь приступил к стрельбе по наступающему врагу. Немцы уже приблизились на двести пятьдесят метров, что привело к повышению точности моих выстрелов. В своем секторе обстрела я выбил единственного офицера, трех унтеров и не менее десятка рядовых пехотинцев. Перезарядив очередной раз магазин, я услышал раздающиеся в окопах неуверенные крики «Ура» и, выглянув из траншеи, посмотрел в сторону немцев. Причина радости однополчан сразу стала понятна. Немцы аккуратно, продолжая обстреливать наши позиции, пятились назад. Перед окопами застыли одиннадцать подбитых танков. Пока фрицы ещё были на приемлемой дистанции, я переместился в траншее правее метров на пятьдесят — здесь с выбором целей было побогаче — и приступил к дальнейшему отстрелу солдат и унтер-офицеров Вермахта, за пару минут записав на свой счёт ещё одного унтера и трёх рядовых. Вскоре немцы вышли из зоны уверенного прицельного поражения и я прекратил стрелять.

— Молодец! Ковальский, ты настоящий герой! — Рядом со мной стоял сержант Митькевич, с воодушевлением хлопнувший меня по плечу, — Я доложу командиру, тебя надо наградить, ты очень метко стреляешь! Вот, кстати, это должно тебе пригодиться! — Он протянул мне винтовку с оптическим прицелом.

— Рад стараться, пан сержант!

— А теперь, давай позаботься о раненых, ты ведь в этом разбираешься?

— Есть!

Взяв снайперскую винтовку, я пошел по траншее в сторону своей первоначальной позиции, погрузившись в свои мысли. А подумать было о чем. То состояние боевого азарта, когда я потерял осторожность и палил по немцам, не думая о собственной безопасности, могло привести к весьма печальным последствиям. Кроме того, совершенно не стоило радоваться отступлению немцев — вскоре они вызовут авиацию, которая смешает с землёй наши позиции, а тех кто выживет после авианалета, добьют артиллерией, а там и танками с пехотой шлифанут. Так что, возвращаемся к составлению планов дезертирства, сейчас это первоочередная задача. Осмотревшись, я увидел, что поляки прямо по полю тащат в тыл раненых. «Хм, а вот и возможность!». Я заметил в окопе раненого бойца, который пытался неумело перебинтовать себе правую руку повыше локтя.

— Давай помогу!

Сев рядом с солдатом, разрезал ему рукав, промыл рану водой из фляги и туго забинтовал, по ходу дела узнав, что его зовут Вацлав.

— Пойдем, я отведу тебя в тыл.

— Да я и сам смогу дойти, попытался тот сорвать мой план бегства.

— Это у тебя шок, в любой момент может ухудшиться состояние, или даже обморок, да и винтовку с вещами надо брать с собой.

После такой убедительной аргументации поляк согласился принять помощь, и я, подхватив его винтовку и ранец, потихоньку повел бойца к лесу, там спросил направление у встречного солдата и вскоре доставил Вацлава

не поляну, где производилось оказание медицинской помощи раненым. К нам подошел поляк, имеющий нарукавную повязку с красным крестом и указал, где разместить Вацлава. Я посадил того на землю, оставил ему винтовку и ранец, а сам пошел по направлению к позициям батальона, но отойдя метров тридцать, изменил направление, двинувшись параллельно фронту в восточном направлении и старательно избегая встреч с польскими военными, благо, что здесь был достаточно густой подлесок. Примерно через десять минут осторожного движения я услышал рев, издаваемый сиренами лаптежников, а затем раздался и грохот взрывов со стороны польских позиций. Теперь я более не скрывался, а, изобразив целеустремленное выражение лица, уверенно шел в выбранном направлении. Встреченные солдаты и офицеры не обращали на меня никакого внимания, было видно, что воинский порядок полностью утрачен — одни солдаты со своими командирами двигались к фронту, другие от него, третьи запрягали лошадей в телеги... Вскоре звуки бомбардировки сменились грохотом артиллерийского обстрела. Времени до появления здесь немецкой пехоты осталось совсем немного, думаю, не более получаса. Вскоре лес закончился и я вышел к грунтовой дороге идущей на северо-восток. На дороге дымились остатки разбомбленной артиллерийской колонны, далее простирались пшеничные поля. Выбора, куда идти было немного: я мог по лесу идти на север или на северо-запад, при этом я окажусь в полосе наступления Вермахта, что приведет в лучшем случае к скорому пленению, или идти по опушке вдоль дороги, но и там встреча с наступающими немцами неизбежна. Поразмыслив, я пошел вдоль дороги, подыскивая возможность скрытного передвижения в восточном направлении. В том же направлении двигались и другие польские солдаты, понявшие, что пришла пора делать ноги, их было немного, в основном это были хмурые одиночки, но были и группы по два-три человека. Пройдя таким образом километра два, я увидел на противоположной стороне просёлка овраг, уходящий в восточном направлении и решил, что это наилучший вариант для спасения. В этом месте на дороге, видимо, недавно разбомбили обоз — вокруг были обломки телег, трупы солдат и лошадей. Здесь я подобрал лежавший рядом с трупом солдатский ранец — мой-то ведь остался в окопе. Вообще, будь запас времени, надо было бы здесь более вдумчиво помародерить, но со стороны оборонительных позиций уже раздавался звук боя — видимо кто-то из защитников Польши всё ещё был жив и героически, но безнадежно сражался с наступающим врагом. Очевидно, что долго сдерживать немцев у них не получится, поэтому, если я хочу выжить и не попасть в плен, мне нужно поскорей отсюда драпать и прятаться. Исходя из этих мыслей, я бегом преодолел двести метров по открытому полю, спустился в овраг, после чего остановился отдышаться и оценить обстановку. Осмотревшись, я заметил, что за мной увязались и другие дезертиры — трое безоружных бежали сразу за мной и уже спустились в овраг. Ещё несколько поляков сюда устало брели по полю. Твою мать! Эти ушлепки мне могут серьезно осложнить скрытное бегство. Однако, никаких вариантов дальнейших действий, кроме как улепетывать дальше по оврагу у меня не было, что я и постарался сделать, хотя передвигаться здесь было довольно трудно. Так как дно оврага заросло густой высокой травой, а бежать по склону довольно проблематично, даже учитывая мои, без ложной скромности, выдающиеся физические кондиции, двигался я со скоростью быстрого шага, матеря про себя поляков с их непроходимыми оврагами, немцев, вдруг решивших, что они самые крутые парни, фармакологов, создавших «Ареса» и самого себя, вляпавшегося в дерьмо по самые уши. Вскоре овраг привел меня к небольшой речушке, берега которой были густо покрыты зарослями кустарника. Поднявшись по склону оврага я осмотрелся. Вермахт уже сломил сопротивление поляков — по дороге, где я еще недавно шел, катили немецкие танки и броневики, а по полю, приближаясь к моему укрытию, цепью шла вражеская пехота. На часах без четверти два, на небе ярко светит сентябрьское солнце, вокруг вьются комары, подыскивая себе местечко для кормления. А из оврага на меня с надеждой смотрят восемь пар глаз, принадлежащих дезертирам, присутствие которых портило все мои планы, так как тащить их за собой — значит полностью забыть о скрытности, но и оторваться от них сейчас нет никакой возможности. Эти полностью деморализованные молодые парни, увидев увереннодвигающегося человека на уровне животных инстинктов почувствовали, что следуя за мной у них есть шанс спастись из этой кошмарной мясорубки. Я спустился вниз, пополнил флягу из бегущего по дну ручейка и обратился к дезертирам:

— Скоро здесь будут немцы, в овраге мы укрыться от них не сможем, поэтому надо перебраться через реку и спрятаться в зарослях, будем надеяться, что они туда не полезут.

После этих слов, я сев на траву, снял с ног армейские ботинки и портянки, связал их, и, перекинув через плечо, пошел босиком в реку. Дойдя до середины, я погрузился в прохладную воду по грудь, через несколько шагов дно стало повышаться, и вскоре я уже пробирался по кустам на противоположном берегу. Все шедшие за мной поляки также переправились через водную преграду и продолжали неотступно следовать за мной. Найдя укромную, закрытую кустами со всех сторон ложбинку, я расположился в ней и приказал своим спутникам:

— Сидим здесь до темноты, не шуметь, костер не разжигать, не курить!

— Дезертиры послушно расселись на земле, а я открыл подобранный на дороге ранец и стал изучать содержимое. Так, что тут у нас? Портянки, отличный нож типа финки, переточенный из маузеровского штыка, неплохо сделано! Опасная бритва сомнительного качества, помазок, небольшой кусок мыла, три пачки сигарет, мешочек с солью, четыре луковицы, нитки, иголки, две обоймы с патронами, два коробка спичек и десяток писем.

Н-да, прямо скажем, негусто, жрать кроме лука нечего, а в желудке тянущая пустота, поэтому попробуем раскулачить поляков:

— Эй, братцы, есть что поесть? Меняю на сигареты и лук! После моих слов один из дезертиров открыл свой рюкзак, порывшись в нем, отрезал кусок сала, отломил краюху белого хлеба и протянул мне:

— На, командир, — затем, взяв от меня пачку сигарет и две луковицы, одну из которых он сразу начал чистить, парень спросил с надеждой и украинским акцентом в голосе, — а дальше что?

— Дальше? — вот как бы им поделикатней рассказать о печальных перспективах? — А дальше ничего хорошего... Вы ведь видели, какую мощь собрали немцы? Сколько танков, самолётов, какая мощь артиллерии? Скорее всего так везде, по всей границе. Скоро они займут всю Польшу, а всех солдат отправят в лагеря. — Как то мрачно у меня получилось, вон парни совсем скисли, плохой из меня утешитель.

— И что же делать? — Это спросил уже другой парень, с отпечатком интеллигентности и хорошего воспитания на лице.

— Ну, я думаю попытаться пробраться до Малопольши, а там по предгорьям Карпат до Румынии, — разумеется, я вам ребятки не могу сказать, что к концу сентября Западная Украина, которую поляки называют Малопольшей, будет полностью занята частями Рабоче-Крестьянской Красной армии, а я сам планирую сдать в плен именно советским властям, — Это сложно и опасно, но других вариантов выжить и остаться свободным я не вижу.

— Как-то быстро ты сдался, а так сразу и не скажешь, что трус! — подал голос ещё один лях, невысокий крепыш с квадратным лицом и голубыми глазами. Его взгляд полон негодования и презрения ко мне, коллега явно не понимает как смешно он выглядит со стороны. Дать бы ему в морду, да нельзя шуметь.

— А что ж ты, такой смелый, не остался там, в окопах, а сбежал, бросив оружие? — мой оппонент нахмурился и опустил взгляд, — Давайте не будем тут обсуждать, у кого дерьмо лучше пахнет, пан спросил, что дальше, я ответил, с собой никого не зову, каждый может идти куда хочет, но давайте, дождемся темноты, а теперь если позволите, я перекушу, не отвлекаясь на болтовню, — с этими словами я с аппетитом вонзил зубы в кусок сала. Мои спутники также приступили к трапезе, у двоих еды не было, но они совершили по моему примеру взаимовыгодные обмены и тоже не остались голодными.

Поев, я устроился поудобней и погрузился в свои мысли. Необходимо было ответить на два традиционных вопроса: кто виноват? И что теперь делать? Ну, с первым вопросом все понятно — во всем этом малоприятном блудняке виноват я сам и создатели «Ареса». Нечего было подписываться на должность подопытного кролика, мог отказаться и даже не ставить центр в известность, у меня там были совсем другие задачи. Да и вообще, зря я тогда поехал в Россию служить срочную, зря потом на службу в ГРУ согласился. Да, сейчас с высоты нажитого с тех пор опыта и ума видно, каким я был идиотом. И совершение одной ошибки тянуло за собой следующую до тех пор, пока я не оказался здесь. Тут ещё возникает сопутствующий вопрос — а могу ли я вернуться обратно? Что для этого нужно сделать? Может достаточно просто захотеть? Я, не переставая жевать, сформулировал желание возвратится в 2018 год и сосредоточился на нём, постаравшись освободиться от посторонних мыслей. Но ничего не произошло, я все также сидел в зарослях кустарника в окружении дезертиров. Не прокатило. Может надо напиться до усачки? Тоже вариант, проверить эту идею достаточно просто, но в настоящий момент невыполнимо — попросту нет выпивки. Тогда переходим ко второму традиционному вопросу: что делать? Однозначно, из Польши надо валить, это не обсуждается, но куда? Казалось бы, наилучший вариант это СССР, но... тут возникает много вопросов. Кем мне там представляться? У меня документы польского рядового Анджея Ковальского. Причем документы железобетонные. В Варшавском клубе реконструкторов, в котором я волею пославших меня командиров имел честь состоять, была мода на аутентичные документы, вот и я, имея задание стать в доску своим членом клуба, приобрел такие документы, причем пан Новак, занимающийся этим бизнесом, нашел в оцифрованных армейских архивах Войска Польского сотню внешне похожих на меня солдат, среди которых мы с некоторым удивлением обнаружили и Анджея Ковальского, который был по происхождению русским, и до мобилизации звался Андрей Иванович Ковалев. Этот Ковалев-Ковальский был потомком русского железнодорожного рабочего, переселившегося в Варшаву ещё 1908 году. Кстати, к солдатской книжке производства «Новак энд Компани» прилагалась ещё и копия автобиографии из личного дела. Это была довольно дорогая услуга, но платило родное государство, поэтому я не экономил. Так что с документами и легендой у меня все в порядке, если глубоко не копать. Тем более, что родители того Ковалева к 1939 году уже переправились в мир иной. Наличие документов и легенды никак не гарантировало положительного обращения со стороны советских властей, однако, насколько мне было известно, советы часть польских военнопленных отпустили, хотя это относилось в основном к жителям Западных Украины и Белоруссии, но я-то как бы житель Варшавы, да ещё и непонятно как отнесутся к тому что я русский? Мысль о том, чтобы представиться пришельцем из будущего я отмел сразу. Если не посадят в психушку, то засунут в клетку и хорошо если золотую. Хотя психушки, скорее всего, я смогу избежать, ведь у меня есть доказательства моего иновременного происхождения — хотя все документы и

гаджеты двадцать первого века остались в моем ранце в ТОМ времени, все же у меня при себе был один высокотехнологичный артефакт — мои часы. Внешне они были сделаны под дизайн середины двадцатого века, но внутри стоял электронно-кварцевый механизм китайского производства, поэтому я мог бы предъявить часы в качестве доказательства своего иновременного происхождения, но тогда однозначно окажусь в клетке, а это не есть хорошо... И вообще надо бы от часов избавиться. Так что с СССР все непонятно и непредсказуемо. Есть ещё вариант, который я уже озвучил — уйти в Румынию, а там попытаться добраться до США, потому как оставаться в Европе — это все равно либо погибнуть, либо попасть в лагерь военнопленных. Но мною США за годы работы в разведке уже, что называется, на уровне подкорки воспринимаются не иначе как непримиримый враг. Вот и получается, что надо выбирать меньшее из зол. Поразмыслив, я всё-таки решил пробираться в СССР и сдаваться под видом Ковалева Андрея Ивановича, надеясь на лучшее.

Приняв решение, я окинул взглядом расположившихся вокруг спутников. Тот парень, что поделился со мной пищей, сидел в компании ещё двоих беглецов и тихонечко с ними разговаривал, прислушавшись, я понял, что эти трое — украинцы. Остальные дезертиры это также уже поняли и настороженно косились в их сторону. Всё-таки и в это время существовала межнациональная неприязнь. Я устроился ещё поудобней, обнял крепче винтовку и задремал.

Проснувшись от холода, я обнаружил, что вокруг уже темно, и, посмотрев на часы, был слегка шокирован: полдвенадцатого ночи! Вот это вздремнул! Хотя ничего удивительного — сегодня я основательно вымотался. Тихонько осмотревшись по сторонам, я с удовлетворением обнаружил, что мои спутники дрыхнут в полном составе. Грех не воспользоваться удобным моментом для исчезновения, поэтому, стараясь не шуметь, я поднялся и, крадучись, стал медленно удаляться от лежки дезертиров. Отойдя метров на двадцать, я прислушался: тишина, лишь слабый ветер шуршит в верхушках деревьев. Мои бывшие случайные спутники спят как младенцы! Ну и... приятных сновидений!

Вскоре я выбрался из зарослей на открытое пространство, немного постоял, ориентируясь на местности и пошел вдоль речки вниз по течению. Ещё днём я заметил в том направлении небольшое село, к которому сейчас и двигался. Через полчаса неспешной ходьбы я приблизился к околице. На въезде уже был выставлен немецкий пост, но я пошел по задам, прислушиваясь к звукам, доносящийся из села. Кроме сверчков ничего не было слышно, даже собаки не брехали, видимо немцы уже всех четвероногих друзей поляков перестреляли. Приглядев огород с невысоким забором, я перемахнул через ограду, тихо посидел пару минут, а потом стал аккуратненько копать картошку малой лопаткой, которая у меня так и висела в чехле на поясе. Выбрал клубни покрупнее, запихнул их в ранец, сорвал десяток огурцов, вырвал пяток луковиц и удалился по английски, не прощаясь. Далее я развернул свои стопы на восток и через четыре часа ночного одиночного марша, набрёл на достаточно крупный лесной массив и решил в нём переждать день. Забравшись поглубже в лес, я выкопал ямку, развел в ней костер, который позволил мне согреться — в начале сентября даже на юге Польши по ночам уже довольно прохладно, а меня нет ни шинели, ни хотя бы плащ-палатки. Дождавшись, когда прогорит костер, я запек картошку и перекусил. Тем временем стало светать и я аккуратно, с максимальной скрытностью обследовал округу. Результат меня порадовал — поблизости не было ни немцев, ни поляков.

Дальше идти на восток сейчас не было смысла, так как к востоку и юго-востоку от ченстоховского прорыва стояла польская армия «Краков», которая получила приказ отступать только вечером второго числа и в течении третьего-четвертого сентября отводила свои войска по направлению к Висле. Поэтому, если я сегодня пойду в том же направлении, то велик риск нарваться на польские части, после чего меня, в лучшем случае включат в состав какой-нибудь пехотной роты, а в худшем расстреляют за дезертирство, так что сегодня весь день и ночь отдыхаю в лесу, а завтра, медленно и скрытно двигаюсь дальше на восток!

Как задумал, так и сделал. Нашел в лесу укромное место, защищенное со всех сторон кустарником и устроился там, вновь осмысливая окружающую меня до сумасшествия невероятную действительность и вспоминая своё и недавнее и такое сейчас далекое прошлое. Так вот о прошлом...

Я уже говорил о том, что когда погибла Катаржина, я впал в глубокую депрессию. Центру, а соответственно и резиденту было известно и о постигшей меня утрате, и о моём психологическом состоянии, поэтому меня не трогали, не вызывали на встречи, по секретной связи не ставили никаких задач. Внеплановый отпуск по семейным обстоятельствам. Вполне вероятно, они опасались, что я могу переметнуться. Даже допускаю, что рассматривался вопрос о моей ликвидации. Что поделать, таковы будни невидимого фронта. Однако месяца через четыре меланхолия постепенно стала отступать, и именно тогда резидент вызвал меня на конспиративную квартиру. Явившись на встречу точно в указанное время, я поздоровался с Виктором Михайловичем и сел напротив него в глубокое кресло с синей велюровой обивкой. Тот не стал тянуть время, а сразу после приветствия толкнул по столу ко мне конверт, в котором я обнаружил фотографию Сашко Горбенко по кличке «Мейджик». Там же лежал лист с подробным описанием его внешности, адреса проживания, часто посещаемых мест и круга общения. Всё что там написано мне было прекрасно известно, мало того, именно я и собирал эту информацию для центра. Мейджик был

координатором украинских националистов в Варшаве. В том смысле, что круг его задач не распространялся на всю Польшу, нет, в его обязанности входила работа только по городу, и, кроме прочего, он осуществлял взаимодействие укронацистского сообщества с варшавским клубом реконструкторов, в связи с чем он и попал в моё поле зрения.

Изучив содержимое конверта и убедившись, что ничего нового там нет, я вопросительно посмотрел на резидента, давая понять, что готов слушать.

— Мы изучили ситуацию по Катаржине Новицкой. И вот что я тебе должен сказать, Андрей, — Виктор Михайлович прямо смотрел мне в глаза своим стальным взглядом опытного разведчика, — тогда дэнээровцы получили информацию, что на той точке, где была Катаржина, будет работать шведский снайпер, известный под кличкой Адильс, успевший немало крови пустить ополченцам. Вот они и направили туда лучшую противоснайперскую группу. И есть все основания полагать, что информацию слил именно Мейджик. Он как раз координировал работу отряда польских снайперов-отпускников на передовой.

Резидент несколько минут помолчал, давая возможность мне переварить услышанное и продолжил:

Если ты захочешь разобраться, то центр возражать не будет. Но сделать надо все чисто и, по возможности, получить информацию интересную для конторы.

— Понятно. — Я встал из-за стола и направился на выход, оставив конверт на столе.

Не прошло и двух недель, как я во всем разобрался. Виктор Михайлович оказался прав. Именно Мейджик и подставил Катаржину, обидевшись на неё за отказ переспать с ним. Как Сашко поведал мне незадолго до своей смерти, он и завербовал-то в снайперский отряд её исключительно для того, чтобы она согревала ему постель в полевом лагере под Авдеевкой. Мерзавец. Кроме этого признания я получил от Мейджика достаточно много ценной разведывательной информации и выгреб у него из сейфа почти сотню тысяч долларов в различных валютах. Убил я его легко, ножом в сердце — и готово, хотя хотелось кожу содрать с живого. Хотя это и был первый жмур на моей совести, но никаких рефлексий или тошноты я при этом не испытывал — как таракана раздавил. Лишь сожаление, что он так легко отделался. Убийство я замаскировал под ограбление со стороны его коллег — нацистов, добытую информацию отдал резиденту, а деньги оставил себе, получив хоть какую-то финансовую независимость от центра. После успешной ликвидации мое психологическое состояние значительно улучшилось, черная тоска отступила в глубины души, и я вернулся к почти полноценной жизни. Однако после этой трагической истории я стал избегать долговременных отношений с девушками и довольно пренебрежительно относился к сохранности собственной жизни и здоровья. Результатом этой ликвидации стало ещё то, что по всей видимости качество исполнения акции моему руководству понравилось и в последствии мне не раз приходилось выполнять подобные задачи по всему миру.

* * *

До того, как я поступил в Варшавский университет, в моей жизни была только одна женщина — Ольга, она была красива, умна, великолепна в постели и старше меня на десять лет. Когда я уехал в Польшу и стал студентом, наши отношения закономерно прекратились, номер телефона она поменяла, а аккаунтов в соцсетях у Оли не было. На первом курсе университета, как и большинство студентов, я вел довольно разгульный образ жизни, были и многочисленные мимолетные постельные знакомства, но ни одной девушки, которая бы, как говорится «зацепила бы», мне не встретилось. Все девушки, с которыми мне довелось тогда общаться, казались мне какими-то пресными, легкомысленными. И чем ближе было к окончанию курса, тем сильнее я желал вернуться в Тюмень, найти Ольгу и провести с ней лето, если не лето, то хотя бы неделю, ночь, час. И вообще у меня были мысли уйти из Варшавского университета и поступить на учебу в Тюменский ВУЗ, чтобы быть рядом с Ольгой (ну да, я был молодой и глупый, а о женщинах думал намного чаще чем об учебе). Поэтому, лишь только сдав последний экзамен, я в тот же день рванул в аэропорт и прямым чартером вылетел в свой родной город. Однако в Тюмени меня ждало разочарование. Оля ведь не только сменила номер телефона, она продала квартиру и растворилась на просторах России. По вполне понятным причинам, мы скрывали нашу связь от окружающих и я не знал ничего об ее родственниках и друзьях. Её исчезновение стало для меня тяжелым ударом. Все мечты о нежных постельных ласках рухнули как картонный домик. Но родное государство позаботилось обо мне и не дало долго горевать. Уже через четыре дня после приезда домой, ко мне в гости заявился подтянутый, благоухающий перегаром старлей из военкомата и под роспись вручил повестку на прохождение призывной медицинской комиссии. Как оказалось, обучение в зарубежном университете не давало права на отсрочку от воинской службы, а после вручения повестки, мои данные вносятся в стоп-лист погранслужбы, чтобы я не смог сбежать за границу от выполнения почетной обязанности. (Ну да, затупил красиво).

А через десять дней я уже маршировал строевым шагом по плацу воинской части под Екатеринбургом и зубрил уставы Вооруженных сил Российской Федерации. После довольно короткого курса молодого бойца, меня, как я уже писал выше, отправили служить водителем грузовика. Воинские грузы приходилось возить довольно далеко, обычно поездка длилась несколько часов. Ну и как тут не разговориться с прапорщиком Петровым, если сидишь целый день за рулем, а он такой общительный и дружелюбный? Вот так, в ходе длительных дорожных

задушевных бесед меня и завербовали.

В полдень третьего сентября одна тысяча девятьсот тридцать девятого года, хорошо отдохнув, я покинул стоянку и двинулся в сторону Львова. Три часа я пробирался по лесу, периодически останавливаясь, прислушиваясь и пригнувшись к окружающей дикой природе. Затем я вышел на опушку, за которой простиралось широкое поле. Чтобы получше осмотреться, я залез на дерево и принялся осматривать округу в оптический прицел. За полем было довольно большое село дворов сотни на две с древним костелом посередине. Над дорогой за селом плотной стеной стояла дорожная пыль из-за которой ничего не было видно. Я решил, что это уходят поляки, немцев здесь пока ещё не должно быть. Так что придется ещё задержаться. На дереве мне удалось довольно удобно устроиться и я просидел там до вечера, поглядывая по сторонам. Когда стемнело я направился к селу, намереваясь разжиться картошкой по уже опробованному ранее сценарию. Но здесь собаки были начеку и подняли лай издали, поэтому, обломавшись с харчами, я пошел в обход села, ну а дальше — на юго-восток. Карты у меня, разумеется, не было, но географию Польши я знал неплохо. По моим прикидкам, я находился северо-западнее Кракова в сорока-пятидесяти километрах. Если раньше я старался идти строго на восток, ориентируясь по Солнцу и звёздам, опасаясь наткнуться на наступающих немцев, то сейчас несколько сменил направление, чтобы переправиться через Вислу западнее Кракова и обойти его с юга. Это было необходимо, так как севернее местность густонаселенная, а лесов практически нет. Над головой раскинулось звёздное небо, в котором над ковшем Малой Медведицы сияла путеводная Полярная звезда, под ногами шелестела спелая пшеница... Кстати! Пограбить огороды не получилось, а у меня есть уже почти нечего — осталось четыре печёных картофелины, да три луковицы, поэтому я замедлил движение и стал срывать колосья, запихивая их в карманы — хоть какие-то калории. В моей ситуации и это — ценность. Сколько я прошел за эту ночь? Трудно сказать. Всего я шел восемь часов с небольшим без привала, утоляя голод пережевыванием зёрен пшеницы. Двигаясь пешком по прямой ровной дороге за это время у меня бы получилось пройти километров сорок, но я шел по пересечённой местности, мне пришлось переходить вброд ручьи, перебираться через овраги, обходить рощи и деревни. Поэтому, в четыре часа утра, поразмыслив, я записал на свой счёт пятнадцать километров и задумался о расположении на дневку. В пределах обзора не наблюдалось лесных массивов, которые я считал оптимальным укрытием от посторонних глаз. Недавно я обогнул берёзовую рощу, но она не могла служить надёжным укрытием для спящего беззащитного человека. Пройдя ещё полчаса, я вышел к заросшей кустарником балке, по дну которой струился небольшой ручеек. За неимением лучшего, я решил остаться здесь. Забравшись в заросли ивняка я доел печеную картошку с луком и уснул. Разбудил меня звук приближающихся моторов. Подхватив винтовку я поднялся по склону и выглянул из укрытия, пряча голову за кустами. Оказывается, с другой стороны балки к ней подходила грунтовая дорога, по которой сейчас приближались гитлеровцы на мотоциклах. Четыре немца на двух «Цундапах». Больше фрицев поблизости видно не было, но километрах в пяти к северо-западу поднималась стена дорожной пыли четко показывающая место движения воинской колонны, скорее всего, немецкой. После короткого раздумья, чтобы в случае возможного боя иметь тактически более выгодное положение, я с точки наблюдения перебрался на другую сторону балки, ближнюю к приближающимся фрицам. Мотоциклисты остановились в сотне метров от моего укрытия, потом один мотоцикл остался на месте, при этом пулеметчик в коляске привел в готовность пулемет, направленный в сторону балки. Второй мотоцикл подъехал ближе. Здесь пулемета в коляске не было, однако оба немца были вооружены автоматами (разумеется, если говорить правильно, то пистолет-пулеметами МП-38, но «автомат» звучит как-то привычнее). Они слезли с мотоцикла и короткими очередями причесали кусты, растущие у края балки, я едва успел спрятаться за склоном. Какого хрена? Откуда они знают, что я здесь? Эти вопросы только пронеслись в моем сознании, как я сразу получил исчерпывающий ответ: из балки раздались винтовочные выстрелы. Стрелявшие находились правее меня в сотне метров. Пулеметчик отреагировал молниеносно — длинная очередь косою прошлась по кустам, откуда раздавалась стрельба. Автоматчики тоже не медлили — упав на землю, они бросили гранаты. Прятаться больше смысла не было, и я проделал трюк, который мне приходилось частенько выполнять на тренажёрах: бросив в сторону автоматчиков лимонку, успел выстрелить в пулемётчика, спрятался от осколков своей же гранаты, потом сменил позицию, подстрелил автоматчиков, которые хоть и не пострадали от взрыва лимонки, но были дезориентированы, поэтому падали наугад. Теперь из врагов невредимым оставался только мотоциклист, который занял позицию лёжа за мотоциклом, у него на вооружении также был автомат, из которого он посылал короткие очереди в моем направлении. Со стороны соседей выстрелов больше не было, зато раздавались стоны и рыдания. Сменив в очередной раз позицию, я, наконец, достал и последнего мотоциклиста. Потом, пополнив магазин, для надёжности добавил каждому из немцев по одной пуле и крикнул в сторону предполагаемых союзников:

— Эй, панове, есть там кто живой?

Мне из оврага ответили с отчётливым украинским акцентом:

— Да, дякуем, пан!

В прошлой, уже такой далекой жизни, моя разведдеятельность в Варшаве в значительной мере была

направлена на сбор информации об украинских националистах, и я начал учить украинский язык ещё в разведшколе, продолжил в Польше, постоянно повышая свой уровень. Поэтому сейчас я без проблем перешёл на мову:

— Сейчас один из наших выйдет, не стреляйте, — пока нечего им знать, что я один, так будет безопаснее.

— Ни, не будем!

После этих заверений я поднялся из балки и, стараясь держать в поле зрения всех поверженных противников, двинулся к мотоциклам. Подойдя, я осмотрел трупы, и убедился в точности своих попаданий, затем, закинув винтовку за спину, направился в сторону предполагаемых временных союзников. Мне навстречу поднялся рядовой польской армии, который протянул мне руку и одновременно с крепким рукопожатием представился:

— Михаил.

Вместо того, чтобы назвать свое имя, я удивлённо переспросил:

— Ты что, русский?

Наполовину, но в семье у нас говорят по-русски, я из Ровно.

— Ну, тогда я Андрей, русский из Варшавы... кто там плачет?

— Это Иванко, у нас Миколу убило, а они друзья были, — понуро ответил мой собеседник.

— Сколько вас?

— Шестеро... — быстро ответил он, но сразу же поправился, — Уже пять.

Я махнул рукой в сторону поднимавшейся над дорогой пыли:

— Это немецкая колонна, надо уходить, у вас кто-то умеет на мотоцикле?

Михаил растерянно посмотрел туда, где по моему утверждению были немцы и недоверчиво переспросил:

— Немцы? Как? Они же с юга были?

— Прорвались под Катовице и обошли, с их мощью и техникой это не сложно... ну, так что с мотоциклистом?

Мой собеседник заковыристо выругался и махнул в сторону балки:

— Айда спросим!

Подойдя за ним к краю, я увидел на пологом склоне довольно печальную картину: один боец, сидя обнимал труп солдата, и что-то причитал, раскачиваясь взад-вперед. Другой стонал, зажав рукой окровавленное правое плечо, третий, имевший характерную еврейскую внешность, перевязывал ногу четвертому. Тем временем Михаил спросил по-русски:

— Боря, ты умеешь ездить на мотоцикле?

Еврей кивнул, не переставая перевязывать ногу, и ответил (по-русски, с еврейским акцентом):

— Да, у дяди Якуба есть мотоцикл, он мне давал покататься!

— Отлично! — я решил незамедлительно взять командование на себя, — давай Боря, быстрее заканчивай с перевязками, а мы с Мишей пока осмотрим мотоциклы и соберём трофеи!

Так как возражений не поступило, мы приступили к делу: я коротко объяснил коллеге-мародеру, что нужно делать, и отправил его к ближнему мотоциклу, а сам прошел к дальнему, где быстро опустошил карманы и снял ремни с подсумками с обоих трупов, закинул трофеи в коляску, завел мотоцикл и подогнал его поближе, проверил уровень топлива, оттащил мертвяков к балке и сбросил их со склона, Миша тоже быстро разобрался со своими трупами, а я завел второй мотоцикл и громко скомандовал:

— Панове, время не ждёт, уходим!

— В ответ из балки раздался истерический крик:

— Миколу надо похоронить!

— Быстрее по местам! Если задержимся, здесь всех нас похоронят, немцы цацкаться не будут!

Из балки раздалась звуки пощёчин и реплика Михаила:

— Пошли, Иванко, надо спасаться!

Вскоре все поднялись из балки: Миша тащил за шкуру Иванко, Боря помогал идти раненому в ногу, второй раненый со свежей повязкой на плече шел сам. Быстро разместившись, мы поехали по дороге прочь от приближающихся немцев. Через двадцать минут грунтовка вывела нас к небольшой речушке, через которую был перекинут деревянный мост. Здесь я остановился, достал из коляски канистру и вылил на сухие доски литров пять бензина, после чего отойдя, бросил спичку и мы продолжили движение. Ещё через полчаса мы подъехали к лесу, дорога теперь шла под кронами вековых дубов, а с обеих сторон дороги стеной стоял густой подлесок. Однако вскоре я нашел подходящую тропу, по которой мы съехали с дороги, после чего, остановившись, я наломал веток и, вернувшись к дороге, замел следы. По выбранной тропе получилось углубиться в лес километра на два, а затем мы упёрлись в заросли, непреодолимые для мотоциклов. Я заглушил двигатель и сделал знак Боре, чтобы он тоже остановился.

— Все! Здесь и расположимся! Боря, ты разбираешься в медицине?

— Так, немного...я год при полковом госпитале санитаром служил, кое чему научился.

— Вот и хорошо, я так понимаю, ты их просто перевязал, теперь надо обработать раны более качественно. В немецких ранцах есть индивидуальные перевязочные пакеты, а это, — я вытащил из коляски бутылку, — Шнапс — анестезия и антисептик в одном флаконе!

Отдав бутылку Борису, я приступил к ревизии трофеев. Первым делом прицепил на пояс кобуру с «люгером», ранее принадлежавшим убитому мной унтеру (он управлял «дальним» мотоциклом), потом взялся за карту, принадлежавшую ему же.

Наконец-то я смог точно определить наше местоположение. До Кракова по прямой было двадцать километров, до Вислы — три, причем, что немаловажно, лес, в котором мы сейчас находились, выходил прямо к берегу реки. Ладно, подробнее карты будем изучать позже, что тут у нас ещё есть? Ого, кроме обязательного НЗ в ранцах, в коляске нашелся мешок, в котором лежали четыре увесистые палки копчёной колбасы, литровая бутылка с молоком и два каравай свежего хлеба. Вот ведь немчура проклятая — успевают и наступать с высокой скоростью, и дополнительным рационом разжиться у поляков! В коляске второго мотоцикла так же обнаружили продукты — десять банок свиной тушёнки и пара килограммов перловой крупы и самое главное — молотый кофе и кусковой сахар. Хорошо запаслись ребята, молодцы! Так, со жратвой всё, теперь что с оружием? Подумав, я сунул себе в ранец и второй «люгер», тот который был у пулемётчика, а автоматы решил все раздать своим новым спутникам. Кстати, что там с парнями? Ага, Борис уже зашивает тихо скулящему товарищу рану на ноге, раненый в плечо провалился спиной к дереву и бездумно смотрит в даль. Михаил вскрыл НЗ и уплетает холодную тушёнку вместе с Иванко, который судя по всему, хорошо хлебнул шнапса с горя. Глядя на них, я тоже ощутил голод, но всё-таки холодное есть не хотелось, поэтому быстро собрал сухой хворост и разжёг бездымный костерок. Сыпанул в немецкий котелок кофе, бросил сахар, налил туда литр воды из фляжки и пристроил посудину над огнем с помощью двух рогаток и шомпола в качестве перекладки. Потом отрезал от палки колбасы четыре куска, нанизал их на ветку и стал греть над огнем. Когда с колбасы начал капать жир, я позвал Борю, как раз закончившего заниматься ногой моего товарища. Тот расположился рядом, за ним подтянулись и оба раненых, а я отломил ветку с одним куском, оставив его себе, а три протянул спутникам, затем отрезал и раздал по куску хлеба. Мы молча за пять минут умяли по одной порции, потом повторили, тут и кофе подоспел — его пили уже все, включая Иванко.

На сытый желудок за кружечкой кофе меня потянуло за разговоры:

— Борь, а ты откуда?

— Из Ровно, мы все оттуда, с Мишей я ещё там был знаком, мы ведь из самого города, а с остальными я уже в армии познакомился, они из близлежащих сел, мы все в одном полку служим... м-мм, служили... Там и подружились, поляки ведь, что украинцев, что русских, что евреев одинаково презирают... А ты русский?

— Ага, русский из Варшавы, но когда меня забирали в армию, в документах имя и фамилию по польским правилам записали, был Андрей, стал Анджей, а польский я не хуже русского знаю, так что у меня никаких проблем не было.

— А нас постоянно в самые тяжёлые наряды ставили, солдаты оскорбляли по-всякому, бывало, что еду отбирали, драться часто приходилось, потом мы всегда виноватыми оставались, — он нахмурился от неприятных воспоминаний, немного помолчал, и спросил с надеждой в голосе:

— А что дальше?

— Ты мне сначала скажи, как Вы в той балке оказались?

— Первого числа немцы с утра сунулись к нашим позициям, но их отогнали артиллерией, мы даже ни разу не выстрелили, потом два дня они нас только обстреливали из минометов, да один раз бомбили, больше наступать не пытались. Офицеры нам говорили, что скоро мы сами будем наступать и всех немцев перебьем, но вчера вечером дали команду сниматься с позиций и отступать, мы поговорили друг с другом, нам было страшно после постоянных обстрелов, за Польшу умирать и воевать не хотелось, и мы решили сбежать. Марш проходил ночью, уже ближе к утру у нас получилось отстать от колонны.

— А где вы шли?

— Наш полк двигался южнее Вислы по дороге вдоль реки на восток к Кракову, а мы от дороги пошли к реке, там у деревеньки отвязали лодку и переправились, дальше пошли по той же дороге, по которой потом обратно ехали с тобой, потом, когда уже стало светать, набрали на ту балку, и легли там спать, днём проснулись и пошли дальше по просёлку, но, увидев вдалеке мотоциклистов, вернулись назад и спрятались в балке, но они нас тоже, отказывается, заметили... Мы думали это поляки, не ожидали, что здесь будут немцы.

Слушая этот незатейливый рассказ, мне так и хотелось воскликнуть: «Идиоты! Вам крупно повезло, что Вы ещё живы!» Но я сдержал этот идущий из глубины души крик, и помолчал, произнес:

— Вот ты спрашивал, что дальше? Так вот, слушай, сейчас ты обработаешь рану у...

— Василя, — ответил на немой вопрос Боря.

— Обработаешь рану у Василя, потом я до темноты буду вас инструктировать, что нужно и что нельзя делать, чтобы выжить в этой кутерьме, а когда стемнеет, я уйду.

Посмотрев на вытянувшиеся от изумления лица своих спутников, я продолжил:

— Что думали, я с Вами нянчиться должен? Это с какой стати? И так вашими стараниями едва в дерьмо не влип! Тем более, что у вас товарищ с раной ноги должен отлежаться не меньше недели. Так что хватит болтовни, Боря, ты давай займись раной, а вы слушайте...

— Следующие четыре часа я сортировал трофеи, раздумывая, что беру, а что — оставляю парням, и одновременно с этим подробно инструктировал парней:

— Зарубите себе на носу — днём сидите в укромном месте и не отвешивайте, в смысле, максимально незаметно!..

Продукты покупаете в домах со средним достатком, как стемнеет, после длительного наблюдения, — далее шла подробное описание тактики, как подготовиться ко входу в деревню, как правильно подойти к дому, как уходить...

— Не вздумайте угрожать оружием и грабить, денег с немцев должно хватить на дорогу, вон и марки есть и злотых они успели немало за пару дней награть. Сначала предлагайте золотые, если не возьмут, тогда марки...

— А почему сначала золотые? — Влез Иванко с тупым вопросом.

— Да потому, что злотый уже фактически макулатура, но кто-то ещё может их взять, не жалеете их, в смысле, золотые не жалеете, и вообще, не задавайте глупых вопросов, а мотайте на ус, что я говорю!..

— А если Польша победит?

— Без шансов! Если бы вы видели какая у немцев собрана силища под Катовице, вы бы таких вопросов не задавали...

— Я так думаю, что СССР не будет спокойно смотреть, как немцы Польшу занимают и какой-никакой кусок попробует себе прибрать, а Ровно ведь рядом с советской границей, но для вас это и к лучшему, вы ведь все рабоче-крестьянского происхождения, — посмотрев на Борю, я поправился, — Ну, почти все! Немцы, если вас поймут, то либо расстреляют, либо в лагерь отправят, а русские, скорее всего по домам отпустят...

Когда начали сгущаться сумерки, я закинул на спину плотно набитый ранец, поправил немецкий ремень с португеей, плотно обвешанный полными подсумками, перекинул через одно плечо скатку, сделанную из немецкой шинели, на другом плече повисла снайперская винтовка, затем быстро попрощался с парнями и скрылся в лесных зарослях. Отойдя шагов двести, прислушался к себе — нет, совесть не мучает! Они взрослые люди, солдаты, а я им не мама Чоли. И так, со спокойной совестью, продолжил свой путь.

Выйдя в темноте к Висле, по карте нашел небольшую прибрежную деревеньку, в которой, судя по раскатистому перелая, ещё не было немцев, перерезал веревку-швартов небольшой лодки, и переправился через реку, используя в качестве шеста заранее приготовленный трёхметровый ствол рябины. На середине реки я выбросил свои электронно-кварцевые часы — последнее вещественное напоминание о моей прошлой жизни и надел часы, снятые с немецкого унтера. Потом был марш до утра и дневка в заросшей кустарником ложбине. Здесь, в отличии от левого берега Вислы, была холмистая местность предгорий Татр, из-за чего скорость движения снизилась, но было больше возможностей спрятаться. Остановился я вблизи от небольшой деревеньки, поэтому, выспавшись, поднялся на холм, замаскировался в кустах и стал наблюдать за неспешной деревенской жизнью в монокуляр, который сделал из трофейного бинокля (одну половинку бинокля оставил парням, другую взял себе). Мне необходимо было пополнить продовольственный запас, так как почти все продукты я оставил парням. Наблюдение показало, что немцы сюда пока не добрались. Присмотрев на окраине дом среднего уровня достатка, я дождался начала сумерек и направился к нему со стороны огорода. Стоило только мне перемахнуть через забор, как дворовый пёс поднял своим лаем полдеревни, скрытности не получилось. Хозяин, выйдя во двор, грозно крикнул:

— Кто здесь!? А ну, выходи!

— Не бойтесь, я солдат польской армии! — я постарался изобразить голосом максимум дружелюбия.

— Ну иди сюда, солдат, посмотрю на тебя! Цыц, Коста! — после окрика пёс умолк и я через калитку вышел во двор. Там стоял крепкий мужик лет сорока с топором в руке.

— Хм, и правду солдат! Что же ты как вор крадешься ночью через огород?

— Немцев опасаюсь, у вас в деревне их нет?

— Э-эх, что же ты за солдат, что от врага на нашу землю напавшего, во тьме прячешься?

— Слушай, мужик, не надо тут меня стыдить, я воевал как мог, наш взвод прикрывал отход полка и выполнил приказ ценой многих жизней, вот смотри, пистолет с убитого мной немецкого офицера снят, — я похлопал по кобуре «люгера» — А сейчас мы, согласно приказу, идём в пункт сбора, и не спрашивай меня, почему отступаем, сам ничего не понимаю, нам перед войной все по другому говорили, но я простой солдат...

Выслушав мою тираду, поляк грустно покачал головой:

— Ну, а от меня-то, что тебе надо?

— Еда у нас кончилась, я заплачу!

— Ну, раз заплатишь...

Через полчаса, отдав, не торгуясь, сорок пять злотых, я также задами ушел из деревни с увесистым мешком за спиной и, отойдя за холм, с удовольствием подкрепился домашней снедью, а затем продолжил в ночи свой нелегкий путь дезертира.

* * *

— Н-да, шансов мало... — полушепотом сообщил я сам себе очевидный факт. Я сидел на ветках растущего на опушке леса дерева и разглядывал в монокуляр крупное польское село. Сегодня было седьмое сентября, я находился ориентировочно в пяти-шести километрах юго-восточнее Бохни (точнее я не мог определиться, так как военная километровая карта, которую я затрофеил у застреленного мной немецкого унтера, была на востоке ограничена Краковом). У меня осталось припасов примерно на один день и здесь я надеялся пополнить свой продовольственный резерв, чтобы потом, в случае чего, не бродить по местным холмам на пустой желудок. Но, буквально полчаса назад, прямо на моих глазах в село вошёл крупный отряд немцев, имевший в своем составе пять танков (четыре двойки плюс одна четверка) и около сотни штыков мотопехоты на пяти грузовиках.

Идти дальше не было возможности, спать больше не хотелось, поэтому я и сидел на дереве, лузгал сырые семечки, которые выковыривал из корзинки подсолнуха, сорванной прошедшей ночью и поглядывал за захватом села.

Танки и машины оккупантов остановились на главной улице, совпадающей с транзитной гравийной дорогой, после чего мотопехота организованными группами рассыпалась по селу. Было видно, что они далеко не первый раз занимаются захватом населенного пункта. Зачистку начали с северо-запада. В каждой группе, возглавляемой унтером или ефрейтором было по шесть-семь солдат. Приблизившись к дому двое солдат входили во двор, остальные оставались снаружи. Если на вошедших гавкала собака, её убивали, затем эти двое осматривали дом и хозяйстройки, после чего группа шла дальше. На одно домохозяйство тратилось две-три минуты, а на все село ушел почти час. За это время к временному командному пункту, каковым, очевидно, был танк Pz.Kpfw-4, фрицы доставили одиннадцать поляков в военной форме, никто из них не оказывал сопротивления, хотя, многие были вооружены, во всяком случае, доставившие поляков немцы бросали трофейные винтовки на землю возле танка. Затем пленных заперли в сарае, у которого был выставлен караульный. Закончив зачистку, немцы выставили посты на транзитной дороге с обеих сторон села, распределились по домам, а их командир выбрал для поста самый представительный двухэтажный кирпичный особняк в центре села. Мне с наблюдательного пункта было хорошо видно окно в комнату главнемца, которое по его требованию хозяйка распахнула настежь. Офицер постоял у открытого окна, видимо, любуясь живописными сельскими видами, а потом, не снимая сапоги завалился на кровать, устал, наверное, бедненький. Оценив расстояние от моего наблюдательного пункта до дома в пятьсот метров, я пришел к заключению, что мог бы его подстрелить, но зачем мне это надо? Потом очень долго придется бегать по незнакомой местности. Тем временем хозяева всех занятых фрицами домов были поглощены хозяйственными хлопотами, очевидно, их обязали накормить доблестных солдат рейха, не сухпайками же им питаться, а полевой кухни в их колонне видно не было. От долгого сидения на дереве тело стало затекать и я спустился вниз, решив, что мне тоже не помешает подкрепиться. На обед у меня были остатки хлеба с салом. Хватит чтобы плотно поесть, ну а дальше... Собаки в селе постреляны, так что ночью пойду картошку по огородам тырить. Поляки уже начали её копать, но я заметил парочку доступных огородов, где ещё было чем поживиться. Поев, я снова залез на дерево и осмотрелся: все спокойно! Главное, что немцы не спешат прочесывать близлежащие окрестности, а раз так, то и мне можно вздремнуть, заслужил. Я отошёл глубже в лес, нашел укромное местечко и погрузился в дрему.

Проснулся я от звука выстрела. Моментально выхватив из кобуры «парабеллум» я замер и напряжённо прислушался, гадая, что же происходит? Через минуту донеслись ещё два выстрела из села. Я подождал в своем укрытии минут десять, но больше никаких громких звуков из населенного пункта слышно не было, поэтому я, движимый любопытством, осторожно вернулся к своему наблюдательному пункту, забрался на дерево и осмотрелся. Оказывается, пока я спал, ситуация в селе несколько изменилась. На главной улице прибавилось два автобуса, а на просторном дворе резиденции главфрица стояли человек двадцать гражданских. Перед ними лежали три неподвижных тела в гражданской одежде — двое мужчин и женщина. Через минуту разглядывания стоявших людей, мне стало понятно, что это евреи, там даже был один хрестоматийный иудей-ортодокс — в черной шляпе с бородой и пейсами. Немецкий офицер расположился на скамье за столом метрах в десяти от группы евреев. Рядом с ним сидела девушка. Я навел на нее монокуляр и чуть не выронил его из рук! Да что там монокуляр, я едва сам не рухнул с дерева от потрясения — там была Катаржина! Моя несчастная любовь из прошлой жизни, погибшая в Донбассе, поехав воевать на стороне бандеро-фашистов. Постаравшись хоть немного успокоиться, я вновь прильнул к монокуляр, вглядываясь в такие знакомые, невероятно красивые черты. На меня нахлынули воспоминания о прекрасном времени когда мы были вместе, вспомнилось, как я мог подолгу рассматривать её лицо, поражаясь совершенной гармонии линий. Из памяти всплыли наши прогулки по Варшаве, её смех, объятья,

поцелуи... Вслед за этим из глубин души поднялась испепеляющая боль утраты от которой я застонал, скрежеща зубами. Придавив усилием воли вспыхнувшие эмоции и сделав пару глубоких вдохов, я вернулся к наблюдению. Девушка сидела неподвижно, опустив взгляд и практически никак не реагировала на происходящее вокруг, а там было на что посмотреть. Солдаты принесли из автобусов чемоданы и стали их потрошить, выбрасывая одежду на землю и вспарывая обшивку. Офицер что-то спросил у девушки, она ответила, после чего тот поднялся из-за стола, взял из общей кучи два чемодана, которые поставил перед ней на стол, скрыв тем самым её от моего взгляда, и вернулся на свое прежнее место. Постепенно перед ним росла кучка найденных ценностей. Насколько я мог судить с этого расстояния, там были золотые изделия и монеты, а также пачки денежных купюр. Закончив с чемоданами, фрицы занялись людьми. Двое солдат вывели из группы евреев к забору пожилого мужчину и приказали раздеваться. Тот, опираясь на забор, послушно стал снимать с себя одежду и передавать солдатам, которые тщательно прощупывали все вещи, после чего бросали их под ноги еврею. Затем, разрешив ему одеваться, один из солдат отнес найденные ценности офицеру на стол и отвел к забору молодую еврейку после чего процесс реквизиции возобновился. Так, по одному, немцы обыскали евреев и почти у всех нашлись спрятанные в одежде ценности. Однако меня все эти перемещения людей и ценностей интересовали мало, я надеялся внимательнее рассмотреть девушку, чье лицо было скрыто за чемоданами и томился от нетерпеливого ожидания. Но вот процесс экспроприации закончился, солдат принес на стол один из выпотрошенных саквояжей, офицер сложил туда конфискованные ценности, затем, судя по жесту кулачки, приказал солдатам взять саквояж и чемоданы со стола, что те и выполнили, позволив мне вновь увидеть лицо девушки и я впился в нее взглядом. Далее главнемец поднялся со скамьи и галантно протянул ей руку. Красавица вздрогнула, опустила голову ниже и отодвинулась. На этом вся учтивость немецкого офицера закончилась. Он резким движением схватил девушку за руку, выдернул из-за стола и потащил к дому. Солдаты с чемоданами пошли за ним. После того, как они скрылись в доме, унтер дал команду оставшимся во дворе солдатам, те построили евреев и отвели их на соседнее подворье, где заперли в сарае, выставив у двери постового. Далее, главнемец появился с пленницей в своей комнате, которую я мог хорошо просматривать через открытое окно. К этому моменту я уже убедился, что всё-таки это не Катаржина, а очень похожая на неё девушка, но всё-равно происходящее вызывало у меня нестерпимую боль и ярость. Сердце мое требовало решительных действий, но разум останавливал от безрассудных поступков. Конечно, я мог застрелить главфрица ещё во дворе, когда понял его намерения, и даже, скорее всего, основательно побегав, смог бы уйти от преследования, но чем бы это кончилось для девушки? Вряд-ли бы немцы оставили бы её живой. С горечью убедившись, что я был прав насчёт аморальных намерений офицера, я отвел монокуляр в сторону от окна и стал изучать расположение немецкого подразделения: где расселены, где посты и патрули. Тем временем день неуклонно двигался к своему завершению. Тени удлинились, пастухи гнали с пастбищ в село стада коров и коз. А у немцев настало время вечернего приема пищи. Во дворах и летних кухнях суетились перепуганные поляки, стараясь угодить захватчикам вкусной едой. Большинство фрицев располагались за столами во дворах, весело разговаривали между собой и с поляками. Если бы не военная форма и находящееся под руками оружие, то, наблюдая издали, можно было бы подумать, что это приехали родственники и радушные хозяева из всех сил стараются не ударить перед ними в грязь лицом. Главнегодю принесли ужин прямо в комнату, хозяйка, полная сорокалетняя женщина, накрыла стол, избегая смотреть на кровать, на которой убудок курил, удобно устроившись в полусидячем положении, а девушка, накрывшись простыней с головой, лежала отвернувшись к стене. Когда хозяйка вышла из комнаты, фашист уселся за стол и позвал к ужину свою жертву, но та не пошевелилась. Тогда он не поленился вернуться к кровати и, схватив её за волосы усадил за стол. Далее у меня не было никаких сил на всё это смотреть и я спустился с дерева. Эмоции так и бушевали в моем сердце, но я, используя медитативные техники, постарался привести мысли в порядок. Если бы девушка так не была похожа на Катаржину, то я, наверное, был бы намного спокойнее: ну изнасиловал фашист польку (или еврейку), так ведь на то он и фашист! Да, девушку жалко, но сколько их, поруганных молодых и красивых девушек сейчас в Польше? А сколько их ещё будет? Однако, у меня всколыхнулся застарелый комплекс вины. Тогда, три года назад, после её гибели, я многократно изо дня в день, спрашивал себя, мог ли я что-то сделать, чтобы предотвратить эту её трагическую поездку? И раз за разом, моделируя различные варианты своих действий, убеждался, что повел себя эгоистично, спровоцировав ссору и сняв с себя ответственность за её упертое безрассудство. В те тяжёлые для меня дни, я стоял на пороге безумия и самоубийства, но инстинкт самосохранения и молодой организм постепенно победили разрушительную меланхолию и, убив виновника её гибели, я вернулся к прежней жизни. И вот сейчас мне было понятно, что нельзя развернуться и уйти на восток, как будто ничего не видел, я попросту потом не смогу жить... Так что ночью я пойду в село, не могу не пойти, а там посмотрим кто кого! Приняв решение, я принялся за проверку снаряжения: во время ночной операции при себе у меня не должно быть ничего лишнего, поэтому я вдумчиво перебрал содержимое подсумков, потом почистил пистолет и винтовку. Закончив, посмотрел на часы и обругал последними словами медленно тянущееся время. Как вообще тут живут люди? Чем они занимают свободное время, если нет соцсетей и интернета? Только и остаётся, что просматривать

воспоминания, а это скажу я вам, занятие не из приятных... Впрочем, были в моей жизни и хорошие моменты.

* * *

Я мысленно вернулся в пятнадцатое октября 2011 года. В этот памятный для меня день около четырех часов пополудни я вышел из спорткомплекса, где только что закончились областные соревнования по рукопашному бою, на которых я занял третье место в полутяжелом весе. Вдохнув полной грудью морозный тюменский воздух, я направился пешком в сторону улицы Республики, но далеко уйти мне не дали, буквально через минуту меня окликнули со стороны проезжей части:

— Андрей! Климов!

Я обернулся и увидел красивую девушку в серой норковой шубке, стоящую около внедорожника «Мазда», она мне приветливо улыбалась и махала рукой, приглашая подойти поближе. Я оглянулся по сторонам: может, она зовёт кого-то другого? Или это розыгрыш? Не найдя подтверждения этим гипотезам, я нерешительно подошёл к ней. Девушка, увидев мое замешательство, произнесла:

— Да ты не бойся, я тебя не съем! Садись в машину, подвезу тебя домой!

Пытаясь вспомнить, где мы могли пересекаться, сел машину, после чего незнакомка опустила на водительское кресло и автомобиль плавно тронулся с места.

— Меня Оля зовут и мы не знакомы, — ответила девушка на невысказанные, но витающие в воздухе вопросы и продолжила, — просто я часто видела тебя проходящим мимо моего дома, Котовского 17, ты наверное, где-то рядом живёшь? — и не дожидаясь моего ответа продолжила, — А сегодня увидела тебя на соревнованиях и решила подвезти...

В это время зазвонил мой сотовый и я, извинившись перед спутницей, ответил:

— Да, мам... третье место... по баллам проиграл... без нокаутов... синяков нет... не брошу... понял, ну в холодильник-то я заглянуть догадаюсь!.. — пока я таким образом вел сложный диалог со своей мамой, машина остановилась, Оля, обойдя машину, открыла пассажирскую дверцу, помогла мне выбраться...

Когда, наконец непростой разговор с излишне заботливой родительницей закончился, я, облегченно вздохнув, убрал трубку в карман и тут же обнаружил, что рано радовался — вокруг происходит что-то непонятное — я стою в прихожей незнакомой квартиры, Оля уже сняла шубу и как-то загадочно смотрит на меня.

— Э-э, где это мы?

— У меня дома, ты был так занят разговором, что я подумала, что ты не откажешься выпить со мной чашку чая? — Девушка подошла вплотную и мне показалось, что её глаза затопили синим светом все пространство вокруг, а вскоре встретились и наши губы...

После второго захода Оля положила голову мне на грудь и как будто оправдываясь сказала:

— Ты не подумай, я не такая!

— Это какая не такая, и если не такая, то какая? — От неведомого раньше наслаждения у меня, что называется, пела душа и хотелось веселиться, поэтому я и скаламбурил. Девушка оттолкнулась от меня, перевернулась на спину и заразительно рассмеялась. Этот смех подействовал на меня возбуждающе и я закрыл ей рот поцелуем. После третьего раза она пересела с кровати в кресло.

— Я всё-таки тебе скажу! Так вот, я совсем не такая! До тебя у меня секса целый год не было, вообще с мужиками не ладилось, а месяц назад мне подруга психолога посоветовала, и вот...

— Значит, психолог сказал, что надо пойти на соревнования по боксу, посадить призера в машину, отвезти его к себе домой и пока он не очухался, уложить в постель? — Крепко, однако, меня на хи-хи пробило!

— Какой же ты грубиян! Нет, она мне объяснила, что во-первых, нужно точно решить, что я хочу, так как денежный мешок, хороший семьянин и постельный тигр в одном лице сочетаться не могут, а во-вторых, нужно не ждать, пока меня выберут, а делать все самой! Как видишь, получилось. Ты, конечно, пока на тигра не тянешь, но когда наберёшься немного опыта под моим руководством... будешь ого-го! Ты ведь не откажешься изредка посещать одинокую девушку?..

Вынырнув из приятных, греющих сердце воспоминаний, я вздохнул. На душе стало значительно легче, а на часах уже час ночи. Пора! Поднявшись, я подтянул ремни, проверил шнуровку на ботинках, попрыгал, нагрузился снаряжением и пошел в направлении переулка, по которому со стороны поля, минуя посты на въезде и выезде можно было выйти на главную улицу вблизи от стоянки немецкой техники. После курса инъекций «Ареса» у меня значительно улучшилось ночное зрение, в результате чего сейчас, когда на ясном небе висела половинка луны, для меня видимость была как для обычного человека в ранних сумерках. Поэтому шел я спокойно, зная, что опасности наткнуться на затаившегося в темноте немца нет.

Преодолев полкилометра, я по сельскому переулку вышел к главной улице. До стоянки техники было метров пятьдесят. Здесь, в узком проходе между заборами, я оставил все лишнее для предстоящей операции снаряжение: ранец, винтовку, флягу и шинель. Выглянув из переулка я увидел одинокого караульного, который бродил взад-вперед у выставленных вдоль улицы машин и танков. Картина была точно такой, как я и ожидал. Поэтому, сев в тень, я стал ждать смены постов. Примерно через двадцать минут появился одинокий унтер, который, подойдя к караульному, перекинулся с ним парой фраз и пошел дальше, а через три минуты он прошел обратно. Понятно, это не смена поста, а проверка, ждём дальше. К своему удивлению, я мало того, что не испытывал никакого страха или волнения, так меня ещё и начало клонить в сон. Осознав это, я разозлился на себя — хорош же я буду, если сейчас усну, а утром меня разбудят фрицы! Чтобы слегка взбодриться, я водой из фляжки протер лицо и плеснул её себе на волосы. Полегчало. Вскоре появилась смена караула, и я сверился с часами — от проверки до смены прошло полчаса, так что мне на все-провсе надо потратить не более двадцати минут. Ожидая, пока смена караула пройдет назад, я снял ботинки, портянки и поставил их к рюкзаку и шинели. Сейчас, наконец, адреналин впрыснулся в кровь и сердце забилося чаще. Вот смена караула вернулась в дом, и я бесшумно метнулся к машинам, пользуясь тем, что немец развернулся ко мне спиной. Замерев в тени между грузовиками, я дождался удобного момента и вонзил врагу нож под левую лопатку. Запихнув труп под машину, я бесшумно добежал до подворья, где были заперты евреи. Наблюдая через щель в заборе, я вижу как постовой идёт к дому, подходит к крыльцу, разворачивается и идёт к забору, здесь в паре метров от меня он останавливается и, задумчиво глядя на луну, опорожняет свой мочевого пузырь. Потом отворачивается от забора, намереваясь продолжить движение по своему нехитрому маршруту, в этот момент я, одним опорным прыжком перемахнув через забор, загоняю нож в спину. Также без особых проблем я зарезал и двух оставшихся караульных — охранявшего солдат и того, что был у дома главфашиста. Оттащив тело последнего в тень между сараями, я, не медля, забрался на козырек над крыльцом и осторожно нажал на оконную раму — как я и ожидал, окно не было заперто на шпингалет и бесшумно открылось внутрь помещения. Затем я запрыгнул в комнату и бросился к кровати на предельной скорости. Немец успел проснуться и даже уже открывал рот, чтобы закричать, но я молниеносно прыгнул на него, блокируя своей грудью его руки и вонзая нож в горло. Из разрезанной сонной артерии ударил фонтан крови, залившей и меня, и кровать, и девушку. Ох, сейчас будет визг! Но нет, тишина. Подняв голову, я встретился с ней взглядом. Так на меня ещё никто не смотрел. Хотя, вообще-то, я раньше и не резал никого по ночам в кроватях. Но, в любом случае, с точки зрения нормальной логики, можно было ожидать, ужаса, или хотя бы испуга в глазах девушки, рядом с которой в постели зарезали человекоподобное фашистское существо, но нет, она смотрела на меня с восторгом и обожанием, аж как-то не по себе от этого взгляда! Но хватит в гляделки играть, основная задача, которую я перед собой ставил на эту ночь выполнил, теперь надо успеть решить второстепенные вопросы и уйти, громко хлопнув дверью. Поэтому я поднялся с кровати и шепотом прикрикнул:

— Перестань тарашиться! Быстро одевайся! Три минуты. Время пошло!

Девушка, вместо ответа показала мне взглядом на свои кисти рук, привязанные к спинке кровати. Молча ругнув себя за то, что не заметил этой важной детали, я одним движением перерезал узы. После чего она бросилась к своим чемоданам, а я устроил быструю ревизию имуществу главфашиста. Ага, вот саквояж с золотишком, тут ещё портфель с бумагами, это всё берём! Попробовал надеть сапоги — босиком ходить больше не было необходимости, но они оказались малы. Тем временем девушка оделась, о чем и сообщила мне.

— Я готова!

Окинув её взглядом, я понял, что она, особо не заморачиваясь, натянула платье на голое тело и надела туфли на босу ногу. Что же, в условиях недостатка времени это правильное решение. Но мне для выполнения моих планов требовались ещё пара минут. Я схватил форму фашиста и в ускоренном темпе стал опустошать карманы, бросая их содержимое в портфель. Когда, наконец, я нашел в кармане галифе ключ от танка, то с облегчением выдохнул и бросил девушке:

— Хватай чемоданы и бегом за мной, на цыпочках, без шума! — И, не дожидаясь её реакции, подхватив портфель и саквояж, открыл незапертую дверь комнаты и вышел. Найти путь к выходу из дома не составило труда

и уже через минуту я был около танка. Открыв ключом люки «четверки» я сначала принял от девушки чемоданы, забросил их внутрь башни, потом, стоя на крыле, подхватив её подмышки, сначала одним движением усадил на башню, а потом, крутанув вокруг оси запихнул в люк, усадив на командирское кресло. Тут я вспомнил одну немаловажную деталь:

— Так... мм... пани, позвольте представиться, Анджей Ковальский!

— Болеслава Сокольская, очень рада знакомству, пан Анджей! — фраза была произнесена девушкой таким тоном, как будто мы находимся на великосветском рауте, а не угоняем танк под покровом тьмы после кровавого убийства надругавшегося над ней насильника.

— Так вот, пани Болеслава, мне нужно отлучиться на три минуты, а вы, пожалуйста, сидите тихо и никуда не уходите! — После этих слов, не дожидаясь ответа, я спрыгиваю на землю, хватаю карабин убитого мной караульного, потом бегу к сараю с евреями, открываю запертую на засов дверь, и спрашиваю:

— Кто-нибудь меня слышит?

Из темноты доносится несколько негромких утвердительных ответов, поэтому я продолжаю:

— Здесь польской разведкой проводится диверсионная операция, через три минуты начнется стрельба, поэтому у вас очень мало времени, чтобы убежать через зады в лес, около сарая лежит труп караульного, возьмите винтовку и патроны, могут пригодиться, в доме спят немцы, поэтому действуйте бесшумно. Кто здесь останется, погибнет. У меня всё, удачи!

Не дожидаясь реакции на мои слова, максимально быстро бросаюсь к сараю с пленными польскими солдатами и освобождаю их с тем же напутствием, что и евреев, оставив им второй карабин. Далее я на максимальной скорости перемещаюсь в переулок, где надеваю свои ботинки на босу ногу, хватаю свое барахло и, добежав до танка, забираюсь на место мехвода. Фух, вроде все успел! Судя по тихим звукам, доносящийся от сараев, узники восприняли мои слова как руководство к действию. Я дал им шанс, а дальше... На всё божья воля. В худшем для них случае, они немного отвлекут фрицев от поиска меня. Выждав ещё две минуты, чтобы дать немного времени полякам и евреям, я запустил двигатель. Нужно было, чтобы он хотя бы немного прогрелся до начала движения, поэтому высунув голову из люка, я вглядывался в окружающие дома и только после появления на улице первых, ещё ничего не понимающих немцев, разбуженных гулом танкового мотора, тронулся с места.

В клубе реконструкторов было две «четверки». Один полностью аутентичный танк, с которого хозяева только что пылинки не сдували, и второй, с замененными двигателем и ходовой частью, который интенсивно эксплуатировался желающими покатайся на раритете и способными заплатить кругленькую сумму. Для поддержания моего реноме фаната реконструкции, я катался на нем примерно раз в полгода, спуская в выхлопную трубу казённые деньги. Кроме танков в 2016 году руководители клуба установили тренажёр, но там можно было только имитировать стрельбу из пушки за сравнительно небольшую цену — настоящий подарок для любителей «танчиков». Поэтому сейчас у меня с управлением панцера никаких проблем не было. Медленно набирая скорость, я выехал из села мимо изумлённых постовых, которые, однако, благоразумно не стали пытаться остановить бронированную махину руками. Проехав от поста три сотни метров, я остановился и скользнув на место наводчика, развернул башню на сто восемьдесят градусов, потом зарядил пушку первым попавшимся под руки унитаром, и наведя прицел на крайний автомобиль, произвел выстрел. В башне оглушающе грохнуло, на месте грузовика взметнулся высокий султан взрыва. Фугас. Не заморачиваясь поиском бронебойных снарядов, я произвел еще четыре выстрела по лёгким танкам, вернулся за рычаги и с чувством глубокого удовлетворения направил панцер на север. Через три километра я выехал на перекресток, где сменил направление движения на восток, но снизил скорость, выискивая возможность съехать с шоссе. Вскоре мои поиски увенчались успехом и я, загнав танк в кусты в сотне метров от дороги, заглушил двигатель, после чего осведомился у своей спутницы:

— Пани Болеслава, как ваше самочувствие?

— Спасибо пан Анджей, хорошо! Но я бы вышла в кустики.

— Сейчас помогу.

Открыв люк, я осмотрелся, потом вылез на броню, поднял крышку командирского люка и помог девушке спуститься на землю, затем забрался обратно и нашел портфель немецкого офицера. Мне нужна была карта и, к моей радости, она нашлась. Итак, что мы видим? Если верить нанесенным отметкам, то, проехав ещё пять километров по шоссе, я упёрся бы в тылы фашистского танкового полка, развернутого фронтом на восток, лицом к окопавшемуся в крупном селе польскому гарнизону, потом, если двигаться точно на восток, идёт около сорока километров условно польской территории, кончающейся перед Тарнувом, который уже занят немцами. Такой вот слоёный пирог получается. И куда же податься одинокому... хм, а ведь уже и не совсем одинокому(!)... дезертиру? Задумчиво повертев карту я нашел неплохой вариант в виде лесного массива в десяти километрах на северо-запад. Там не были отмечены ни поляки, ни немцы, это, разумеется, не давало никакой гарантии, но других вариантов попросту не было. Приняв решение, я вылез наружу и помог девушке, которая уже самостоятельно забралась на танк, разместиться на командирском кресле, после чего я показал ей, как пользоваться переговорным устройством

и переместился за рычаги. Затем, вернувшись на шоссе задним ходом, танк под моим управлением продолжил движение по намеченному маршруту и по прошествии получаса въехал в лесной массив, остановившись в паре километров от опушки. Выбравшись из танка, я осмотрелся и прислушался к окружающему меня лесу. Не заметив ничего подозрительного, я обошел вокруг стоянки с каждым кругом увеличивая радиус траектории обхода. Так и не обнаружив ни людей, ни следов их присутствия, я сказал Болеславе, чтобы сидела тихо в танке, после чего закрыл все люки на ключ, наломал веток и пошел заметать и маскировать следы. Вернувшись через полтора часа, я обнаружил, что вокруг места стоянки крутятся какие-то подозрительные субъекты в польской форме. Воспользовавшись своим преимуществом в ночном зрении, я выявил их главного с погонями хорунжего, который совещался с двумя сержантами, высказывающими различные идеи о методах захвата танка. Послушав минут десять, я пришел к выводу, что некоторые варианты вполне осуществимы. Подкравшись к потерявшим осторожность командирам, я достал люгер и вежливо произнес:

— Прошу не делать глупостей, господа воры, вы на прицеле, я и мои друзья стреляем метко.

Поляки дернулись, но за оружие хвататься не стали, а медленно развернулись ко мне лицом.

— Вот, сразу видно умных людей! Ну так скажите мне, умники, какого хрена вам надо от моего танка?

Пока унтеры хлопали в темноте глазами, хорунжий попытался меня построить:

— А Вы собственно кто такой, представьтесь по уставу!

— Во-первых, вопросы здесь задаю я, во-вторых, пошел ты на хрен со своими уставами, а в-третьих, если вам нужен танк, идите и захватывайте у немцев, или мои люди тут всю вашу трусливую компанию закопают! — Эти поляки, в испуге прятаясь в лесу, были и до встречи со мной полностью деморализованы, а от моего наглого наезда окончательно растерялись.

— Ну, что непонятного? — продолжил я давить, — быстро собрали своих людей и бегом марш отсюда! Десять километров на юго-восток отсюда держат оборону польские регулярные части, идите туда и забудьте, что здесь видели! — Сказав это, я отступил в тень, исчезнув из их поля зрения.

Поляки с полминуты покрутили головами, пошушукались и стали созывать своих людей, после чего удалились в указанном мной направлении. А я облегченно выдохнул. Прошел по грани. Если бы началась пальба, я бы, скорее всего, всех их перебил, пользуясь превосходством в ночном зрении — их всего-то человек пятнадцать было. Но, во-первых, крайне не хотелось их убивать, а во-вторых, шальная пуля на то и шальная, что авторитетов не признаёт. Постояв так минут пять, я проведаль Болеславу, которая, как оказалось, все это время крепко спала, завернувшись в мою шинель на командирском месте. Сказав ей, что может спать дальше, я пошел по следу поляков. Незаметно проводив их на три километра, я убедился, что ляхи продолжают двигаться в том же направлении и не собираются возвращаться. Ну а мне пора на базу. Насыщенная ночь выдалась, устал и хочется спать, а ещё столько дел! Пока я шел обратно, наступило утро, моё восьмое утро в этом времени. Блин, а ведь я здесь всего неделю, а произошло столько событий! Я пробежался мысленным взором по моим приключениям и поставил себе четверку. Были некоторые косяки, но главное, я жив, здоров, и у меня есть танк.

Когда я вернулся, Болеслава ещё спала, что не могло не радовать. Значит, у девушки устойчивая психика и с этой стороны серьезных проблем ожидать не приходится. Ох, как же я заблуждался! Пока я шел назад, у меня было время подумать о дальнейших действиях и мне стало очевидно, что необходимо сменить стоянку, поэтому, запустив двигатель, я проехал на север два километра и остановился на поляне у небольшого ручья. Здесь я поручил проснувшейся девушке заняться приготовлением завтрака из найденных в танке продуктов, замаскировал панцер ветками, затем вернулся по следу и установил растяжки, использовав две последние лимонки. Тем временем Болеслава приготовила кашу с тушёной, съев которую, я завалился спать под танком. Устал.

Проснувшись, я сладко потянулся и посмотрел на часы. Четыре часа. Дня (судя по светлому времени суток). Вспомнив, что вокруг идёт война, прислушался к окружающим звукам, осторожно выполз из под панцера, а затем, не обнаружив опасности, встал, обозревая представившуюся моему взгляду живописную картину. Голая Болеслава сидела на берегу ручья и отпивала из горла бутылки пшнэпс. Я подошёл к ней и не нашелся ничего сказать кроме:

— Доброе утро, пани!

Девушка подняла на меня пьяные заплаканные глаза и заплетающимся языком ответила:

— А, спаситель проснулся! Хорошо выспался? Вот скажи мне, где ты был, пока этот гад в меня пихал?.. — она отбросила бутылку и, скрючившись на земле, зашлась в рыданиях. Я молча сел рядом. Что тут скажешь? Поначалу мне казалось, что она довольно легко перенесла насилие, но человеческая психика, тем более женская, сложна и непредсказуема, чему я уже много раз ранее был свидетелем, это наблюдаю и сейчас. Чтобы хоть как-то успокоить, я стал гладить девушку по голове. Неожиданно для меня, это подействовало. Сначала она затихла, потом положила мне голову на колени. А я продолжал гладить, опасаясь, что если остановлюсь, то истерика может возобновиться. Так продолжалось с полчаса, потом она села, прижавшись ко мне сбоку, положила мне голову на плечо и шепотом сказала:

— Я хотела помыться, а оно не отмывается...

— Что, оно? — Я не сразу понял, о чем она говорит.

— Плохое, оно не отмывается, я песком терла, мылом мыла, а оно не отмывается, теперь я всегда буду плохая и грязная. — Она немного всплакнула, потом, всхлипнув, продолжила:

— Я думала, от водки станет легче, выпила, а стало так тошно, поскорей бы все кончилось... Забери меня с собой, а, пожалуйста? Не оставляй меня тут!

— Не бойся, не оставлю, если хочешь, поехали со мной.

В ответ на мои слова она извернулась и обняв меня руками за шею прижалась ко мне грудью и стала быстро шептать на ухо:

— Спасибо, спасибо! Я боялась, что возвратишься к себе, а меня оставишь! А я ведь не смогу здесь жить, я бы сама себя убила, но ведь это грех. Пожалуйста, сделай это скорей, а то мне страшно, но я готова! Ты ведь только душу заберёшь?

Что за бред? Она что свихнулась? Я схватил её за плечи, отстранил от себя, потом заглянув в горящие фанатичным блеском глаза, переспросил, стараясь говорить как можно мягче:

— О чем ты говоришь? Зачем мне забирать твою душу?

— Ты же сказал, что заберёшь меня, а на небеса ведь тело не берут.

— Стоп, ты что придумываешь? Какие небеса?

— Ну как какие? Ты ведь ангел! Ты живёшь на небесах и заберёшь меня с собой!

Я крепко прижал её к себе и едва не расплакался. Мое сердце надрывалось от жалости к несчастной девушке, не выдержавшей надругательства и сошедшей с ума.

— Все будет хорошо, милая Бася, все будет хорошо, я заберу тебя с собой, мы вместе уедем отсюда, но я не ангел, ты ошиблась, я простой солдат.

Она упёрлась ладонями мне в грудь, отстранилась и пронзительно посмотрела мне в глаза. Так мы и сидели: она пыталась увидеть в моих глазах ответы на свои вопросы, а я, глядя на неё, печально думал о низком уровне развития современной психиатрии. Через некоторое время она, не отводя глаз сказала:

— Когда он уснул, я лежала и молилась Пресвятой Деве, чтобы она прислала ангела для наказания врага и освобождения меня от позора. Я просила её простить меня и забрать душу на небо. Потом открылось окно и ты влетел как на крыльях, одним движением убив подлеца! Я точно знаю, что ты ангел, люди так не умеют!

Вот оно что, кирпичики-то складываются! Может ещё не всё потеряно?

— Боги очень редко посылают ангелов, чтобы вершить справедливость, они обычно используют обычных людей для выполнения своих задач, и наверное, по воле Богородицы, я сам не зная об этом, оказался там и сделал то, что сделал, а она прибавила мне сил.

Говоря это, я старался как можно убедительнее смотреть ей в глаза. После моих слов, девушка сначала опустила взгляд, потом, встав, подняла лежавшее неподалеку платье и, одним движением надела его на себя, изящно качнув бёдрами. Затем зашла по щиколотку в ручей, сполоснула лицо и сказала, что скоро приготовит кашу с мясом, кроме крупы и тушёнки в танке более никаких продуктов не нашлось. Далее она занялась разведением огня и приготовлением пищи, а я, спустившись чуть ниже по ручью, помылся и постирался, после чего развесил одежду сушиться на солнце и сел под кустами, раздумывая над текущим моментом и дальнейшими планами. Болеслава меня здорово напугала, думал, слетела с катушек окончательно и бесповоротно, но нет, вроде бы пришла в норму, хотя радоваться ещё рано. И снова вопрос, что делать дальше? Поляки на Тарнувском шоссе долго не продержатся, но ближайšie два дня надо будет пересидеть в лесу. А потом ночью на шоссе пристраиваюсь к колонне — надеюсь, немцы ездят по ночам — и двигаюсь в сторону Львова, к которому фрицы должны выйти двенадцатого числа. За одну ночь не доехать, но за две — вполне реально. Всё это здорово, но есть две проблемы — во-первых, что делать с Болеславой, не везти же её в советскую зону оккупации! Хотя, почему бы и нет? Но надо поговорить. Вторая проблема — нехватка бензина, коего осталось на сто пятьдесят километров пути, а этого хватит в лучшем случае только до Перемышля. Ещё немного поразмыслив, я решил, что к двенадцатому сентября в район Львова перемещаться всё-таки рановато — там в это время будут напряжённые бои поляков с немцами, части Рабоче-крестьянской Красной армии выйдут к Львову только девятнадцатого сентября, а займут его двадцать третьего числа, тогда же и немцы по договоренности с руководством СССР начнут отход к реке Сан. В этих размышлениях я дождался, пока трупы высохнут, надел их и пошёл к костру, от которого доносился аппетитный запах.

Сидя на бревне, я с удовольствием уминал кашу с мясом и, разглядывая сидящую напротив девушку, сравнивал её с Катержиной. Та от природы была голубоглазой и русоволосой, но всегда красилась в брюнетку и это ей действительно шло, а у Болеславы были от природы черные волосы и темно-карие глаза. У первой были полнее и сексуальные губы, а у второй крупнее грудь и тоньше талия. В остальном же девушки были очень похожи.

Болеслава в ответ на моё бесцеремонное разглядывание поправила платье, прикрыв колени, опустила глаза и сказала:

— Ты меня пугаешь!

— Извини, просто ты очень похожа на мою невесту.

— У тебя есть невеста?

— Была, она погибла.

— Прости... расскажешь что случилось?

— Она поехала на войну... в Испанию и там погибла.

— Девушка?! На войну?!

— У неё был боевой характер, и она хорошо стреляла, была снайпером.

— Невероятно! Война ведь не женское дело!

Полностью с тобой согласен.

Мы помолчали несколько минут, потом я, доев кашу спросил:

— А у тебя где родители или родственники?

Ты хочешь отвезти меня к родителям?

— Ну, это было бы хорошо, если есть такая возможность.

Она вздохнула:

— Вряд ли получится, они живут во Львове! — Во дела, я кажется начинаю верить в божье провидение!

— А тут ты как оказалась?

Далее девушка рассказала мне историю своих злоключений. Её отец был по национальности поляком, а по профессии врачём-стоматологом. А мать была еврейкой и домохозяйкой. Болеслава часто помогала отцу на приёме пациентов, там её и увидел молодой отпрыск польского дворянского рода подпоручик Казимир Сокольский, с первого взгляда на неё потерявший голову (и я его понимаю — Болеслава действительно очень красива). Она полгода отбивалась от его настойчивых ухаживаний, опасаясь проблем из-за своей еврейской крови (Казимиру об этом было известно). Да и поначалу он не вызвал у неё особой симпатии. Но молодой офицер был очень настойчив и в конце концов взял неприступную крепость. А через девять месяцев после венчания Болеслава родила здорового крепыша, с голубыми глазами и светлыми волосами. Казимир был вне себя от счастья, рассказывая всем, как сильна его дворянская кровь древнего рода. Однако через полгода глаза мальчика потемнели и стали темно-кариими как у матери, светлые волосы повывадали, а на их месте стали расти черные. Казимир от этих изменений сильно переменялся, обвинил жену в колдовстве, стал много пить и, не скрываясь, гулять по женщинам. Когда Болеслава попыталась его образумить, он её избил. В этом кошмаре она прожила полгода, а в конце июля 1939 года он получил предписание отправиться в армию «Краков». После получения приказа, Казимир потребовал, чтобы сын Станислав остался у бабушки с дедом, а сам с женой уехал в Краков, снял там квартиру, оставил в ней Болеславу и убыл на границу. Больше она его не видела. В Кракове у нее вообще не было знакомых, но, благодаря знанию идиш, девушка подружилась с булочником-евреем, который с удовольствием разговаривал с ней на различные посторонние темы и обсуждал местные сплетни. Когда же началась война и с фронта поступили тревожные вести, Болеслава от этого булочника узнала, что некоторые его знакомые евреи собираются уехать на восток и присоединилась к ним, надеясь добраться до Львова. Но выехали поздно, когда немецкие войска вошли на западные окраины Кракова, а в Бохне от встречных автомобилистов узнали, что дальше дорога уже перекрыта гитлеровцами и попробовали объехать проселками южнее, но как мне уже известно, этот маневр не увенчался успехом.

Ого, получается, она замужняя женщина с ребенком, а по ней и не скажешь, что рожала — поразительно тонкая талия и высокая грудь, одна мысль о которой будоражит кровь.

— Ну, во Львов я тебя доставлю...

— Ой, спасибо! — Девушка подскочила ко мне, обняла и поцеловала в щеку, — я так переживаю о сыночке, бедный мальчик, как он там, без матери? А папа с мамой? Я постоянно о них всех думаю, и ничего совершенно не известно... — Затараторила она, прижимаясь ко мне всем телом. От ее близости у меня напрягся индикатор желания, и, учитывая то, что я так и сидел в одних трусах, она моментально почувствовала мою готовность и с визгом отпрыгнула назад метра на два, испуганно вытаращившись на меня.

Я развел руками:

— Вот видишь, я не ангел!

Болеслава смущённо покраснела и отвернулась, а я пошел одеваться — форма уже должна была просохнуть. Потом, вернувшись к танку, увидел, что девушка сидит на берегу ручья и неподвижно смотрит на бегущую воду. Ну и пусть себе сидит, надеюсь её психическое состояние постепенно придет в норму. А мне пора провести инвентаризацию имущества. Сначала я достал из танка все свои пожитки и Болеславины чемоданы, потом отдельно положил портфель и саквояж взятые из комнаты убиенного мной главнемца, затем вытащил все остальное, что может представлять интерес, кроме снарядов. Получилась внушительная куча. Наибольший интерес представляли снаряженные ленты и патроны в цинках, предназначенные для двух танковых пулеметов, ящик с

тушёной и крупой и четыре новых танковых комбинезона, о наличии которых ранее мне было неизвестно, тут же я выбрал себе наиболее подходящий по размеру и надел на себя. А пилотка нашлась всего одна, но я был рад и этому. Кроме безусловно полезных вещей, там была пачка глянцевого журнала. Ну вот нафига они танкистам? Полистав их, я убедился, что это не порно и даже не эротика, хотя и встречаются фото девушек в пляжных костюмах. Подумав, отнес журналы Болеславе — может помогут отвлечься от грустных мыслей. Девушка обрадовалась и с интересом углубилась в разглядывание картинок.

А я сложил просмотренное имущество в танк и занялся портфелем. Здесь лежал боевой устав, наставление по эксплуатации и обслуживанию танка, приказы вышестоящего командования, членский билет НСДАП, письма от жены и семейная цветная фотография — тридцатилетний хорошо сложенный гауптман с мужественным лицом стоит справа от стула, на котором сидит красивая женщина в синем платье с трехлетней девочкой на коленях, а слева от нее стоит мальчик лет восьми. Прямо таки семейная идиллия — смотреть тошно. Но не будем отвлекаться на лирику, что там дальше? Хм, польский офицерский кортик! Уже успел где-то затрофеить, собака фашистская, берём. Что тут ещё? О! На дне портфеля лежал небольшой футляр с весьма ценным трофеем: бритвенным набором, в который входила безопасная бритва «Жиллетт». Великолепно! А то бритвё опасной бритвой для меня сущий кошмар. Продолжая осмотр, открыл внутренний кармашек портфеля и приятно удивился, вытащив две пачки купюр — двадцать тысяч рейхсмарок! Весьма и весьма неплохо! И откуда они у него? Посмотрев бумаги, я с изумлением обнаружил, что деньги выданы командиру сводного механизированного батальона на закупку продовольствия у польского населения во время рейдовых операций. «Да ну на хрен, не верю!» — Сказал я сам себе, но всё же был вынужден признать факты — и деньги и бумага подтверждающая их назначение была у меня в руках. Ладно, в любом случае, деньги теперь мои! Закончив с портфелем я взялся за «золотой» саквояж, предварительно глянув в сторону спутницы — не хотелось, чтобы она видела, как я роюсь в драгоценностях ее спутников. Но Болеслава была полностью поглощена чтением журнала (она знает немецкий?), поэтому я занялся изучением содержимого саквояжа: сверху лежали купюры в пачках, скрутках и россыпью, пересчитывать я не стал, в основном были золотые, но встречались и марки, и франки, и фунты стерлингов. Все купюры я сложил вместе, обвязал бечёвкой и отложил в сторону. Затем, для ускорения процесса, я принес шинель и вытряхнул на неё содержимое саквояжа, посмотрев на кучу, понял, что, видимо, фашисты отобрали все часы, какие были у евреев — здесь были и простенькие в железном корпусе — таких было большинство, и три карманных серебрянных хронометра, и шесть золотых наручных. Затем пересчитал золотые монеты — семьдесят одна штука николаевских и сорок два золотых советских червонца. Порывшись ещё, обнаружил четыре мешочка с бриллиантами, и сыпав камушки в один мешочек, положил его себе в карман. Копаться в кольцах, кулонах и цепочках не было уже никакого желания, поэтому я, вернув всё в саквояж, отнес его в танк. После чего лег на траву и стал бездумно смотреть в осеннее небо, просвечивающее через кроны деревьев. Подошла Болеслава и села рядом спиной ко мне. Помолчав минут пять, она повернулась ко мне и спросила:

— Анджей, скажи мне честно, ты залез в дом из-за золота?

«Вот ведь глазастая, разглядела, чем тут я занимался!»

— Нет, — твердо ответил я, — ради денег, будь там хоть гора золота, я не пошел бы на такой риск! Да и сама подумай, если бы мне нужны были деньги, стал бы я освобождать тебя? Человек в критической ситуации в первую очередь спасает то, что ему дороже. Во время пожара мать бежит к ребенку, банкир к сейфу с деньгами. А я в первую очередь занялся тобой, ну а деньги взял по пути, не оставлять же!

Она опять отвернулась и замолчала минут на десять. Услышав всхлипы, я понял, что она плачет. Я, сев рядом, положил её голову себе на грудь, стал гладить ее по волосам и шептать слова утешения. Но она стала теперь реветь в голос:

— Прости-и-и, я подумала, что ты из-за денег и мне-е-е стало так грустно-о-о! Я плохая-а-аа!

Постепенно она успокоилась и замолчала. Так мы просидели молча ещё с полчаса, а потом она неожиданно сказала:

— Если ты меня хочешь, то я согласна!

Я встал на ноги и молча помог ей подняться, потом, приобняв за талию подвёл к ручью, там усадив на берег умыл ей мокрое от слез лицо и, глядя в глаза, сказал:

— Очень хочу, но сейчас нельзя.

Потому что я плохая, я грязная?.. Или... ты думаешь, он меня заразил плохой болезнью?

— Нет, не поэтому. Сложно объяснить... Из-за того, что с тобой произошло, у тебя сейчас определенные нарушения психики, выраженные в склонности к совершению импульсивных немотивированных поступков, и если пойти на поводу у твоих желаний, то это может нанести ещё больший вред твоей психике.

Она помолчала пару минут, переваривая мою фразу и спросила:

— То есть я предложила себя тебе, потому, что я сошла с ума?

О-о! Вот она, женская логика!

— Нет, ты это сделала, потому что влюблена в меня, потому, что я, хоть и не смог предотвратить... но отомстил негодю и забрал тебя от них, кстати, я тоже влюблен в тебя, но если это произойдет здесь и сейчас, ты можешь позже меня возненавидеть, да и себя тоже!

— А ты правда влюблен в меня?

— Да!

— Тогда поцелуй меня!

— Нет, тогда я не смогу оторваться! Давай пару дней подождем. И сделай, пожалуйста, ужин!

Девушка встала и, покачивая бёдрами направилась к кострищу, через десять шагов обернулась, поймала мой восхищённый взгляд, и с озорной улыбкой задрала с левого, повернутого ко мне бока платье, оголив бедро до пояса, показывая, что трусы она так и не надела, затем призывно качнула обнаженным бедром, колыхнула грудью, маняще сверкнула глазами, потом, удовлетворённо посмотрев на обалдевшее выражение моего лица, опустила платье и дальше пошла уже нормальной походкой. А я спустился ниже по ручью, и раздевшись, улёгся в холодную воду. Помогло. Потом решил произвести обход владений, а заодно и привести мысли в порядок. Когда я вернулся к танку, начинающая уже надоедать каша была готова и я молча стал ужинать. Болеслава тоже ела молча, сев так, что платье задралась едва ли не до поясницы и периодически бросала на меня хитрые взгляды. Сумасшедшая чертовка!

После ужина я ещё раз обошел округу, внимательно выискивая следы присутствия человека или животных, тут ведь могут быть и волки, и кабаны. Но вроде бы все чисто! Возвратившись на стоянку, я сказал девушке:

— Шинель одна, поэтому спать придется вместе, но веди себя прилично, а то отправлю спать на траве! И надень трусы!

Она, кривляясь, приняла стойку смиренно, поднесла к виску два пальца, изображая воинское приветствие:

— Есть, пан командир! — Далее девушка открыла один из своих чемоданов, нашла там шелковые панталончики, демонстративно натянула их на бедра, затем сняла платье, отчего у меня перехватило дыхание и облачилась во взятый в чемодане пижамный костюм из теплой байки, далее, немного подумав, достала из другого чемодана плащ из тонкой ткани и надела поверх пижамы, потом забралась под танк и вскоре меня позвала:

— Иди сюда, все готово!

Я проверил закрытые люки танка и, забравшись под днище, лёг, повернувшись к ней спиной. Девушка прижалась ко мне сзади и прошептала:

— Прости, я веду себя невыносимо, больше так не буду, спокойной ночи.

Вскоре, как я понял по изменившемуся дыханию, она уснула, а я ещё долго пребывал в пороговом состоянии, погружившись в свои мысли. Потом был бурный секс с Болеславой. Во сне.

Когда я утром проснулся, то обнаружил, что девушки рядом нет, а от костровища доносится голос Болеславы, что-то тихонько напевающей, и пахнет готовой кашей. Вспомнив сон, я сунул руку в штаны и убедился, что организм сработал предсказуемо. Чёрт бы побрал эту сумасшедшую! Это всё из-за её вчерашних выходов! Выбравшись, я вежливо пожелал спутнице, снова одетой во вчерашнее синее платье, доброго утра, изо всех сил стараясь казаться спокойным и доброжелательным. Затем, не задерживаясь, зашёл в ручей так, чтобы меня не было видно за кустами, помылся и постирал трусы, потом одел штаны и, вернувшись на стоянку, сел завтракать, бросив взгляд на Болеславу — девушка сидела скромно опустив глаза, подол платья максимально прикрывал красивые ноги. Стоило мне только начать пережевывать первую ложку, как девушка извиняющимся тоном сказала:

— Андрей, ещё раз прошу у тебя прощения, я вчера была сама на себя не похожа, я как будто забыла, что замужем, и мой муж сражается с немцами. И может уже... хотя нет, я должна верить, что он жив и быть ему верной. Спасибо, что не воспользовался вчера моей... — она замолкла, стараясь подобрать подходящие слова.

— Твоим временным помешательством, — помог я ей, а сам подумал: «Неужели я ночью стонал и она обо всем догадалась? Вот засада!»

— Да, как это точно — временное помешательство! — Она благодарно и виновато взглянула на меня. — Ты такой сильный и понимающий, и я тебе очень благодарна, ты мне сильно нравишься, но я давала клятву мужу перед алтарем. Ещё раз прошу, прости.

«А какие у неё красивые глаза! За то, чтобы просто иметь возможность каждый день смотреть в эти глаза, можно полжизни отдать! Стоп, товарищ старший лейтенант, соберись, не время раскисать»

— Да все нормально, я ведь видел, что ты не в себе, вот и отбивался. Ладно, девочка, не куксись, все будет хорошо! Я в немецких документах нашел распоряжение, что Львов должен отойти русским, поэтому нам надо добраться туда, а там все будет проще!

— То есть русские тоже напали на Польшу?

— Не знаю, напали или нет, там только написано, что его не надо занимать, так как он войдёт в русскую зону оккупации.

У Болеславы расширились глаза от ужаса, она закрыла рот ладонью и произнесла:

— Несчастливая Польша! — Потом встала на колени, сложила руки на груди и, подняв глаза к небу, произнесла, — Пресвятая Дева Мария, помоги нам пройти через тяжкие испытания, уготованные Польше. Далее она перешла на латынь, а когда закончила молиться, заплакала.

Ну вот, опять начинается! Не ожидал такой бурной реакции, надо было придержать новость и подготовить её как-нибудь... Хотя ладно, чего переживать? дело сделано, поплачет, да успокоится, не впервой! Мысленно махнув рукой, я приступил к делу — надо было почистить оружие. В боевой обстановке крайне необходимое занятие, к тому же, как я понял ещё в клубе реконструкторов, благотворительно влияющее на морально-эмоциональное состояние. А мне это очень необходимо! Первым делом разборке и чистке подвергся «парабеллум», потом я взялся за снайперскую винтовку, затем настала очередь танковых пулеметов, после них, я, задумчиво почесав голову, решил, что пушку тоже не помешает обслужить, поэтому достал из портфеля руководство, нашел нужную страницу и приступил к делу. Разобрав затвор, я разложил детали на корме танка поверх ветоши и неторопливо, с максимальным прилежанием, приступил к чистке. Грохот взрыва, донесшийся из леса, заставил меня вздрогнуть. «Растяжка!» — моментально сообразил я, и, посмотрев на железяки, трехэтажно выругался: «На самом интересном месте!». После чего крикнул девушке, тревожно глядевшей в сторону взрыва:

— Быстро собирай вещи и в танк!

А сам сгреб детали в кучу, свернул ветошь узлом, который забросил на место заряжающего. Затем запустил двигатель, чтобы хоть немного прогрелся до начала движения. После чего помог девушке убрать в танк чемоданы и разную мелочь, отметив про себя, что журналы она подала в первую очередь. Усадив спутницу на командирское место, я обежал поляну, сорвал с ветки успевшие высохнуть трусы и, проконтролировав, что ничего не оставлено, занял место механика-водителя и двинул танк с места.

Маршрут бегства у меня был заранее продуман, и я, не задумываясь, направил панцер на восток, с громким хрустом прорубаясь через подлесок. Проблема была в том, что днём след гусеничной машины позволяет меня с лёгкостью выследить и помочь может только выезд на отсыпанное гравием шоссе, однако в светлое время это делать очень рискованно. Фрицы ведь должны искать угнанный танк, а у меня нет красок, чтобы перекрасить номер. Интересно, кто там напоролся на мину, немцы или поляки? Забавно будет, если это лесной зверь заставил меня бросить такое удобное убежище и бежать, рискуя нарваться на неприятности. Но проверять было очень рискованно, поэтому я жал на педали, лихорадочно перебирая варианты дальнейших действий. Разумеется, ранее я обдумывал свои действия при подобном развитии событий, но всё планирование свелось к выбору маршрута ухода со стоянки в случае взрыва растяжки и тщательному изучению карты окружающей местности. Я ведь надеялся, что удастся спокойно отсидеться двое суток, а потом ночью на шоссе пристроиться к механизированной колонне и под ее прикрытием проехать дальше на восток. Но не срослось, уходить приходится днём, из-за чего риск обнаружения многократно возрастает. Вскоре лес кончился и танк под моим управлением оказался на берегу неглубокой речки, которую я пересек вброд, затем, проехав полкилометра по сжатому полю, оказался на грунтовой дороге, по которой и двинулся дальше. Через четверть часа я нашел удобное место в кустах на невысоком холме, вполне подходящее для короткой стоянки и переместился в башню, где, бросив пару ободряющих фраз испуганной девушке, сел на место наводчика и собрал, наконец, затвор пушки. Потом снял китель и надел на себя немецкий танковый комбинезон — так есть шанс, что немцы примут за своего. Далее, забравшись на башню, я встал в полный рост и с помощью монокуляра осмотрел окрестности. В двух километрах к северо-востоку была небольшая деревенька, или, скорее хутор, и, судя по всему, немцев там не было. В десяти километрах к северу от нас поднималась стена пыли, предположительно поднятая войсковой колонной. Поразмыслив, я вернулся за рычаги и направил танк к хутору. Надо затариться харчами, а то каша уже достала! Остановив танк в пятидесяти метрах от забора, я перебрался в башню и повернул её, наведя пушку на дом. Потом высунулся из люка и, глядя на окна дома, приглашающе махнул рукой. Через минуту ожидания из калитки опасно выглянул седобородый дедок, и засеменил ко мне, умудряясь подобострастно кланяться на ходу. Когда он приблизился, я протянул ему купюру в двадцать дойчмарок и с немецким акцентом требовательно произнес:

— Молоко, яйца, хлеб, шпик, колбаса, огурец, водка, — затем ткнув пальцем в циферблат часов, — грозно добавил, — шибчей!

В обратном направлении дедок улепетывал гораздо быстрее, потом во дворе появились суетящиеся женщины и уже через десять минут старикан передал мне увесистую корзину, доверху набитую продуктами. После чего я, поставив тару с домашней снедью на кресло стрелка-радиста, вернул танк на прежнее место стоянки, там вновь осмотрел окрестности и решил, что есть возможность быстро перекусить. Поэтому, взяв бутылку с молоком и буханку хлеба, я уселся на башне, а Болеслава по моему совету по грудь высунулась из люка, и мы стали есть свежий хлеб, поочередно запивая его молоком из бутылки, не забывая осматриваться по сторонам. Пока мы ели, девушка бросала на меня вопросительные взгляды, но молчала, я же обдумывал возможность пристроиться к проходящей войсковой колонне и в конце концов решил рискнуть.

— Болеслава, давай усаживайся, пора снова в путь!

Девушка молча исчезла в башне, я закрыл люк и вновь занял место за рычагами. Интересующая меня колонна сейчас шла в трёх километрах восточнее нас, двигаясь на юго-восток. Очевидно, её целью было шоссе Краков-Перемышль, на котором ещё могли оставаться отдельные очаги сопротивления.

На нужный перекресток я выехал как раз после прохождения хвоста колонны и пристроился в пылевом шлейфе. Ехал с закрытым люком, используя для обзора смотровую щель закрытую триплексом, к тому же приходилось быть начеку, чтобы не приближаться слишком близко к колонне, но и не отставать. Минут через двадцать я заметил на обочине одиноко стоящий грузовик, у которого два солдата Вермахта спорили переднее колесо. Проехав чуть дальше, я остановил танк и подошёл к фрицам, обратившись к ним по-немецки:

— Привет парни! Что, колесо пробило? Закурить не найдется?

Фрицы, увидев меня, бросили работу, поздоровались, ефрейтор достал пачку сигарет и протянул мне. Рядовой протянул горящую зажигалку. Я не мог оставаться безучастным к такому бескорыстному проявлению дружелюбия и убил их быстро, без мучений. Рядовому я двумя пальцами правой руки перебил трахею, а ефрейтору левой вонзил нож в шею, но постарался сделать это аккуратно, чтобы не забрызгаться кровью. Оттащив трупы в придорожные кусты, залез в кабину посмотреть, можно ли разжиться чем-нибудь полезным? Взял индивидуальные перевязочные пакеты, мешок с сухпайком, три гранаты и две шинели. Негусто. Забравшись в кузов, обнаружил двадцать ящиков минометных боеприпасов. И здесь облом, ну на хрена козе баян? Единственное, что хоть немного меня порадовало, это четыре канистры с бензином. Маловато, конечно, для моего прожорливого танка, но, хоть что-то!

Успев залить две канистры, я услышал приближающийся шум моторов и, посмотрев на дорогу, увидел приближающийся броневик Sd.kfz 221, вслед за которым ехал тентованный грузовик «Опель-Блиц». На всякий случай я занял место за рычагами и, высунув голову из люка, изобразил скучающее выражение лица. Надеюсь прокатит. Поравнявшись со мной, броневик остановился и из башенного люка высунулся офицер, который, судя по выражению лица, хотел что-то спросить, но вот его взгляд перебежал с моего лица на бортовой номер, и на его физиономии отразилась такая богатая палитра эмоций, что мне сразу стало понятно: не прокатило! Опустившись на сиденье, я захлопнул люк и дал по газам. Pz. IV это не «Феррари» и даже несколько не «Лада», если говорить о наборе скорости. Эта многотонная бронированная туша набирает скорость довольно медленно. Отчаянно выжимая обороты и дёргая рычаги в стремлении увести танк вперёд я не мог видеть, что происходит сзади, поэтому спросил у спутницы через «говорилку»:

— Видишь, что там сзади?

— Там немцы, их много... мне страшно!!!

— Да знаю знаю я что там немцы! — Подкрепив своё утверждение трехэтажной ругательной конструкцией, я продолжил, — Что они делают?

— Не ругайся на меня! — В наушниках послышались рыдания.

— Вот курва! — В сердцах я сорвал наушники и, отбросив их в сторону, развернул панцер на месте.

— Ага! У фрицев проблемы! Видимо, с перепуга водитель броневика попытался задним ходом объехать следующий за ним «Опель-Блиц», но застрял в кювете и, сейчас, буксуя, пытался вырваться на дорогу. Из кузова грузовика выпрыгивали солдаты и организованно разбежались в стороны, занимая позиции. Увидев мой маневр, экипаж бронемашин тоже прыснул в разные стороны. Знают, чем грозит им мой разворот! Я не стал их разочаровывать, скользнул в башню и, уже через пять секунд послал фугас точно в цель, потом немного крутанул механизмы настройки и следующим выстрелом поразил грузовик. Всё, пора тикать! Стрелять из пушки по лежащей врассыпную пехоте нет никакого смысла, да и от пулемета толку будет мало. Исходя из этих соображений, я задним ходом проехал пятьсот метров, потом развернулся и погнал на юго-восток. Согласно тактико-техническим характеристикам, Panzer-4 имеет максимальную скорость 40 километров в час по шоссе. Но в этом режиме значительно возрастает износ двигателя, и без того имеющего невысокий моторесурс, однако сейчас не та ситуация, когда необходимо заботиться о сохранности движка, тут бы голову сохранить, а для этого мне нужна скорость. Единственный вариант спасения без потери танка я сейчас видел в том, чтобы максимально быстро добраться до моста через Дунаец и, перейдя через него, затеряться в лесистых холмах правобережья этого притока Вислы. Ранее я надеялся, что получится дожидаться темноты в каком-нибудь лесочке, потом ночью пристроиться к войсковой колонне и как можно дальше продвинуться на восток. Однако сейчас, после боестолкновения, укрыться западнее Дунайца нереально, так как в отличие от правобережья, приличных лесов, пригодных для укрытия, здесь почти нет. Лишь один крупный массив напротив Гарнува, но, спрятавшись в нем, я окажусь в ловушке. Да и если даже бросить танк, шансов уйти мало — выследят. Так что давай Андрюха! Жми на газ и надейся, что у оставленных позади немцев не было рации, ну или они не успели ей воспользоваться. Не доехав до шоссе примерно километр, я свернул, чтобы срезать угол по пересеченке, скорость заметно снизилась, но так безопаснее — на перекрестке мог находиться пост, а там не постреляешь, вражеских войск много. Форсировав вброд ручей, я остановился на берегу и выбрался наружу. Затем, собирая со дна ил, я стал бросать его на танк, чтобы скрыть бортовой номер, но выглядеть это должно естественно. Закончив, я осмотрел результат и

скривился: доверия не вызывает, но времени на приведение к художественному виду нет. Надо успеть до моста раньше, чем потрёпанные мной фрицы доложат об инциденте. Поэтому я продолжил путь и вскоре уже ехал по шоссе на восток. Если быть точным, то по самому шоссе я проехал только половину пути до моста, остальную часть пути я проделал по обочинам, или вообще по полю, объезжая заторы, созданные наступающими немецкими войсками. Как бы там ни было, но вскоре я добрался до моста и, внаглую вклинившись в тыловую колонну, преодолел мост, демонстративно не реагируя на отчаянную жестикоуляцию регулировщика. И погнал дальше, опасаясь, что сейчас пехотинцы, идущие в колонне на восток, развернут одну, или сразу несколько своих пушек и влупят мне гостинец в корму, а там броня тонкая... Но, видимо, немцы не смогли быстро однозначно идентифицировать меня как противника и мне удалось уйти от моста целым и невредимым. Через километр после моста я свернул на просёлок и направился в южном направлении. Вскоре мне посчастливилось выехать на каменистую дорогу, где следы танка были почти незаметны. Для большей скрытности я срубил деревце и прицепил его сзади. Ещё минут через пятнадцать я нашел удобное место стоянки у подножия поросшего лесом холма, со склона которого стекал тонкий ручеёк. Здесь танк надёжно укрывали кроны деревьев, а поднявшись на холм, можно было осмотреть округу. Согласно карте, ближайшая деревенька была в двух с половиной километрах от выбранной стоянки. Здравомысленно рассудив, что лучшее место сегодня найти вряд ли удастся, я выбрался наружу и открыл люк башни:

— Пани Болеслава! Наш вояж временно приостановлен для отдыха и осмотра достопримечательностей!

Девушка не приняла поданную мной руку и, после того как самостоятельно выбралась на корму танка, с укором глядя мне в глаза, требовательно спросила:

— Ты зачем их убил?!

— Кого?! — опешил я от неожиданной постановки вопроса.

— Тех, двоих пареньков, которые тебя сигаретой угостили!

Я изумлённо посмотрел на неё:

— Так это же немцы!

— Ну и что? Они нам ничего не сделали, это же совсем ещё дети, их просто призвали в армию! Ты настоящее исчадие ада! Кровожадное чудовище! Видеть тебя больше не могу! — После этой эмоциональной тирады девушка уселась на корму и заплакала навзрыд.

Мне кажется, я начинаю от неё уставать! Наверное, у этой девушки в голове что-то сикось-накось. Коротко поразмыслив, я решил, что не стоит лезть к ней сейчас с объяснениями и доказательствами ее неправоты. Поэтому достал из танка корзину с снедью, переложил часть продуктов в свой ранец, пополнил в ручье фляжку, прихватил монокуляр и, найдя вполне пригодный путь вверх, поднялся до середины склона, где выбрал удобное место, чтобы можно было спокойно поесть, наблюдая за округой. «Надо бы построить шалаш», — лениво размышлял я, откусив колбасу и наблюдая за надвигающейся с запада тучей. Дождь это хорошо — следы смывает, у фрицев не будет желания шататься по лесам в поисках одинокого безобидного танка. Да и нелётная погода тоже в плюс. Однако я не торопился заниматься жилищным строительством. Дождь ещё не скоро и вообще не факт, что он будет, так что времени для неторопливого перекуса вполне достаточно. Да и настроение паскудное из-за Болеславы, хотя, может она в чем-то права? Не обязательно насчёт тех двоих, а вообще? Я ведь немцев убиваю без всяких рефлексий и сантиментов, даже не морщась, как в том тренажере-шутере, который остался в прошлой жизни. Там правило было простое — убивать всех, кого есть возможность убить, если они одеты во вражескую униформу. Независимо, вооружены они или нет, мужчина или женщина, спят или в толчке сидят. А я в этих шутерах не один десяток тысяч врагов прикончил. Причем создатели программ весьма ответственно подошли к выполнению своей работы — все было очень реалистично. Вот, например, был там шутер под названием «Склад» — игра происходит в реальном складском ангаре, в котором хаотично расставлены ящики, в руках пистолет ТТ (там большой выбор оружия) который при выстреле даёт реальную отдачу за счёт пневматики, на глазах очки дополненной 3-D реальности, на голове наушники, дающие качественный звук, близкий к реальному, на теле костюм с электрошоком — если допустил попадание в себя, тряханет весьма неприятно (но зато боевые рефлексии вбиваются намертво). Идёшь так спокойненько между ящиками, никому не мешаешь, а тут из-за угла выскакивает ухарь (даже и не скажешь что виртуальный) и начинает палить из МП-40. Чуть зазевался — и здравствуй, электричество! Вот так, крутясь как уж на сковородке, за час полторы сотни виртуальных, истекающих кровью трупов вермахта (они ведь не исчезают, до конца раунда лежат). Поэтому, наверное, неудивительно, что я убиваю фрицев, не задумываясь о гуманизме — моя психика переключилась в режим войны и сейчас все немцы должны быть убиты, если есть такая возможность. И эмоций к ним у меня никаких нет, ну кроме того главнемца, вот его реально ненавидел, пока не убил. Так что с головой у меня почти все в порядке — я ведь не стал фашистов крушить на шоссе направо и налево, понимаю, что это бессмысленно. А тех двоих, как мне тогда казалось, можно было убить безопасно, вот и убил. Однако, как оказалось, зря — последующие события показали, риск оказался слишком высоким, по краю прошёл. Вообще надо стараться вести себя более осмотрительно, не забывать, что вокруг не

игра, и убить здесь могут по-настоящему.

Ну что, поели? Теперь можно и поспать! Только шалаш всё же сделать надо, тучка-то приближается. С этими мыслями я спустился с холма и осмотрелся. Девушка стояла на коленях спиной ко мне. Молится — понял я и, взяв из танка топор, приступил к рубке молодых деревьев и кустарника для шалаша. Через сорок минут неспешной работы простенький шалаш был готов. Вовремя успел, так как сразу начался дождь и я желая позвать спутницу, подошёл к ней, но девушка испуганно вскрикнула: «Не подходи ко мне!» — и исчезла в башне танка. Но я все-равно забрался в танк через водительский люк, чтобы забрать шинели. При этом услышал, как Болеслава плачет, тихонько всхлипывая.

Вернувшись к шалашу, чтобы исключить протекание, и лежать с комфортом, я набросил одну шинель поверх веток, а на другую лег внутри. И быстро уснул под шум дождя.

Проснувшись, я немного полежал, прислушиваясь к звукам окружающего леса и, не услышав ничего подозрительного, вышел наружу. Вообще, ситуация, когда во время сна я совершенно незащищен, вызывала определенное беспокойство, а сейчас даже и растяжку не поставить на наиболее удобных для нападения направлениях. Лимонки кончились, а немецкие гранаты для этого дела не подходят. Но сделать с этим ничего нельзя — Болеслава для постовой службы непригодна, а я не могу обходиться без сна. Только и остаётся надеяться, что враги не будут шляться по лесу в ночное время, ну или во время дождя, как сегодня. Немного постояв у шалаша, я вспомнил, что на склоне холма видел кусты шиповника и там даже были ягоды, которые являются неплохой заменой чаю, а то уже надоело пить только чистую воду из ручьёв. Так как дел у меня никаких особо не было, то я немедленно отправился на сбор даров леса и за полчаса набрал в немецкую пилотку ягод достаточно для изготовления пары литров ароматного и полезного напитка. А вот дальше появилась проблема — после дождя сухого хвороста в лесу не было. Совсем. Можно было бы попробовать и сырые разжечь, использовав для розжига глянцевого журнала. Но такой костер будет сильно дымить, а это нам не надо из соображений скрытности. Так что придется подождать, пока стемнеет. А пока ещё светло, можно подготовить хворост для костра и разложить его, чтобы хоть немного подсох. Этим я и занялся. Тем временем из башни появилась Болеслава и скрылась в кустах, а вернувшись, села на корму и стала смотреть как я ношу хворост. Я таскаю, она сидит и смотрит испуганно-затравленным взглядом, такая вот идиллическая картина. Закончив, остановился, раздумывая чем бы ещё заняться. Скучно тут, телевидения, интернета нет, только и развлечений, что немцев убивать, а без этого вообще тоска смертная, как только люди тут живут? Даже танковую рацию не послушать — аккумулятор можно посадить, а движок включенным держать нельзя, и так бензина не хватает. Да и что я там услышу? Войсковая связь осуществляется с помощью шифров, а то что передают гражданские радиостанции мне совершенно не интересно. О, придумал! Пожалуй надо (ну, не то чтобы надо, а от нечего делать) подняться на вершину холма и осмотреть округу. В предыдущий раз я не поднимался на самую вершину, остановившись примерно на двадцатиметровой высоте. Сейчас я добрался почти до самого верха, но опять на саму вершину не полез, так как она была скалистой, без растительности, зато вокруг росли достаточно густые кусты, в которых я и расположился, исходя из соображений скрытности. Ожидаемо ничего нового, чего бы я не знал из немецкой топографической карты, я не увидел. Местность здесь густонаселенная — сплошные хутора и деревни, без заметных границ населенных пунктов. Исключение составляют холмистые возвышенности и цепи, поросшие лесом, но эти пространства весьма ограничены по территории. Вот отсюда, например, до ближайшего хутора два с половиной километра. Поэтому надолго здесь укрыться не получится, да я и не планировал, так как сегодня ночью хочу преодолеть два десятка километров (это если по прямой, а по петляющим дорогам все тридцать наберётся) до речки Вислоки, преодолеть её вброд и укрыться в крупном лесном массиве на восточном берегу. Радует то, что пока не наблюдается признаков интенсивного поиска наглого поляка, гонящего по тылам наступающих войск на угнанном танке и безнаказанно убивающего направо и налево немецких солдат и офицеров. Скорее всего я как тот неуловимый Джо — немцы не то, чтобы меня совсем не ищут, а просто не имеют пока возможности направить на поиски достаточно ресурсов. Основные силы немцев задействованы вокруг Варшавы, здесь же второстепенное направление, но, тем не менее восточнее поляки пока оказывают серьёзное сопротивление и у фрицев нет возможности направлять существенные силы на контроль захваченной территории.

За ближайшие полчаса я постепенно обошёл вершину по кругу, осматривая окрестности, потом сел на западном склоне и расслабленно наблюдал живописный закат. После чего, проводив взглядом последний луч солнца, я спустился вниз на стоянку. Там я увидел, что Болеслава все также неподвижно сидит на корме, глядя в пустоту потухшим взором. Проблема. «Похоже, её состояние опять ухудшается, ей бы к хорошему психологу на прием попасть, да где его взять? Ведь сейчас эта наука находится в зачаточном состоянии и толку от нынешних специалистов немного. Остаётся надеяться только на то, что время сможет вылечить её душевную боль». Я хотел было к ней подойти, чтобы хоть как-то поддержать, но девушка молча спрыгнула с кормы и испуганно отбежала в сторону, таким образом, демонстрируя без слов нежелание общаться. Мысленно махнув рукой, я приступил к разведению костра, обойдясь без использования в качестве розжига глянцевого журнала — хватило писем немца

из портфеля и куска картона, оторванного от коробки с консервами. Вскоре над весело потрескивающим костром в котелке закипала вода для ароматного напитка, а на веточках исходили жиром куски полукопченой колбасы. Бросив в котелок горсть шиповника, я снял его с огня и посмотрел в сторону Болеславы — девушка все также сидела на корме танка, не глядя на меня, показывая всем своим видом, что ужинать не собирается. «А она хоть обедала?» — Задался я вопросом, понимая, что не видел, как она что-нибудь ела после нашего утреннего перекуса хлебом с молоком.

В любом случае надо предложить, решил я и собрал для спутницы ужин: кружка напитка, три крупных куса обжаренной над костром колбасы и кусок хлеба, после чего подошел к ней. Болеслава не стала от меня отбегать, как сделала это полчасом ранее, но демонстративно отвернулась. Я положил продукты на крыло и обратился к девушке:

— На вот, поешь, нам ведь скоро надо снова ехать.

— После недолгой паузы, она, так и не глядя в мою сторону, сказала:

— Мне надо в костёл!

Осмыслив её просьбу, я пришел к выводу, что это может помочь ей справиться с проблемами. Девушка она набожная, исповедуется, причастится, глядишь и отпустит ее тоска-печаль. Хотя тут всё от везения зависит, священники-то ведь тоже люди и, надо отметить, очень разные, как и все люди. Но других вариантов лечения ее душевной кручины всё равно нет. Поэтому, немного обдумав возможность исполнения её просьбы, я ответил, глядя ей в спину:

— Днём идти в костёл опасно, ночью он не работает, но мы можем около десяти вечера заехать к ксендзу домой, и если он хороший человек, то не откажет, а от плохого и толку не будет.

Не оборачиваясь ко мне она кивнула и попросила:

— Отойди, пожалуйста!

Пожав плечами, я вернулся к костру и начал есть, иногда бросая взгляды в сторону девушки. Моя спутница, сидя на корме, так же приступила к ужину и это слегка подняло мне настроение. Да и вкусный и сытный ужин благотворно подействовал на моё эмоциональное состояние. Напиток из свежих ягод шиповника получился великолепным! Колбаска с огурчиками также хорошо зашла. Все было бы вообще великолепно, но тяжесть от холодного отношения Болеславы так или иначе давила на сердце. Казалось бы, можно понять её эмоции, но всё-равно тошно. Ладно, хватит рефлексировать! Дорога ждёт, ведь тьма уже накрыла многострадальную Польшу.

Сказав Болеславе, что скоро уезжаем, я прошёл к шалашу, где забрал обе шинели, потом, внимательно осматриваясь, прогулялся по месту стоянки, чтобы ничего нужного не оставить, после чего положил вещи в танк и сел на ставшее уже привычным место за рычагами. Затем запустив двигатель, я оставил его прогреваться на холостых оборотах, а сам, включив освещение, углубился в изучение карты, выбирая подходящий маршрут, запоминая ориентиры и контрольные точки. Закончив подготовку, я направил панцер по сельским проселкам. Двигался я не спеша, останавливаясь в заранее запланированных контрольных точках чтобы осмотреться по сторонам. Используя эту методику, я старался максимально обезопасить себя от нежелательной встречи с фашистами. Ведь где в первую очередь выставляются посты? На перекрестках, въездах и выездах из населенных пунктов, у мостов, рядом с важными административными и промышленными объектами. Поэтому при составлении маршрута, я старался избежать движения через опасные места, а где это невозможно, отметил для себя те самые контрольные точки. Несмотря на то, что танк ехал медленно и осторожно, уже в восемь часов вечера я остановил панцер в небольшой рощице за полкилометра от костела, выбранного мной для посещения по причине его удобного расположения на окраине села. Затем я забрался на растущий на опушке рощи кряжистый дуб и внимательно осмотрелся — вроде все спокойно — во дворах лениво перегавкиваются собаки, позволяя надеяться, что в селе нет немцев, не видно и не слышно ничего подозрительного. Закончив рекогносцировку, я позвал Болеславу и мы пошли к дому священника, расположенному рядом с католическим храмом. Затаившись у забора, я пару минут наблюдал за тускло светящимися окнами, а затем бесшумно, одним опорным прыжком, перемахнул через ограду, тихонько скользнул к дому, где замер у кирпичной стены, прислушиваясь к тишине, затем, выждав полминуты, постучал в дверь и отошел в сторону. Вскоре в доме раздались шаркающие шаги и на крыльце появилась сгорбленная старуха со свечой в руке. Увидев меня в полном обмундировании, она тревожно посмотрела по сторонам, и неприветливо спросила:

— Зачем припёрся?

Слегка ошеломленный такой невежливой встречей, я всё же сообщил о цели посещения:

— Мне бы с падре увидеться.

— А, так этот бездельник в храме! Стучите и Вам отворят! — после этих слов она уже собиралась вернуться в дом, но я спросил:

— Немцы есть рядом?

Старуха молча смерила меня с головы до ног презрительным взглядом и иронично произнесла:

— Неужто воевать собрался? — потом злобно закончила, — Нету их тут, ближе Дольно немцев нет! — и захлопнула дверь.

Хм, если это правда, то все просто здорово! До Дольно пять километров по прямой, а значит можно слегка расслабиться, но только слегка. Вернувшись к девушке, я сообщил, что ксендз должен ещё быть в костёле, после чего мы, сохраняя бдительность, направились к храму. Там я сначала обошёл вокруг средневекового строения, потом подёргал дверь главного входа, а, убедившись, что она заперта, постучал и отошёл от двери назад и в сторону. Ждать пришлось около пяти минут. Когда я уже решил, что надо повторить стук погромче, то послышался скрип засова и из дверей появился ксендз в черной сутане и свечой в руке. Увидев меня, он тревожно огляделся по сторонам, бросил взгляд на мою спутницу, и, быстро взяв себя в руки, участливо-добродушно спросил:

— Какая нужда привела вас в храм божий?

— Пани нужно исповедаться и причаститься, — ответил я, кивнув в сторону Болеславы.

Вместо ответа ксендз, не задавая более никаких вопросов, сделал приглашающий жест рукой и исчез в здании, девушка молчаливой тенью вошла за ним, а я прикрыл дверь и остался снаружи, скрывшись в тени забора. Через час томительного ожидания дверь вновь открылась и увидев вышедшую Болеславу, я подошёл к ней и заглянул в глаза, сразу заметив улучшение её состояния, девушка ответила спокойным, каким-то одухотворённым взглядом. В это время из храма появился священник и спросил:

— А может и пан хочет исповедаться и причаститься?

Я подошёл к нему вплотную и коротко ответил:

— Я ортодокс, — потом протянул ксендзу пять тысяч марок и продолжил, — Возьмите на богоугодные дела.

Он принял деньги и благостным голосом ответил:

— Я всё равно буду за Вас молиться. А девушке надо бы пообщаться с пани Ядвигой, которая живёт в Чарно, это здесь недалеко. У неё божий дар словом и молитвой лечить души страдающих женщин. Я объяснил пани, — он показал взглядом на мою спутницу, — Как найти её дом. Только Ядвиге не давайте марки, лучше продуктами, кстати, здесь недалеко, — ксендз рукой показал направление, — через пять дворов стоит дом лавочника Войцеха Дробо, у него можно многое купить из продуктов.

— Спасибо падре! — я с искренней благодарностью попрощался со священником, после чего вместе с девушкой направился к указанному ксендзом дому лавочника.

Хоть у нас и оставался запас продуктов дня на два (без учёта крупы и тушёнки), но наведаться к этому Войцеху не помешает — а вдруг у него кофе есть?

Визит к лавочнику оказался весьма успешным и уже через полчаса я нес к танку объёмистый мешок с продовольствием. Болеслава тоже несла относительно небольшую, но весьма ценную сумку, в которой была банка молотого кофе, чай, сахар, соль, перец, и — трудно поверить — три килограмма по моему заказу нарезанной и замаринованной в винном уксусе свинины для шашлыков! Закинув добычу, за которую я отдал, не торгуясь, сто марок, в танк, я вновь уселся за рычаги и широко улыбнулся, предвкушая, как я в скором времени налопаюсь истекающих жиром, тающих во рту шашлыков — а жизнь-то налаживается! Если ещё от визита к пани Ядвиге будет толк, то можно будет сказать, что несмотря на утренние и дневные проблемы, сутки прошли в целом удачно, с позитивным результатом. С этими мыслями, преисполненный оптимизма, я нажал на газ. Дальнейшее движение мною осуществлялось с применением прежнего алгоритма в режиме максимальной осторожности.

Доехав до Чарно за полчаса, я ещё долго искал место для парковки, отвечающее требованиям безопасности, потом полтора километра пришлось идти пешком до нужного дома под звуковое сопровождение в виде собачьего лая. Как бы то ни было, но за час до полуночи мы с девушкой остановились у аккуратного дощатого забора, за которым виднелась крытая соломой мазанка с темными окнами.

— Это здесь, — сказала Болеслава, глядя на дом, — но тебе туда нельзя, во дворе злой пёс, который только на мужчин кидается, а женщин не трогает.

— Ну тогда я тебя здесь подожду, особо не спеши, но часа в четыре нам уже нужно выехать.

— Я помню, — она взяла из моих рук корзину с продуктами, предназначенными для пани Ядвиги и вошла в незапертую калитку.

Около дома к ней подошёл крупный серый пёс, понюхал корзину, кивнул лохматой головой, угрожающе рыкнул в мою сторону и исчез в будке. Тем временем девушка постучала в дверь, которая через минуту открылась, и Болеслава, обменявшись парой фраз с хозяйкой дома вошла. Я же, сев на землю под забором, приготовился к долгому ожиданию. Время тянулось медленно, а я все думал и думал о Болеславе, задавая себе вопросы, на которые не мог найти ответа. Какие чувства у меня к ней? При попытке найти ответ на этот, казалось бы, простой вопрос, передо мной вставали новые вопросы, требовавшие ответа. Я даже не мог сказать, есть ли у меня к ней сексуальное влечение. Да, организм однозначно реагировал на её близость, но ведь это только физиологическая реакция на молодого мужчины на красивую девушку. А вот на психоэмоциональном уровне хочу ли я её? Не знаю. Я ведь не зря тогда отбивался от её откровенных домогательств. После потери Катаржины я тщательно избегал

долговременных отношений, которые стали отождествляться для меня с невыносимой болью от её утраты. Чего нет, того не потеряешь и страдать от потери не придется. А с Болеславой короткой интрижки не получится, именно понимание этого и заставило меня оттолкнуть её тогда. Тут до кучи ещё начавшаяся война, мои довольно туманные перспективы легализации в СССР... Да и вообще вопрос, насколько моя приязнь к Болеславе является симпатией именно к ней, а не воспроизведением моей любви к Катаржине? Вопросы, вопросы, вопросы на которые нет ответов, да и нужны ли они сейчас?

Поняв, что самокопание совершенно не помогает мне определиться в своих чувствах, я забросил это дело, постаравшись переключиться на свои ближайшие планы — прогнал перед мысленным взором карту окружающей местности, обдумал свои действия при возникновении проблемных ситуаций. Но вот, наконец, Болеслава вышла из дома, вследствие чего моё вынужденное безделье закончилось. Посмотрев на часы, я определил, что её не было около часа с четвертью, и у меня остаётся вполне достаточно времени для реализации планов, намеченных на текущую ночь. Когда девушка подошла, я заметил, что её настроение значительно улучшилось, взгляд стал ещё спокойнее, а ее движения кажутся несколько заторможенными по сравнению с тем, что я видел раньше. Ну вот и хорошо, буду надеяться, что эффект деревенской психотерапии будет длительным. Затем мы без приключений добрались до стоянки панцера и я взял направление на брод, до которого вскоре и добрался без всяких приключений. На берегу реки я залез на башню и, встав в полный рост, внимательно огляделся. Убедившись в пустынности обоих берегов, я срезал длинную ветвь прибрежного ивняка и сделал из неё двухметровый шест, очистив от листьев и мелких веток, затем разулся, снял с себя штаны и вошёл в холодную воду, ощупывая палкой дно реки. Пройдя так до противоположного берега и вернувшись, я убедился, что брод вполне проходим для танка, после чего, вновь одевшись и обувшись, сел на свое место и тихонько двинул панцер в реку. Аккуратно и без происшествий форсировав водную преграду, я осмотрел оставленный след, и мне стало понятно, что план необходимо менять. Первоначально я предполагал остаться здесь (точнее — в раскинувшемся вдоль восточного берега реки лесном массиве) на два — три дня, а затем, ночью примкнув на шоссе к механизированной немецкой колонне, выдвинуться в направлении Перемышля. Но сейчас, разглядывая глубокие следы, оставленные панцером на обоих берегах речушки, я осознал, что тут оставаться никак нельзя — слишком высок шанс, что могут вычислить и обложить, мне ведь неизвестно, к какой степени важности захватчики отнесли вопрос о моей поимке? Исходя из этих соображений, я направился не в лес, а на север по проселочной дороге, идущей вдоль берега. Справа от меня вставала густая стена широколиственного леса, слева несла свои быстрые воды Вислока, а в трёх километрах впереди должен быть перекресток, возле которого с высокой степенью вероятности будет немецкий пост. Что же, будем прорываться, так как объехать по лесу не получится — на карте обозначены препятствующие этому овраги. Не доезжая до перекрестка порядка пятисот метров, я остановил танк так, чтобы его не было видно от поста, и прошел пешком немного вперёд, чтобы хорошо изучить обстановку впереди с помощью монокуляра. Как выяснилось, здесь действительно была охрана — пехотное отделение споро занимало боевые позиции, вероятно, таким образом реагируя на шум моего панцера. Ну, они мне не соперники! Можно просто проскочить вражеские позиции на скорости, но в любом случае, обо мне врагу станет известно, а их ликвидация не займет много времени, хотя и будет сопровождена шумом, указывающим на мое местонахождение. Задумчиво почесав затылок, я решил немного повоевать и, вернувшись в танк, направил его к немецкому блок-посту, не доезжая которого сотню метров, остановился и, перебравшись на место стрелка радиста, посмотрел в прицел пулемета, изучая расположение целей и распределяя очередность их поражения. Вражеский блок-пост представлял из себя шлагбаум, справа от него расположилось обложенное мешками с песком пулеметное гнездо, из которого в мою сторону напряжённо смотрели три пары глаз, а остальные шесть фрицев заняли позиции в положении для стрельбы лёжа, рассредоточились на обочинах дороги. Ничтоже сумняшеся я дал первую очередь по пулеметному гнезду, а потом, успев удовлетворённо отметить поражение всех трёх целей, перенес огонь на лежащих постовых, потратив на каждого по два-три патрона. Как в тире, даже не вспотел! Закончив бойню и перебравшись за рычаги, я уже собирался дать газу, но увидел в трёх сотнях метров за постом ещё... раз, два... восемь! Точно, восемь фрицев, грамотно приближающихся перебежками к своей смерти, поэтому вновь перебрался за пулемет, и, дождаввшись удобного расположения противников, быстро покончил с ними короткими очередями. Надеюсь, поблизости больше нет желающих отправиться в ад? Тогда вперёд! Я дал газу и танк стал медленно набирать скорость, но вскоре опять был вынужден резко затормозить. Прямо передо мной на дорогу выскочил поляк и застыл посреди дороги с расставленными в стороны руками. Что за нахрен? Для прояснения ситуации я скользнул в башню, там пересадил ничего не понимающую Болеславу на место заряжающего и осмотрелся в смотровые щели командирской башенки. Вроде ничего подозрительного. Только непонятный мужик лет пятидесяти в ничем не примечательной сельской одежде на дороге. Подняв люк, я высунул голову наружу и громко, чтобы перекрыть гул работающего на холостых оборотах двигателя спросил:

— Чего надо?

Мужик вместо ответа спросил с надеждой в голосе:

— Пан — поляк?

— Допустим.

Услышав мой ответ, он грохнулся на колени и заголосил:

— Спаси пан офицер! Не дай кровиночке моей погибнуть!

Мля, только новых спасательных операций мне для полного счастья не хватало! Ещё раз опасливо осмотревшись по сторонам, я позвал поляка:

— Залезай сюда! — услышав приглашение, он бегом вскочил на крыло и приблизился к башне.

Пан офицер, там душегубы, хотят дочку, кровиночку мою с детками ейными погубить!

— Тебя как звать?

— Лешек, пан офицер! — я был в танковом комбинезоне и моих знаков различия не было видно.

— Ну так скажи мне Лешек, где они? Сколько немцев и где? Поблизости есть крупные подразделения немцев?

— Так вон в том дворе! Душегубы в самом доме, а доча с детишками в амбаре заперты!

— И за что они её?..

— А за то, что раненого офицера нашего прятали... В Дольне вчера целую семью с детишками за это повесили прямо посередине села, а сегодня те душегубы сюда приехали, уже всех предупредили, чтобы с утра собрались, — Лешек сбивчиво вывалил на меня ворох информации.

— Ты не сказал, есть ли ещё немцы поблизости?

— А, так в Пильзно сотни две с броневидами... — Наморщив лоб начал перечислять мой собеседник, — в Дембице полтыщи с танками... в Братице с полсотни с пулеметами, ну и тут вот... были. — повел он рукой вокруг.

Ещё раз оглянувшись по сторонам, я выбрался из люка и встал в полный рост на башне, разглядывая в монокуляр нужный двор, находящийся от меня в двух сотнях метров. Сразу видно, не бедные люди здесь живут: одноэтажный кирпичный дом квадратов примерно на сто двадцать, основательные бревенчатые хозяйственные постройки, большой двор, на котором стоит немецкий грузовик (бензин мне бы очень пригодился!).

— А где, говоришь, арестованные?

— Так в амбаре, что с левого краю!

— А в доме только немцы?

— Они, окаянные, если только потом не убежали. Тут как стрельба началась, солдаты ихние сразу на подмогу побежали, а душегубы в доме остались. Я-то к амбару хотел сунуться, думал освободить получится, только калитку открыл, так те сразу из окна стрелять стали, но в меня не попали, вот я и побежал к вам.

— Ладно, делаем так, сейчас встанешь за танк, я сделаю два выстрела по дому, потом ты бежишь к амбару, освобождаешь родных, а я за тобой, прикрывать буду, если немцы стрелять будут, сразу падай. Понял? Тогда спускайся и за танк!

Дождавшись выполнения приказа, я спустился в панцер, загнал фугасный унитар в казенник, одновременно бросив Болеславе, которая так и сидела на месте заряжающего, банальную фразу:

— Зажми уши, сейчас стрелять буду, — затем, наведя прицел на окно с левой стороны дома, произвел выстрел.

Как я и рассчитывал, снаряд взорвался внутри дома, разметав крышу и обвалив часть стены. После второго попадания от дома остались только полуразрушенные стены, что давало весомые основания надеяться, что живых там не осталось. Проследив за мужиком, который в соответствии с моим приказом резво бежал к амбару, я также двинул панцер в сторону разрушенного дома. Остановившись у грузовика с разбитыми стеклами и спущенными шинами, я сначала огляделся через смотровые щели командирской башенки, потом открыл люк, высунул голову и ещё раз осмотрелся. Вроде безопасно. Мужик уже открыл амбар и оттуда доносился женский плач. Я вылез из танка и, подойдя к машине, увидел нарисованные на двери две молнии с характерными изломами. СС. Теперь хоть понятно, кого Лешек душегубами называл. Затем осторожно заглянул в кузов грузовика — пусто. То есть людей или объемных грузов нет, а вот пара канистр — есть. Поднявшись в кузов, я убедился, что ёмкости под завязку наполнены бензином. Превосходно! Подхватив их, я вернулся к танку и стал пополнять бак, посматривая в сторону ангара, из которого стали появляться узники. Первыми вышли как и ожидалось, довольно молодая женщина с двумя мальчиками лет десяти-двенадцати, потом появился гражданский поляк лет сорока, который помогал идти раненому, грудь которого была густо замотана бинтами, видимо это был тот офицер, про которого мне говорил Лешек, за ними появилось ещё пять польских солдат. «Что-то многовато народу, в танк все не поместятся», — подумалось мне, но я решил, что дальше не моя проблема и продолжил заливать бензин. Закончив, бросил канистры на землю и сказал подошедшим мужику с офицером:

— Вам уходить надо, из Пильзно в любой момент немцы могут подойти, да и Дембице недалеко. Ко мне все не войдут.

— Так может, мы на машине? — кивнув в сторону грузовика спросил офицер.

— Колеса спущены, стекла выбиты... — стал я объяснять ему то, что и так было очевидно, хотя, о чем это я? Это у меня ночью зрение почти как днём, а они-то таких деталей с десяти метров могут и не разглядеть.

Мою речь прервал молодой парень в звании рядового, приблизившийся к танку. Сказав:

— Так я сейчас гляну! — он направился к автомобилю.

Там солдат залез в кабину, завел двигатель, обошел машину вокруг, заглянул под кузов и вынес вердикт:

— Спущены только передние колёса, но я за пять минут перекину вторые колеса с заднего моста, а без стекол вполне можно ехать.

Тут в разговор вступил ранее молчавший офицер:

— А куда ехать? Где мы можем спрятаться? Наших уже, наверное, до Перемышля оттеснили.

— Нет, наших мы вряд ли сможем догнать, но я думаю, можно укрыться в лесах к северу от Оцеки.

Поэтому, — решив взять командование на себя, а то будем тут до утра дискутировать, продолжил я, — Ты, — обратился я к солдату, стоящему у машины, — срочно занимаешься колесами!

Потом, подойдя к полякам, стоящим у амбара, продолжил раздавать указания:

— Рядовые, вы четвером срочно идете вон туда, — я показал направление рукой, — там в трёхстах метров лежит восемь трупов немцев, забираете у них оружие, аммуницию, часы, все содержимое карманов, снимаете сапоги. Потом идете дальше, к посту, где был шлагбаум, там тоже всё собираете, ждёте когда подъедет грузовик, потом грузите трофеи и садитесь сами! Понятно? Бегом!

Солдаты бросились в указанном мной направлении, а я продолжил раздавать указания, обращаясь уже к гражданским, в том числе мужику, вернувшемуся от танка (как я понял это был муж дочери Лешека, про которого тот почему то «забыл» упомянуть, впрочем, глядя на то, какие злобные взгляды на него бросал Лешек, причина «забывчивости» была понятна)

— Складывайте в грузовик всё, что необходимо для жизни в лесу: одежду, инструменты, металлическую посуду, продукты, но учитывайте, что объём кузова ограничен. Скот придется оставить.

Мужчина, переглянувшись с женщиной, кивнул и исчез в соседнем амбаре, а женщина пошла в дальний сарай. Оставшийся стоять около меня Лешек с горестным вздохом произнес:

— Пойду и я свою старуху «обрадую», что надо собираться и бежать. Заедете за мной? Дочка дорогу знает.

Вы там только не копайтесь долго. Жизнь дороже барахла!

Проводив взглядом удаляющегося поляка, я повернулся к оставшимся нераспределенными пацанам:

— А вы, юные бойцы, идёте со мной! — и сопроводил их к танку. Там позвал Болеславу, которая сидела на башне, опустив ноги в люк и попросил её присмотреть за мальчишками.

Она, одним, ставшим уже привычным для неё движением соскочила с башни, а я, увидев, как задралось при этом платье, одновременно подумал о трёх вещах: какие же у неё красивые ноги!!! хорошо что сейчас ночь и никто кроме меня этого не видит! надо дать ей танковый комбинезон! Тем временем моя спутница подошла к мальчишкам и стала знакомиться. Услышав её имя, раненный офицер, сидевший в одиночестве на стоявшей неподалеку колоде, воскликнул:

— Болеслава!? Сокольская!?

Девушка, вздрогнула, обернулась, и, подойдя к нему изумлённо произнесла:

— Милош! — первым её порывом было броситься обнять его, но, увидев на раненом бинты, успела остановиться и, подойдя к вставшему ей навстречу офицеру, бережно обхватив его голову руками, поцеловала в щеку.

«Ну, хорошо хоть не Казимир, и не в губы!» — ревниво подумал я, наблюдая за этой сентиментальной сценой.

— Анджей! — обернувшись, позвала меня Болеслава, — это Милош, друг Казимира, их вместе из Львова в не службу в Краков тогда отправили! Мы в одном вагоне ехали.

— Я очень рад! — постарался сказать как можно искреннее, но получилось как-то суховато. Ну а что, мне сальто-мортале от радости сделать?

Решив пока не заморачиваться, я подошёл к руинам дома и через пустые глазницы окон стал осматривать его внутренности. Так как снаряды взорвались в доме, то части крыши и стен вынесло наружу, а на месте комнат теперь были только обломки перегородок и мебели, ещё должны быть трупы, но их как-то сразу и не видно. Аккуратно обходя вокруг развалин, я последовательно заглядывал в провалы, внимательно всё осматривая. Судя по объёму и степени разрушений, уцелеть в доме никто не мог, разве что, если кто в погреб сообразил сигануть. Через пару минут мои поиски увенчались успехом. Увидев торчащий из под завала сапог, я забрался внутрь и стал раскидывать обломки. Вскоре я обнаружил, что тут в одной комнате находятся трупы всех четырех эсэсовцев, в легкоузнаваемой черной форме. Я забрал их документы, оружие, часы и два портфеля с бумагами. По окончании мародерки, мне сообщили, что колеса на грузовике переставлены, вещи погружены и можно ехать. Поэтому, вернувшись к танку, я сказал своим новым спутникам:

— Вы на грузовике сначала заедете за Лешekom, а я сейчас сразу еду на пост и жду вас там. Прошу не

задерживаться.

После этих слов народ стал рассаживаться: парень-водитель помог раненному офицеру сесть в кабину, мужик помог жене и детям забраться в кузов, но сам залезать не стал, а подошёл ко мне и спросил:

— Можно мне с Вами, пан офицер? Я здешние места хорошо знаю, проедем до Оцеки мимо немецких постов.

— Ну раз так, забирайся! — я открыл люк пулеметчика-радиста и спросил, — А звать тебя как?

— Тадеуш.

— В дороге зови меня просто Анджей.

Я показал ему, как пользоваться переговорным устройством и, запустив не успевший ещё остыть двигатель, тронулся с места. За одну минуту доехав до поста, я обнаружил, что бойцы выполнили мой приказ и даже немного перевыполнили, собрав на посту все шинели с трупов, а теперь ожидают меня около груды оружия и иного снаряжения. Перебравшись в башню, я высунулся из люка и осмотрелся в монокуляр. Как я и предполагал, со стороны Пильзно на расстоянии километра двигалась небольшая механизированная колонна в составе двух легких броневедомостей и трёх грузовиков с кузовами, набитыми солдатами. «Хорошо идут, как на параде, даже фары включены», — уважительно подумал я и крикнул полякам:

— Отойдите назад за танк и ложитесь, я сейчас стрелять буду, там немцы, — махнул я в сторону дороги и пересев на место наводчика, загнал унитар в казенник пушки.

«Тут парой снарядов не обойдешься, а их все меньше и меньше» — размышлял я, наводя пушку на грузовик. Бах! Есть попадание! Первая машина легла на бок, объята пламенем. Другие грузовики моментально остановились, и оттуда посыпалась пехота, грамотно рассредотачиваясь по местности. Броневики же, выключив фары, резко съехали с дороги в поле, прыгая на кочках. «Вот так и лежите, немчура проклятая, а колеса мы у вас выьем!» — мысленно обратился я к солдатам вермахта, наводя пушку на следующую цель. Экипажи бронемашин пытались их спрятать за редкими кустами, видимо надеясь, что в ночной тьме они будут не видны. Однако мне без особого труда удалось их разочаровать, потратив на уничтожение каждого по одному фугасу. Следующими выстрелами я выбил грузовики, после чего, с удовольствием глядя на дружно пламенеющую яркими кострами немецкую технику, коротко проанализировал бой и выделил две основных составляющих моего успеха: во-первых, это отличное ночное зрение, появившееся у меня в результате приема «Ареса», который, скорее всего, кроме этого и других даров, повышающих мою боевую эффективность, ещё и каким-то непонятным образом забросил меня сюда, то ли в прошлое, то ли в параллельное пространство. Вторым фактором успеха было мое регулярное посещение танкового симулятора, благодаря которому, я работал с пушкой практически не задумываясь — глаза видят цель, а руки сами крутят колеса наводки и нажимают на спуск. Так вот, возвращаясь к «Аресу», получается, что он поступил абсолютно рационально: если есть эффективный воин, то нечего ему скучать в мирное время! Хотя, по здравому рассуждению, ту мою жизнь можно было назвать мирной лишь с большой натяжкой.

Из этих несвоевременных философских размышлений меня выдернул голос Болеславы, раздавшийся в наушниках переговорного устройства:

— Анджей, грузовик подъехал!

— Крикни солдатам, чтобы грузились с вещами и ехали за нами! Тадеуш, куда едем?

Сейчас поворачиваем по дороге на восток, проедем по ней чуть больше километра, там смотри внимательно, будет слева малозаметный съезд на просеку, поворачивай на неё.

— На карте нет просеки!

А в лесу есть, её этим летом прорубили!

— О'кей, едем! — я, тронул панцер с места и, дав указание девушке следить, чтобы грузовик не отставал, выехал на лесную дорогу.

«И что это, за «о'кей», позвольте вас спросить, старший лейтенант Климов? Твою мать! Разведчик хренов! Это провал! Ляпнешь такое в Союзе и добро пожаловать в застенки НКВД! Требую немедленно усилить контроль за речью и исключить использование англицизмов! Фильтруй базар, разведка!» — Проведя таким образом мысленно работу над ошибками я доехал до просеки и свернул.

Благодаря указаниям Тадеуша, действительно превосходно знающего местность, к пяти часам утра мы добрались до опушки крупного лесного массива, а ещё через полчаса мы остановились в глухой чаще.

За время пути мне три раза пришлось брать грузовик на буксир и пять раз останавливаться, чтобы замести следы. Полностью стереть на всем пути след тяжёлого танка, разумеется было невозможно, но до выезда на шоссе Дембице-Жехув маскировать следы не было необходимости, но потом мы прицепили к танку с грузовиком срубленные деревья, а на критичных отрезках затирали следы вручную, так что я надеялся, что обнаружить наш маленький отряд немцам будет очень непросто. В крайнем случае, можно бросить технику и углубиться в обширные леса, для надёжного блокирования которых, не говоря даже о прочесывании, немцам потребуется не меньше дивизии.

Приняв решение о стоянке, я выставил два караула, дал рекомендации по размещению и завалился спать под

танк. Потом пришлось вставать через два часа на смену дозорных, которые бессовестно дрыхли на своих постах. В десять часов я проснулся от стука топора и решил, что пора окончательно просыпаться, умылся в протекающем поблизости ручье, после чего обернулся к стоянке и задумался, осматриваясь. Практически весь состав отряда был уже на ногах, над грамотно разведённым костром висел котел литров на десять, у которого сутилась пожилая женщина. В пути Тадеуш мне многое поведал о моих новых спутниках и я теперь знал, как её зовут — Мария. Милош лежал на постеленных на землю шинелях, над ним склонилась Болеслава. А сам Тадеуш с Лешekom, несмотря на замеченную мной ещё ночью взаимную неприязнь, рубят молодые деревца и делают из них жерди. Кстати, Тадеуш поведал мне и о причинах антипатии, оказывается, Лешек, Мария и их единственная дочь Елена Миничи были православными белорусами, закинутыми в эти места волею судеб во время Первой Мировой Войны. Соответственно, выходя замуж за поляка, Елена была вынуждена перейти в католичество, вот тесть и носит с тех пор камень за пазухой, а тут ещё Тадеуш укрыл польского офицера, фактически подставив всю семью под виселицу. Было от чего злиться. Я перевел взгляд на Елену, которая в кузове грузовика разбирала вещи, одновременно приглядывая за пацанами, крутящимся возле машины. Не видно только солдат, но оно и понятно — двое в дозоре, двое спят (не выспались, наверное, на посту-то) и водитель тоже ещё должен отдыхать. Подумав о дальнейших планах, я почувствовал, что голова идёт кругом. Ещё вчера я не знал, чем себя занять от скуки, а сегодня не знаю, за что хвататься. Как говорится, не было у бабы хлопот, купила себе поросю. Даже учитывая то, что народ вроде как самоорганизовался, дел много — провести инвентаризацию продуктов, оружия и боеприпасов, почистить пушку, разведать окрестности. Надо бы еще покопаться в эсэсовских портфелях, но это не к спеху. Так, ещё надо поговорить с Болеславой, чтобы поменьше языком трепала. Да, и танковый комбинезон надо выдать. С этими мыслями я и подошёл к ней.

Ну, как его самочувствие? — Издалека начал я разговор, глядя на бледное лицо неподвижно лежащего офицера.

Жар, в сознание не приходит, видимо, растрясло его, пока ехали, — с тревожной грустью в голосе ответила девушка и продолжила, — надо рану смотреть, скорее всего, вскрывать и чистить придется, как солдаты проснутся, займусь.

А ты что, в медицине разбираешься? — с некоторым удивлением спросил я.

У меня же отец врач, хоть и зубной, но учился он на обычном медицинском факультете, а я ведь тоже хотела пойти на врача учиться, книги по медицине с двенадцати лет читала, папа меня поддерживал, помогал разобраться... Да вот Казимир встретился...

Кстати, про Казимира он ничего не рассказал? — как можно более нейтральным голосом спросил я.

Девушка бросила на меня испытующий взгляд — мол, с какой целью интересуетесь, товарищ? И, снова переведя взгляд на раненого офицера, ответила:

Они в разных частях служили, полк Милоша отходил последним, и их сильно... — она сделала паузу, подбирая подходящее слово, — сильно побили, но он думает, что в полку Казимира потерь было намного меньше, так что, тот вполне мог выжить, — с ярко выраженной надеждой в голосе закончила она.

Надо верить в лучшее. — Беспристрастно произнес я двусмысленную фразу и пошел к танку, забыв от резко вспыхнувшей ревности, что изначально хотел ей сказать. Мысленно ругнувшись, я взял танковый комбинезон наименьшего размера и постоял у танка, успокаивая эмоции — да и чего я бешусь, в конце концов он её законный муж и у них общий ребенок! А у нас с ней ничего не было, и Болеслава это не Катаржина! Затем, немного остыв, вернулся к девушке.

На, надень, в походных условиях это более удобная одежда, — передав ей комплект, продолжил полусшепотом, — и поменьше болтай с нашими новыми спутниками. Тебя в том селе не было, ты испугалась немцев и пряталась в лесу, а я заехал в этот лес на стоянку, там мы познакомились, я рассказал тебе, что захватил танк и хочу догнать своих, ты попросилась со мной. И никаких подробностей. Кстати, ты Милошу ничего не говорила?

Она молча помотала головой, После чего я вновь пошел к танку, достал банку с замаринованной для шашлыков свининой и отнес Марии:

Вот, надо будет над углями запечь. Она с интересом взяла банку, понюхала и погрузилась в глубокую задумчивость.

Так, понятно! — сказал я и вернулся к панцеру, где взял лопату, которой выкопал рядом с костром ямку, сгреб туда угли, потом из лежащих в кузове грузовика винтовок взял шомполы, нанизал на них куски мяса и приспособил над ямкой с углями. Затем объяснил Марии, как за ними следить.

После этого настала пора перейти к более глобальным вопросам, чем приготовление шашлыков. Я разбудил троих солдат, сладко спавших в кустах. Осмотрев их осунувшиеся, заросшие щетиной лица, грязную и рваную форму, спросил:

Бритва есть? — Все трое дружно покачали головами, — понятно, идём!

Для большей ясности я махнул рукой и пошел к танку, там, покопавшись в своем барахле, нашел опасную бритву и вместе с помазком и мылом отдал одному из солдат.

Теперь марш к ручью! Помыться, побриться! Потом завтрак, и вы двое идете менять дозорных, а ты, — обратился я к водителю, — будешь машиной заниматься.

Немного постояв и проследив взглядом за бойцами, направившимися к ручью, я подошёл к мужикам.

Доброе утро, панове!

Доброе, пан офицер, — ответил мне Тадеуш, отложив в сторону очищенную жердину, — Раз живы пока, значит, доброе, только вот что дальше-то?

Тут думать надо, — неопределенно ответил я и перевел разговор на другую тему — Это вы шалаш делать собираетесь?

Вроде того, в кузове тент свёрнутый есть, так мы его на крышу пустим, а стены как у шалаша, из веток сделаем, должно вместительно получиться.

«Ну да, неплохо задумано, с размахом!» — Уважительно подумал я, и мы продолжили беседу об архитектурных особенностях будущего строения.

Вскоре нас позвала Мария на завтрак, основным блюдом которого была каша и небольшой кусок шашлыка. За завтраком Болеслава мне напомнила, что надо чистить рану Милошу, а для этого нужны солдаты.

А они-то тебе зачем? — удивился я.

Его держать надо будет, наркоза ведь нет.

Согласно кивнув, я осмотрел наличные человеческие ресурсы. Негусто! Мужиков от строительства отрывать нельзя, судя по затянутому тучами небу, в любой момент может начаться дождь. Пара солдат должна идти менять дозорных, а тех, после того как позавтракают, я хотел привлечь к работе с оружием. Водитель, которого, как я узнал, зовут Збигнев, должен заняться машиной — заклеить пробитые колеса, прикрутить их на место. Кроме того, я планировал его привлечь к обслуживанию танка. Теперь придётся несколько скорректировать планы.

Ладно, как постовые со смены вернутся, позавтракают и приступим. Готовь пока принадлежности.

У меня почти все готово, а дезинфекцию инструмента непосредственно перед работой проведу.

После завтрака все занялись своими делами, только пацаны вместо созидательного труда отвлекали свою мать тем, что задавали ей бестолковые вопросы вроде того, когда же им выдадут оружие, чтобы они смогли победить всех немцев. Услышав эти наполеоновские планы, я сделал себе зарубку — необходимо следить, чтобы оружие было недоступно для детей.

Вскоре вернулись после смены караульные и сели есть.

Затем настало время заняться офицером. Обдумав диспозицию, мы с девушкой пришли к выводу, что удерживать его надо втроем. Я как самый массивный, уселся на ноги, а каждый солдат прижал к земле по одной руке. Затем Болеслава разрезала бинты, оголив воспаленную рану на правом боку. Даже поверхностного взгляда было достаточно, чтобы понять, что надо резать. Этим девушка и занялась — разрезала кожу, после чего Милош застонал и стал вырываться, а я и бойцы должны были приложить все свои силы, чтобы его удержать. Тем временем Болеслава срезала часть воспалённой плоти и засунула пальцы в рану, ведь ни пинцета, ни щипцов нет — из хирургических инструментов только два острых ножа и руки. Хирургическое родео длилось почти час — раненый то терял сознание и расслаблялся, то вновь начинал вырываться, заставляя меня с бойцами выкладываться по полной. Когда все закончилось и Милош зачих, а девушка сделала перевязку, я рухнул на траву не отходя от тела и лежал минут пять, отдыхая. Поднявшись, я обнаружил, что моя спутница также лежит с закрытыми глазами, раскинув руки, солдаты сидят и курят, глядя перед собой застывшим взором, а чуть поодаль сидят пацаны с ошалелыми от непривычного зрелища глазами.

Передохните и идите умываться и бриться, потом займитесь оружием — почистите свои винтовки, а потом и те, что в кузове, обоймы и ленты набить, пересчитать. — Распорядился я, обращаясь к солдатам, и пошёл к машине. Там спросил у Елены, на сколько времени хватит продуктов. На две недели. Неплохо.

Ещё немного поговорив с женщиной, я узнал, откуда взялись в амбаре пять «лишних» солдат, хотя Лешек говорил только про офицера. Оказывается, после того, как вся округа узнала, что семью Тадеуша ждёт казнь, поляки в чьих домах укрывались эти бойцы, выставили их среди бела дня на улицу, не оставив им никакого выхода, кроме как сдаться. Затем, посмотрев, как идут дела у водителя, я вернулся к танку и занялся обслуживанием пушки. На этот раз никаких неожиданностей не произошло и я смог тщательно почистить и смазать детали затвора и механизмов наводки орудия. Потом я срубил деревце и изготовил из него банник, с помощью которого, позвав в помощь водителя, почистил канал ствола. Большое дело сделал. Затем, достав инструкцию по обслуживанию танка, вместе со Збигневом занялся его обслуживанием. Необходимо было очистить от загрязнений и смазать множество вращающихся и движущихся деталей, так что работой мы были обеспечены до вечера. Тадеуш с Лешекком к заходу солнца соорудили задуманную хибару, так что вся компания разместилась на ночь под крышей, мужики даже сделали внутри перегородку, чтобы женщины могли расположиться отдельно.

На эту ночь я уже поставил в караулы и мужиков, и себя, и Збигнева. Так что каждому досталось по одной двухчасовой смене, что вполне неплохо.

Проснувшись утром, я решил, что больше спать в хибаре не буду. Милош стонет, Тадеуш храпит, все (кроме меня, разумеется) по очереди портят воздух, в общем та ещё ночка выдалась, по уровню беспокойства недалеко ушла от предыдущей.

Но, как бы то ни было, ночь прошла, настало утро, а значит, пора умыться, побриться и позавтракать. Кстати, к моему пробуждению каша с мясом на завтрак уже была готова, и, надо отметить у Марии с Еленой это блюдо получилось гораздо вкуснее, чем у Болеславы.

Поев, я занялся изучением содержимого портфелей эсэсовцев. А Збигнев предложил вытащить танковую рацию и подключить её к автомобильному аккумулятору — дескать, если и сядет, то движок можно запустить и кривым стартером. Дав ему карт-бланш, я отправил свободных от караула солдат помогать мужикам с доделкой хибары, а сам уселся с портфелями на корме танка. Как и ожидалось, нашлось много интересного, например приказ для айнзацгрупп СС о порядке проведения акций устрашения, в котором подробно объяснялись цели и методы. Далее я раскопал брошюру с изложением обоснования превосходства арийской расы и неполноценности евреев, цыган и славян. Затем шли отчёты командира этой «спецгруппы СС» об уже проведенных акциях устрашения. К сухим описательным отчётам (состав проступка, за который применена казнь, подробное описание самой экзекуции) прилагались аналитические записки, в которых рассматривались недочёты при проведении акций, излагались предложения по повышению эффективности действий эсэсовцев. Читиво не для слабонервных.

Решив, что надо немного отвлечься, я подошёл к женщинам, суесящимся около костра и попросил приготовить мне кофе. Болеслава с неожиданным рвением сказала, что сделает всё сама и приступила к делу, то и дело бросая на меня восхищенные взгляды, ввергая меня в задумчивость. У неё что, эмоции по кругу ходят? Примерно так она на меня смотрела, когда я насильника-главнемца убил, на следующий день она меня домогалась, ещё через день возненавидела, и вот опять... это пугает. Быстро сварив ароматный напиток, девушка встала передо мной на колени, протянув кружку и не сводя с меня восхищённых глаз. Я, стараясь выгладеть как ни в чём не бывало, спокойно глядя в её лучистые глаза, пил кофе мелкими глотками и думал о том... как она всё-таки красива... и кофе получился великолепный... и в медицине разбирается... и прекрасные глаза, которые своим нежным светом ласкают душу... и ничего больше в жизни не надо, лишь бы она всегда так на меня смотрела! С трудом заставив себя отвернуться от этого визуального наркотика, я перевел взгляд на женщин. Мать и дочь, до этого с интересом наблюдавшие за впечатляющей немой сценой, дружно отвели глаза в сторону и с постным видом уставились в костер. Последовав их примеру, я тоже стал смотреть на веселую игру пламени, пожирающего сухой хворост. Вскоре молчание стало совсем уж неловким и, чтобы его прервать, я произнес:

Да, Болеслава, я хотел спросить, как там дела у Милоша?

Пока без сознания, но хуже не становится... Пока ничего не ясно, — ответила она с лёгкой грустью в голосе и тоже перевела взгляд на костер.

Ну, будем надеяться на лучшее, — подытожил я и пошел к танку.

Отвлекаясь, называется, теперь опять отвлекаться надо, а то будут опять сны ночью... красочные... с утренней неожиданностью. Посмотрев с ненавистью на эсэсовские портфели, решил отложить их дальнейшую ревизию и проверить, что делают мужики с солдатами. Вот у кого работа кипит! Рядом с хибарой уже построили навес, как я понял, для дров. Лешек совместно с солдатом обмазывают глиной крышу, набранную из жердей. Тадеуш с другим солдатом возится у хибары, укрепляя стены. Увидев меня, все дружно бросили работу и сели на лежащее поблизости бревно. Я тоже сел рядом, оглядывая фронт работ. Даже не знаю, чем я тут могу быть полезен? Разве что посоветовать рыть землянки, ведь в этой хибаре зиму не пережить.

Пан офицер, а что дальше? — первым разрушил молчание Лешек.

Как-то совершенно естественно все эти люди приняли мою руководящую роль, называют офицером, хотя никакого подтверждения моего офицерского звания не видели, да и не могли видеть. Я даже стал чувствовать, что обязан решать теперь их проблемы, а мне это надо? Мало того, что спас, кого от смерти, кого от плена, так теперь ещё думай, что с ними дальше делать! Да и в самом деле, зная будущее, я совершенно не могу ничего им посоветовать. Впереди у Польши непроглядный мрак фашистской оккупации, да и потом светлого будущего не будет. А у этих людей, чтобы они ни делали, шансов выжить очень мало. Это сейчас все силы Вермахта заняты в боях с остатками пытающейся сопротивляться польской армии, но уже через две недели война будет завершена и для немцев не составит труда тщательно прочесать лесные массивы, вызывающие подозрение на предмет наличия в них недобитых польских военных. Да даже и без этого выжить зимой в лесу с женщинами и детьми — крайне сложная задача. Выйдя из задумчивости, я обнаружил, что поляки так и сидят рядом, напряжённо ожидая моего ответа. Ладно, поговорим:

Не хотелось бы вас огорчать, но я думаю...

В это время раздался крик Збигнева:

Работает! Радио Варшавы говорит!

Все население лагеря бросилось к грузовику, возле которого радостный мастер призывно махал руками. Когда народ собрался у автомобиля, Збигнев надел наушники и стал пересказывать, что он слышит.

Люди с надеждой вслушивались в каждое слово доморощенного диктора, пытающегося вслед за радиостанцией убедить слушателей, что Польша сражается, что ещё не всё потеряно, и их лица все больше мрачнели. Бои уже идут под Варшавой, западнее и южнее которой организованных польских войск уже не осталось. Остаётся надежда только на Францию с Англией, которые объявили войну Германии и сделали ряд жёстких заявлений, но пока на заявлениях все и остановилось. Через полчаса уставший говорить Збигнев закончил сеанс, но люди остались на месте, чтобы обсудить услышанное. Они пересказывали друг другу только что услышанные фразы о Варшаве, о сопротивлении, стараясь самих себя убедить, что ещё не всё потеряно. Но получалось это у них как-то неуверенно. Постепенно все скопились около меня и стали засыпать меня вопросами, о том, что же думаю я? И мне пришлось взять слово.

Сообщения радио лишь подтверждают, то что я прочитал в немецких бумагах. Бóльшая часть Войска Польского разгромлена, сопротивление разрозненно, кроме того, во вражеских документах я прочитал, что вскоре СССР нанесет удар с востока, с целью оккупации территорий с белорусским и украинским населением. Надежде на помощь Англии и Франции — это самообман, они предали нас.

После моих слов поляна на полминуты погрузилась в тишину. Осознание моих слов происходило медленно, вот солдаты ссутулились, опустив мрачные взгляды в землю, вот Елена зашмыгала носом, готовая разреветься, и вот наконец Тадеуш нашёл в себе силы задать вопрос растерянным голосом:

Так что же теперь делать?

Гражданским стараться выжить, а солдатам бороться с врагом, а о том, как это сделать, ещё предстоит всем нам подумать. А сейчас попрошу всех продолжить заниматься своими делами! — ответил я и, обратившись к одному из солдат, приказал:

Идите менять дозорных! И не раскисать!

Есть, пан офицер! — бойцы подхватили винтовки и отправились к постовым.

А я вернулся к танку и вновь углубился в изучение содержимого портфелей эсэсовцев. Здесь ещё было много интересного — в первую очередь меня заинтересовал комплект карт, так как ранее имевшиеся у меня карты на востоке заканчивались Перемышлем, а здесь была и вся Западная Украина, хотя и с более мелким масштабом. Также весьма любопытным было приложение к приказу о спецоперациях с указанием состава айнзацкоманд, их позывных и районов деятельности. Прочитав эти и другие документы, я понял, что мне относительно повезло, а точнее, повезло освобожденным узникам. Основные силы эсэсовцев на окружающих территориях численностью сто тридцать четыре человека базировались в Дембице, а для проведения акций и зачисток они выезжали отрядами не менее двадцати человек. То, что я встретился со столь малочисленным подразделением под руководством гауптштурмфюрера Ганса Нойнера, благодаря которому я и имел возможность читать эти документы, можно было, наверное, объяснить, его расслабленностью и кровожадностью. Кроме осуществления показательной казни еврейской семьи в Пильзно, он провел ещё и сбор сведений о проживающих в округе евреях и отправил основной состав подразделения по установленным адресам, а сам, в сопровождении трёх головорезов, поехал проводить экзекуцию семьи Тадеуша. Уверен, что сейчас эсэсовцы землю носом роют в поисках меня и сбежавших узников. Но, к счастью, пока их поиски не увенчались успехом.

Закончив с первым портфелем, я перешёл ко второму. Здесь находки были не менее интересными. Сверху лежал фотоаппарат «Лейка-2» с наполовину отщелканной пленкой, нашлись и две отснятые кассеты. А в небольшом блокнотике мною был обнаружен перечень снимков — что, где и когда запечатлено. Как следовало из этих записей, примерно треть отснятого объёма занимали снимки акций устрашения, а остальные кадры были посвящены различным военным темам: польские военнопленные, польская же разбитая техника, победоносные солдаты Вермахта и т. д. Следующей, не менее важной находкой, были деньги в сумме две тысячи череста двадцать рейхсмарок и финансовые документы, согласно которым, данные денежные средства были предназначены для оплаты доносов, поступающих от местного населения. И, что немаловажно, немалая часть уже была израсходована. Здесь же находился и отчёт с записями о том, кому, сколько и за что уплачено. Немного подумав, я позвал Болеславу, которая, услышав мой зов, немедленно бросила чистить картошку и грациозно подбежала ко мне, выражая всем своим видом желание угодить. Ох, еть, опять эти восхищенные глаза!

Болеслава, скажи, у тебя как с немецким языком?

Хорошо, в гимназии изучала.

На, — я протянул ей отчет о выплатах, — надо сделать копию, вот чистая бумага и карандаш.

Девушка пробежала глазами отчёт, и, нахмурившись, негромко выругалась:

Пся крев!

Затем, взяв письменные принадлежности, она приступила к делу, а я продолжил изучение содержимого

портфеля. Вытащил и пролистал ещё пару брошюрок нацистского содержания, потом достал увесистый брезентовый мешок с ювелирными изделиями. Как следовало из сопроводительных документов, драгоценности были изъяты у казнённых «врагов рейха». Более ничего существенного там не было, поэтому я, забрав у Болеславы оригинал и копию отчёта, сложил все в танк, который запер на ключ.

Потом был обед, после которого я подключился к работе по укреплению хибары, чем и занимался до самого ужина, после которого позвал Тадеуша и Лешека для разговора.

Как вы оба слышали, военное положение критическое, и я думаю, что очень мало шансов на сохранение государственности Польши, — мужики, соглашаясь, хмуро кивнули головами, — На территории Польши вплоть до Сана и Буга будет установлена немецкая власть, и по всей этой территории ваша семья будет объявлена в розыск, — Лешек с Тадеушем вновь покивали, — Поэтому у вас есть только один выход — идти на восток, чтобы попасть в советскую зону оккупации. Здесь до Сана сплошные леса, так что при соблюдении осторожности дней за десять-пятнадцать, как раз к окончанию боевых действий, вы туда и выйдете... Я тоже поеду на восток, чтобы воевать в составе Войска Польского, я ведь солдат и давал присягу, — с пафосом соврал я, — Но вас взять не могу, в танк не поместитесь, да и рискованно это. Пешком по лесам гораздо безопаснее... Я у немцев добыл немного денег, дам вам, чтобы могли по пути продуктами закупаться, — и, посмотрев на задумчивых мужиков: закончил, — Ну, вот собственно и всё, что я хотел сказать, вы подумайте, а после поговорим.

На ночь я устроился под танком, — спать в хибаре мне не понравилось, здесь же никто не храпит и не портит воздух. А, благодаря тому, что панцер стоит над небольшой ложбинкой, под днищем довольно просторно.

Утром, выбравшись из-под танка, я был встречен Болеславой, у которой в руках была кружка кофе и бутерброд с колбасой. «И вот как она подгадала? — думал я, глядя на девушку, — это же надо заранее готовить... А смотрит как опять... Такое впечатление, что ещё чуть-чуть и её разорвет от восхищения. Аж неловко, в самом деле, но приятно...»

Спасибо, кофе великолепный, — нарушив молчание, я протянул ей пустую кружку.

А мне Елена рассказала, — как будто невпопад ответила девушка, — после того, как немцы их заперли в амбаре, она все время молилась Пресвятой Деве, а потом появился ты, и спас всех, — сказав это, она подошла вплотную ко мне и продолжила шепотом, — Значит ты посланник, Ядвига сказала, что если ТАМ была не случайность, то будут ещё знаки. И вот... Я ведь обещала душу свою отдать за возмездие, поэтому можешь делать со мной всё-всё-всё, что захочешь, и прости меня, пожалуйста, за то, что я себя глупо вела, Ядвига сказала, что все немецкие солдаты — слуги Антихриста, и ты их должен уничтожать. Ты ведь не злишься на меня?

Ну как же я могу на тебя злиться, после такого чудесного кофе? — попробовал я шуткой разрядить обстановку, не получилось.

Болеслава всё также преданно-восторженно смотрит мне в глаза, и вроде бы не двигается, а становится ко мне все ближе, вот мы уже стоим вплотную друг к другу, её грудь касается моей и... я делаю шаг назад. Ещё не хватало тут, на глазах у всего честного народа... Фу, аж дыхание сперло!

Да, а как дела у Милоша? — успокоив дыхание, перевел я разговор на другую тему.

Он пришел в себя, ещё слаб, но, думаю, завтра ему уже можно будет вставать, — девушка отвела глаза в сторону, помолчала и продолжила, опустив глаза, — Прости, я, наверное, глупо себя веду, но я ничего не могу с собой поделать, даже когда я тогда на тебя злилась, это потому, что здесь, — она приложила руку к своей груди, — все горит, а ты ведь ничего мне не должен... да и грязная я... — она развернулась, чтобы уйти, но я взял ее за руку.

Постой, Болеслава, я тебе уже говорил, что влюблен в тебя, и повторяю это снова, но нужно немного подождать, да и не та здесь обстановка для романтики.

Девушка, на секунду развернувшись, бросила на меня лучистый взгляд, кивнула и пошла к хибаре. А я, глядя ей вслед думал: «Вот тебе и утренний кофе... в прикуску с надрывом эмоций!.. Бедная Болеслава, какая же каша у ней в голове!.. И мало того, что было, так ещё эта Ядвига чего-то ей наплела про посланника (хорошо хоть уже не ангела), да про знаки... Но как же мне хорошо, когда она рядом!.. С Олей и Катаржиной совсем не так было!..»

Постояв так несколько минут, я решительно сбросил с себя оцепенение и направился делать утренние процедуры. Потом ко мне подошли Тадеуш и Лешек со своими женщинами. Они сообщили, что склоняются к принятию моей рекомендации по поводу перехода на советскую территорию, но у них возникло множество вопросов, как по поводу перехода, так и о линии поведения в СССР. Я как мог, стараясь не показывать излишней осведомленности, проинструктировал их, потом дал Тадеушу карты, чистую бумагу (благо, у эсэсовцев был неплохой запас), карандаш и показал, как и что зарисовывать, что обязательно отмечать, а что можно и опустить.

Затем я посетил Милоша, поговорил с ним о положении на фронтах, используя нейро-лингвистическое программирование для контроля над ним, это оказалось совсем несложно. Ослабленный ранением офицер совсем не мог сопротивляться замаскированному внушению. Так прошло время до обеда, после которого я фактически бездельничал, сделав вид, что копаюсь в немецких документах.

На ночь я опять устроился под танком, всё же на свежем воздухе спится очень хорошо, если бы ещё не надо

было вставать каждые два часа на смены караулов, вообще было бы здорово, но в ситуации, когда неизвестно, что предпринимают гитлеровцы для моего поиска, я не мог вопрос ночной охраны пустить на самотёк. Так и сейчас, в двенадцать часов ночи, я произвел смену постов, а вернувшись к танку, увидел, что там стоит Болеслава, запахнувшись в немецкую шинель и с трепетом вглядываясь в ночную тьму, из которой я приближался к ней, стараясь ступать бесшумно. Когда я приблизился к девушке на три метра, она, наконец разглядев, бросилась мне на шею. Её шинель распахнулась, открывая более ничем не прикрытое обнаженное тело, которым она плотно прижалась ко мне. Все, ранее сдерживавшие меня внутренние запреты, словно куда-то разбежались и я, крепко обняв девушку, впился в её сладкие губы, окончательно теряя контроль над собой и выпадая из реальности в мир запредельного счастья.

Только когда начало светать, я посмотрел на часы и сообразил, что пропустил две смены караулов. «Так и до беды далеко!» — сделал я себе короткий выговор и, выбравшись из-под панцера, осмотрел лагерь. Судя по всему, народ ещё спал, поэтому, тихо позвав Болеславу, я за руку извлёк её из-под танка и, стараясь не шуметь, проводил до хибары. После чего пошёл проверять посты. Там выяснилось, что караульные, перестояв ночью лишние полчаса, решили, что я проспал и сменились самостоятельно, так же поступила и следующая очередь дозорных. Убедившись, что и без моего участия жизнь не останавливается, я вновь отправился под танк — ночка-то бессонная и напряжённая выдалась, чуток вздремнуть не помешает.

Окончательно проснувшись около одиннадцати часов, я с радостью обнаружил, что как и вчера, меня около танка ожидает Болеслава с кружкой горячего кофе и бутербродом в руках. Чудесно! Великолепный секс с любимой девушкой, горячий кофе к шинели, заменяющей постель, ласкающий душу нежный взгляд — что ещё человеку надо, чтобы забыть о войне и почувствовать себя бесконечно счастливым?

Спасибо, милая, — взяв кружку, я осмотрелся по сторонам и, заметив, какие взгляды бросают на нас Елена с Марией, — спросил, кивнув в их сторону, — они, что уже в курсе?

Девушка бросила короткий взгляд в сторону женщин и, опустив глаза, ответила:

Они меня ночью практически силой раздели и выгнали к тебе, сказали что я дура... да и много чего ещё наговорили...

Так что, мужики тоже теперь в курсе?

Нет, они же тихонечко на ухо шептали.

«Ну да, кто-то же должен был проявить инициативу — если не я и не она, то... соседки по хибаре,» — подумал я и, вспомнив, как могут быть девушки ранимы после первой ночи (особенно в текущий временной период), поставил чашку на крыло танка, затем освободившейся рукой привлёк Болеславу к себе за талию и поцеловал в губы.

Я очень тебя люблю милая и счастлив от того, что произошло!

Девушка всем своим существом отдалась поцелую, плотно прильнув ко мне, и через ткань комбинезона я ощутил как дрожит от нетерпения ее разгоряченное тело, вновь заражая меня огнем желания. Потребовалось огромное волевое усилие, чтобы оторваться. А то уж совсем неприлично как-то получается.

Окинув взглядом стоянку, я пришел к выводу, что нашу любовную сцену видели только женщины. Мужики с солдатами сидели на другой стороне и меня с девушкой от них заслонял танк. Пацанов вообще нигде видно не было. Поэтому я и спросил о них девушку, которая в ответ пояснила, что мальчишки собирают хворост. Так же я от неё узнал, что состояние Милоша значительно улучшилось и он уже может вставать. Все прекрасно, но как-то тревожно, слишком уж всё хорошо. Прислушавшись к себе, я решил, что игнорировать интуицию, даже если это мнительность, не стоит. А поэтому:

Болеслава! Срочно собирай свои и мои вещи, скоро уезжаем!

Что случилось?

Быстрой, без разговоров, чуйка у меня!

Секунду простояв в оцепенении, девушка бросилась к хибаре.

Збигнев! Ко мне!

Солдат подбежал ко мне и вытянулся по стойке смирно.

Снять рацию с машины и положить ко мне в танк, и готовь грузовик, похоже, сейчас срочно уходить надо будет.

Машина полностью готова!

Тогда другим помогай, — приказал я водителю и позвал мужика, — Тадеуш!

Тот и без моего крика уже спешил ко мне:

Да тут я! Что случилось-то?

Тревожно мне, очень тревожно, чую немцы на след встали!

Поляк с некоторым недоверием глянул на меня, но видимо решил, что в нашей ситуации лучше перестраховаться.

А делать-то что?

Зовите караульных, собирайте вещи, делайте носилки для Милоша. Поедете по той тропе на север, что мы обговаривали, километра два машина там пройдет, дальше пешком идите. Я сначала их задержу, потом они за мной по танковому следу пойдут на восток. Да вот ещё, — я залез в танк, и, покопавшись, вытащил оттуда стопку золотых, рейхсмарок, две горсти украшений и копии эсэсовских документов, — На, половину денег и документы Милошу отдай потом! Немцы за мной по следу пойдут, а вы, скрытно, как договаривались, в Белоруссию уходите, и там про меня никому ни слова!

Мужик кивнул и, распахивая деньги, золото и бумаги по карманам, пошел быстрым шагом к хибаре, созывая всех к себе. Я же запустил двигатель для прогрева, взял кипу мелких веток, оставшихся от строительства и постарался хоть как-то замаскировать танк. Тем временем Болеслава принесла чемоданы и мешок с продуктами, которые я, не медля, закинул через боковой башенный люк, затем проконтролировал, как девушка нырнула в башню, заняв командирское кресло, и тронул танк с места, направляясь по своему следу.

Проехав полтора километра, я остановился, выключил двигатель и прислушался. Вдали едва слышался приближающийся гул моторов. Не подвела чуйка! Хотя, скорее всего, я услышал немцев на предельной дальности, но воспринял звук не на сознательном уровне, а вот так, мистически. Оценить сейчас расстояние до противника на слух я не мог, но, судя по тихому ещё звуку моторов, была возможность немного продвинуться вперед, однако, подумав о том, что впереди может идти пешая разведка, я решил остаться на месте, только немного сместив танк в сторону, чтобы скрыть его за кустами. И действительно, вскоре появился передовой дозор, но не пеший, а конный. Пять кавалеристов один за другим вынырнули из-за деревьев, двигаясь по следам моего панцера, оставленным два дня назад, и практически сразу заметив мой танк, попытались уйти с линии огня, соскочив с коней и бросившись в рассыпную. Короткими очередями из спаренного пулемета, я успел снять только двух фрицев. Трое других немцев грамотно скрылись в густой растительности и кто-то из них выстрелил вверх красную сигнальную ракету. Дав ещё пару очередей по кустам наугад, я, перебравшись за рычаги, развернул танк и, проехав в сторону стоянки метров пятьсот, я занял новую позицию. Немцы сейчас должны повисить осторожность и снизить скорость движения, что мне и нужно. Главное, не дать им себя обойти. Лес здесь не очень густой, крупные деревья растут относительно редко, а подлесок передвиганию танка не мешает, так что, зная мое местонахождение, они могут взять меня в колючку. Эх, была бы сейчас ночь!.. Отбросив бессмысленные мечты в сторону, я перебрался на место наводчика и зарядил пушку бронбойным, после чего сказал спутнице, чтобы она перелезла на место заряжающего, и, сев на командирское кресло, приступил к наблюдению за окружающей местностью. Минут через пятнадцать мне удалось заметить пешего разведчика (коней-то я всех там положил) в двух сотнях метров с левого борта. Опасно, однако! И не выстрелить в него ничем. Пришлось прыгать за рычаги и сдавать назад, после чего, перебравшись в башню, причесал наугад подлесок длинными очередями из курсового пулемета. Потом развернулся и поехал на восток, пробивая новую колею. Надеюсь, поляки слышали стрельбу и уже покинули стоянку. А теперь и мне надо сматываться, а то в этом лесу даже три пеших солдата могут создать проблемы. Вот попал! Сейчас наверняка на всех частотах орут о моем обнаружении и предполагаемом маршруте движения, тут уже не получится провернуть фокус с пристраиванием к колонне. На часах полдень — до наступления спасительных сумерек более шести часов, за это время по прямой, не особо спеша, можно проехать все сто пятьдесят километров, отделяющих меня от остающегося в польских руках Львова, но именно поэтому мне туда пока и не надо, мало того, мне никак нельзя уходить восточнее Ярослава, до которого всего километров восемьдесят, иначе я рискую вляпаться в прифронтовые тылы Вермахта, насыщенные войсками. Хотя есть два плюса: во-первых, в этой местности разнообразный ландшафт и большой выбор вариантов движения; во-вторых, уже третий день небо затянуто низкими тучами, препятствующими полетам авиации. Так что поборемся!

Форсировав две лесных речушки и попетляв среди деревьев, мой танкер, наконец, приблизился к опушке. После чего, выбравшись из танка и прихватив снайперскую винтовку, я выглянул на открытое пространство. Впереди, примерно в полукилометре от леса, с юга на север параллельно опушке шла грунтовка, вот её-то и использовали немцы, чтобы захлопнуть капкан. Правее от меня, спешно маскируясь на хуторском подворье, расположенном за дорогой, занимал расчет 37-миллиметровой противотанковой пушки. А в четырёх сотнях метров севернее своих коллег противотанкистов, стояла готовая к бою лёгкая пехотная пушка 75-миллиметрового калибра. «А их сюда зачем притащили, — удивился я, разглядывая их в монокуляр, — хотя... броню не пробьют, но вот гусеницу сбить они могут легко, а мне этого будет достаточно.». Дальше по дороге в обе стороны так же стояли артиллерийские расчеты, но они были менее опасны из-за большего расстояния. Быстро состряпав в уме план боя, я не стал откладывать дело в долгий ящик и приступил к делу, произведя пять выстрелов из снайперской винтовки по немцам. Результативными получилось только два первых выстрела, которыми я выбил командира расчета и наводчика противотанкистов. Остальные намеченные цели успели грамотно спрятаться. Ну, и это уже неплохо! Бегом вернувшись в танк, я вывел его на опушку таким образом, что в прямой видимости была только 37-миллиметровая пушка. Без командира и наводчика расчету при виде моего танка оставалось только броситься в

разные стороны до того, как фугасно-осколочный снаряд превратил их орудие в металлолом. Не обращая внимания на то, как живописно разлетаются в сторону колеса немецкого орудия, я сдал задним ходом в лес, а через пару секунд на месте моей последней огневой позиции вспух султан фугасного разрыва, это расчет 75-миллиметровой пушки засек место моего выстрела и сейчас один за другим посылает сюда фугасы. Под аккомпанемент частых разрывов я переместился левее на двести метров, высунулся из леса и, скользнув на место наводчика, произвел выстрел. Здесь шло соревнование на скорость, но я подгадал момент, когда они только что выстрелили, то есть им необходимо было время зарядить и перенацелить свою пушку, у меня же орудие было уже заряжено, да и большой точности не требовалось — фугас, взорвавшийся на расстоянии пяти метров от полевой пушки, уверенно вывел и расчет, и орудие из строя. Убедившись в успехе, я повел танк на прорыв. Немедленно активизировалась немецкая артиллерия, расположенная на удалении от траектории моего бегства, но попасть по маневрирующему на высокой скорости танку с расстояния более пятиста метров очень непросто. Тем более, что данную местность только условно можно было назвать открытой, так как здесь были кусты, отдельные деревья и постройки хуторов, скрывавшие меня от наводчиков. Да и рельеф местности был довольно неровным, что, опять же играло мне на руку. В общем, несмотря на все усилия противника, мне удалось уйти за пределы дистанции поражения.

Проехав километров десять, я остановился в поросшей кустарником ложбине между двух небольших холмов и, выбравшись из танка поднялся на ближайший пригорок, возвышающийся над окружающей местности метра на четыре, осмотрелся. Несмотря на свой хмурый вид, низко нависшие тучи не поливали влагой землю, однако воздух был достаточно насыщен влагой, чтобы устранить возможность появления пылевых шлейфов над транспортными колоннами. Поэтому с моего наблюдательного пункта разглядеть на дальних расстояниях передвижение механизированных средств противника, было довольно сложно. Но с уверенностью можно было сказать, что в радиусе пять — семь километров немцев не видно, а значит, есть время поесть и подумать.

Вернувшись к панцеру, через командирский люк я позвал Болеславу:

Милая, как насчёт пообедать?

А что, всё? — тревожно ответила вопросом на вопрос девушка, не вылезая из люка.

Пока всё, но ненадолго, надо поесть, и дальше рванем! — сказал я, как можно более оптимистичным тоном.

Девушка все же вылезла из люка, обвила мою шею руками и зашептала на ухо, дрожа всем телом:

Мне страшно, взрывы были очень близко, мне казалось, что вот-вот в нас попадет.

Ну да, я-то смотрел только вперёд, а там взрывов было мало, а она из командирский башенки могла наблюдать более полную картину.

Ну, ничего, милая, видишь, всё обошлось и дальше все будет хорошо, обещаю, — как мог, попытался я успокоить девушку, — сейчас нужно поесть, и выдвигаться дальше.

Ага, сейчас, — моя спутница вновь исчезла в люке и вскоре передала мне мешок со снедью, вслед за которым и сама выбралась из башни с ножом в руке.

Вскоре я жевал хлеб с салом, обдумывая ситуацию. Ту немецкую артиллерию, что пыталась меня остановить, можно исключить из числа опасных объектов. Как я успел заметить, пушки были на конной тяге и меня им теперь не догнать. Но немцы в любом случае не успокоятся и будут снимать подразделения, идущие по шоссе, к северу от которого я сейчас нахожусь, и выставлять заслоны. Основную опасность представляет механизированная группа, от которой я уходил в лесу. Там, опасаясь засады, они шли медленно, но сейчас должны ускориться, двигаясь по оставленному мной следу. Мне в этой ситуации можно было рвануть на восток, часто меняя направление, но сегодня тринадцатое сентября, и к Львову немцы вышли только вчера. Сейчас там фактически нет линии фронта, то, что называется слоёным пирогом и очаговые напряженные бои, так что плотность войск довольно высокая, что с одной, что с другой стороны. Достаточно вспомнить, что Перемышль немцы возьмут только пятнадцатого числа. Но и здесь кружить — тоже не лучший вариант, рано или поздно загонят. Поэтому двигаюсь на восток, но не форсируя скорость.

Покончив со скорым обедом, я вновь поднялся на холм, чтобы соотнести свои планы с реальной обстановкой и стал осматриваться, отхлебывая воду из фляжки. Кофе явно не хватает. «Ну что за жизнь, никакого комфорта! И чего этим немцам неймётся? Никак ведь отставать не хотят!» — раздражённо думал я, наблюдая в монокуляр, как упорно ползут по моему следу немецкие танки — две «тройки» и четыре «двойки» в сопровождении двух грузовиков с пехотой. «Неплохо упаковались, курвы!» — ругнулся я и осмотрелся по сторонам — вроде бы вокруг больше фрицев не видать. Мысленно проложив маршрут, я спустился с холма, с минуту потратил на Болеславу: обнял, поцеловал, прошептал на ушко десяток нежных слов и усадил ее на командирское кресло. Потом сменил ленту в курсовом пулемете и сел за рычаги. Теперь мой путь лежал на юго-восток, в направлении крупного лесного массива, которого я достиг за полчаса, проехав по грунтовой дороге, проходящей через небольшую деревеньку. Приблизившись к лесу, я не стал сразу въезжать в него, а проехал по этой дороге вдоль опушки полтора километра на восток, и только тогда въехал под сень соснового бора. Тут растительность существенно отличалась от леса, служившего моим предыдущим убежищем. Там был широколиственный лес с густым подлеском из кустарника.

Здесь же под стройными соснами почти отсутствовала какая-либо другая растительность, что вкупе с довольно редким расположением деревьев обеспечивало широкий обзор и давало возможность движения на неплохой скорости. Оценив окружающую обстановку, я повернул направо и снова двинулся вдоль опушки, делая таким образом петлю, чтобы по лесу возвратиться к той же дороге, где я ехал ранее. Выбрав удобное место и скрыв танк за растущей на опушке молодой порослью, я, перебравшись на место наводчика, зарядил пушку бронбойным и перебрался со спутницей парой ободряющих фраз.

Вскоре появились преследователи. Как я и надеялся, двигались они уверенно, без передового дозора, предоставляя мне прекрасную возможность для атаки, которой я и не преминул воспользоваться, вогнав снаряд в борт передовой «тройке», после чего, прыгнув за рычаги, с максимальной скоростью сдал назад, наблюдая как во все стороны летят щепки, выбиваемые из деревьев очередями бьющих наугад «двоек». Теперь быстро сматываться. Втягиваться в танковый бой, имея только одного человека в экипаже (Болеславу за боевую единицу, разумеется, не считаем) — стопроцентное самоубийство. Исходя из этих соображений, я на максимальной скорости двинулся на восток. А немцы, надеюсь, теперь будут медленно ползти, высылая дозоры во все стороны. Так что теперь большую опасность будут представлять заслоны, от применения которых фрицы вряд ли откажутся. Поэтому двигаемся осторожно, смотрим вперёд и меняем направление. Обдумав таким образом тактику дальнейших действий, я обратился к Болеславе по «говорилке»:

Как ты там, милая, все хорошо?

У меня все в порядке, любимый, но мне всё-равно страшно. Они ведь кругом!

Не бойсь, прорвёмся!

Ну и дальше в том же духе, она делилась своими страхами, а я, с максимальной уверенностью в себе, убеждал её, что всё будет хорошо.

Так, разговаривая со спутницей, я вел танк на восток в течении сорока минут, преодолев за это время около восьми километров по пересечённой местности. Согласно карте, до окончания этого лесного массива оставалось около пяти километров. С очень высокой долей вероятности, фрицы приготовили мне там теплую встречу, которой мне хотелось бы избежать. Исходя из этих соображений, я свернул на север и уже через десять минут подъехал к опушке, остановившись под крайними деревьями. Затем, выбравшись из танка, я задумчиво осмотрел растущие поблизости сосны, убеждаясь, что забраться на них для осмотра окрестностей нет никакой возможности. Поэтому с максимальной осторожностью я прокрался через полосу молодой поросли, растущей вдоль опушки, и осмотрелся вокруг. Из-за рельефа местности радиус обзора был не более полутора километров, но можно было с уверенностью утверждать, что в секторе обзора немецких заслонов не было. Вряд ли бы они смогли здесь качественно замаскироваться за тот небольшой промежуток времени, когда им стала ясна траектория моего движения. Ещё раз окинув взглядом два хуторских подворья и сжатое пшеничное поле, я заметил холм, нет даже холм, а небольшое повышение рельефа, пригодное для более информативного осмотра окрестностей. А то ведь пока я даже не мог определиться с точкой местоположения на карте — в лесу-то ориентиров и нет практически. Определившись с ближайшими планами, я вернулся в танк и, проехав три сотни метров, остановился на выбранном возвышении. Сказав спутнице, чтобы она перебралась на место заряжающего, сам сел на командирское место и в смотровые щели внимательно огляделся. Не заметив ничего опасного, открыл люк, высунулся по пояс и тщательно осмотрел округу с помощью монокуляра. На расстоянии несколько большем, чем четыре километра, практически на пределе обзора, в моем направлении движутся два грузовика, что везут или буксируют непонятно, так как над кустарником видны только крыши кабин и тентов. Не факт, что они едут по мою душу, но исходить надо из этого. Кроме этого отряда, ничего, достойного внимания, видно не было. Определившись с картой и дальнейшей траекторией своего движения, я продолжил путь, принимая севернее для того, чтобы избежать столкновения с немецким отрядом. Однако полностью избежать встреч с гитлеровцами не удалось. Преодолев четыре километра в выбранном направлении, мне пришлось проехать по деревне, в которой, как оказалось был немецкий гарнизон. Увидев разбегающихся в панике фрицев, я лишь прибавил скорость, чтобы проскочить опасное место. Очевидно, в ближайшей округе все немцы предупреждены о злобном поляке на угнанном танке. За околицей вновь сменил направление движения и, проехав три километра на восток, я въехал по грунтовой дороге в широколиственный лес. Затем, углубившись в заросли, повернул на юг, двигаясь по дну неглубокого ручья. Пройдет совсем немного времени и текущая вода смоет оставленную танком колею, затрудняя преследование. Ещё через час я покинул русло и, отъехав на сотню метров тщательно затер отпечатки гусениц. Разумеется, полностью скрыть факт моего движения здесь не получилось, но время близится к вечеру, а в темноте эти следы обнаружить будет нереально, даже с помощью фар и фонарей. Двигаясь далее, к началу сумерек, я достиг южной оконечности лесного массива в пяти километрах севернее Жешува. Здесь, проявляя необходимую осторожность, я забрался на раскидистый бук и осмотрелся. Сразу за опушкой начинался луг, на котором спокойно паслось многочисленное стадо коров под присмотром престарелого пастуха. Далее выпас упирался в обширные сады, за которыми виднелись черепичные крыши сельских домов. И только парный немецкий пост у околицы вносил некоторый

диссонанс в этот пасторальный пейзаж. Да ещё и дорога местного значения, проходившая через село в двух с половиной километрах от меня. Большая часть дороги была скрыта садами и сельскими постройками, но через редкие просветы было видно, что там в восточном направлении движется колонна пехотного полка. «Не по мою ли душу?» — возник у меня закономерный вопрос, но, поразмыслив, я решил, что, скорее всего, немецкая часть идёт в сторону Львова, так как продолжение этой дороги выходит к одному из немногих мостов через реку Сан. Закончив с изучением колонны, я более тщательно осмотрел постовых. Два молодых фрица расслаблено стояли, опираясь на дощатый забор и были поглощены дружеской беседой. Похоже меня здесь не особо ждут, для проформы пост выставили, да и всё. Но расслабляться, конечно же не стоит. Сделав этот оптимистический вывод, я вернулся к танку и, забравшись на башню, попросил Болеславу подать мне три банки тушёнки, чтобы поставить их греться на двигатель. Девушка, покопавшись в наших припасах, передала мне банки, потом потянулась ко мне губами для поцелуя, от которого, разумеется, я не стал уклоняться. Но уже через секунду волна дремавшего весь день желания захлестнула мои тело и разум, банки полетели на землю, и мы с Болеславой бросились друг на друга. А ещё через полчаса, отдышавшись и приведя одежду в порядок, мы сидели с девушкой на корме танка и молча ели холодную тушёнку в прикуску с черствым хлебом. Я думал о дальнейших планах движения и о том, что поспать сегодня, наверное, не получится. А Болеслава думала... да кто его знает, что у нее на уме?

Анджей, а ты на мне женишься? — ну вот, теперь знаю, да и нетрудно было догадаться. И только я открыл рот, чтобы рассыпаться в обещаниях, как она продолжила, — нет, ничего не говори, какая я глупая, ты ведь мне ничего не должен, ты ведь посланник, а я тебя недостойна...

Ну что ты, милая... — бросив пустую банку на землю, я обнял девушку за талию, а другой рукой погладил по голове, — никакой я не посланник, и я тебя люблю и женюсь на тебе.

Правда? — Болеслава заглянула мне в глаза с такой щенячьей надеждой, что мне стало неловко — ну как тут можно что-то гарантировать?

Правда! — как можно уверенней ответил я.

Значит, мне нужно будет развестись с Казимиром, — тут же начала она строить планы, снова положив мне голову на плечо, — даже не знаю, как это сделать... А ты точно посланник, я знаю, что ты не из нашего мира, другие не замечают, а я чувствую... — перескочила Болеслава на другую мысль, но я остановил её нежным поцелуем.

Это все потом, сначала надо вырваться отсюда, — прервал я это разоблачение попаданца и, соскочив с кормы, вновь отправился на свой древесный наблюдательный пункт.

На часах было ещё без четверти семь, но, благодаря плотным тучам, уже наступила непроглядная ночная темень для всех людей под этим неприветливым небом, за исключением одного человека — меня. С дерева мне все также была видна дорога, по которой по прежнему шла пехота. Тут следует отметить, что пехотная колонна состоит не только лишь из одних пеших солдат, вместе с ними по польской земле волокут тяжело груженные телеги и пушки, вслед за ними со скоростью пехотинца тащатся грузовики. Поразмыслив, я вернулся в танк, сказал спутнице, чтобы она заняла свое место в башне и переместил панцер на километр восточнее. Забравшись на новом месте на дерево, я убедился, что поступил правильно — открывшийся вид давал гораздо лучший обзор на дорогу. Теперь можно было планировать, основываясь на достаточном количестве исходных данных. Насколько я мог сейчас видеть, у меня была возможность выехать на дорогу, не потревожив посты, выставленные в селе, так как поблизости от подворий, расположенных между мной и шляхом, фрицев видно не было. Для большей надёжности я слез с дерева и пробежался почти до самой дороги, обследуя будущую траекторию движения. Да, немцев здесь нет и собаки не лают. То есть присутствуют все основные условия для тайной операции. Поэтому, вернувшись, я вывел танк из леса и, проехав вперёд, остановил его в двух сотнях метров от дороги, даже не думая о маскировке, наоборот, убрал с брони все маскирующие ветки. Теперь оставалось только дожидаться прорехи в движении. Выключив двигатель, я, подвинув спутницу, перебрался на командирское место, и высунулся по пояс из люка, всматриваясь в движущиеся по шляху немецкие войска. Примерно через час моё терпеливое ожидание было вознаграждено — вслед за пешей колонной проследовали два десятка грузовиков, после которых дорога осталась пустой. Понимая, что такую возможность нельзя упускать, я вернулся за рычаги, запустил не успевший ещё остыть двигатель и двинулся вперёд, быстро догнав колонну и пристроившись к ней сзади. Болеславе я сказал, чтобы она, сидя на командирском месте внимательно следила за дорогой сзади и сообщила, когда сзади появится транспорт. Немцы из впереди идущей колонны никак не прореагировали на моё появление, в кузовах солдат не было — тенты были закрыты наглухо, а из кабины мой панцер можно было увидеть только в зеркало, а много ли там разглядишь? Ну едет кто-то, только свет фар и видно. Так и тащились потихоньку на в ночной тьме через польские просторы. Через час Болеслава сообщила, что сзади издали виден свет фар, который, по всей видимости, принадлежал механизированному подразделению, так как довольно быстро приближался. Меня эта ситуация несколько нервировала, хотя я был почти уверен, что они для меня опасность не представляют. Но, как бы то ни было, в течении часа эта колонна нас догнала и пристроилась сзади, перейдя на

черепастью скорость пехоты, идущей впереди меня. Такой порядок движения сохранялся почти до полуночи и мне стоило огромных усилий не заснуть за рычагами.

Дрема накатывала волнами, она то набрасывалась на мой разум и тело наливая свинцом веки и подбрасывая короткие сновидения-галлюцинации, которые мне удавалось отогнать лишь напряжением силы воли, то отступала, и тогда я встряхивался, осознавая опасную реальность окружающей действительности. Попытка привлечь Болеславу к помощи в деле борьбы со сном не увенчалась успехом — девушка лишь что-то сонно промычала в «говорилку», дав понять, что в этом вопросе она мне уже не союзник. И вот, в половине двенадцатого ночи, когда я уже стал обдумывать, как бы мне свернуть в какой-нибудь лес или рошу для отдыха, впереди идущие автомобили неожиданно для меня остановились. Я тоже нажал на тормоз и, взяв свою флягу, отпил из неё и с удовольствием протер лицо влагой, а то во время движения необходимость держать рычаги обеими руками лишала меня этой простейшей возможности взбодриться. Сонливость отступила, и мне оставалось только ждать дальнейшего развития событий. Происходящее на дороге впереди меня, было скрыто кузовом грузовика, поэтому я решил совместить необходимое с полезным: выбравшись из люка отошёл на левую обочину и, с наслаждением опустошая переполненный мочевой пузырь, осмотрелся. Благодаря своему отличному ночному зрению, я смог сразу определить причину остановки — пехотный полк располагался на привал в чистом поле. Потом я глянул на технику, которая следовала позади меня, а то Болеслава ранее мне могла сообщить только том, что видит фары, теперь же мне было видно три броневика, вставших непосредственно за панцером и десяток грузовиков за ними, оттуда тоже вылезали фрицы и справляли свои надобности. Несколько немцев направились в мою сторону, но я не стал их дожидаться и вернулся в танк, к которому они не проявили никакого интереса, пройдя дальше. Заняв кресло мехвода я ещё раз умылся водой из фляжки, нашел в припасах чёрствый хлеб и копчёную колбасу и с аппетитом перекусил. А вскоре тронулись с места стоявшие передо мной грузовики. Теперь стало очевидно, что они не входили в состав пехотного полка, как я предполагал ранее. Я поехал вслед за ними, стараясь не отставать, чтобы создать видимость единой колонны. Теперь, когда впереди не было сдерживающего фактора в виде пехоты, скорость существенно возросла и уже через час, проехав по мощеной бульжником улице крупного села и миновав два дорожных поста, не обративших на мой танк никакого внимания, я проехал по мосту через Сан. На восточном берегу также было село, но уже меньшего размера в котором я проделал следующий маневр: съехал с дороги и встал у обочины, пропустив следовавшие за мной подразделения, а затем пристроился сзади этой колонны и, проехав мимо очередного немецкого поста, покинул село. Сделано это было по следующим соображениям: мне была нужна возможность не привлекая внимания покинуть колонну, а тут, в населённом пункте с немецким гарнизоном, выход из колонны должен вызвать куда меньше подозрений. Далее, проехав так ещё около двадцати минут, я свернул с дороги в первом же лесу и вскоре остановился под кронами вековых дубов. Решив, что тут неплохое место для отдыха и временной дислокации, я пробежал по следам панцера до дороги и тщательно их замаскировал, после чего сделал несколько кругов по ночному лесу вокруг стоянки, а затем вернувшись в танк, уснул на водительском кресле. Проснулся я от того, что Болеслава спросила меня:

Анджей, ты спишь?

Идиотский вопрос, на который спросонья так и хочется ответить матом, не взирая на личности. Еле сдержался.

Нет, милая, уже проснулся.

Прости, что разбудила, но у меня проблемы, а на улице дождь...

«Проблемы это плохо, дождь это хорошо...» — начал я мысленно анализировать её болтовню.

Мне нужно кое-что сделать, но я не могу это сделать снаружи, ведь там дождь, поэтому мне нужно, чтобы вышел...

«Она что, тут облегчиться задумала? Ну дела...»

А куда ты это делать собралась, у нас ведь нет ночного горшка?

Горшка?.. Зачем?.. Я не... Как ты... — несвязно попыталась она мне что-то ответить, однако, наконец, до меня дошло:

Извини, если месячные, то так сразу бы и сказала! — «А то тык-мык — в голове затык!»

Анджей, но так же не принято!

Глупости все эти ваши экивоки... Ладно выхожу, у тебя полчаса, — поставив таким образом точку в разговоре, я покинул танк.

Затем, добежав до ближайшего дерева, я попытался укрыться под его кроной, однако толку от этого было мало. «Надо было хоть шинель прихватить!» — запоздало думал я, чувствуя как быстро намокает одежда под струями воды, стекающей сквозь листья. Промокнув до нитки, я, наконец, дождался истечения отведённого девушке времени и запрыгнул в люк механика-водителя.

Возмущения со стороны спутницы не последовало, стало быть, она уложилась в заданные тридцать минут. А значит, теперь моя очередь заняться собой — забравшись на более просторное место наводчика, я стал стаскивать

с себя мокрую одежду. Сзади послышался удивленный голос:

Анджей, а ты зачем раздеваешься?

Не зачем, а почему! — банальная шутка как раз пришлась к месту, и я продолжил, — промок насквозь, вот и раздеваюсь!

Ой, извини, что из-за меня, но надо было хотя бы шинель взять!

«Ну вот ведь какая умница, не то что я — дурак дураком!» — саркастически подумал я и, скинув с себя трусы, закутался в сухую шинель.

Ну что уж теперь... Милая, будь добра, найди... у нас ведь осталась самогонка? Для сугреву, ну и закусить...

Девушка не стала спорить (не зря ведь медицине училась, понимает основы!), а перебралась на место заряжающего, оттуда дотянулась до сложенных внизу вещей и, вскоре, поставив на казенник эмалированную кружку, до половины наполнила её мутноватой жидкостью. «Молодец, в самый раз!» — с благодарностью подумал я, опустошив кружку. Далее, закусив куском колбасы, Я постарался устроиться поудобнее и расслабился. Спать уже не хотелось, думать тоже. Повернув голову в сторону Болеславы, так и оставшейся на месте заряжающего, я встретился с её фирменным лучистым взглядом. Эх, как хорошо было бы сейчас обнять эту чудесную девушку и так и сидеть, прижав её к себе и вместе слушать шум дождя. Но танк совершенно не предназначен для романтических обнимашек. Между креслами мехвода и стрелка-радиста расположена весьма объемная трансмиссия, между местами наводчика и заряжающего — не менее объёмный казенник пушки. А на командирском кресле и одному-то не слишком просторно. Недоработка конструкторов, однако. Поэтому мы так и сидели с девушкой по разные стороны от орудия и нежно смотрели друг на друга. Хорошо сидели, молча, ничего не делая и никуда не спеша. Постепенно веки мои сомкнулись и я задремал, а когда проснулся, то дождь уже кончился и Болеславы в танке не было. Выглянув из танка через боковой люк, я обнаружил, что небо очистилось и радостно светит полуденное солнце. А когда выбрался из люка, встав на крыле, то увидел и Болеславу, одетую в платье, которая развешивала мокрую одежду на ветках. «И как это у нее получается? — задался я вопросом, глядя за её изящными движениями, — просто занимается хозяйственными делами, а смотрится так, будто балетную партию танцует!» Почувствовав мой взгляд, девушка обернулась и помахала мне шелковыми панталонами:

Я постирала, но скоро высохнет, солнце хорошо греет!

Действительно, чувствовалось, что броня танка уже нагрелась, и с зелени влага испаряется прямо на глазах. Кивнув девушке, я уселся на башню и продолжил любоваться красавицей, бросавшей на меня каждые несколько секунд обворожительные взгляды. Закончив с одеждой, она подошла к танку и, подбоченясь, вопросительно-игриво посмотрела на меня. Вроде того: «И чего это пан солдат так томно смотрит на честную девушку?». Да она ещё и актриса!

Иди сюда! — встав на корме, я протянул ей руки, а когда она свои ладони вложила в мои, то одним движением поднял девушку к себе и, обняв за талию, хотел поцеловать. Но Болеслава уперлась руками в мою грудь и замотала головой:

Нельзя же ведь!

Даже поцеловать нельзя?

Только поцеловать? Можно...

Её руки расслабились и наши губы слились в долгом поцелуе. Потом мы расположились на крыле, и обнявшись, болтали о всякой всячине, наслаждаясь чудесным моментом. Как будто и нет никакой войны и сидим мы не на танке, а на скамейке в парке. Но вечно так сидеть, разумеется невозможно и вскоре она перевела разговор на злободневную бытовую тему:

Не знаю, что с обедом делать? Сухого хвороста нет, опять сухомятку будем есть?

Я, немного подумав, ответил:

Сейчас бензиновую горелку сделаю, горячим пообедаем! — пообещал я решить проблему и немедленно приступил к делу.

Взяв из танка снарядную гильзу, с помощью шланга слил в неё немного бензина, сыпанул ложку соли и вставил сложенную вчетверо бечевку, после чего сплюснул дульце кувалдой. Вскоре над пламенем этого примитивного примуса расположился котелок и Болеслава взялась за дело. Мне же предстояло подумать о дальнейших планах и связанных с ними проблемах. Во-первых, нехватка бензина, которого осталось километров на пятьдесят, в то время как до Львова только по прямой около восьмидесяти. Во-вторых, надо решать, где скрываться до того момента, когда Красная Армия окончательно займет Западную Украину. А это будет двадцать седьмого сентября, до которого ещё двенадцать дней. Для бóльшей определенности, я достал карты и приступил к их изучению. Прикинув различные варианты, я решил, что прятаться будем в лесах неподалёку от Львова, а бензин надо попробовать добыть уже сегодня, с помощью разбоя на большой дороге.

Тем временем Болеслава уже приготовила перловку с мясом и мы приступили к обеду. Я ел прямо из котелка, а девушка в качестве тарелки использовала крышку. Покончив с кашей, я попросил спутницу сварить мне кофе, а

сам, удостоверившись, что одежда уже высохла, оделся. Затем, попив кофе, приступил к подготовке ночной операции. В ящике с запчастями, любезно оставленном в танке предыдущим мехводом, нашлась пара стальных трубок, поработав с которыми, я изготовил острые шипы для прокалывания автомобильных шин. Затем достал все четыре трофейных эсэсовских кинжала и польский кортик, с которыми до вечера практиковался в их метании. В клубе реконструкторов я довольно часто занимался подобными упражнениями, весьма популярными в той среде, и, надо сказать, достиг немалых успехов. Вот и сейчас, после трёх пробных бросков, все кинжалы попадали точно в мишень с различных расстояний и с обеих рук. Тренировка проходила с особым воодушевлением, благодаря восхищенным взглядам моей спутницы, она бы ещё хлопала в ладоши, но я запретил — лишний шум нам ни к чему. Убедившись, что рефлекс и координация меня не подводят, я закончил занятие и вновь оказался во власти девушки ластившейся ко мне буквально как котёнок. Да и мне держать Болеславу в объятьях, гладить её по голове, шептать ласковые слова было в высшей степени приятно, я отдыхал телом и душой наслаждаясь её нежностью и стараясь не думать о делах партизанских. После ужина мы устроились под танком, и я уснул объятьях девушки, предварительно предупредив её, чтобы не мешала мне спать без серьёзной причины. Проснувшись, как и планировал, в десять часов, я, разбудив Болеславу, отправил её в танк, туда же сложил все оставшиеся снаружи вещи и, с заранее подготовленным снаряжением, отправился к дороге. Там, устроившись в придорожных зарослях около пустынной трассы, приступил к наблюдению и ожиданию. Насколько я мог судить, эта дорога не лежала на стратегическом направлении, поэтому ночью движение здесь было довольно редким. За час в восточном направлении проследовало всего три автоколонны, в которых было по десятку грузовиков, потом мою позицию миновали четыре мотоцикла, через десять минут после которых, я, наконец, услышал долгожданный звук одиночного автомобильного двигателя и поспешил установить в колее заготовленные штыри. Однако грузовик каким-то невообразимым образом ухитрился их миновать и укатил в ночную даль, оставив меня злобно материться на темной обочине. После этого мне пришлось убирать штыри с дороги, так как стали слышны звуки многочисленной колонны, которая вскоре и проследовала на восток мимо несчастного партизана. Ещё через двадцать минут издали снова донесся шум движения нескольких автомобилей, но я всё-таки решил установить штыри. Вскоре появилось три тентованных грузовика, лишь последний из которых пропорол колесо и съехал на обочину, оповестив своих коллег клаксоном. Водители передних машин, услышав сигнал остановились метров через пятьдесят, но сдавать назад не стали, а отправили к неудачникам делегата, который, поговорив с водителем и пассажиром, осматривавшим с помощью фонарей поврежденное колесо, вернулся к своей машине, где присоединился к стоящей у первой машины компании фрицев. Пока, с моей точки зрения, всё развивалось довольно оптимистично. Четверо немцев, стоявших у передних машин не проявляли никакого желания помогать своим невезучим камрадам и, стоя кучкой, курили и о чем-то весело и шумно разговаривали. У третьей машины находились только двое фрицев, занимавшихся колесом. Я не стал сразу нападать на этих бедолаг, дав им ещё немного пожить, пока не заменят колесо. Не самому же мне этим заниматься, в самом деле. Дождавшись момента, когда им осталось закрутить только один болт, я неслышно подкрался сзади и с трёх метров метнул кинжалы в незащитные спины. Несмотря на то, что этой ночью стояла ясная погода, вокруг, благодаря новолунию и теням от подступающих вплотную к дороге деревьев, стояла кромешная тьма для всех обычных людей. Да ещё и фары третьей машины светили в сторону первых двух, не давая возможности оттуда увидеть кровавую драму. Поэтому я, не желая более затягивать операцию, как можно быстрее, но стараясь не шуметь, направился к оставшимся фрицам. Далее, приблизившись к ним на пять метров, я с двух рук метнул кинжалы в стоящих ко мне спиной гитлеровцев и, уже не скрываясь, бросился с кортиком в руке к оставшимся двум, которые перед смертью успели только округлить глаза. После расправы, я в стремлении как можно быстрее убраться с дороги попытался забросить трупы в кузов (оставлять их на дороге или поблизости, было крайне неблагоприятно), но тент на всех грузовиках оказался плотно зашнурован и опечатан, вследствие чего мне пришлось резать ткань окровавленным кинжалом, но и это не помогло — кузов был до упора заставлен ящиками. Поэтому я был вынужден всё-таки оттащить тела в придорожные кусты. Затем я по одному отвел грузовики метров на пятьдесят в глубь леса. После чего затер на дороге и поблизости оставленные следы. К моему счастью, за это время на дороге не появилось немецких автомобилей. Потом, уже более спокойно, я оттащил трупы ещё дальше и замаскировал ветками. Вернувшись к танку, предупредил Болеславу, чтобы не пугалась шума моторов и отвел грузовики на стоянку. Здесь я в первую очередь озабочился поиском бензина — ведь ради него все и было затеяно — попутно осматривая содержимое коробок. Результаты поисков меня порадовали. В трёх машинах оказалось достаточно топлива, чтобы наполнить бензобаки танка под завязку, да ещё и четыре канистры осталось про запас. Да и груз оказался весьма кстати — во всех грузовиках находились коробки с разнообразными продуктами. От осознания того, что большую часть трофеев придется оставить, у меня едва не произошел разрыв сердца. Тем не менее, обуздав жадность и рационально отобрав продукты, которые позволяла взять вместимость танка, уже в час ночи я отправился в юго-западном направлении, следуя прежнему осторожному алгоритму: двигаться по проселочным дорогам, населенные пункты обходить, в контрольных точках останавливаться и осматриваться, время от времени

маскировать и затирать следы. Проехав таким образом до четырех часов утра чуть менее пятнадцати километров, я остановился в заранее выбранном по карте хвойном лесу. Поставив панцер среди высоких елей, я несколько раз обошел по кругу выбранную стоянку и убедился, что людей и зверей поблизости нет. После чего позвал Болеславу и улёгся спать под днищем танка, крепко обняв девушку. Однако уже через полтора часа меня разбудило чувство тревоги. Протерев глаза и прислушавшись к окружающему меня лесу, я понял, что причиной беспокойства являются крадущиеся шаги нескольких человек, приближающихся ко мне из глубины леса. Толкнув девушку, я прошептал:

Лежи тихо, скоро вернусь!

Затем, выбравшись из-под танка, прихватил винтовку и направился навстречу гостям. Те, хоть и старались идти тихо, но производили достаточно шума, чтобы я мог точно определить их местонахождение и обойти сзади. Примерно за двести метров до танка, я зашёл за спину трём бойцам в польской форме, навёл на них пистолет и, по максимуму добавив сталь в голос, негромко произнес:

Стоять! Брось оружие! Руки вверх! Кругом!

Дезертиры (а никем другим, судя по заросшим лицам, оборванной одежде и густому запаху перегара эти господа, определенно, быть не могли) дружно выполнили все команды и развернулись ко мне лицом, подняв руки вверх.

Кто такие? Представьтесь!

Рядовой Михайло Бабич.

Рядовой Григорий Данилович!

Рядовой Петр Заремба!

Услышав знакомый украинский акцент и характерные фамилии, я перешёл на мову:

А теперь расскажите-ка мне хлопцы, какие дела привели вас в эту часть леса?

Услышав украинские слова, парни заметно повеселели и Михайло мне вместо ответа развязно заявил:

О, так ты из наших! Айда в наш рой!

Я навел на него пистолет и твердо глядя ему в глаза произнес:

Я что, непонятно говорю? Может самого непонятливого пристрелить?

В ответ на мою агрессивность Бабич слегка сдулся и испуганно залепетал:

А что я сказал? Я ж ниче! Все скажу! Тут гудело что-то, вот атаман нас и отправил глянуть тихонько!

Что за атаман?

Та Микола Пасюк! Он у панов сержантом был, и у нас командует теперь, пошли к нам, не пожалеешь! — опять взялся за старое Михайло.

И чем же так у вас хорошо?

Так мы не просто домой идём, мы панов по дороге потрошим, кончилась их власть, теперь наше время пришло! — распалившись, Михайло уже начал жестикулировать руками, но я не останавливал его, а внимательно слушал откровения, — А у них есть, что взять, Микола умеет дома выбирать, чтоб и золото в доме было, и девки для потехи!

Ещё и девки?

А то как же? Раньше они на нас как на свиней смотрели, а сейчас на коленях ползают, курвы!

Решив, что услышал достаточно, я прыжком с места преодолел разделявшие нас метры и ткнул его левой рукой в трахею, второго дезертира убил ударом рукояти пистолета в висок, третьего сбил с ног ударом ноги в живот, а затем, прижав лезвие кинжала к его горлу, спросил:

Будь ласка, Петенька, со всеми подробностями, ответь мне на вопросы...

Через четверть часа, решив, что информации более чем достаточно, я перерезал горло третьему украинцу и задумался. До бандитского лагеря было два километра, там оставалось шесть душегубов-разбойников. По большому счёту мне было наплевать на их злодеяния — ну убили, ограбили, сколько-то поляков, да изнасиловали их женщин — так война идёт, и то ли ещё будет! Но проблема в том, что имея под боком этих отморозков, я не смогу нормально выспаться, придется всё время быть на стрёме. А ведь ночью мне опять ехать за рычагами. Короче, решено! Устало вздохнув («Ну ни минуты покоя»), я направился к логову дезертиров, переходя на бег. Приблизившись к нужному месту, я остановился и внимательно прислушался к лесу. Дальше я шел очень медленно, останавливаясь каждые пять шагов, так и дошел до самой стоянки украинцев и, укрывшись за елью, окинул взглядом небольшую поляну. Около большого костра расположились четверо дезертиров, двое из которых спали, ещё двое о чём-то тихо беседовали. Значит, ещё двое стоят в караулах, как Петя и сказал. Получается я прошёл мимо постовых, не заметив их, но и они меня не заметили. Далее, решив, что перед нападением на лагерь надо снять караулы, я стал обходить стоянку по кругу и вскоре услышал негромкий разговор. Как оказалось, оба дозорных сидели рядышком на бревне, курили и мирно беседовали. Чтобы бесшумно подойти к ним, мне пришлось разуться, но это того стоило. Караульные умерли, не издав ни одного лишнего звука. Теперь обуться и на поляну!

Зайдя за спину бодрствующим бандитам, я с пяти метров бросил кинжал в спину здоровому бугаю, который, судя по полученному мною описанию, был атаманом, в два шага достиг второго, который с ним беседовал и пинком с ходу в голову вырубил его, потом, не останавливаясь, перепрыгнул через костер и также ударами ног отключил спящих дезертиров. Затем, вернувшись к атаману, выдернул из спины трупа кинжал и, одного за другим зарезал трех бессознательных бандитов. Всё! Как же я устал! Не сейчас конкретно, а вообще... Осмотрев их вещи, я взял только золото, которого было совсем не много по сравнению с моими запасами. Более ничего ценного у дезертиров не было. После чего, потушив костер, удалился.

А вернувшись к панцеру, забрался под него, поцеловал так и ждавшую там меня Болеславу, и крепко уснул.

Проснувшись около трёх часов, я обнаружил, что рядом девушки уже нет, а когда вылез из-под танка, то меня ждала кружка горячего кофе. Я выразительно посмотрел на девушку — дескать, а где бутерброд? На что получил исчерпывающий ответ:

Сейчас каша будет!

«Ну, если каша, то да!» — подумал я и уселся на крыло. Отхлебывая ароматный напиток, я любовался очаровательной девушкой, наслаждался теплой солнечной погодой и думал о дальнейшей дороге. Вообще, место здесь очень хорошее, при других обстоятельствах можно было бы остаться тут на пару-тройку дней, но после моей ночной операции, немцы опять могут встать на след, так что хочешь не хочешь, а ехать надо! С направлением определюсь позже — посижу над картой, авось что умное в голову придет. А сейчас пора обедать, сказал я себе, глядя как Болеслава снимает котелок с огня. Отложив себе порцию каши в крышку, она обернула его тряпкой, чтоб не обжечься и подала мне вместе с ложкой. Вкусно! Я ведь успел здорово проголодаться.

Милая, а у нас есть овощи? — вспомнил я о необходимости более разнообразного питания.

А что, невкусно? Ну извини, в этих условиях сложно... — начала оправдываться девушка.

Нет, ты всё неправильно поняла, ты ведь медицину изучала, должна знать, что кроме калорий надо ещё и витамины есть... Ой, я ведь совсем забыл! — В сердцах махнув ложкой, едва не стукнул себя по лбу, — Там ведь трофеи!

Отставив в сторону котелок я забрался в танк и, покопавшись в ящиках, выставил на броню две банки консервированных овощей, две плитки шоколада и бутылку красного вина.

Вот так будет лучше! — провозгласил я и, открыв овощи, протянул одну банку девушке, а вторую взял себе.

После приема основного блюда, я плеснул себе сто грамм вина (больше нельзя в боевой обстановке), а девушке налил полную кружку (пусть расслабится, ей-то не воевать) и мы употребили сей божественный напиток вприкуску с шоколадом. Потом девушка придвинулась ко мне, я её обнял, мы поцеловались и так, не расцепляя объятий, сползли с брони на траву... Разумеется, дальше лобызаний дело не зашло... Далее мы просто лежали на траве и смотрели друг другу в глаза наслаждаясь счастливым моментом. Однако, как говорится, потехе — время, но делу час хотя бы надо посвятить. Исходя из этого правила и помня о нерешённом вопросе с дальнейшим направлением движения, я скинул с себя расслабленную негу и, взяв из танка карту, приступил к тщательному изучению окружающей местности и планированию дальнейших действий. Повертев карту и так и этак, я отложил её и стал ходить взад-вперёд по поляне — так думается лучше. Потом ещё раз сверил с картой почти готовый план и обнаружил, что уже стемнело, а Болеслава приготовила ужин. Поев, мы залезли под танк и уснули. Двигаться в путь ранее полуночи нецелесообразно, так как в это время продолжается активное движение войск и тылов, поэтому надо пользоваться возможностью выспаться. Проснувшись, как я и планировал, в начале первого часа ночи, мы заняли наши места в танке и отправились в путь. Этой ночью мне необходимо было преодолеть около пятнадцати километров, причем траектория движения пролегла преимущественно по руслам ручьёв, чтобы надёжно сбить со следа возможных преследователей.

Выполнение моего плана заняло более пяти часов и в начале шестого мы расположились на стоянку в крупном лесном массиве к северу от Олешнице. Здесь я предполагал провести два дня, прежде чем отправляться далее. Как всегда на новом месте, я многократно обошёл стоянку и, убедившись в отсутствии людей в ближайших окрестностях, завалился спать.

Проснувшись в десять утра, я получил ставшую уже привычной кружку горячего кофе и плитку шоколада. Когда я отхлебнул бодрящего напитка, девушка тоже налила себе кофе и села рядом.

Анджей, а где мы сейчас находимся?

Недалеко от Олешнице, знаешь где это?

Конечно! Это ведь уже совсем близко! Как хорошо! А когда мы доберёмся до Львова?

С этим придется подождать, — расстроил я её, — Сейчас вокруг города идут бои и попасть в город невозможно, да и вполне вероятно, что до подхода русских, немцы не смогут его захватить.

А ты уверен, что русские нападут на Польшу?

Абсолютно. Но это не нападение, это необходимость не дать немцам поработить украинцев и белорусов.

Все равно это подло! Удар в спину! Ненавижу их!

Ида. А я ведь так и не сказал ей, что я русский. Почему бы не сейчас?

А я ведь русский.

Ты?! Русский!? Как!? — в этот момент лицо девушки как нельзя лучше подходило для иллюстрации словосочетания «когнитивный диссонанс».

Ну да, родился я в Варшаве, но мои родители были русскими, — спокойно пояснил я.

Какой ужас! — Болеслава рассматривала меня, как будто увидела меня в первый раз. Пока она так смотрела на меня, её лицо отражало обуревавшие девушку эмоции. Наконец она несколько успокоилась и обличающие тоном спросила:

Наверное, ты очень рад тому, что они захватят Польшу?

Нет, меня эта ситуация тоже совсем не радует, я же не коммунист, иначе бы уже давно перебрался в СССР. Но в сложившейся ситуации, то, что я русский, может уменьшить мои будущие проблемы.

Кивнув, девушке слезла с танка, отошла шагов на двадцать и устроилась под раскидистой елью, обиженно надув губы и показывая всем своим видом, что не желает со мной разговаривать. Ну да ладно, переживем.

Делать мне было нечего и я предался праздному безделью. Просто бросил на траву пару шинелей, лег на спину и смотрел на голубое небо, по которому плыли редкие облака. Вспомнилось, как шесть дней назад Болеслава также была обижена на меня, а я жаловался сам себе на скуку. Смешно. Как говорится, опасные приключения заказывали? Получите и распишитесь! Нет уж, теперь буду не роптать, а наслаждаться каждой минутой ничегонеделания. Даже пушку чистить не буду, а то это стало нехорошей приметой. Однако долго лежать в одиночестве не пришлось, через полчаса на меня сверху улеглась девушка, закрыв своими глазами бездонное небо, и впиалась в мои губы. Так мы лежали долго, я не засекал по часам, но, наверное, не менее часа. За это время были опробованы всевозможные техники поцелуя. Потом, оторвавшись от меня, она легла рядом и отдышавшись сказала:

Прости, я часто бываю невыносимой дурой! — затем, не дожидаясь ответа (да он и не нужен был, после такого-то поцелуя!), она продолжила, — А как мы поженимся, ты ведь не католик? Мне надо будет перейти в твою веру?

В СССР с этим все просто: брак регистрируют государственные органы, а кто к какой вере принадлежит, не спрашивают.

А откуда ты всё знаешь?

Читал много, интересно было как там люди живут. Но тебе в любом случае сначала надо развестись с Казимиром, если он жив...

Ничего не говори больше, я верю что он жив! А то получится, что я подлая курва... Хотя, так ведь на самом деле и есть, я — курва!

Теперь я повернулся так, чтобы оказаться над ней и поцеловал, на этот раз недолго, но постаравшись передать ей всю свою страсть.

Не говори так, мы ведь любим друг друга!

Вот и Ядвига говорила, что грех, это когда без любви, — она замолчала и задумалась, а я вновь лег рядом и продолжил смотреть в небо.

Так мы лежали, до тех пор, пока не наступила пора обедать.

Девушка вновь приготовила перловку со свиной тушёнкой, к которой мы, как и вчера, добавили консервированные овощи. После приема пищи девушка мне сообщила, что у нее в Немирове живёт дядя по матери.

А ты его хорошо знаешь?

Конечно! Он, когда приезжал во Львов, всегда останавливался у нас. Но я у него ни разу в гостях не была, хотя адрес знаю.

А чем он занимается?

Он часовщик, ремонтирует и продает часы.

Хм, а если ты появишься в Немирове, он тебя приютит?

Разумеется, а почему ты спрашиваешь?

До Немирова отсюда около сорока километров, вокруг него обширные леса, в которых можно укрыться, а когда его займут русские, можно будет выйдя из леса, оказаться сразу на окраине города, поэтому я думаю, что нам было бы безопаснее остановиться там, до того как его займут русские, А после их появления, ты пойдешь к своему дяде, а уж потом, когда все образуется, безопасно доберешься до своих родителей.

А ты?

А я сдамся русским, они меня отправят в лагерь военнопленных, откуда я буду подавать прошения о предоставлении мне советского гражданства и свободы, — обрисовав ей свои перспективы, увидел, как девушка хмурится и добавил то, что она жаждала услышать, — А когда меня освободят, я найду тебя и мы поженимся! — Болеслава сразу заулыбалась и бросилась в мои объятия.

Я согласна!

Ну а что ещё женщине надо для счастья?

Остаток этого и весь следующий день мы провели в разговорах. Девушка рассказывала мне про дядю Абрама и его семью, про других своих родственников. А я её инструктировал о правилах жизни в советском обществе.

Запомни, надо всегда хвалить советский строй, коммунистическую партию и товарища Сталина.

А если я не буду хвалить?

Ну... если просто будешь молчать, то это не страшно, а вот если будешь ругать, то посадят в тюрьму за антисоветскую агитацию. При этом написать донос может любой собеседник. Запомни, это очень серьёзно!

Кошмар, мне страшно... Как же там жить, если слова сказать нельзя?

Есть много других тем для разговоров — о семье, о детях, о погоде, о здоровье. Говори на эту тему сколько хочешь. Но когда речь о политике, то хвали партию и правительство, ругай несправедливость капиталистического строя, в крайнем случае молчи! И родителям и родственникам скажи чтоб не болтали о политике попусту. И поверь мне, это намного лучше, чем жить под немецкой оккупацией, особенно тебе.

Почему это особенно мне?

Да потому, что ты наполовину еврейка, а евреев они за людей не считают. Да и славяне для них ненамного лучше. Ты немецкий знаешь?

Да.

Я тебе дам почитать брошюрку о расовой чистоте, которую у тех душегубов забрал, там подробно их взгляды расписаны.

Так мы и беседовали, когда надоедало говорить, целовались, устав же лобызаться, просто лежали. А в ночь с шестнадцатого на семнадцатое сентября мы погрузились в танк и я выехал на большую дорогу, в смысле на шоссе Олешнице — Львов. Там я пристроившись к транспортной автоколонне доехал до Грушева, проехав который, беспрепятственно свернул на пустынную дорогу, идущую на север, в сторону Немирова. Далее, не доезжая до города, свернул в лес, объехал Немиров с юга, не забыв затереть следы танка в местах съезда и выезда на трассу, и в половине четвертого утра остановился в хвойном лесу восточнее города Немиров. Оставшееся время до рассвета я тщательно затираю и маскировал следы — здесь стоянка будет долгой, осторожность должна быть максимальной. Потом обследовал окружающую местность, и только тогда завалился спать.

Проснулся я около полудня и сразу получил кружку кофе. Шоколадку требовать не стал, так как видел, что каша уже готовится. Глядя на бездымный костер, предупредил девушку:

Мы здесь надолго, поэтому днём костёр, даже бездымный, разжигать нельзя, я сделаю горелку, на ней и будешь готовить. Бензина достаточно.

Действительно, если бы знать, что конечной точкой маршрута является Немиров, то можно было и не устраивать тот разбой на трассе. Имевшегося на тот момент бензина было вполне достаточно, чтобы добраться сюда.

После позднего завтрака я более тщательно обследовал местность, ставшую нам временным пристанищем. Этот лесной массив был сравнительно небольшим — пять километров в длину и три в ширину, но он был практически весь расположен на пологих склонах двух высоких холмов (перепад высот около пятидесяти метров) и разделяющей две вершины седловины. Обдумав увиденное и сверившись с картой, я решил ночью поменять стоянку. До вечера оставалось совсем немного времени, которое я вновь посвятил ничегонеделанию (самый лучший способ занять время!). А в десять часов вечера я вывел танк к дороге, потом по следу вернулся к ранее пересечённому ручью и поехал вверх по руслу, которое через два километра покинул и поднялся по склону, поставив панцер в седловине. Если кто и обнаружит следы на моей прежней стоянке, то все будет выглядеть так, что я уехал оттуда по дороге.

Утром я прошёлся вдоль русла, чтобы убедиться, что следов не осталось, потом замаскировал место выхода из ручья и вернулся на стоянку. Там я распустил одну шинель на полосы, взял накопившиеся пустые консервные банки и по дальнему периметру стоянки устроил примитивную сигнализацию на наиболее удобных путях подхода. Теперь если кто-то посторонний попытается приблизиться к лагерю, то брэнчание банок предупредит нас об опасности. Далее я занялся строительством шалаша, которое продвигалось довольно медленно, по причине того, что я не пользовался топором во избежание шума, а срезал ветки и деревья ножом. Стараясь строить бесшумно и основательно, я так и не успел построить временное жилище до вечера, поэтому мы завалились спать под днищем танка. На следующий день к обеду я завершил строительство шалаша, после чего приступил к подробному инструктажу спутницы.

Ты должна понять, что этот танк представляет большую ценность для СССР, но так как он находится во временном союзе с Германией, то для русских важно не только получить танк, но и сохранить этот факт в тайне. Поэтому ты никому не должна говорить ни про танк, ни про меня. А то для сохранения секретности, они могут тебя ликвидировать, — услышав и поняв мою фразу, девушка испуганно закрыла рот руками.

А как же ты? — ведь тебя они тоже могут?..

Я — один, и к тому же сам не заинтересован в разглашении этой информации, поэтому, думаю, что мне ничего не угрожает, — в этом я конечно, был совершенно не уверен, хотя и делал хорошую мину при плохой игре. Исходя из того, что я читал про нынешние органы госбезопасности, решение в стиле «нет человека — нет проблемы» вполне в духе времени. Но не бросать же в лесу танк, который я с таким трудом и кровью протащил через всю Польшу!

Так что мы вместе придумаем легенду твоего одиночного пути от Кракова до Немирова, — продолжил я наставления, — ты её заучишь наизусть и никому — даже маме с папой, а уж тем более дяде, не будешь рассказывать ни про меня, ни про танк!

После этого, надеюсь, весьма убедительного вступления, мы перешли к составлению легенды, тщательно продумывая, где она шла, что видела. Этим мы занимались до вечера, а утром Болеслава мне сообщила, что у неё кончились критические дни, после чего мы выпали из реальности на два дня. Она даже кашу не готовила — когда у нас кончались силы, мы быстро съедали по банке холодной тушёнки, запивали её красным вином из горлышка бутылки и вновь набрасывались друг на друга.

Двадцать третьего числа гормональный шторм несколько поутих и рассудок частично вернулся к нам. Болеслава вернулась к своим обязанностям кухарки, и мы даже стали находить немного времени для продолжения заучивания её легенды. Утром двадцать седьмого сентября, поднявшись на вершину близлежащего холма, я увидел колонну пехотного батальона Красной Армии, движущуюся в направлении Немирова. Вернувшись, я сообщил об этом девушке:

Русские занимают город, ночью я отведу тебя к дяде.

Девушка, услышав это, заплакала и мне пришлось её успокаивать. Совершенно естественно утешение расстроившейся девушки перешло в горизонтальную плоскость и продолжалось до самого вечера. А когда стемнело, я помог спутнице одеться и привести себя в порядок. После чего повел Болеславу в направлении города, нагрузившись её чемоданами и мешком с продовольствием (кто его знает, как у дяди Абрама с продуктами в это сложное время). После того, как мы подошли к городу, я решил подождать до полуночи, а уж потом проводить разведку. Пока было время, я сделал тайник с деньгами и золотом, выделенными мною для Болеславы, потом ещё раз проинструктировал девушку:

Скажешь, что продукты обменяла у отходящих немцев на золотой перстень, а про то, как добиралась от Кракова старайся говорить в общих чертах, без подробностей, а то ты плохо легенду выучила, времени не хватило. Про золото и деньги скажешь только отцу, объяснив, что случайно нашла на дороге в разбитой машине. И ни при каких обстоятельствах, ты не должна говорить обо мне и танке!

А ты точно меня найдешь?

Конечно, адрес я твой знаю, жди там от меня весточки!

Тогда поцелуй меня!

Поцелуй перерос в жаркий секс и разомкнулись мы только к часу ночи. Ну, хотя бы не до утра! Сказав девушке, чтобы одевалась и приводила себя в порядок, я отправился в городок на разведку. Мою задачу облегчало то, что русские не выставили постов на окраинах города, да и в самом городе патрулей не было, ну а немцы, пока здесь хозяйничали, выбили всех собак, поэтому я бесшумно двигался по темным улочкам, пока не нашел искомый дом. Со слов Болеславы, у дяди Абрама была единственная в Немирове часовая лавка-мастерская, устроенная на первом этаже его жилого дома. Имея такой ориентир, в маленьком городке мне не составило труда отыскать особняк с изображением часов на вывеске. Осмотревшись, я ничего подозрительного во дворе нужного дома и поблизости не обнаружил. После чего вернулся за девушкой и, успешно, но с внутренней досадой, отразив её попытку «попрощаться», беспрепятственно доставил к часовой мастерской. Зайдя во двор, Болеслава поднялась на крыльцо и постучала, подождала минуту, потом повторила стук. После пятого раза, наконец, из-за двери донесся испуганный мужской голос:

Кто там?

Это я Болеслава!

Какая Болеслава?

Сташевич, — девушка назвала свою девичью фамилию, — Дочь Вашей сестры Мары.

А что ты тут делаешь?

Домой иду, я ведь в Кракове была, когда война началась!

После некоторой паузы дверь открылась и девушка вошла. После этого я ещё час прятался около дома, наблюдая за освещенными светом свечей окнами. Убедившись, что никаких неприятных неожиданностей не происходит, с горьким чувством утраты вернулся к своему танку.

* * *

На следующий день я затеял генеральную уборку в панцере и на стоянке. Было необходимо убрать все следы

присутствия Болеславы. Процесс чистки занял весь день. Наибольших усилий мне стоило удалить её волосы, которые были повсюду в танке, и на всех шинелях. Затем сделал ревизию немецких документов, удалив бумаги, связанные с деньгами и золотом. Управившись к вечеру, я уснул в тоскливом одиночестве на шинелях ещё помнящих тепло её тела. А утром, укомплектовав рюкзак и наполнив одну из фляг вином, я отправился по лесу в юго-восточном направлении, следуя вдоль дороги. Сдаваться в Немирове я не хотел, так как понимал, что чем дальше от начальства и штабов, тем больше бардака, тут каждый лейтенант сам себе указ, а что у него в голове — только самому богу известно. Так что я решил что будет лучше сдать где-то поближе к Львову. К четырем часам пополудни я преодолел около двадцати километров и, оборудовав в приметном месте тайник с деньгами и золотом, забрался на придорожное дерево, с которого было удобно просматривать дорогу в обе стороны. Дальше уже начиналась густонаселенная область дальних пригородов Львова, по которым пробраться незаметно днем нереально, а ночью могут сначала стрельнуть с перепугу, а уж потом с трупом разговаривать. Так что я решил что лучше будет подождать попугный транспорт здесь. Дорога эта не имела серьёзного стратегического значения, да и то в основном войска продолжали ещё двигаться в западном направлении. За час ожидания в нужном мне юго-восточном направлении проследовал только кавалерийский полуэскадрон, но я предпочел их пропустить — свободных лошадей видно не было. И вот наконец, я увидел одиночную полуторку, двигавшуюся в нужном направлении. Не теряя времени, я соскочил с дерева, забросил на плечо винтовку и пошел по обочине в сторону Львова. Вскоре за спиной скрипнули тормоза и раздался грозный окрик:

Podstawka! Ręce do góry! Broń na ziemię!

«Иш ты, выучили кое-что по польски!» — слегка удивился я и, послушно остановившись, бросил винтовку на землю и поднял руки.

Pięć kroków do przodu!

«Во шпарит, поляк что ли? Да нет, акцент русский,» — подумал я, отсчитывая пять шагов и произнес:

Можно по-русски, я все понимаю.

Тогда кругом!

Я развернулся и увидел пехотного лейтенанта, который стоял, наведя на меня наган, и с хмурым интересом разглядывал. Рядом с ним стоял красноармеец с нацеленной на меня винтовкой. Из кузова выглядывали трое бойцов, у одного из которых была забинтована голова, у другого — плечо. «Эге, да они, видать, сегодня с поляками повоевали! То-то они на меня с такой злостью смотрят!» — сообразил я. Тем временем боец, не спуская с меня глаз, поднял мою винтовку с земли и, показав лейтенанту, со злостью констатировал:

Снайпер, мать его ети!

Командир, скосив глаза на оптический прицел, продолжил приказывать:

Снимай сидор и бросай сюда!

Я, повинувшись, сбросил с плеч ранец, с закреплённой на нем шинелью и бросил его под ноги красноармейцу.

Руки за спину, — и, дождавшись выполнения мной приказа, сказал, уже обращаясь к бойцу, — Пронин вяжи ему руки!

Красноармеец подскочил ко мне, выдернул из моих же штанов ремень, затем, зайдя сзади, ловко стянул запястья.

Посмотри, что у него в сидоре!

Боец сел у моего ранца, открыл его и стал перечислять, выкладывая:

Кинжал офицерский, тушёнка немецкая четыре банки, шоколад немецкий шесть плиток... мыло... немецкое, бритва, дорогая, тоже небось немецкая, у поляков я таких не встречал! Пачка кофе, опять немецкого... Карта топографическая немецкая... Портянки, спички, нитки.

Понятно, складывай обратно, в НКВД сдадим, уж больно он подозрительный!

«Ну да, Штирлиц шел по центру Берлина в шапке-ушанке с красной звездой, в этот день он как никогда был близок к провалу» — вспомнил я бородатый анекдот и едва удержался от улыбки. Прямое такси до НКВД, как я и планировал. А то запихнули бы в лагерь военнопленных, доказывай потом, что у тебя в лесу танк спрятан. Боец помог мне забраться со связанными руками в кузов, и я уселся около борта, разглядывая соседей. Про двух раненных бойцов я уже упоминал, кроме них на полу лежал старлей с перебинтованной ногой, бросивший на меня злобный взгляд. Задержавший меня лейтенант сел в кабину и мы поехали. Боец с ранением в плечо сначала пялился на меня несколько минут, потом злобно спросил:

Ну, и много ты наших подстрелил, снайпер?

Я против русских не воевал, только против немцев, оттуда и трофеи в ранце, — как можно дружелюбнее ответил я.

Плохо значит воевал, раз немцы вас за три недели разогнали! — со злорадством подхватил разговор раненный старлей.

Ну да, слабо получилось, но я простой солдат и не мог один защитить всю Польшу.

А где ты по-русски говорить научился? Из эмигрантов?

Мои родители были русскими, но они поселились в Варшаве ещё до Мировой Войны, так что эмигрантом меня вряд ли можно назвать.

После этого вопросы ко мне у командира и бойцов кончились, а ещё через десять минут мы подъехали к вытянутому двухэтажному зданию, у входа в которое стоял пост в форме войск НКВД. Летеха выйдя из кабины с моими ранцем и винтовкой, крикнул:

Пронин, высаживай шпиона! И езжайте в госпиталь, там ждите меня!

Боец, взяв меня за шкуру, помог подняться, после чего я спрыгнул на землю. Затем, следуя приказам командира, я вошёл в здание и остановился. Посреди просторного холла стоял массивный стол, за которым сидел сержант госбезопасности и молча слушал телефонную трубку. У стены стояла скамейка, на которой сидели три бойца войск НКВД, теперь безучастно разглядывающие меня и лейтенанта. Вскоре сержант, сказав: «Понятно!» — положил трубку и вопросительно воззрился на лейтенанта, после чего тот сразу перешёл к докладу:

Лейтенант Тарасов, сто тридцать шестой стрелковый полк, доставил шпиона, шедшего в город!

Так уж и шпиона? — задав вопрос ироничным тоном, сержант госбезопасности перевёл изучающий взгляд на меня.

Лейтенант поставил на стол мой ранец и открыв, стал доставать:

Вот, смотрите! Карта немецкая, тушёнка немецкая, мыло немецкое и по-русски говорит хорошо!

Ну раз мыло немецкое, то да, точно шпион, — не меня ироничного тона, — подтвердил сержант и спросил, — а документы у него есть?

Лейтенант застыл с глупым видом — ну да, а документы то мои посмотреть и забрать не догадался! Мысленно усмехнувшись, я пришел ему на помощь:

Солдатская книжка у меня в кармане.

Сержант хмыкнул, показывая всем своим видом, что он думает о пехотных борцах со шпионами и позвал бойца:

Воробьёв, проверь карманы и дай мне его документы.

Боец расторопно охлопал мои карманы и отдал мою солдатскую книжку сержанту. Тот открыл открыл лежащий на столе грессбух и внёс туда данные из моей бумаги, потом попросил документы у лейтенанта и также сделал запись. Затем, захлопнув грессбух, отдал мой документ бойцу и приказал:

Воробьёв, проводи их к Куприянову!

После чего уже конвойный приказал:

Направо по коридору третья дверь слева! — и показал рукой, чтобы я шел первым.

Дойдя до нужной двери, я, дождавшись, когда лейтенант откроет передо мной дверь, вошёл в узкий кабинет почти без мебели, в котором спиной к окну за единственным столом сидел полноватый лейтенант госбезопасности, читая какие-то бумаги, которые он перевернул, едва мне стоило войти. Здесь почти в точности повторилась та же сцена, что и в холле, с предъявлением доказательств моей шпионской сущности из ранца. Задумчиво повертев немецкую карту в руках, Куприянов спросил, обращаясь ко мне:

Ну что, шпион, признаваться будешь?

Буду, — спокойно согласился я и продолжил многозначительным тоном, глядя на пехотного и конвойного, — но...

Чекист недоверчиво хмыкнул, смерил меня профессиональным пронизывающим взглядом и сказал Воробьёву:

Отведи лейтенанта в холл, пусть там рапорт пишет!

Затем, дождавшись, пока дверь закроется с другой стороны, он, заглянув в мою солдатскую книжку спросил:

Ну вот, Анджей Ковальский, я Вас слушаю.

Лучше уж называйте меня Андрей Ковалёв, так более правильно. И я не шпион, но у меня есть три портфеля немецких документов, которые могут быть Вам интересны и танк.

Танк?! — удивленно переспросил Куприянов.

Да, панцер четыре, новейший немецкий танк.

Чекист вскочил со стула и опершись кулаками в стол, вонзился в меня взглядом. Я в ответ смотрел честно и открыто. Через минуту лейтенант госбезопасности сел и, заглянув в мой ранец спросил:

А мыло, тушёнка немецкая откуда?

Так я же с немцами воевал, танк у них захватил, документы, ну и тушёнку с мылом попутно... Может руки развяжете? Совсем затекли уже!

Развяжем, развяжем, подожди чуток и развяжем... — как то неопределенно, будто разговаривая сам с собой, ответил чекист. После чего, подойдя к двери, крикнул:

Воробьёв, Борисов! Ко мне! — затем, дождавшись их появления, приказал, указывая на меня, — глаз не спускать!

Отдав приказания, Куприянов собрал свои бумаги со стола в портфель и вышел с ним из кабинета, оставив меня вместе с внимательно наблюдавшими за мной конвойными. Так мы и стояли минут пятнадцать до возвращения лейтенанта госбезопасности, который, открыв дверь и не заходя в комнату скомандовал:

Ведите его за мной! И сидор его возьмите!

Затем мы поднялись на второй этаж и меня завели в просторный кабинет обставленный богатой дубовой мебелью, очевидно оставшейся от прежних польских хозяев. Здесь на кожаном кресле за массивным столом расположился уже целый майор госбезопасности, широкоплечий, склонный к полноте мужчина с пронизательным взглядом опытного чекиста, который при моем появлении сразу же стал отдавать приказы:

Конвойным ожидать снаружи, Куприянов, развяжи ему руки и садись, записывай, — он повелительным движением указал на второй стол у стены.

Когда, наконец, мне освободили руки, я покрутил кистями, разгоняя застоявшуюся кровь и без приглашения уселся на стул напротив майора, на что с его стороны возражений не последовало.

Итак, приступим, — перешёл к делу главчекист, значит Вы, Анджей Ковальский, именующий себя Ковалев Андрей...

Иванович, — добавил я.

Иванович, — повторил за мной майор и продолжил, — утверждаете, что знаете, где находится новейший немецкий танк и некие немецкие документы?

Да именно это я и утверждаю, я ведь сам их там оставил.

А кому ещё об этом известно?

Да кроме Вас двоих больше никто об этом и не знает, я-то один был.

То есть, Вы в одиночку угнали танк... Кстати, где Вы его захватили?

Под Бохней, это недалеко от Кракова.

То есть Вы в одиночку на немецком танке проехали по их тылам от Кракова до Львова, — теперь в его голосе чувствовалось откровенное недоверие.

Ну да, пришлось покрутиться по проселкам да перелескам, ну и повоевал немного, когда меня обложить попытались.

Ладно, подробности позже... Насколько я понимаю, Вы карты читать умеете? — увидев, что я кивнул, майор продолжил, — тогда покажите место расположения танка, — и пододвинул в мою сторону изъятую у меня же карту.

Я, подойдя к столу, взял протянутый мне карандаш и поставил аккуратный крестик. После чего главчекист взял карту и вышел из кабинета, оставив меня наедине с Куприяновым, который, впрочем сидел молча и никак не проявлял своего присутствия. Вернувшись минут через десять, майор приступил к допросу. Он задавал вопросы, я подробно отвечал, а Куприянов записывал, периодически предлагая мне сделать паузу, так как он писал медленнее чем я говорил.

Допрос начали с моих анкетных данных, потом майор расспросил о родителях, далее перешли на войну и я описал бой с немцами и моё последующее бегство.

Ну вот скажите мне, Андрей Иванович, почему Вы, нарушив присягу, сбежали с поля боя и дезертировали?

Я никогда не воспринимал Польшу как свою Родину, это было фашистское государство, в котором угнетались непольские национальности и трудящиеся. Если бы это зависело от моего желания, то я никогда не пошел бы служить в их армию, — отбарабанил я заранее подготовленную речь и по лицу главчекиста было видно, что мои слова ему понравились.

А что же Вы в таком случае раньше не эмигрировали в СССР?

Я же только четыре года назад стал совершеннолетним, но я не мог бросить свою маму, которая в то время тяжело болела, а в тридцать седьмом она умерла, для меня это было тяжёлым ударом и я долгое время был... как бы правильно сказать... — ну не говорить же, что, дескать, у меня была депрессия, они тут и слов-то таких не знают! — Я был потерян... А потом, в тридцать восьмом меня забрали в армию.

Далее я подробно описал мою дорогу до Бохни, а затем и захват танка.

Но вот тут я решительно Вас не понимаю, Андрей Иванович, таким образом как Вы шли, можно было и одиночку без особых трудностей за десять — пятнадцать дней дойти до Львова, а потом и дальше до советской границы, в случае если бы СССР не решил освободить Западную Украину...

Он налил из графина воды в стакан и выпил, потом предложил воду мне. На что я показал ему на фляжку, так и висевшую у меня на ремне и сказал:

Я, если позволите, из своей фляжки, родниковой воды... — и, после его молчаливого согласия, сделал несколько больших глотков красного вина, ух, как хорошо! А то действительно в горле пересохло.

Так вот, — продолжил допытываться майор, — мог идти себе спокойно, а тут ни с того ни с сего, напал на немцев, двоих зарезал, — (я ведь ему только про двоих рассказал, и то сколько недоверия!), — Танк угнал,

пострелял из пушки, прямо сумасшедший дебош какой-то!

«Да баба там была, бесподобно красивая, и, как потом выяснилось, невероятно сладкая, фантастическая женщина, только за одну ночь с которой можно свою жизнь отдать, а я всего-то двух (ну ладно, пятерых!) фрицев зарезал!»

Ну да, — не стал я спорить, — не совсем разумно выглядит, но я после той бомбежки а потом и боя и с немцами был очень сильно напуган, точнее сказать, был в ужасе! Видели бы Вы сколько там было погибших, буквально разорванных на куски... А потом у меня начался... Не знаю, есть ли в русском языке такое слово — отходняк — у меня отец так с похмелья, бывало говорил... Так вот, пока я дошел до Бохни, у меня начался самый настоящий отходняк от того ужаса и такая меня злость взяла, что всякий страх пропал... А тут эти немцы... И танк такой, необычный. Вот я и...

Ладно, с этим более или менее понятно, но Вы же в пехоте служили, а тут сел в танк и поехал! Да ещё из пушки пострелял!

А, это... Я ведь говорил, что когда мама заболела после смерти отца, мне пришлось бросить гимназию и я стал работать в авторемонтной мастерской, то есть в технике хорошо разбираюсь, поэтому меня в армию танкистом взяли, и я пять месяцев механиком-водителем прослужил, там меня из пушки стрелять и научили, на всякий случай, у них считалось, что танкисты должны уметь заменять друг друга, а потом командир батальона узнал, что я русский, и распорядился меня в пехоту отправить. Мол, танкисты — это элита и нечего москалям там делать.

Майор недоверчиво кивнул и допрос продолжился. Далее я подробно описал отдых в лесу и спешное бегство после взрыва растяжки. Когда же я дошел до уничтожения немецкого поста за Вислокой, майору позвонили и он вышел из кабинета, а я, пользуясь его отсутствием, вновь слегка подогрелся из фляжки. Эх, пожрать бы! Словно услышав мои мысли, вернувшийся через десять минут майор сказал Куприянову:

Там ужин приготовили, сейчас принесут на вас двоих, потом самостоятельно допрос продолжишь, кстати, танк на самом деле в лесу... Как закончишь, Ковалева под замок в одиночку с отдельным постом у двери, всякие разговоры с ним запрещены, невзирая на должности, кроме тебя и меня, конечно. Ты тоже никому ни слова! О любом интересе по этому делу докладывать мне... — ещё с полминуты майор постоял, как будто о чём-то вспоминая, потом развернулся и покинул кабинет.

Вскоре после его ухода появился Воробьёв, который принёс нам с Куприяновым ужин, состоящий из уже опостылевшей мне перловки с мясом и компота из сухофруктов. Ну ничего, хоть не голодным спать буду. После наполнения желудка допрос продолжился. Лейтенант подробно расспрашивал об обстоятельствах моей одиссеи, но совсем не интересовался моей мотивацией при совершении тех или иных действий. Закончив допрос, он дал мне прочитать протокол, после чего я подписал показания. Затем, заведя по пути в туалет, Воробьёв с Борисовым доставили меня в какую-то комнату без окон, видимо ранее бывшую кладовкой, приспособленную под камеру. Единственной мебелью здесь была велюровая кушетка, на которую я и завалился, хорошо подзаправившись из фляжки. Благодаря расслабляющему действию вина, уснул я практически мгновенно, но долго поспать мне не дали. Уже без четверти три меня поднял Воробьёв и вместе с Борисовым вывел на улицу, где ожидавший нас с моим ранцем в руках, Куприянов, приказал грузиться в тентованную полуторку. Все это выглядело, мягко говоря... несколько необычно, вследствие чего у меня возникло подозрение, что развитие событий пошло по наихудшему варианту и меня хотят шлёпнуть. Но, когда я по приказу все того же Куприянова спустился из кузова, в точке прибытия, то от сердца несколько отлегло — мы стояли на окружённом лесом полустанке около железнодорожного состава. Далее конвоиры под командованием чекиста отвели меня к вагону — теплушке, приспособленному для перевозки заключённых — большая часть вагона была отгорожена и оборудована двухъярусными деревянными нарами, туда меня и поместили, а часть была предназначена для перевозки охраны — здесь устроился Куприянов с конвойными. «Шикарно, просто восточный экспресс!» — восхищённо подумал я, осмотрев просторное помещение, потом попросил дать шинель, закрепленную на моем ранце, а, получив требуемое и слегка подзаправившись из фляжки, завалился досыпать на деревянных нарах.

* * *

Проснулся я только в десять часов. Несмотря на отсутствие матраса с подушкой, под стук колес получилось хорошо выспаться, вследствие чего я себя чувствовал бодрым и отдохнувшим, но в желудке уже ощущалась пустота.

Господин офицер, а как у нас насчёт покушать?

Куприянов, услышав мой вопрос не поленился встать и подойти к решетчатому концу в двери:

Запомни, Ковалев, у нас в СССР господ нет! И офицеров тоже нет!

Понял, госп... а, вспомнил, я же читал! Товарищ, скажите, — так захотелось продолжить: «Как пройти в библиотеку?» — что едва сдержался, — Есть хочется, — невпопад закончив вопрос, я продемонстрировал лейтенанту голодное выражение лица.

Терпи, не сахарный небось, на остановке узнаем!

А там, в моём ранце тушёнка есть, как раз каждому по банке достанется.

Нельзя! Это вещдок!

Так банка-то останется, а из свинины какой вещдок — свиньи они везде одинаковые!

Но Куприянов оказался непробиваемым упёртым служакой и рявкнув: «Не положено!» — вернулся к себе, оставив меня наедине с требовательно урчащим желудком. Выпив несколько глотков вина, удалось слегка заморить червячка, после чего я вновь завалился на нары.

«А ведь может же быть так, что мы едем в одном составе с танком. А раз так, то будем ехать до Москвы без остановок двое суток по «зелёному коридору» без питья и жратвы. Ладно, у меня ещё полфляжки вина и целая фляжка с водой. Хотя, если до вечера не остановимся, думаю, тушёнку они беречь не станут, а там ещё и шоколад есть...

Однако, вопреки моим пессимистическим ожиданиям, в половине двенадцатого состав остановился на какой-то небольшой станции. Куприянов сразу отправил Воробьёва за водой и продуктами, тот вернулся через десять минут с ведром воды и мешком, в котором как оказалось позднее, было несколько буханок черного хлеба. Вскоре поезд тронулся и боец передал мне через решетку буханку и предложил набрать во фляжку воды. Но я сообщил, что вода у меня ещё есть и вернулся на нары, где и приступил к скромной трапезе. Надеюсь, это скудное питание ненадолго. Съев половину буханки и запив её водой (вино надо экономить!), я растянулся на нарах и погрузился в приятные воспоминания о Болеславе и нашей с ней медовой неделе под Немировом. Одних этих воспоминаний мне хватало, чтобы ощущать себя по-настоящему счастливым человеком, и я вновь и вновь как на широкоформатном экране просматривал каждую минуту, прожитую вместе с ней, вспоминая каждую чёрточку её прекрасного лица, чудесную энергию её лучистых глаз, податливость и трепетность её великолепного тела. Интересно, как она там, моя милая? Так, в приятных воспоминаниях под стук колес пришло время ужина, который состоял из оставшейся у меня полбуханки хлеба и разумного количеству вина. Потом последовал крепкий здоровый сон. Утром опять оказалось что жрать нечего, но я не стал предлагать Куприянову распилить тушёнку, так как предполагал, что пора бы уже и прибыть в пункт назначения, которым, вероятнее всего является Москва. Мои предположения сбылись в половине первого дня, когда поезд остановился на пустынном полустанке и отправленный за распоряжениями Воробьёв вернулся с приказом выгружаться, после чего меня выпустили из вагонного заточения и я спрыгнул на твердую землю. Осмотревшись, я увидел вокруг оцепление из бойцов НКВД, количеством никак не менее батальона, а на грунтовой дороге у полустанка стояли десятков тентованных грузовиков, четыре броневика и воронок на базе ЗиС-3 «А это, видимо, для меня!» — сообразил я, разглядывая машину. Разумеется, я не мог ошибиться и вскоре меня снова засунули за решетку, а Куприянов с бойцами разместились в отделении для конвоя, здесь к ним присоединились ещё два красноармейца, вооруженных пистолет-пулеметами Дегтярева. «Серьёзно подходят к делу, берегут важную персону,» — иронично подумал я, разглядывая свою увеличившуюся охрану. Вскоре автомобиль тронулся с места и поехал, покачиваясь на неровностях грунтовой дороги в неизвестном мне направлении. Примерно через час мы остановились и меня вывели из машины во двор, огороженный высоким дощатым забором с колючей проволокой, где нас уже ожидал незнакомый мне лейтенант госбезопасности, давший указание следовать за ним в одноэтажное помещение, оказавшееся баней. Здесь я разделся, помылся, после чего обнаружил, что моя польская форма и ботинки исчезли в неизвестном направлении, а на скамейке в предбаннике лежит красноармейское обмундирование без знаков различия, а рядом стоят яловые сапоги.

Ну что вылупился? — Воробьёв совсем не блистал интеллигентным воспитанием, — давай одевайся, а то жрать хочется!

Я не стал заставлять себя ждать и быстро оделся, хоть и был несколько огорчён. Хрен с ней с одеждой-обувкой, но ведь исчезла и фляга, в которой оставалось ещё граммов триста вина, а это в условиях окружающей меня неопределенности весьма существенная потеря. Форма села на меня хорошо, сапоги тоже оказались впору и вскоре меня отвели в небольшую комнату (называть камерой это помещение язык не поворачивался). Здесь была панцирная кровать, застеленная чистым бельем, деревянный стол с табуреткой и пустая тумбочка. Кроме того, в этом помещении было две немаловажные детали: большое, защищённое решеткой окно, и электрический выключатель, пощелкав которым, я убедился в том, что мне позволено самостоятельно включать и выключать висящую под потолком лампу. Подойдя к окну, я имел возможность видеть мощный камнем тротуар, за которым стоял ряд одетых в багрянец деревьев, почти полностью скрывающих высокий дощатый забор с колючей проволокой, и раскинувшееся над всем этим серое осеннее небо. «Пока всё не так плохо, как могло бы, но если бы ещё дверь не запиралась наружи, то было бы совсем хорошо» — оценил я свои новые жилищно-арестантские условия. А через полчаса моего пребывания в новом месте заточения, дверь открылась и вошёл Воробьёв с подносом, содержимое которого внушало оптимизм. Вот это я понимаю — обед! Даже можно сказать — царская трапеза! После того, как Воробьёв, оставив поднос на столе, вышел из комнаты и щёлкнул замком, я приступил к обеду. На первое был превосходный борщ, на второе — котлета с картофельным пюре, на третье — стакан молока

и в довесок шли три красных яблока. Ничего не скажешь, неожиданно радушный прием от ведомства со столь мрачной репутацией. Поев, я постучал в дверь и сообщил о необходимости справить естественные потребности, после чего Воробьёв отвел меня в чистый и хорошо отделанный санузел. Вернувшись, я в превосходном настроении завалился на кровать. Жизнь прекрасна! Изматывающая гонка наперегонки со смертью закончена, теперь можно вкусно питаться и спать, не дергаясь на каждый шорох. Остаётся, разумеется, некоторая неопределенность относительно моей будущей судьбы, однако в свете проявленного со стороны НКВД гостеприимства, хотелось верить, что всё будет хорошо. Можно сказать, только расслабился, как снова появился Воробьёв и отвел меня в холл, где фотограф в форме лейтенанта войск НКВД сделал несколько снимков. И лишь после этого у меня получилось провалиться на кровати до вечера, отдыхая телом и душой. А ужин меня снова порадовал: салат из квашеной капусты, жареное куриное бедро с макаронами и клюквенный морс. Прямо праздник живота какой-то! Меня что, в закрытый санаторий заселили? Очень может быть! Следующее утро началось с гигиенических процедур и бритья, которое осуществил Воробьёв с помощью опасной бритвы под присмотром второго конвойного — Борисова. В последующие дни ничего не изменилось, меня кормили как в ресторане, постоянно меняя рацион, не вызывали на допросы или беседы, и в общем, если бы не высококачественное, по местным меркам, питание, можно было бы подумать, что про меня забыли.

На этом фоне у меня совершенно неожиданно появились проблемы с психикой. Это началось на третий день моего заключения, когда я был погружен в счастливые воспоминания о Болеславе, у меня в голове появился оппонент. Тогда, в очередной раз вспоминая любимую девушку, я почувствовал возникший внутри черепа цинично-ироничный голос:

И ты думаешь, что между Вами настоящая любовь? Да ты мозги хоть на минуту включи, а то у тебя вместо головы банан думает. У девушки стресс в результате изнасилования, а тут и ты подвернулся, весь из себя сильный и красивый. Да ещё и инстинкт самосохранения ей диктовал удовлетворять твою неумную похоть! Она просто опасалась, что ты бросишь её, вот и подчинилась твоим низменным желаниям. А стоило только тебе исчезнуть из её жизни, как она тебя немедленно забыла и, вернувшись к своему ребенку, приступила к поискам мужа, не забывая, что он всё же местный житель и его могли отпустить, так что, очень может быть, что сейчас она сладострастно стонет под своим любимым супругом.

Я прекрасно понимал, что это некая форма раздвоения личности, но никак не мог подавить его своей здоровой частью сознания. Начинать спорить с ним, приводя различные доводы в свою пользу, но он насмешливо отметал их и продолжал издеваться:

Да ты на себя посмотри! Кого ты обманываешь? Ты же её не любишь! Это просто твоя похоть, помноженная на ещё сохранившиеся чувства к Катаржине. Да и как ты можешь любить Болеславу, если ты с ней совсем не знаком? Ваше совместное рандеву в стрессовой ситуации не в счёт!

Чтобы остудить разгоряченный мозг, я пытался думать о посторонних вещах и это на какое-то время помогало, но стоило только вспомнить её, как внутренний злодей появлялся вновь:

А если здраво рассудить, то влечение Болеславы к тебе имеет, скорее всего, патологические причины. На фоне стресса от изнасилования у неё развилась гиперсексуальность, которой ты и воспользовался в своё удовольствие. И ещё любовь-морковь выдумал! Ну не может женщина с нормальной психикой, верующая католичка, бросаться на первого попавшегося мужика. Но правда в том, что с этой патологией, ей совершенно безразлична личность трахался, лишь бы крепко был в нужном месте. А там сейчас много русских солдат, которые очень голодны до баб!

От подобных откровений я буквально был готов биться головой об стену! Теперь я понимал, что значит выражение «сходить с ума от любви». Кстати, оппонент был полностью со мной согласен, что я схожу с ума, но убеждал меня в том, что причиной всему мои похоть и глупость:

А всё потому, что ты настоящий дурак, Андрюха, обдолбался «Аресом» по самое не хочу, потому и в прошлое загремел! Но в тупизне своей не остановился, а, увидев смазливую мордашку, пошёл резать немчуру направо и налево, а оно тебе надо было? Поляки ведь тоже враги русским и ты это знаешь! Да и вообще, может у них там всё тип-топ было! Ты же не смотрел! А зря! Ишь, благородный выискался! Синяков-то у неё не было!

Я видел, как она на улице сопротивлялась!

Ха, известные бабские уловки!

Он её к кровати привязал!

Ну это вообще не аргумент!

У неё же потом стресс был!

Ага, такой стресс, что она через день едва на тебя не запрыгнула! Кстати, зря ты тогда отказался! Так что при тщательном рассмотрении твоих поступков, очевидно, что ты тупой, самовлюблённый кретин с ярко выраженной шизофренией, развившейся на фоне приема непроверенного лекарства и неумеренного занятия сексом с женщиной лёгкого поведения!

Она не такая!

Ну, значит по другим пунктам обвинения возражений нет!

Сука! Убью!

Сейчас ты её уже не достанешь, по хорошему надо было не к дяде её вести, а прикопать её там поблизости, не мучился бы сейчас, бедненький!

Я не её, я тебя убью!

Тоже неплохой вариант, главное, легко выполнимый! Предлагаю два варианта на выбор: вечером незаметно перегрызть себе вены или удавиться на ремне. Что выбираешь? Ах, забыл, можно ещё разбить окно и, пока конвой не забежал, быстренько осколком вскрыть себе сонную артерию! А иначе никак, я же ведь часть тебя!

Вот ведь гад, уже и на суицид подбивает! Это все от безделья! Придя к этому выводу, я принялся изматывать себя доступными физическими упражнениями. Наиболее эффективным оказалось отжимание на руках вверх ногами — после этого оппонент не появлялся более часа. Кроме того, на пятый день, дождавшись, когда Воробьёв принесет мне завтрак, я попросил его принести что-нибудь почитать — газеты или хотя бы Строевой устав РККА. Он, по своему обыкновению, ничего не сказал, но через час принес заказанное — подшивку «Правды» за сентябрь и устав. Теперь была возможность давить оппонента не только физкультурой, но и умственной нагрузкой — внимательное прочтение передовиц надолго отбивало у шизы желание проявляться, устав оказался не менее эффективным. К тому же, по мере изучения газет и устава, оппонент становился заметно спокойнее и лояльнее. Кто бы мог подумать, что бороться с шизофренией можно прочтением коммунистической газеты и воинского устава! На эту мою мысль шиза отреагировал незамедлительно:

Это лишь доказывает, что я голос разума, который как раз и пытается бороться с твоей болезненной зависимостью.

Голос разума, который предлагал мне лезть в петлю!?

Извини, погорячился, больше не буду. Только ты больше не читай этой дряни!

А вот хрен тебе! Такой голос разума мне не нужен!

После этого диалога я с ещё большим рвением взялся за изучение статей из газет и устава, стараясь наиболее интересные места заучить наизусть, от физических нагрузок я тоже не отказывался. Оппонент теперь почти не появлялся, но я чувствовал, что стоит только дать ему волю, как этот гад снова проявится во всей красе.

На двенадцатый день моего санаторного отдыха, Воробьёв меня удивил, приказав идти за ним, что я и выполнил без промедления. Наконец-то в моей судьбе что-то прояснится! Далее он отвел меня в соседнюю комнату, по размеру и отделке сходную с моей, но обставленную под кабинет. За столом сидел незнакомый мне майор госбезопасности — худощавый мужчина лет пятидесяти с интеллигентным лицом в очках. Перед ним на столе лежали листы моего допроса и толстая тетрадь. Увидев меня, он указал на стул напротив себя:

Садитесь, Андрей Иванович, позвольте представиться: майор госбезопасности Соболев Платон Николаевич. У меня есть к Вам есть несколько вопросов.

Эти «несколько вопросов» растянулись на весь день с перерывом на обед. Сначала Соболев интересовался подробностями моей одиссеи, подробно углубляясь в мотивацию. Например: «А зачем было возвращаться для того, чтобы всего один раз выстрелить по преследующему танку?.. Почему не вступили в бой после первого выстрела, а бросились в бегство?.. Как Вам в голову пришла мысль присоединиться к немецкой колонне?.. Почему Вы решили сдать советской власти?..» — и в том же духе. Слушая мои ответы, он периодически сверялся с протоколом допроса и делал пометки в тетради. После обеда Соколов перешёл к вопросам о моей семье и политических взглядах. Здесь у меня были заранее заготовлены хорошо продуманные ответы, которые, по всей видимости, его полностью удовлетворили.

Под конец беседы дошла очередь и до моих планов:

Ну вот Вы и в СССР, куда так замечательно прибыли, а есть ли у Вас какие-нибудь планы, предположения, как и где будете жить? Чем заниматься?

Если это возможно, я бы хотел устроиться работать на Горьковский автомобильный завод, я ведь люблю технику и хорошо в ней разбираюсь. А в следующем году пошёл бы на вечернее в Автотранспортный техникум. Печально, что этот год потерян для учебы.

Далее мы ещё немного поговорили об автомобилях и тракторах, при этом майор показал себя хорошим знатоком техники, после чего наш разговор закончился.

Следующие два дня мною вновь были проведены в одиночестве, которое нарушал только молчаливый Воробьёв, приносящий поесть и выводивший меня в сортир. И только на третий день после того допроса Соболев вновь вызвал меня к себе.

Ну что ж, — начал он после приветствия, — руководство, наконец, решило, что пора изменить Ваше положение.

Я напрягся, ожидая поскорее услышать долгожданную новость, но Соболев не спешил говорить о самом важном для меня.

Насколько я смог убедиться в время нашей прошлой беседы, Вы прекрасно осознаёте ценность Вашего трофея для советского государства. И это действительно так, мало того, ценность предоставленных Вами документов сопоставима с ценностью танка. Однако была опасность, да и сейчас она остаётся, что немцы могут узнать об этих наших приобретениях, а это серьёзно осложнило бы наши двухсторонние отношения, которые имеют важнейшее значение для безопасности и развития советского государства. Поэтому все то время, что Вы тут отдыхали, мы неустанно работали, отслеживая реакцию немцев на пропажу танка и документов. На сегодняшний момент можно сказать, что если немцы и подозревают, что танк находится у нас, то только на уровне смутных предположений. И наша задача состоит в дальнейшем обеспечении секретности. Я всё это говорю для того, чтобы Вы прониклись важностью сохранения военной тайны, а мы в свою очередь предприняли исчерпывающие меры для засекречивания всего, что связано с данным делом, — сделав паузу в столь убедительном дискурсе, он протянул мне два отпечатанных на машинке листа, — вот, читайте!

Я взял предложенные мне бумаги и погрузился в чтение. Как следовало из первых строк, это была моя новая биография, согласно которой я Ковалев Андрей Иванович (хорошо хоть фамилию не придется в очередной раз менять) родился и рос в Вологде, где закончил семилетку, после которой работал в авторемонтных мастерских, в двадцать лет был призван служить в войска НКВД, там во время службы проявил находчивость и героизм (причем отмечено, что на любые вопросы о подробностях подвига, я должен отвечать: «Военная тайна»), за что был повышен в звании до отделенного командира и награждён орденом Боевого Красного Знамени. По прочтении этих строк у меня перехватило дыхание. Зная из исторических источников о суровых нравах этого времени, я был бы рад, если бы меня просто отпустили восвояси, а тут — целый орден, да ещё какой! Увидев по выражению моего лица, что я прочитал о награде, Соболев продолжил:

Советское государство умеет быть благодарным, вот ещё смотрите! — и протянул мне маленькую книжицу. Взяв которую, я прочитал на обложке: «Сберегательная книжка», пролистав её узнал, что она открыта на моё имя на сумму шестнадцать тысяч двести двенадцать рублей тридцать семь копеек, — книжка открыта в центральной сберкассе Горького, Вы ведь не передумали туда ехать?

Да, да, огромное спасибо! — Честно говоря, я был несколько ошарашен объёмом милостей от советского правительства.

Не стоит благодарить, тем более меня, не я же принимал решение о наградах, я даже не ходатайствовал, тем не менее, полагаю, что вознаграждение соответствует заслугам. Итак, продолжим, — он протянул мне ещё два листа, — Это ходатайство о приеме в Автотранспортный техникум, невзирая на уже начавшийся учебный год, и характеристика с места службы, очень положительная, Вы уж постарайтесь нас не подвести. Далее, — он положил передо мной одну за другой четыре книжицы, — Свидетельство о рождении, аттестат о семилетнем образовании, паспорт и служебная книжка отделенного командира внутренних войск НКВД. Вы должны это все подробно изучить и запомнить. Если будут спрашивать, почему Вы, орденосец, не являетесь комсомольцем, будете отвечать, что верующий, впрочем, в бумагах всё написано. Тут ведь такое дело, в войска НКВД мы Вас на службу принять можем без проблем, а в комсомол надо по всем правилам поступать. Теперь вот ещё что: награждение будет в Москве двадцать второго октября, там необходимо присутствовать в военной форме, поэтому за оставшееся время Вы должны пройти строевую подготовку, всё таки польские уставы отличается от советских, ну и принять присягу, надеюсь возражений нет?

Да я только за! Это огромная честь для меня! — от таких предложений в подобных ситуациях разумные люди не отказываются.

Ну вот, вроде бы обо все договорились, как вернётесь в комнату отдайте гимнастёрку Воробьёву, он пришьет петлицы.

Да я и сам могу!

Прошу не спорить.

Понятно!

Вот и хорошо, проявление недисциплинированности может вызвать лишнее внимание, а нам этого не надо. Да, вот ещё что, по Вашим личным вещам принято решение Вам не возвращать, так как они слишком привлекают внимание, только вот... — он вытащил из портфеля футляр с жиллеттовским бритвенным набором, — это можете оставить себе. Ну и часы так и остаются у Вас. На этом Вы свободны, сержант Ковалев!

Я встал, взял все свои новые документы, футляр, совсем уж собрался выйти, но остановился, поймав быстро мелькнувшую мысль:

Разрешите ещё вопрос, товарищ майор?

Спрашивай!

А можно мне с книжки сейчас выдать наличными рублей сто — сто пятьдесят, а то у меня, получается, впереди дорога, устраиваться там надо...

Все, — он сделал останавливающий жест рукой, — понял тебя, узнаю, — и сделал запись в своей тетради.

После этого я развернулся через левое плечо и вышел строевым шагом из кабинета. Ведь, хотя я ещё и не принял присягу, но по новым документам я уже три года отслужил. В коридоре я увидел, что Воробьёв сидит на стуле с другой стороны коридора и не делает никаких телодвижений, чтобы меня сопроводить. Не дожидаясь его, я сам вошёл в комнату, сложил документы в тумбочку, снял гимнастёрку и вышел. Похоже, мой статус сменился с подконвойного на привилегированного жильца и это не может не радовать. За дверью, увидев что боец все также сидит на месте, подошёл к вставшему мне навстречу красноармейцу, отдал ему гимнастёрку, и направился в туалет (без конвоя!!!). От ощущения относительной свободы даже дышать как-то легче стало (как мало, оказывается, надо для счастья — достаточно просто иметь возможность свободно ходить в туалет). Вернувшись в комнату, я взялся за зубрежку своей новой биографии. Примерно через час появился Воробьёв, который принёс гимнастёрку, новую шинель с малиновыми петлицами, на каждой из которых было по одному треугольнику и эмблеме в виде скрещенных винтовок и пригласил меня на обед:

Товарищ комот, больше питание Вам носить в комнату не будем, пойдёмте, провожу Вас до столовой.

Я без возражений последовал за бойцом и вскоре в обществе ещё двух десятков бойцов, комотов и старшины уплетал щи с бараниной. Судя по всему, мое питание все эти дни, было обычным рационом служащих здесь энкавэдэшников. Когда я закончил второе, к моему столу подошёл незнакомый мне старшина, уже закончивший обедать и сказал:

Комот Ковалев, в три часа я жду Вас во дворе для занятий строевой подготовкой, — на что я, не вставая, ответил:

Понятно, — и продолжил принимать пищу. До муштры оставалось ещё сорок минут, так что спешить некуда.

Следующие пять дней прошли по однообразному распорядку: до обеда я зубрил свою новую биографию и запоминал содержание других своих документов; а после обеда оттачивал мастерство в строевой подготовке под руководством старшины Захарова, который, видимо получил указание сделать из меня мастера шагистики и усердно гонял по плацу по три часа в день, из которых только минут сорок я занимался в строю вместе с другими бойцами.

Двадцать первого октября после обеда приехал Соболев и я перед строем из двух десятков бойцов зачитал текст торжественной присяги. Затем он пригласил меня в кабинет, где проэкзаменовал по биографии и документам, выдал под роспись сто пятьдесят рублей наличными, пояснив, что эти деньги вычтены из моей премии на дорожные и иные непредвиденные расходы. Далее он дал мне подписать обязательство о неразглашении государственной тайны и провел инструктаж.

Утром я проснулся в шесть часов утра в соответствии с полученным ранее указанием, умылся, побрился, и прошел в столовую, где уже завтракали Соболев и незнакомый мне комот внутренних войск НКВД. После завтрака майор сказал, что будет ждать меня в машине на улице, а я пошёл в комнату собираться. Тут обнаружилась проблема: у меня не было никакой тары для моих бумаг и футляра. Чертыхнувшись, я положил сержантскую книжку и паспорт в нагрудный карман, а все остальное взял в руки и вышел во двор. Соболев, увидев меня с бумагами в руках, поморщился и посмотрел как на идиота: мол, раньше додуматься не мог? Пожав плечами, я сел в машину на заднее сиденье. За рулём сидел тот самый незнакомый комот. Майор с переднего кресла протянул мне полоску из черной ткани:

Завяжи глаза, объект секретный, тебе знать где он находится не нужно.

Я без лишних вопросов выполнил это указание и мы поехали. Настроение у меня было прекрасное, оппонент куда-то пропал и я надеялся, что навсегда. Поэтому я развалился на заднем сиденье в гордом одиночестве и мурлыкал про себя песни двадцать первого века. Почти через час движения по кочкам да колдобинам с разрешения Соболева я снял повязку, сразу посмотрев в окно, за которым проплывал непрерывный ряд одноэтажных частных домов. По всей видимости, это уже были московские пригороды. Действительно, вскоре появились и многоэтажные дома. Москву я знал плохо, поэтому не мог даже определить, с какой стороны мы въезжаем. Но хоть и не понимая, по каким улицам мы едем, я всё же с огромным интересом смотрел в окно, интересуясь, как выглядят москвичи осенью 1939 года. Ведь скоро мне тоже надо будет покупать гражданскую одежду в соответствии с нынешней модой. В это время пробок ещё не было, поэтому до центра столицы мы добрались довольно быстро, остановившись во дворе хорошо знакомого мне по многочисленным телерепортажам здания на Лубянке. Здесь Соболев приказал выходить со всеми вещами, и я двинулся за ним, прекрасно осознавая, что выгляжу по идиотски, неся в руках кипу бумаг и футляр с бритвой. Сразу за входной дверью мы свернули в гардероб, где я оставил шинель и буденновку. Далее вместе с майором мы поднялись на второй этаж, где Соболев у меня потребовал:

Давай двадцать рублей! — я, немного напрягшись, всё же отсчитал ему две десятки, после чего он без стука вошёл в дверь с номером 29 и, пробыв там не более пяти минут, вышел, держа в правой руке тёмно-коричневый портфель, который протянул мне со словами:

Не новый, но за такую цену вполне нормально. Или не надо? — для проформы спросил он, когда я уже взял

покупку в руки.

Надо, спасибо! — заверил его я, рассматривая приобретение.

Не новый — это мягко сказано, судя по бросающимся в глаза потертостям, я бы оценил его возраст лет в десять интенсивной эксплуатации, но всё же несмотря на это, он выглядел ещё вполне прилично, поэтому, радуясь удачному решению проблемы, я сложил в портфель бумаги и футляр с бритвой. После чего двинулся вслед за майором, который, поднявшись по лестнице на третий этаж, завел меня в небольшой зал с обтянутыми зелёным бархатом стенами и двумя рядами стульев, напротив которых стоял длинный стол. Здесь уже находились три командира: два лейтенанта внутренних войск НКВД и капитан погранвойск, молча поднявшиеся со своих стульев при нашем появлении. Очевидно, так они отреагировали на майора госбезопасности. Войдя, мы с Соболевым также заняли места в первом ряду, после чего тот вытащил из кармана перочинный нож и ловко проковырял дырочку у меня на гимнастёрке. В течении последующих полчаса подошли ещё восемь командиров НКВД в различных званиях и при появлении каждого из них, мне приходилось вставать, как положено по Уставу. Все награждаемые были обмундированы во френчи защитного цвета, синие галифе и сапоги, и лишь я, самый младший по званию, был одет в гимнастёрку и шаровары. Затем появился лейтенант госбезопасности и предложил присутствующим предъявить документы и зарегистрироваться. Соболев, как самый старший по званию из присутствующих, подошёл первым, показал мою служебную книжку, отдал лейтенанту какую-то бумагу, после чего пожал мне руку, сообщил, что на этом его забота обо мне закончена, пожелал мне удачи и удалился.

Ещё через пятнадцать минут в зал вошёл капитан госбезопасности, отдавший приказ:

В одну шеренгу становись! Равняйся! Смирно!

Когда все построились, в сопровождении незнакомого мне майора вошёл невысокий грузин в форме комиссара госбезопасности первого ранга и пенсне, которого я сразу опознал по ранее виденным мною документальным фильмам. Приняв доклад от построившего нас капитана, он по бумаге стал зачитывать звания, фамилии и лично прикручивать ордена на грудь. Награждение производилось от старшего звания к меньшему, поэтому я получил орден последним. Заученно развернувшись, я гаркнул: «Служу Советскому Союзу!» — и встал в строй. На этом награждение закончилось, Берия ещё раз всех поздравил и удалился. Капитан госбезопасности дал команду:

Вольно! Разойтись! — по этой команде награждённые командиры в порядке старшинства потянулись к выходу, а последним из зала вышел я с орденом на груди и портфелем в руке.

По окончании процедуры награждения оказалось, что уже половина двенадцатого, а желудок лёгким посасыванием намекнул, что пора бы пообедать. Первой мыслью было найти столовую здесь, но, представив себя в окружении дядек со шпалами и звёздами в петлицах, решил, что гораздо спокойнее я поем за пределами этого мрачноватого здания. Далее я спустился на первый этаж, оделся в гардеробе и вышел во двор, после чего, пройдя через КПП, очутился на улице Кирова и двинулся прямо по ней, предположив, что непременно наткнусь на какую-нибудь точку общепита. Логика меня не обманула, и через двадцать минут движения в плотном потоке пешеходов, я заметил обнадеживающую вывеску «Кафе». Зайдя внутрь, я обнаружил, что реальность несколько хуже моих ожиданий — в зале накурено, да ещё и все столы заняты. Однако, оценив обстановку, я пришел к выводу, что здесь не возбраняется садиться за занятый стол, если есть свободные стулья. Поэтому, решив, что в других заведениях может быть несколько не лучше, я сдал шинель в гардероб и прошёл на раздачу, где полная женщина в белом халате, увидев орден, одарила меня радушной улыбкой, всем своим видом показывая желание обслужить меня по первому разряду и вежливо поздоровалась. Взяв суп харчо, бифштекс с картофельным пюре и расплатившись, я направился к заранее присмотренному столу, за которым сидел полный мужчина лет сорока в мешковатом сером костюме. При моём приближении он бросил на меня неприязненный взор, явно намереваясь что-то сказать, но увидев на моей груди награду, принял нейтральный вид и опустил глаза.

Здравствуйте! Надеюсь, не помешаю! — проявив, таким образом, необходимый минимум вежливости, я поставил свои тарелки на стол и приступил к трапезе. Качество блюд полностью соответствовало первому впечатлению от кафе — съедобно, но, по возможности, такой местной пищи лучше избегать.

Управившись с обедом, я покинул данное гостеприимное заведение и пошел по улице дальше, раздумывая о том, как бы добраться до Курского вокзала и отдавая честь встречным командирам. На ближайшем перекрестке я увидел постового в звании сержанта и спросил дорогу, после чего сел на трамвай и за полчаса добрался до нужного места.

Далее, отстояв очередь в вокзальную кассу, я приобрёл билет в купейный вагон на вечерний поезд, после чего купил газет и, устроившись на скамье в зале ожидания, погрузился в изучение. Мне ведь необходимо было не только прочесть, но и проникнуться тем образом мысли, который пытались навязать советскому обществу журналисты советских газет. Поэтому идеологические статьи я перечитывал по несколько раз, запоминая ключевые фразы. Однако всему есть предел, и через три часа голова у меня реально заболела голова от зубодробительных пропагандистских конструкций. Не зря оппонент от этого прячется, я бы на его месте тоже

забурился бы куда подальше. «Каждый день, каждый час мы чувствуем отеческую заботу нашей партии и правительства и нашего вождя товарища Сталина о всех кто честно выполняет долг советского гражданина». Придётся тщательно тренироваться, чтобы не заржать, когда на каком-нибудь торжественном собрании ляпнут такое. Хотя, надо признать, что часть статей была написана вполне вменяемо и относилась к обсуждению практических и производственных вопросов. Поняв, что эта «правда» в голову больше не лезет, я перекусил в вокзальном буфете и немного прогулялся по улице, а вскоре подошло и время отъезда.

Поезд, на который у меня был билет, имел очень удобное расписание: отправляясь около десяти вечера, он прибывал в Горький к семи утра. Собственно именно поэтому я и купил на него билет.

* * *

Прекрасно выспавшись под стук колес, утром двадцать третьего октября я попрощался с соседями по купе — семейной парой лет тридцати, любезно поделившейся со мной информацией об общественном транспорте города — и, выйдя из вагона, отправился в направлении трамвайной остановки, чтобы добраться до Автотранспортного техникума. До нужного мне учебного заведения я добрался аккуратно к восьми часам утра — началу учебного дня. Спросив у юной студентки, как найти кабинет директора, я поднялся на второй этаж и вошёл в приемную. Здесь за печатной машинкой сидела симпатичная молодая женщина, которая увидев входящего в дверь красноармейца на пятках секунд подзависла, но быстро перезапустилась и задала вполне логичный вопрос:

Вы к кому?

К директору.

Он сейчас очень занят. А по какому вопросу?

По поводу поступления.

Она состроила круглые глаза, посмотрев на меня как идиота и, стараясь говорить корректно, сообщила:

Прием в техникум производится летом. А сейчас октябрь кончается, приходите в следующем году.

Услышав вполне ожидаемый ответ, я поставил свой потёртый портфель на стол перед дамой, покопался в нем и выложил ходатайство, подписанное заместителем начальника ГУГБ НКВД. Дамочка молниеносно пробежала глазами текст, мигом посерьезнела, произнесла:

Я сейчас! — и скрылась за дубовой дверью директорского кабинета.

Через пять минут она показалась из двери и позвала меня. Войдя, я увидел за столом, заваленном бумагами сорокалетнего мужчину в сером костюме, который с нескрываемым удивлением вчитывался в ходатайство. Далее, оторвавшись от документа, он некоторое время внимательно рассматривал меня, а потом указал на стул:

Садитесь! — Затем, дождавшись, пока я расположусь с другой стороны его стола, продолжил, — Андрей Иванович, у Вас какое образование?

Семь классов, — ответил я и протянул ему свидетельство об окончании неполной средней школы, — но, проходя службу в армии, я много работал с различными машинами и механизмами, а также читал техническую литературу, поэтому уверен, что легко нагоню текущее отставание и, возможно, смогу летом сдать экзамены за два курса экстерном.

Услышав мой столь убедительный и оптимистичный ответ, директор перевел взгляд на стоявшую у двери секретаршу и, тяжело вздохнув, сказал:

Анна Ивановна, отложите пока другие вопросы и займитесь оформлением товарища Ковалева, чтобы уже с завтрашнего дня он приступил к занятиям, — потом снова посмотрел на меня и твердо произнес, — однако сразу Вас предупреждаю, что на ближайшей сессии никаких поблажек не будет!

В ответ я кивнул, всем своим видом давая понять, что и не рассчитывал на преференции, после чего, попрощавшись, вышел из кабинета вслед за секретаршей. В приемной я отдал Анне Ивановне все необходимые документы, заполнил анкету, написал заявление и автобиографию. Далее работала уже секретарша: напечатав несколько бумаг на печатной машинке, она подписала их у директора, потом ушла куда-то на целый час, а вернувшись, протянула мне студенческий билет, зачетную книжку и направление в общежитие.

Идите, устраивайтесь в общежитие, а завтра к восьми часам приходите на занятия!

Спасибо большое! — искренне поблагодарив женщину, я покинул приемную, а затем и здание техникума.

Общежитие располагалось сравнительно недалеко и с помощью подсказок прохожих, у меня получилось добраться до него за четверть часа.

Антонина Яковлевна Розенблюм, типичная еврейка в возрасте около сорока лет, служившая комендантом общежития, даже и не пыталась скрыть своего удивления от моего появления с документами о заселении, и при мне позвонила Анне Ивановне. Однако убедившись, что никакой ошибки нет, быстро все оформила, забрав у меня паспорт для прописки и служебную книжку для постановки на воинский учёт. Затем, выдав со склада постельные принадлежности, отвела в комнату, где стояло в ряд изголовьями к стене пять панцирных кроватей и указала на ближнюю к двери:

Занимай!

Я быстро застелил кровать, после чего, расспросив коменданта о кафе и столовых находящихся поблизости, покинул общежитие. Надо было ещё посетить управление НКВД в соответствии с инструкциями, полученными от Соболева. Но сначала обед, а то желудок уже настойчиво напоминал, что со вчерашнего вечера я ничего не ел. Благодаря подробному описанию пути, полученному от Антонины Яковлевны, удалось довольно быстро найти ближайшую столовую и, прижав к ногтю свою кулинарную привередливость, пообедать безвкусной пищей. Выйдя из этого заведения, я прислушался к желудку и решил, что так питаться нельзя, даже перловка с мясом от Болеславы была намного вкуснее и полезнее, чем это безобразие, которое здесь впаривают под видом обеда. Мысли сами собой скользнули в сторону любимой девушки. Я ведь, когда сдавался энкавэдэшникам под Львовом, надеялся, что меня через некоторое время там же и отпустят, после чего я найду Болеславу и мы будем жить вместе долго и счастливо. А теперь получается, что я секретноноситель, находящийся под надзором госбезопасности и могу попытаться попасть во Львов только нелегально. Ведь между Западной и Восточной частями Украины так и осталась граница со всеми атрибутами, и для её пересечения необходимо получить разрешение в НКВД. А кто мне это разрешение даст? Пытаться же пересечь границу нелегально... конечно можно попробовать, но... скоро зима и выпадет снег, что заметно усложнит переход границы, к тому же здесь я должен встать на учёт в НКВД и моё исчезновение из города повлечет за собой весьма неприятные последствия, да и в насыщенном войсками и спецслужбами Львове без местных документов долго на нелегальном положении не продержаться. Поэтому надо быть реалистом...

Поэтому надо быть реалистом, — согласился со мной оппонент, внезапно появившийся из глубин бессознательного, стоило только мне подумать о Болеславе, — И забыть об этой шлюшке! Да, не спорю, она красива и в сексе хороша, но не жениться же на ней, в самом деле! Видишь, судьба поворачивается так, что тебе даже винить себя не в чем. Отношения прервались, по независящим от партнёров обстоятельствам. Финита ля комедия! Так что надо устраивать дела тут. Девки здесь красивые, сам видишь, а ты герой, орденоседец, да тебе стоит только пальцем помнить...

Мля, а я ведь сегодня «Правду» не читал, вот он и разошёлся!

Ты меня газетой не запугаешь, я скоро к этим глупостям адаптируюсь, вот тогда я тебе всё-всё выскажу! — оппонент перешёл на визг.

Осмотревшись по сторонам, я увидел киоск «Союзпечать» и решительно направился к нему.

Не ходи туда, там ничего хорошего нет! Я ведь о твоём психическом здоровье забочусь!

Охотно верю, шиза заботится о моём психическом здоровье!

Я не шиза, я голос разума, который пытается пробиться через любовный дурман!

Ага, вот и киоск! Взяв «Правду», я немедленно углубился в чтение передовицы и результат не заставил себя ждать — навязчивый голос исчез. Я ещё раз осмотрел витрину киоска и остановил взор на открытке с видом на Нижегородский Кремль. Немного подумав, купил её и спрятал в портфель.

Далее мой путь лежал в Управление НКВД, где, войдя в холл, отдал дежурному лейтенанту направление, взяв которое, он потребовал паспорт, на что получил ответ, что документы сданы на прописку, и у меня осталась только орденская книжка, которую я ему и протянул. Взяв и пробежав её глазами, лейтенант дал указание ожидать вызова. Заняв место на скамейке слева от входа, я достал из портфеля недавно купленную газету и углубился в чтение. Так, изучая одну статью за другой, я провел в холле более часа и начал было думать, что про меня забыли. Однако подошедший ко мне сержант прекратил, наконец, столь длительное ожидание, вернув орденскую книжку с направлением и выдав пропуск, после чего он сказал, что мне необходимо пройти на второй этаж, в двести четырнадцатый кабинет, и проводил к лестнице. Подойдя к нужной мне двери, я постучал и, не дожидаясь приглашения, вошёл. Внутри вдоль стен узкого кабинета сплошняком стояли железные сейфы с нанесенными на них номерами. Метрах в трёх от входной двери, за столом, заваленным папками, спиной к зашпоренному окну, сидел капитан госбезопасности, поднявший на меня усталый взгляд.

Разрешите войти? — начал я с уставной фразы и представился — Ковалев Андрей Иванович, по направлению.

Давай, что там у тебя? — он протянул руку за бумагами, положил их перед собой, и, приступив к изучению, махнул рукой, — Садись!

Я, сев на качающийся стул, немного поднял взгляд и упёрся взглядом в одну точку, дожидаясь, когда он вновь обратит на меня внимание.

Ага, вот значит, кто ты! — задумчиво произнес странную фразу капитан, прочитав бумаги.

Затем он встал, вышел из-за стола, открыл сейф с номером восемь и вынул оттуда тощую папку в новой обложке. Далее, вернувшись на свое место, капитан пролистал подшитые бумаги и вложил в папку взятое у меня направление. Потом он записал адрес моего проживания, место учебы и достав из стола лист бумаги с машинописным текстом, протянул его мне:

Читай и расписывайся!

Пробежав глазами незатейливую «Инструкцию по обеспечению сохранности государственной тайны», весь

смысл которой сводился к двум действиям: молчи, а если что — стучи, и, убедившись, что тут нет каких подводных камней, я поставил внизу свою подпись, дату и вернул бумагу.

Ну, Андрей Иванович, думаю, что Вы обо всем уже подробно предупреждены, — я кивнул в ответ на вопросительный взгляд, — Всем интересующимся обстоятельствами совершения подвига, за который Вы получили орден, отвечаете, что это военная тайна, если кто-то будет выказывать излишне глубокий интерес, прошу сообщать мне по телефону, да, кстати, забыл представиться — Куропаткин Иван Ильич, — далее он черкнул листке два ряда цифр и протянул мне, — Смотрите не потеряйте! Здесь же написан номер Вашего дела, если будете звонить, то его надо называть. Можете идти!

Выйдя на улицу, я глубоко вдохнул морозный воздух и посмотрел на часы. Половина четвертого и почти все формальности, связанные с поступлением и заселением в общежитие улажены. Осталось только через пару дней получить паспорт со штампом прописки у коменданта. Теперь настало время заняться решением вопросов бытового характера: купить кое-чего из одежды и белья (ведь у меня даже запасных трусов нет) и снять часть денег со сберкнижки — уж очень они быстро кончаются.

В общежитие я пришел после восьми вечера с объемным баулом, забитым всякой всячиной. Все мои четыре соседа были в комнате — двое сидели за столом и что-то писали в тетрадях, один курил, стоя у распахнутого окна, четвертый лежал на кровати, закинув руки за голову. Всем им на вид было лет шестнадцать — семнадцать. «В детский сад заселили,» — сделал я закономерный вывод, окинув взглядом дружно повернувшихся ко мне пацанов.

Добрый вечер! Позвольте представиться — ваш новый сосед Ковалев Андрей Иванович, — произнес я, снимая шинель.

Курящий, повернувшись ко мне, сморщился как от зубной боли. «Понятно! Местный заводила увидел неотвратимый конец своему лидерству,» — оценил я его недовольную гримасу. Остальные трое, напротив, судя по их восхищенным заинтересованным лицам были положительно впечатлены моей военной формой и орденом. Подойдя к столу, я положил на стол кулёк с печеньем.

Можно здесь чаёк сообразить? Выпьём за знакомство!

Я сейчас! — паренек, лежавший на кровати, резво подскочил, схватил чайник с полки и исчез в дверях.

А чё, покрепче чаю ничего нет? — презрительно бросил курильщик.

«Эту зловредность надо на корню давить!» — решил я и, подойдя к пацану вплотную, глянул на него сверху вниз — тот был ниже меня почти на голову.

Тебя как звать? — спросил я паренька, постаравшись добавить в голос как можно больше проникновенности.

Иван Прохоров, — испуганно ответил пацан, потихоньку отодвигаясь от меня.

Так вот Ваня... — я сделал паузу, взял из его руки окурков и демонстративно выбросил в окно, — Употребление алкоголя, равно как и курение запрещено правилами проживания в общежитии, а тебе ещё и по возрасту не положено, усёк? — Закончил я, не сводя с него глаз.

Прохоров, насупившись, согласно кивнул, после чего я повернулся к столу и спросил уже нормальным тоном:

Ну, а Вас как звать, бойцы?

Владимир Григорьев, Сергей Плотников, — послышались бойкие ответы.

В ходе дальнейшей беседы я выяснил, что все они учатся на третьем курсе по специальности «Автомобили и автомобильное хозяйство». А вскоре появился и четвертый сосед — Игорь Смирнов — который принёс чайник с кипятком. Как оказалось, у пацанов заварки не было, но, благодаря моей предусмотрительности, чаёк с печеньками под душевный разговор попить у нас получилось. Разумеется, в ходе беседы всплыл вопрос об ордене, на что мне пришлось ответить по инструкции:

Я служил в войсках НКВД, и так получилось, что всё, связанное с моей службой засекречено, то есть является военной тайной. Так что, парни, ни слова больше, вы мне лучше вот о чем расскажите... — и разговор вновь сместился на обсуждение порядков в техникуме и общежитии.

На следующее утро я, в составе колонны студентов, уныло бредущей по заснеженным тротуарам, без десяти восемь прибыл в техникум. Запаса времени мне хватило, чтобы сдать шинель с буденовкой в гардероб, и пользуясь подсказками, полученными вчера от соседей по комнате, найти аудиторию, в которой было первое занятие моей группы. Вошёл я уже перед самым звонком и, встретив удивлённые взгляды студентов, поспешил представиться:

Здравствуйте! Меня зовут Ковалев Андрей Иванович, и я не преподаватель, как, наверное, кое-кто успел подумать, а ваш новый одноклассник.

Затем, осмотревшись, я заметил свободное место на первой парте и, под заинтересованными взглядами студентов, занял стул рядом с худощавым пареньком лет пятнадцати. Впрочем, большинство студентов имели аналогичный возраст и лишь семеро студентов из тридцати, занимавшие места на «камчатке», имели возраст более двадцати лет.

Вскоре появилась преподаватель литературы — Елена Викторовна, начинающая полнеть неухоженная женщина лет сорока, которая, проверив по журналу наличие студентов (моя фамилия уже была вписана последней

строкой), начала сразу с места в карьер:

Товарищ Ковалев, в порядке знакомства, скажите, нам пожалуйста, что вы думаете об отражении классового антагонизма в пьесе Горького «На дне»?

Во тётка даёт! Прямо с порога — и к ногтю! Но, хорошо ещё, что я это пьесу в школе проходил и при подготовке к ЕГЭ повторял, так что поехали:

Эта пьеса была написана Горьким в одна тысяча девятьсот втором году, когда большая часть населения Российской Империи, да и сам Алексей Максимович не видели ясных перспектив ликвидации царского строя. Однако, уже тогда, будучи настоящим идейным революционером и марксистом, Горький со всем присущим ему мастерством... — и в том же духе ещё минут пять, хотя мог и все двадцать, но Елена Викторовна, видимо, сообразив, что я могу так разглагольствовать до конца урока, остановила меня.

Прекрасно Андрей Иванович! У Вас какое образование?

Закончил семилетку в Вологде, но я много читаю.

Вот как? И какое же у Вас любимое произведение?

Ну так сразу и не скажешь, — я задумался (не ляпнуть бы ничего лишнего), — вообще, «Хождение по мукам» Алексея Толстого нравится, его же Петр Первый, ну и Конан Дойл ничего так, интересно читается.

Елена Викторовна как-то странно посмотрела на меня («Я что-то не то сказал?») и разрешила садиться. Далее урок прошёл уже без моего участия — преподаватель обсуждала с учениками каждого героя пьесы персонально, с классовых позиций. Местами было довольно смешно и мне приходилось прилагать силы чтобы не расхохотаться. Ничего, скоро привыкну.

По окончании занятия я подошёл к Елене Викторовне и спросил, нужно ли мне что-то сдавать дополнительно, чтобы не было отставания.

Нет, ничего не нужно, литература у Вас предмет непрофильный, так что достаточно будет если будете хорошо готовиться к каждому занятию.

Поблагодарив и попрощавшись с преподавателем, я вышел из кабинета в коридор, где меня поджидал одноклассник.

Павел Дроздов! — представившись, мне протянул руку светловолосый парень лет двадцати крепкого телосложения.

Андрей Ковалёв, — ответил я, пожав крепкую мозолистую ладонь.

Я комсорг группы, — сразу перешёл к делу собеседник, — поэтому...

Я не комсомолец, — расставил я точки над и, не дожидаясь вопроса, — потому что верующий.

Но, — Павел выглядел искренне изумлённым, — это же мракобесие!

Вот потому я и не комсомолец, — показывая, что говорить больше не о чем, я развел руками, и, развернувшись, направился на следующее занятие.

За день, кроме вышеупомянутой литературы, у меня были ещё уроки математики, истории, черчения и «устройство автомобиля». Наибольшие проблемы были с черчением. В ТОМ времени этот предмет закономерно исчез из всех образовательных программ на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, вытесненный всеобщим переходом к компьютерной графике. Здесь же чертёжные навыки были необходимы техникам и инженерам абсолютно всех специальностей. А ведь, как оказалось, даже начертить простейший болт в трёх проекциях — это невероятно тяжёлый труд, во всяком случае для меня. С остальными предметами все было намного проще — устройство автомобилей я хорошо знал на практике и надо было только систематизировать имевшуюся в моей голове информацию, остальные предметы я изучал в школе и кое-какие знания у меня ещё сохранились. Так что, выглядело все довольно оптимистично и мой план по сдаче экстерном за два курса выглядел вполне выполнимым. Здесь надо упомянуть ещё об одной проблеме — это повсеместное использование перьевых ручек, и полное отсутствие навыков у меня по их использованию, но пока на занятиях допускалось пользоваться карандашами, однако на контрольных, зачётах и экзаменах, перья были обязательны к применению. Эту проблему я собирался решить путем покупки авторучки (ими пользовались некоторые преподаватели).

После занятий я сходил на главпочтамт, купил конверт и отправил на известный мне адрес Болеславы во Львов ранее купленную открытку и письмо следующего содержания: «Дорогая пани Болеслава, поздравляю Вас и всех Ваших родственников со вступлением прекрасного города Львова в состав СССР, а также с приближающимся праздником — Днём Великой Октябрьской Социалистической Революции. Желаю Вам в ближайшем будущем посетить старые территории Советского Союза и лично убедиться в успехах социалистического строительства. С письмом отправляю открытку с изображением Дмитриевой башни Нижегородского Кремля, которой я люблю любоваться по воскресеньям на закате. Ваш друг Андрей Варшавский.» На обратном адресе я указал «главпочтамт до востребования Варшавскому А.И.»

Теперь оставалось надеяться только на то, что у неё сохранилась любовь ко мне и она сделает правильные выводы по прочтении письма.

Не хрен ждать и надеяться! — в голове опять проснулся оппонент, — Забудь, ты ей совсем не нужен и она тебе тоже, ты теперь с орденом можешь любую понравившуюся девку тащить смело в постель!

Ага, как хорошо, что на почтамте продаются газеты! Незамедлительно купив «Правду», я добился исчезновения пакостного голоса, при этом осознавая, что это не решение проблемы. Ведь фактически у меня шизофрения, которую пока получается скрывать от окружающих. Но это не вся проблема, так как я пока собрал два побочных эффекта «Ареса», а есть и другие, ещё более неприятные — лопнувшая голова и сторание до тла. Вот будет номер... Да и борьба с шизофренией путем прочтения «Правды» выглядит как-то сомнительно, так можно вместо одного сдвига по фазе, получить два, да ещё и в разные стороны. Однако, как бы то ни было, жизнь пока продолжается и руки опускать рано. Поборемся! На этой оптимистической ноте я покинул почтамт и отправился на Алексеевский рынок, где, как мне стало известно от соседей по комнате, можно купить очень многое из того, что в магазинах найти почти невозможно. «Только за карманами надо следить, — предупредил меня вчера Игорь, рассказывая о рынке, — а то щипачей там тьма!» Что же, бдительность я никогда и не терял, а с предупреждением усилию вдвойне.

Первым делом на рынке я нашел ряд с обувью и купил за сорок рублей вполне приличные ботинки, а пройдя дальше, увидел в продаже унты и поинтересовался стоимостью. Мужик заломил триста рублей и я решил пока повременить — может получится найти что-то подешевле. Потом ожидаемо нарвался на атаку карманников — один жулик грубо толкнул меня плечом в спину, а когда я потерял равновесие и рефлексивно обернулся, второй воришка сунул руку мне в карман и упал, получив от меня удар локтем в шею. Убедившись, что мои денежные средства не пострадали, я продолжил покупки и до вечера сумел приобрести почти все что запланировал: пальто, костюм, кроличью шапку- ушанку. Так что теперь на учебу как все нормальные люди в гражданке буду ходить. А вот найти авторучку не получилось, как оказалось это довольно редкий товар, видимо из-за низкого спроса, связанного с высокой ценой. Придется пока учиться пользоваться обычной перьевой.

На следующий день ко мне опять подвалил комсорг. Я вздохнул: «Вот ведь, никак не уймется!» И состроил кислую мину. Но тот, сделав вид, что не заметил моего недовольства и максимально дружелюбно произнес:

Андрей Иванович, — все одноклассники, как и большинство преподавателей, обращались ко мне только на «Вы» и по имени-отчеству, что меня, впрочем, нисколько не смущало, — У комитета комсомола техникума к Вам есть просьба — пятого ноября при ОСОАВИАХИМ состоится чемпионат по пулевой стрельбе в честь годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. У нас, вообще-то, команда сформирована, но стрелки у нас довольно слабые, поэтому, если Вы можете помочь...

А из чего стреляем? — спросил я, не став дожидаться конца его витиеватой речи.

Там будет две дисциплины: из винтовки и из нагана, так Вы согласны?

Ну да, отчего же не пострелять, коль этими видами оружия я владею в совершенстве, — без лишней скромности подтвердил я, — Куда, во сколько подходить?

В полвосьмого утра к техникуму, здесь будет автобус, капитаном команды будет секретарь комитета комсомола Тихонов Михаил Сергеевич.

О, так он ещё и стрелять умеет?!

Нет-нет, в соревнованиях он не участвует, на нём вся организационная работа, — с каким-то благоговением в голосе ответил Павел.

О... — мля, едва не сказал «о'кей»! Вовремя успел остановиться! — О как! — нашел я логичное продолжение фразы и завершил разговор, — Договорились, обязательно приду.

Отлично, тогда я передам, чтобы в заявку внесли изменения, а четвертого ещё напомним.

Следующие дни у меня были посвящены знакомству с преподавателями и порядками. В частности я узнал, что ходить на физкультуру два раза в неделю мне надо обязательно, а от допризывной подготовки я, разумеется, освобождён. Кроме того, за эти дни я поближе познакомился со студентами из своей группы, отклонив все их попытки узнать, что меня наградили орденом. В нашей группе девушек не было ни одной, а во всем техникуме, наверное, не более тридцати и у меня создалось впечатление, что добрая половина из них, узнав, что я не женат, поставила своей целью затащить меня в ЗАГС. Иначе как ещё объяснить, что они постоянно крутились вокруг меня на переменах, а за места рядом со мной в столовой едва не доходило до драки. В эту гонку, похоже, включилась и Елена Викторовна, которая уже на следующее занятие пришла с красивой причёской и в нарядном, великолепно сидящем на ней синем платье, позволившем мне оценить и размер груди, и талию, подчеркнутую широким пояском, и в меру широкие бедра. Теперь, глядя на неё, я уже мог оценить её возраст как «тридцать три плюс-минус». Преображение преподавательницы литературы не осталось тайной и от моих более юных поклонниц, которые сделали вполне логичный вывод, завуалированно делясь своими догадками со мной во время обеденных перерывов.

Свой первый выходной в качестве студента я, хорошо выспавшись, посвятил покупкам одежды, которой у меня было явно недостаточно, знакомству с городом, а вечером устроил себе физическую нагрузку, побегав вверх-вниз по склонам холмов, спускающихся к волжскому берегу.

В понедельник Дроздов пригласил меня после занятий посетить тир, который, как оказалось был оборудован в подвале техникума. Там, произведя пять выстрелов из мелкокалиберной винтовки по мишени, расположенной на смешном для меня расстоянии двадцать пять метров, я подтвердил свою стрелковую квалификацию. Преподаватель допризывной подготовки, старший лейтенант Кирьянов, спросил, почему у меня нет значка «Ворошиловский стрелок»? На что я ему ответил, что там где я служил, сдача этого норматива не производилась и его этот ответ вполне устроил. Эту неделю я также прилагал все силы, чтобы войти в учебный ритм и наверстать отставание, а в воскресенье меня ждали соревнования по стрельбе. Так что в единственный выходной день у меня отоспаться не получилось, и в назначенное время, одевшись в свою военную форму без знаков различий (так как решил, что гражданская одежда к таким соревнованиям не очень подходит) я прибыл к техникуму, где уже стоял автобус ГАЗ-03-30, весёленькой голубой расцветки. Стоило только подойти к нему, как из салона навстречу мне вышел молодой человек, одетый в стильное синее пальто и черную шляпу. Протянув руку, он приветливо улыбнулся:

Здравствуйте, Андрей Иванович, мы ещё не знакомы, я секретарь комитета комсомола техникума Тихонов Михаил Сергеевич.

Очень приятно! — ответил я с максимальной искренностью и, чтобы поддержать разговор, высказался о погоде, — А сегодня прохладно, и снегопад...

Ну да, — согласился он, — так почти каждый год на этих соревнованиях получается, — Вы не курите? — он достал из кармана пачку «Беломора» и, увидев моё отрицательное покачивание головой, закурил. Затем, сделав пару затяжек, продолжил, — Никитина как всегда опаздывает. Мало того, что стреляет слабо, так и ждать всегда её приходится, а потом автобус гнать... По правилам положено, чтобы хоть одна девушка в команде была, а у нас на весь техникум всего-то двадцать семь студенток... Ага, вот кстати и она!

Я обернулся и увидел приближающегося к нам невысокого, не более метр шестьдесят ростом, человека, про которого так сразу и не скажешь, что это девушка, так как одета она была в короткую куртку и широкие бесформенные штаны, на голове была кепка, а на ногах — растоптанные башмаки. Когда Никитина подошла ближе, я узнал довольно симпатичное курносое личико, принадлежавшее одной из наиболее рьяных моих преследовательниц, в техникуме одевавшейся намного более привлекательно. Девушка, приближаясь, также издали рассматривала меня, сначала её взгляд был заинтересованно-изучающим, потом, видимо, она меня узнала, и её лицо приобрело радостно-приветливое выражение. Подойдя, она поздоровалась только со мной, даже не глядя в сторону главкомсомольца:

Здравствуйте! Аня Никитина, — и протянула мне руку.

С добрым утром! Андрей Ковалев, очень приятно! — проявил я ответную вежливость, пожав мягкую ладошку.

Тихонов бросил недокуренную сигарету и как-то раздражённо произнес:

Поехали! — и первым направился в автобус.

Я пропустил девушку вперёд и поднялся сам, хлопнув за собой дверь со второго раза. К нашему появлению в автобусе, кроме водителя, находилось семь человек: пять незнакомых мне студентов — членов команды, Тихонов и старший лейтенант Кирьянов — преподаватель техникума по допризывной подготовке. В основном все сидели по двое, так что в семнадцатиместном салоне оставалось достаточно свободных сидений, поэтому я воспользовался возможностью и уселся в гордом одиночестве.

До стрельбища мы ехали почти час, так что у меня, несмотря на оживлённое общение студентов между собой, получилось немного вздремнуть. Когда, наконец, автобус остановился, я первым выбрался наружу и стал, зевая, осматриваться по сторонам. Но вышедший следом старлей не дал долго расслабляться мне и братьям-студентам, а дождавшись, когда все окажутся на улице, звонко дал команду строиться в одну шеренгу. Затем он повернул нас направо и повел к одноэтажному бревенчатому барачу. А Тихонов направился к небольшому кирпичному зданию, стоящему поодаль. К нашему появлению в бараке уже находилось с полсотни парней и девушек, которые сидели на расставленных вдоль стен скамьях. Мы последовали примеру присутствующих и заняли широкую лавку, при этом Никитина села рядом со мной и, упёршись в мое бедро коленом, завела разговор:

Андрей Иванович, а Вы правда хорошо стреляете?

Неправда.

Как?! — она так забавно изумилась, что я едва не рассмеялся, — А Михаил Сергеевич сказал, что Вы сказали...

Милая Анечка, я действительно сказал, что владею оружием в совершенстве, а это значит... — я выдержал театральную паузу, — что я стреляю отлично!

Девушка звонко рассмеялась, привлекая к себе внимание окружающих.

Ой, а я уж такого успела напридумывать!

Расскажи, если не секрет!

Не скажу, а то ещё подумаете, что я глупая! — «Ну, в общем-то, я уже начинаю так думать!», — Вы лучше вот что скажите, — продолжила она, перейдя на громкий шёпот, — А Вы много людей убили?

У меня даже дыхание сперло — вот же дура, однако! Оглядев наостривших уши близсидящих студентов, я как ни в чем не бывало ответил:

Много, ой много... — потом наклонился к её уху и продолжил, — как кто-нибудь задаст глупый вопрос, так я его сразу хрясь! И поминай как звали!

Аня смущённо опустила глаза и опасливо отодвинулась. Вот и ладненько, а то как-то она меня напрягать начала. Вскоре появился Тихонов и сообщил, что наша команда поставлена восьмой и, получается, ждать своей очереди нам примерно ещё целый час. Услышав эту новость, я пожалел, что не озаботился чтивом — терпеть не могу сидеть вообще без дела. ТАМ в таких случаях выручал планшет с интернетом, ЗДЕСЬ я уже начал приспособливаться, запасаясь газетами и читая учебники. Но о том, что на соревнованиях придется час сидеть и ничего не делать, как-то не подумал. И спать уже не хочется. Хотя, пока есть время, можно выяснить правила, чем я и занялся, задавая вопросы Тихонову, который, хоть и с некоторым раздражением в голосе, да ещё и постоянно косясь на демонстративно не замечающую его Никитину, всё же подробно ввел меня в курс дела. Стрельба из винтовки производится с двух дистанций — лёжа — триста метров, стоя — с сотни метров. В обоих случаях выдаётся по пять патронов, из которых два пристрелочные, три — в зачёт. Стрельба из нагана производится с двадцати пяти метров, только из положения стоя, опять же, пятью патронами, из которых два — пристрелочные. Так же он рассказал, что соревнования проводятся уже четыре года с участием команд от средних и высших учебных заведений города. И ещё ни разу наш техникум не занимал призовых мест ни в личном, ни в командном первенствах. Узнав то, что меня интересовало, я прислушался к разговорам других студентов, обсуждавших различные темы — от клопов в общежитии до строгой принципиальности преподавательницы немецкого языка Августы Тимофеевны. Ну это они зря, по мне, так эта шестидесятилетняя дама — просто образец доброты и обходительности — поговорив на прошлой неделе со мной полчаса по-немецки, она выразила искреннее восхищение моим берлинским произношением и разрешила более до конца обучения не появляться на занятиях, а зачёты и пятерка за экзамен мне уже гарантированы. Все бы так...

Пока мы так сидели, команды из барака по две уходили на стрельбище, потом возвращались, шумно обсуждая результаты. Так, наконец, дошла очередь и до нас. Кирьянов, построив нас колонной по одному, повел команду к огневому рубежу, где мы и отстрелялись в полном соответствии с регламентом. Надо ли говорить о том, что я все пули положил в десяточку? Но, как впоследствии оказалось, в политехе тоже нашелся свой снайпер, прошлогодний чемпион Василий Игнатьев, повторивший моё достижение. По моему разумению, надо было бы провести

дополнительную стрельбу, или хотя бы сравнить радиусы разброса попаданий на наших мишенях, чтобы выявить победителя. Но судьи, видимо, решили особо не заморачиваться и признали победителями нас обоих. В командном первенстве наш техникум занял пятое место, конечно же, в основном благодаря моим баллам. Как и положено, по окончании соревнований нас построили, после чего мне, коллеге-победителю и двум призёрам выдали грамоты, а затем большие шишки из ОСОАВИАХИМа и горкома комсомола толкнули бравурные мотивационные речи выслушав которые и дружно похлопав, мы разъехались, причем в автобусе настырная Никитина уселась рядом со мной и, не обращая внимания на хмурые взгляды Тихонова, стала изводить меня вопросами о том, трудно ли научиться так стрелять? Потом перешла на тему — хорошо ли я знаю Горький? Далее оказалось, что она-то как раз знает город очень хорошо и готова потратить остаток дня, чтобы познакомить меня с достопримечательностями. Тут я не выдержал и в поисках поддержки посмотрел на Тихонова, который нашел-таки способ меня спасти от неугомонной девицы:

Андрей Иванович, надо бы Вам сфотографироваться, чтобы на седьмое ноября уже повесить на доску почета. Я знаю тут по дороге хорошее фотоателье, там за день всё сделают, а оплату оформим через комитет комсомола. Тебя же, Никитина, автобус подвезет поближе к дому. Ты ведь недалеко от техникума живёшь.

Девушка, стрелнув в главоксомольца глазами, нахмурилась и молчала до самой остановки у фотоателье, где я вышел вместе с Тихоновым и сразу расставил все точки над і:

Михаил, я пас! У меня на Аню нет никаких планов!

Он огорчённо махнул рукой:

Как же она меня задолбала! Ладно, пойдём... — и направился ко входу в ателье.

«Ну и ладно, сами разбирайтесь» — решил я, следуя за Тихоновым. Хотя Аня девушка вполне привлекательная и я, вообще-то, был бы не прочь подвигаться с ней под одеялом. Но, вполне вероятно, что все эскапады девушки — это попытка реализовать в отношении меня матримониальные планы. Этак, пожелав просто поразвлечься на раз, можно быстро под венцом очутиться. ЗДЕСЬ вам не ТАМ!

В ателье, работавшем несмотря на выходной день, меня быстро щелкнули и, после того как Михаил договорился об оплате и времени получения снимков, мы вышли на улицу. Там он остановился и закурил, глубоко затянувшись, а затем произнес:

Андрей Иванович, у меня к Вам серьёзный разговор, — и добавил, грустно усмехнувшись, — не про Аню.

Внимательно слушаю!

Тут такое дело... Павел сказал, что Вы не комсомолец и вступать не хотите...

Отчего же не хочу? Я-то как раз не против, тем более, что разделяю все цели и идеи коммунистической партии, но не могу же я скрывать свои религиозные взгляды, — ответил я максимально дружелюбно.

Но Партия отрицает существование бога, а религия — это опиум для народа.

Абсолютно согласен с тем, что религия в том виде, в каком существовала в России до революции — опиум. А вот по поводу существования бога у нас с Партией получается разногласие. Но ведь у нас в стране свобода вероисповедания? — закончил я риторическим вопросом свою краткую концептуальную речь.

Насчёт свободы вероисповедания Вы правильно заметили... — Тихонов снова затянулся, задумавшись, — Но тут вопрос политический: единственный в техникуме орденосеиц, фото которого с завтрашнего дня будет висеть на доске почета и не является комсомольцем! Неправильно получается!

Так что же я могу сделать-то? Не врать же мне?! — Едва ли не воскликнул я, изображая искреннее желание сотрудничать.

Тихонов бросил выкуренную папиросу на землю и мы пошли с ним по тротуару.

Андрей Иванович, насколько я Вас понял, то Вы сами тоже хотели бы стать комсомольцем?

Да... пожалуй, Вы правы.

Хм... тогда я обсужу этот вопрос со старшими товарищами, а то как-то неправильно получается.

Мы некоторое время шли молча думая каждый о своём. Не могу точно сказать, о чем думал главоксомолец, а я размышлял о том, что увильнуть от вступления в комсомол, похоже, не получится. Тут, наверное, надо рассказать о моих политических взглядах. Я ведь в ТОЙ жизни довольно много думал и читал на тему об оптимальном государственном и политическом устройстве, благо, что в век интернета проблем с информацией не было. Не вдаваясь в подробности отмечу, что у меня сформировалось мнение, что власть крупного капитала, прикрытая видимостью парламентаризма, лежащая в основе современной Западной Цивилизации в долгосрочном плане деструктивна для общества. Но и социализм образца СССР имеет крупные недостатки. На мой взгляд, при сохранении контроля государства над крупным массовым производством и финансовой сферой, должно существовать малое и среднее частное предпринимательство. При этом, разумеется должны существовать и свобода слова и эффективная судебная защита прав и свобод граждан. А многое, из того, что я наблюдал, оказавшись в довоенном СССР, мне совсем не нравилось. Однако, с моим собеседником не поспоришь, когда он сказал, что вопрос моего вступления в комсомол важен с политической точки зрения. В рамках существующей в

СССР тридцать девятого года парадигмы, все сколько-нибудь заметные общественные фигуры должны быть включены (а я со своим орденом, да ещё и после победы в соревновании стал как раз такой фигурой) в существующую политическую систему в качестве членов партии или хотя бы комсомола. Тем временем, после длительного молчания Тихонов решил продолжить общение:

Скажите, Андрей Иванович, а в каких-либо других видах спорта у Вас есть достижения?

Подумав, я решил честно ответить на его вопрос:

Ну, я неплохо владею боевым самбо, однако, насколько я понимаю, соревнования по нему не проводятся... И лыжами увлекаюсь, но так, без участия в соревнованиях.

А вот и поучаствуйте! У нас через две недели первенство техникума по лыжам будет, так что приглашаю! А по боевому самбо и правда про соревнования я не слышал, но не могли бы Вы на общественных началах потренировать желающих? Я бы и сам позанимался!

Ох вот, же! Язык мой — враг мой. Нашел ещё проблему на свою голову!

Не все так просто, — попробовал я притормозить энтузиазм Тихонова, — Во-первых, нужен реквизит — борцовский ковер, боксёрская груша, тренировочная защита, во-вторых, абы кого обучать нельзя, потому как если самбист убьёт кого-нибудь в драке, то кто за это отвечать будет?

Это да, Вы правильно подметили... — главкомсомолец задумался на минуту и оптимистично закончил, — Надо обсудить на комитете комсомола, что-нибудь придумаем!

Вскоре подойдя к перекрёстку, на котором наши пути разошлись, мы попрощались, пожав друг другу руки. Я направился в сторону общежития, а Тихонов — в сторону техникума.

На следующий день первым уроком была литература, на которой учительница Елена Викторовна продемонстрировала приподнятое настроение и часто останавливалась перед моей партой, бросая короткие взгляды, как бы оценивая моё впечатление от её внешнего вида.

«Нда, не было печали, и эта туда же, — пришел я к тривиальному выводу по окончании занятия, оценивая увиденные изменения, — хотя, может я тут совсем ни причем?»

Причем-причем! — вновь выскочил из подсознания оппонент, — К бабке не ходи, она тебя хочет! Не теряйся! А то совсем в недотрогу превратился! То та тебе не так, то эта никак не этак! Вспомни каким ты был ТАМ молодцом с вечно в теле огурцом!

Отвянь! ТАМ угрозы окольцеваться не было!

Так ты ТУТ только появился, сразу первой встречной, из чужой постели вынутой и пообещался жениться! Чего же сейчас как целочка менжуешься?!

Так как раз потому, что пообещался!!! Где же «Правда»? — мысленно воскликнул я и, вспомнив, что в холле первого этажа есть стенд с газетами, направился туда быстрым шагом.

Остановись, дурилка газетная! Внемли голосу разума! — заверещал оппонент, явно предчувствуя скорое поражение.

Газета, как всегда, дала временное облегчение. Но вопрос с дальнейшим течением болезни оставался открытым. Хотя, с другой стороны, если ухудшения не будет, то и так жить можно.

Следующим предметом у меня была математика, после которой ко мне подошёл комсорг группы Дроздов:

Андрей Иванович, завтра у нас во дворе праздничный митинг, есть мнение, что Вам там необходимо выступить, надеюсь, нет возражений?

Ну вот только этого мне и не хватало для полного счастья!

Какие же могут быть возражения?! — «Мля, всю жизнь мечтал выступить на митинге в честь годовщины Революции!» — Это огромная честь для меня! Правда я ни разу не выступал на митингах...

Да там ничего особого не требуется, поздравите всех, призовёте отдавать все силы учебе и труду... А правда, что Вы будете вести секцию боевого самбо?

Ну, ещё окончательно не решено, я поставил перед Михаилом Сергеевичем ряд вопросов, которые надо решить, прежде чем приступать к занятиям... — Ого, похоже, мне от этой бесплатной нагрузки не отвертеться!

Да, он сказал, что за неделю всё сделает!

Нда, если так, то как говорится, уважуха! А мне лишние заботы.

Отучившись шесть часов, я пообедал в техникумовской столовой, потом просидел ещё три часа в библиотеке, выполняя полученные от преподавателей задания, чтобы ликвидировать своё двухмесячное отставание от программы. Покинув техникум, поужинал в кафе неподалеку и вернулся в общежитие только к половине девятого. Там на меня сразу набросился с расспросами Игорь Смирнов:

Андрей Иванович, говорят, что вы будете вести секцию боевого самбо!

Ох, что уже весь техникум знает?!

Возможно, но пока ещё ничего не решено.

А нас туда возьмёте? — все четверо смотрят на меня с робкой надеждой.

Не знаю, если желающих будет много, то зачисление в секцию будет по решению комитета комсомола, — расстроил я парней, которые видимо, уже строили планы, как воспользоваться блатом.

На следующее утро в девять часов я стоял в толпе студентов и слушал однообразные, как под копирку бравурно-пафосные речи выступающих. Сначала выступил директор техникума, потом парторг, за ним Тихонов, ну а четвёртым на импровизированную трибуну вышел я и, увидев сотни восторженных глаз, замешкался, представив, как рублю тут правду-матку про Сталина и весь их хваленый коммунизм. Вот это был бы номер! Однако, взяв себя в руки, коротко, но торжественно, с расстановкой, произнес заранее заготовленную шаблонную речь и удалился в толпу под бурные аплодисменты. По окончании митинга большая часть студентов была распущена по домам, а около семидесяти человек, в число которых вошёл и я, вместе с преподавателями, взяв флаги и транспаранты направились к Кремлю для участия в праздничной демонстрации.

Около площади Советской, по которой, собственно и шествовали колонны счастливых строителей коммунизма, нам пришлось ожидать своей очереди почти целый час. Во время этого ожидания ко мне подошёл Тихонов и предложил сброситься на торжественный обед, который будет в техникуме после демонстрации. Я, разумеется, не стал отказываться и отдал ему пятерку. А вскоре подошла и наша очередь, махая флагами с радостными лицами, пройти перед трибуной с областной партхозверхушкой. Потом, не снижая скорости, мы прошествовали к техникуму, где значительная часть студентов, участвовавших в демонстрации, была распущена по домам. На банкет остались лишь преподаватели, члены комитета комсомола и комсорги старших курсов, ну и ваш покорный слуга в роли местной достопримечательности. Я оказался за столом с Тихоновым и двумя комсоргами с четвертого курса. Не сказать, чтобы столы ломились от блюд — все довольно просто — но, главное, были выпивка и закуска. Здесь уже вместо речей произносились тосты, звучащие не менее торжественно: «За нашего вождя и учителя товарища Сталина!» — стоя и до дна; «За нашу родную коммунистическую партию!» — аналогично. А потом можно было сидеть, но всё равно до дна. Сидели мы недолго — через полтора часа люди стали потихоньку расходиться и я, решив не засиживаться с комсомольцами, начавшими обсуждать, где и как продолжить праздничную попойку, также направился к выходу. Одевшись и выйдя на улицу, я глубоко вдохнул морозный воздух, чтобы хоть немного прочистить мозги от алкоголя и неожиданно для себя встретился взглядом с Еленой Викторовной, стоявшей на крыльце.

Андрей Иванович, Вы меня не проводите? А то я, кажется выпила лишнего и теперь боюсь идти одна, могу просто упасть и замёрзнуть.

Ну не мог же я отказать женщине в такой пустяковой просьбе!

На следующее утро я проснулся от интенсивных толчков в бок, сопровождавшихся словами:

Андрюшенька, пора вставать, тебе ещё надо в общежитие за учебниками и тетрадями зайти!

Поняв, что поспать больше не получится, я потянулся и сел в постели, хмуро глядя на Леночку (ну не Елена Викторовна же мне её теперь называть!), которая уже успела привести себя в порядок и одеться. По её свежему и счастливому лицу и не скажешь, что вчера она была так пьяна, что в квартиру и комнату её буквально пришлось заносить на руках... Однако...

Женщина протянула мне стакан с капустным рассолом, который я опорожнил одним махом, затем дала ношенный мужской халат и полотенце:

Иди в ванную, пока там очередь не выстроилась!

Ну да, в коммуналках оно так: в туалет в порядке живой очереди. Не затягивая время, я посетил местные удобства и постоял под холодным душем, после чего вернулся в комнату уже бодрячком. Там уже меня дожидался завтрак в виде яичницы с квашеной капустой. Стоило мне приступить к насыщению, как Лена села рядом и каким-то извиняющимся тоном сказала:

Андрюшенька, ты не беспокойся, я бесплодна и ни на что не претендую, извини что я так вчера...

Тебе то за что извиняться! Все было прекрасно!

Правда?! — она по-щенячьи заглянула мне в глаза, — Так может?..

Конечно! — я обнял её и поцеловал, — но предупреждаю, что у меня есть невеста, она пока в другом городе...

Я же сказала, что ни на что не претендую!

«Как хорошо получается, — думал я, дожевывая завтрак, — у меня ведь женщины уже больше месяца не было, а тут такой вполне себе неплохой временный вариант!»

Позавтракав, я оделся, поцеловал Лену и покинул коммунальную квартиру под изучающими взглядами проснувшихся соседей.

Следующие дни я погрузился с головой в учебу, стараясь наверстать отставание, и, надо сказать, добился добился в этом деле значительных успехов. К концу недели у меня фактически оставались долги только по черчению, в котором я пока не смог сформировать у себя необходимые навыки по причине нехватки времени. Из-за взятых на себя нагрузок, я даже к Лене не заглядывал на чаёк, несмотря на её вопросительно-зовущие взгляды, которые она всякий раз бросала на меня на меня при встрече даже после того, как я объяснил ей ситуацию.

В субботу, покинув техникум после обеда, я дошел до рынка и всё-таки заказал себе унты за триста рублей. К этому времени я уже успел выяснить, что других вариантов приобрести такую обувь в Горьком практически нет — большинство жителей предпочитает бюджетный вариант в виде валенок. Также я приобрёл лыжи с полужесткими креплениями. Снега уже напало вдоволь, так что можно было уже начинать кататься. Если вспоминать мою жизнь ТАМ, то, наверное, следует упомянуть, что лыжи и биатлон это национальные массовые виды спорта населения Тюмени, в которой встретить коренного сибиряка, не умеющего стоять на лыжах также сложно как и абсолютного трезвенника. Так вот и я с восьми лет был отдан родителями в секцию биатлона, которую позднее бросил в тринадцать лет ради занятий рукопашным боем. Но и после этого я продолжал регулярно бегать на лыжах и выступать за сборную школы на городских соревнованиях.

Доставив покупку в общежитие, я отправился к своей любовнице, прихватив ранее купленные в коммерческом магазине по сумасшедшим ценам вино с шоколадными конфетами, и пробыл у неё до утра, точнее до обеда, так как проснувшись в девять утра мы выбрались из постели только к двенадцати. Далее воскресный день я посвятил освоению лыж с непривычным для меня креплением. Поначалу было довольно сложно поддерживать высокую скорость в движении, но постепенно я привык и дело пошло на лад. Проблему доставляло и то, что в продаже не было лыжных мазей (судя по всему их ещё не изобрели), а катание на деревянных лыжах без смазки при около нулевых температурах — то ещё удовольствие. Накатавшись до изнеможения, я добрал до общежития к девяти вечера, заморил червячка чаем с баранками и завалился спать, отложив свои планы потренироваться в черчении.

Утро понедельника началось с урока литературы, на котором помолодевшая, светящаяся от счастья Леночка буквально порхала по классу, вызывая закономерное удивление у студентов. Кстати, она меня предупредила, что наши отношения долго оставаться тайной для техникума не будут, так как меня видели её соседи по коммуналке, которые вскорости разнесут сплетни по всему городу.

После третьего урока меня отловил Тихонов, сообщивший две, не побоюсь этого слова, эпохальные новости: во-первых, сегодня после занятий меня будут принимать в комсомол, во-вторых, он нашел инвентарь для секции самбо, а подробности обсудят на том же сегодняшнем заседании комитета комсомола. Я изобразил воодушевление, хотя дополнительные заботы мне никакой радости не доставляли, но как тут отвертеться?

Придя в назначенное время, я обнаружил, что вся комсомольская компания в составе четырнадцати человек уже собралась и тут же оказался в центре внимания. Сначала Тихонов объявил, что целью данного мероприятия является рассмотрение моей кандидатуры и предоставил мне слово, после чего я встал и как можно искреннее произнес речь:

Товарищи, так получилось, что вырос я в религиозной семье и вера в Бога, можно сказать, впитана мною с молоком матери. Однако я полностью разделяю и поддерживаю цели и задачи, которые ставят перед нами Коммунистическая партия и наш вождь и учитель товарищ Сталин. Прошу вас дать мне возможность принять активнейшее участие в строительстве коммунизма будучи членом комсомола — самой передовой части советской молодежи!

Вроде неплохо получилось! Не зря «Правду» изучал!

Далее выступил комсорг моей группы Дроздов, который отметил мои успехи в учебе — за две недели почти ликвидировал двухмесячное отставание — и общественную активность — победил в городских соревнованиях по стрельбе и предложил организовать в техникуме секцию боевого самбо (вот как, оказывается это моя инициатива!) где будет тренировать студентов на общественных началах. Таким образом, Дроздов считает, что я достоин высокого звания комсомольца, несмотря на некоторую отсталость во взглядах, и он готов за меня поручиться. Следующим выступил Тихонов, почти слово в слово повторив предыдущего оратора и также поручившись за меня. Далее без прений вопрос о моем приеме в комсомол был поставлен на голосование и принят единогласно. После чего под аплодисменты собравшихся Тихонов вручил мне уже готовый комсомольский билет. «Вот радость-то! Мечта всей жизни исполнилась, ну теперь заживу!» — думал я, разглядывая маленькую книжицу с фотографией, сделанной с того же негатива, что и снимок для доски почета.

Следующим вопросом стояла секция по боевому самбо.

Здесь снова слово взял Тихонов:

Товарищи, как ранее уже говорилось, во исполнение требований Партии об улучшении спортивной и боевой подготовки молодежи, мы совместно с товарищем Ковалевым решили открыть секцию боевого самбо. Руководство техникума закупило необходимый инвентарь: боксёрскую грушу и мягкий ковер для борьбы. Предполагается, что спортивную одежду для занятий студенты будут сами приобретать или шить, а неимущим техникум может выделить ткань. Для более подробного обсуждения вопроса слово предоставляется товарищу Ковалёву!

Товарищи, — принял я эстафету и сразу перешёл к делу, — предлагаю организовать занятия два раза в неделю: в среду с восемнадцати до двадцати часов и в воскресенье с четырнадцати до шестнадцати. Количество занимающихся не более двадцати четырёх человек. На первые занятия можно приходить в любой спортивной форме, но желательно, чтобы недели через две у каждого была свободная куртка из прочной ткани без пуговиц с

поясом и боксерские перчатки. Кроме того, учитывая, что там будет производиться обучение особым приемам, которые дают преимущество в драке, нужно определиться с порядком отбора желающих заниматься.

После моих слов началось обсуждение, в ходе которого выяснилось, что желающих заниматься уже не менее двухсот человек и комсомольцам придется попотеть, отсеивая лишних. Поняв, что дискуссия может затянуться надолго, я попросил меня отпустить и, получив согласие, вскоре покинул техникум.

Выйдя на улицу, я подумал, что надо бы позаниматься черчением и... направился к дому своей любовницы. Ну а что делать, если хочется? Открыв мне дверь, Лена удивлённо спросила:

Ты же говорил, что сегодня занят?

Вот, решил отложить дела ради встречи с тобой. Или ты против?

Ну как ты мог такое подумать! — подруга, ухватив за руку, потащила меня под взглядами любопытных соседей в свою комнату, где мы, немедля перешли к делу.

В свое общежитие я, полностью удовлетворённый, пришел к восьми вечера и даже смог себя заставить позаниматься черчением минут сорок. После чего завалился спать с неожиданной мыслью: «А жизнь-то прекрасна!».

До среды я, разумеется, не успел обзавестись самбистской курткой — в магазинах они не продавались, а Ленина знакомая портниха взяла на работу пять дней. Поэтому на первое занятие секции я пришел в майке и трико, как, впрочем, и большинство начинающих самбистов. Встретивший меня у дверей Тихонов, также одетый в спортивную форму, сообщил, что комсомольцам не удалось уложиться в предложенную мной квоту двадцать четыре человека, поэтому на занятия пришли тридцать один студент. Протянутый мне список, я, пробежав глазами, вернул главкомсомольцу со словами:

Будете старостой! — ну не одному же мне забесплатно тянуть это бремя!

Зайдя вместе с новоиспеченный старостой в спортивный зал, я скомандовал:

В шеренгу по одному стройся! — и, дождавшись, пока студенты займут места в строю, продолжил, — По порядку — рассчитайся! — результаты пересчёта подтвердили цифру названную Тихоновым.

Осмотрев строй, я обнаружил, что здесь присутствуют фактически только члены комитета комсомола и группкомсорги. После чего начал занятия с разминки. Заставив начинающих самбистов вдоволь побегать, попрыгать, поотжиматься, дал указание постелить борцовский ковер — он представлял из себя обычные ватные матрасы, уложенные в два слоя и накрытые брезентовой тканью. Убедившись, что несмотря на кустарные составляющие, получилось вполне приемлемо, я разделил группу на две части: одну отправил отрабатывать падения на ковре, который оказался недостаточно большим, чтобы там могла разместиться вся группа, а вторую половину стал обучать простейшему приему защиты от удара рукой в голову. Потом стал менять эти половины местами каждые двадцать минут, чтобы хоть как-то разнообразить тренировочный процесс. Отзанимавшись таким образом два часа я должен был признать, что первый блин не получился комом. Комсомольцы занимались дисциплинированно и с большим желанием, что позволяло мне смотреть на будущее секции с оптимизмом.

В оставшиеся дни недели я все свободное время уделял набившему оскомину черчению и лыжной подготовке — не хотелось ударить в грязь лицом на приближающихся соревнованиях, а то я уже стал привыкать быть лучшим во всем и слушать дифирамбы в свой адрес уже не только как орденосеца, но и лучший спортсмен и образцовый студент, успевший за две недели не только ликвидировать двухмесячное отставание, но и в текущей учебе стать лидером. Краем сознания я, конечно, осознавал, что мою подготовку что в учебном, что в спортивном плане, никак нельзя сравнивать со студентами техникума, но, тем не менее, самолюбие урчало от удовольствия всякий раз, когда окружающими отмечались мои успехи. Однако при всей моей загруженности я не забывал и о телесных удовольствиях и в четверг зашёл к Лене на пару часиков, а в субботу и вовсе остался у неё на ночь. В моём напряжённом графике был ещё один положительный момент — шиза перестала проявляться в моей голове даже без прочтения «Правды», на которую теперь просто не хватало времени. Да и про Болеславу я почти совсем перестал вспоминать, однако воскресным вечером полчаса прогулялся перед Дмитриевой башней Кремля, впрочем, не особо надеясь на положительный результат — времени прошло совсем мало, для того, чтобы она успела получить разрешение на въезд и оформить документы.

* * *

Следующая неделя до субботы мало чем отличалась от предыдущей — те же занятия в техникуме, интенсивная самостоятельная учеба, лыжи. Однако можно отметить, пожалуй, некоторые моменты. Во-первых, я наконец получил ранее заказанные унты и самбистскую куртку. Во-вторых, приобрёл восковые и парафиновые свечи, которые протестировал на предмет замены лыжной мази, получив обнадеживающие результаты. В-третьих, за пять рабочих дней я смог найти время и силы на четыре посещения любовницы — и этот успех мне на прошедшей неделе казался наиболее важным и приятным.

Кстати, за время тесного общения с Леночкой я вкратце узнал и историю её жизни. Елена Викторовна Пономарева родилась и до шестнадцати лет жила в древнем русском городе Муром. Отец её сгинул в

Гражданскую, младший брат умер от испанки, вот и остались они с матерью вдвоем. Жили голодно, но спасал приусадебный участок и то, что дом был довольно большим, что позволяло сдавать две комнаты внаем. Одним из жильцов был дядя Миша — тридцатилетний экспедитор заготконторы, который уже через три месяца проживания установил тесные отношения с её матерью, по максимуму используя все выгоды такого удобного положения. Но вскоре этому негодяю показалось мало ласк тридцатидвухлетней женщины и он затащил в постель и её глупенькую пятнадцатилетнюю дочку. От этих забав вскоре у нее пропали месячные и, довольно быстро поняв, что является причиной этого «чуда», дядя Миша исчез в неизвестном направлении, а вскоре и Лена, опасаясь гнева родительницы и общественного порицания, сбежала в Нижний Новгород, стащив у матери единственное золотое колечко. Этим украшением она оплатила в городе аборт, после чего устроилась швеей в кооперативную швейную мастерскую. Но, как выразилась сама Елена в порыве откровенности: «Юной одинокой девушке очень сложно выживать в большом городе», — и через год она сделала второй аборт. Однако, надо отдать ей должное, девица не переставала барахтаться — за два года, благодаря школе рабочей молодежи смогла получить среднее образование (в Муроме она закончила шесть классов) и стать студенткой пединститута. Далее, на втором курсе она вышла замуж за Диму Золотарёва — очень хорошего мальчика из интеллигентной семьи (согласно её характеристике). Прожив в счастливом браке четыре года и не нажив детей, они стали ходить по врачам, и вскоре узнали, что в результате осложнения после второго аборта Лена стала бесплодной. Такого удара их брак не выдержал и они расстались. После развода Елена вела довольно свободный в постельном плане образ жизни («Я просто ещё не поверила врачам, надеялась, что найдется мужчина, от которого можно забеременеть»). Однако через некоторое время она поняла, что её надежды тщетны и, что называется, забросила себя. И вот, через три года однообразной и уединенной жизни, она увидела меня в своем классе на первой парте. «Только тогда я поняла, что значит желать мужчину по-настоящему и решила во что бы то ни стало добиться твоей ласки! Эти часы с тобой самые счастливые в моей жизни! И пусть ты скоро уйдешь, я буду вечно благодарна тебе за эти часы и минуты! Ты ведь совсем другой, как будто из другого мира!» — шептала она признания, лёжа на моей груди, а я думал о том, что буду её жалеть, когда настанет время расставаться. Но пока всё было прекрасно, а Леночка просто чудесна в постели и прекрасно готовит из принесенных мною продуктов, каждый раз радуя не только ласками, но и вкусными ужинами. «Хороша бы была жена, коль не была бы бесплодной шлюхой старше меня на семь лет,» — закончил я свои размышления и, нежно перевернув женщину на спину, приступил к прощальному на сегодня акту.

В субботу, несмотря на мокрый снег и пронизывающий ветер, в окрестностях закрытого большевиками Печерского Вознесенского монастыря, состоялись лыжные соревнования среди студентов техникума. Всего участников набралось пятьдесят восемь человек, которых организаторы разбили на шесть групп без учёта возраста и пола спортсменов. После чего устроили забеги на пятикилометровую дистанцию по трассе, представляющей из себя три параллельные лыжни. Ожидая своего старта, я стоял в окружении семерых парней из своей учебной группы, из которых только двое, не считая меня, принимали участие в соревновании, остальные же, в том числе и комсорг пришли поболеть. Слушая ничем не примечательные разговоры студентов о погоде, да об учебе, я посматривал в разные стороны: вон на стартовой площадке Леночка, входящая в состав оргкомитета, закрепляет булавками на одежде лыжников бумажные номерки, вон директор о чем-то, темпераментно жестикулируя, беседует с парторгом, вон Тихонов со счастливым выражением лица разговаривает с Никитиной, не замечая, как та время от времени бросает то на меня, то на Леночку обиженные взгляды. «А у Ани красивая фигура!» — отметил я, посмотрев на девушку, одетую сегодня намного более привлекательно, чем на стрельбе — в первую очередь за счёт голубых трико в обтяжку, выгодно подчёркивающих великолепную форму её ног. Впрочем, не я один пялился на Никитину, большинство студентов также украдкой раздевали взглядами местную красавицу. Да и где ещё такое увидишь, как не на спортивных соревнованиях? Ведь в обиходе женщины должны носить юбку ниже колена, а на лыжах так не побегаешь. Мои взгляды заметили обе дамы и теперь Аня мило улыбалась в мою сторону, Елена бросала на неё мрачные взгляды, а Тихонов так и заливался соловьём, ничего вокруг не замечая. Прямо театральная сцена получается!

Дождавшись своей очереди, я прошёл на стартовую площадку, где Леночка, закрепляя номер, пару раз чувствительно уколола меня булавкой, даже не извинившись. Та ещё стерва, оказывается. В забеге участвовало десять человек, то есть по три-четыре спортсмена на лыжню. То ли по закону подлости, то ли кознями тайных недругов, я оказался на последнем месте и после старта мне пришлось попотеть, прыгая с лыжни на лыжню, чтобы выползти из-за спин тихоходных конкурентов. На эти шахматы у меня ушло не меньше трёх километров дистанции, но в конце концов, я вырвался вперёд метров на тридцать и финишировал, не особо запыхавшись. Ещё через двадцать минут забеги закончились и физрук, как главный судья соревнований, прочитал списки участников финальных забегов, которых всего было три: первыми бежали четыре девушки из пяти, принимавших участие в соревнованиях, чтобы выяснить, кто из них быстрее, после них выясняли кто быстрее десять лучших лыжников младше восемнадцати лет. По мне, так надо было сразу устроить для девушек и молодняка отдельные старты, но, видимо, организаторы хотели им дать возможность побороться в общем зачёте, что в какой-то мере оправдало

себя, так как в последней, третьей и главной гонке принимали участие двенадцать лучших спортсменов, то есть по два победителя из каждого предварительного забега, в число которых вошли Аня Никитина и два семнадцатилетних парня.

После того, как судья зачитал списки, он объявил перерыв до четырнадцати часов для восстановления сил и предложил пройти на территорию бывшего монастыря, где, как оказалось, имеется столовая. Идея мне понравилась и я пошел туда вместе со всеми. Заведение общепита, должно быть, располагалось в бывшей монастырской трапезной средневековой постройки с высокими арочными сводами. Здесь оказалось, что участникам соревнований положены бесплатные талоны на обед, которые всем и выдали, после того, как разделись. А вот судьям, организаторам и оставшимся на финал болельщикам пришлось питаться за свой счёт. Взяв щи, котлету с макаронами и компот, я уселся за пустой ещё стол и вскоре ко мне присоединилась Аня, а за ней подсели и ещё две девушки-лыжницы. Ну что за напасть! Оглянувшись по сторонам, я не увидел ни своей любовницы, ни главкомсомольца. «Вот будет номер, если Никитина тут ко мне клинья подбивает, а Тихонов где-нибудь в темном уголке Леночку жарит!» — пришла в голову неожиданная мысль, вызвавшая у меня легкую улыбку, которую Аня приняла на свой счёт и в ответ широко улыбнулась мне. С этим что-то надо делать! Она становится излишне навязчивой, а я ведь слабый человек, падкий на сладкое, могу и не устоять, да что там, если бы не опасался её очевидных матримониальных планов, уже, наверное, поборолся бы с ней в теплой постельке! Тем временем Никитина начала разговор:

А Михаил сказал, что если я на городских соревнованиях среди женщин войду в десятку, то меня возьмут на секцию боевого самбо, которую Вы ведёте.

«Только этого ещё не хватало! Ну Тихонов, ну жучара! Сразу двух зайцев убивает: с такой мотивацией Никитина жилы будет рвать, чтобы в десятку войти, а в случае успеха она будет обязана ему за допуск на занятия. Но, с другой стороны, он что, не понимает?.. Хотя да, не понимает — у него такое глупое лицо было, когда Аня с ним разговаривала, наверное, тогда она и выбила из него обещание.»

Это спорт не для женщин, там важна грубая физическая сила, а тебе, даже если изучишь приемы, толку от них будет мало, — стараясь говорить как можно корректнее, постарался я отговорить девушку, осознавая, впрочем, что шансов у меня нет.

Ха, сила у меня есть! Я вон сколько парней на лыжне обогнала! — гордо заявила Никитина, после того, как проглотила ложку супа.

В это время в столовой появился Тихонов и подошёл к столу, за которым сидели директор техникума и физрук, затем поговорив с ними пару минут, обратился к залу:

Товарищи! Прошу внимания! Есть предложение после обеда посетить расположенный здесь кинотеатр! Через полчаса начинается фильм «Всадники» про гражданскую войну. А оргкомитет согласен отложить начало финальных стартов до половины третьего, чтобы мы успели посмотреть фильм!

Со всех сторон послышались возгласы:

Здорово! Идём!

Главкомсомолец, услышав, что все согласны и возражений нет, пошел по столам собирать деньги. Дойдя до моего стола, он хмуро глянул на Аню, потом на меня, а я в ответ изобразил невинный взгляд и пожал плечами, мол, не не виноватый я, она сама! Секунду хмуро поразмыслив, он собрал с меня и девушек по пятнадцать копеек на билеты, а потом спросил:

Андрей Иванович, можете помочь нашим студентам из малоимущих? А то у них нет денег на билеты, как то не по-товарищески будет...

Я протянул ему ещё рубль и он удалился. Аня от моей фантастической щедрости, похоже, ещё больше воспылала любовью, пытаясь зажечь моё холодное сердце томными взглядами. Да и другие две девицы не сильно отстают, украдкой мечтательно поглядывая на меня. Делая вид, что не замечаю их романтического настроения, доел второе, выпил компот и направился к выходу. Там уже начали собираться пообедавшие студенты и я присоединился к кучке одноклассников, которые обсуждали предстоящий поход в кино. Как оказалось, двое уже сходили на этот фильм и, ничтоже сумняшеся, со всей молодежной экспрессией доводили до остальных особенности сюжета. Правда, по этим невразумительным тирадам, сопровождающимися энергичной жестикуляцией понять что-то было довольно сложно:

А он его так! Бух! Бум! Тыч! Но этот такой хрясь!

Да-да! А потом наши из пулемета тра-та-та! И на конях — ура-а-а!

Однако, судя по заинтересованным лицам слушателей, те представляли достаточно полную картину описываемых событий. Никитина, как и две другие девицы подошла вслед за мной и попыталась встать как можно ближе, вынудив меня задуматься о направлении бегства. Ситуацию спас подошедший Тихонов который позвал всех в кинотеатр, располагавшийся в бывшем главном соборе поруганного монастыря. Я постарался идти быстро, чтобы неугомонная Никитина оставалась сзади, но та, с невинным выражением лица, умудрилась пристроиться

рядышком. Тихонов, стоявший у входа в оскверненный большевиками храм, при нашем приближении окликнул меня и жестом предложил отойти в сторону.

Андрей Иванович, скажи честно, ты как к ней относишься? — спросил он без предисловий, кивая в сторону топчущейся в нетерпении у входа в кинотеатр девушки.

Да никак — Аня хорошая девушка — отличница, спортсменка, комсомолка... Но выдумала себе Чапаева на белом коне в моем лице и никак не отстанет.

Понятно... — он достал папиросу и, сунув в рот, попробовал прикурить, но сломав две спички отказался от этой затеи, — А я её люблю... Но как то всё не получается...

Да ладно, запастись терпением, глядишь перебесится, да ума прибавится.

Тут скорее я уже перебежусь, — хмуро пошутил он и перешёл на деловой тон, — Тут такое дело, у нас хорошее мероприятие получается — и соревнования, и коллективный просмотр революционного фильма — но надо бы ещё одну деталь добавить — будь добр, выступи с речью после просмотра фильма!

«Ну вот, надеялся как лучше, а получается как всегда!» — с лёгкой досадой подумал я, но тем не менее ответил положительно — дело-то нехитрое после стольких-то прочтений «Правды».

Тут ещё, чтобы ты знал... Это конечно не моё дело, но Елена Викторовна отпросилась с финального этапа и ушла какая-то уж очень расстроенная.

«Ну вот — ни минуты покоя! И эта что-то тоже нафантазировала»

Так ты уже в курсе?.. — спросил я, имея ввиду мои отношения с преподавательницей.

Весь техникум в курсе... Даже студенты уже знают. Вы же особо не скрывались, а Горький — город маленький.

Ну и в каком ключе всё это обсуждается?

Ну, насколько я слышал, среди преподавателей и руководства никто вас особо не осуждает — ты же не сопливый пацан.

Ладно, будем надеяться, что всё будет хорошо... Пошли, а то уже скоро начнется, — кивнул я в сторону входа, где всё также переминалась Никитина.

Заходили мы уже под начавшиеся титры при выключенном свете. «Да, ЗДЕСЬ тебе не ТАМ,» — разочарованно подумал я, оглядывая обустройство кинозала. Зрители сидели на широких, грубо сколоченных из струганых досок, лавках со спинками; пол был без уклона, а для того, чтобы экран был виден во всех рядах, его просто подняли повыше, так что зрители смотрели фильм, слегка задрвав головы. Подойдя к пустующей с правого края лавке, я галантным движением пропустил вперёд Никитину, сделав вид, что собираюсь двинуться вслед за ней, но после того, как она заняла место, дал возможность сесть Тихонову, а уж потом расположился и сам.

Содержание фильма можно описать в нескольких словах: во время гражданской войны наши врага били, били и наконец побили. Однако я особо и не вникал в перипетии простенького сюжета, более думая, что сказать в речи по завершении фильма, периодически сбиваясь на мысли о том, какая муха укусила Леночку.

Вот наконец, наши окончательно победили и Тихонов, поднявшись со скамьи громко сказал:

Товарищи, прошу не расходится, слово предоставляется товарищу Ковалёву, который выскажет своё мнение по поводу фильма! — и захлопал ладонями, подавая пример всем остальным.

Поднявшись на возвышение, которое раньше было амвоном, а теперь использовалось коммунистическими ораторами, для которых здесь была поставлена трибуна, я, подождав, пока закончатся аплодисменты, начал говорить:

Вот мы посмотрели фильм о том, как наши отцы героически отстаивали завоевания революции. Благодаря их воле и героизму наш советский народ получил возможность мирно развиваться и строить коммунизм. Однако мировая буржуазия, как все вы знаете, точит когти и мечтает разрушить наши завоевания. Красная Армия под мудрым руководством Партии и товарища Сталина в этом году достигла огромных успехов в деле защиты советского народа! — продолжить мне не дали вновь грянувшие аплодисменты и крики: «Да здравствует товарищ Сталин!» Дождавшись, когда крики и аплодисменты стихнут, я продолжил, — как вы все знаете, Красная Армия отбила поползновения подлых японских милитаристов в братской Монголии и освободила от польской оккупации западные территории Украины и Белоруссии. Однако я призываю не уповать только на мощь Красной Армии, но и каждому на своем месте с полной самоотдачей вносить вклад в дело укрепления обороноспособности нашей социалистической Родины! Вот вы все видели в просмотренном фильме, что во время гражданской войны основным средством передвижения были лошади. Но времена меняются и теперь главный транспорт для армии — это автомобили, а в скором времени и от каждого из нас, от наших знаний будет зависеть, как автомобили производятся, как они эксплуатируются, а в случае войны, выпускники техникума будут призваны именно в автомобильные подразделения. Практически мы все — первая линия резерва, которая должна быть готова в случае атаки мировой буржуазии против нашей Родины немедленно усилить Красную Армию для победы над врагом! Таким образом очень важно, чтобы каждый учился с полной самоотдачей! Но в деле защиты Родины важны не

только знания автомобилей, но и ваши здоровье, физическая и военная подготовка, поэтому каждый сознательный студент помимо занятий по физкультуре и допризывной подготовке в техникуме должен дополнительно заниматься спортом и в секциях ОСОАВИАХИМ!

Сделав паузу, я уже хотел завершить речь, как из зала раздались крики:

Да мы хотим заниматься, но нас в секцию боевого самбо не берут!

Поэтому мне пришлось уже на голой импровизации продолжить:

По поводу боевого самбо — мне известно, что желающих было больше, чем мы смогли взять в секцию. Однако я планирую, что до конца этого учебного года смогу подготовить нескольких инструкторов, которые самостоятельно смогут вести секции. Но, товарищи, туда приниматься будут только хорошо успевающие студенты, соблюдающие правила поведения в техникуме и общежитии. Да и кроме самбо есть другие виды спорта, занятия которыми также повышают силу и выносливость. На этом у меня всё, спасибо за внимание!

Зал вновь погрузился в продолжительные аплодисменты, по окончании которых народ потянулся к выходу, а я направился к ожидающему меня в сторонке Тихонову. Порядком поднадоевшей Никитиной, к моей радости, рядом с ним не было. Главкомсомалец с явным воодушевлением пожал мне руку и восторженно произнес:

Спасибо! Молодец! Так хорошо сказал! Просто здорово!

Затем мы вместе с ним, разговаривая о моих планах по расширению секции, направились на выход из бывшего монастыря, а затем и к месту лыжного старта.

Теперь, в связи с уходом Елены, закреплять номерки доверили Тихонову и было довольно забавно смотреть, как он смущается, закрепляя номерки на груди у девушек. Наибольшие проблемы у него были с грудью четвертого размера, принадлежавшей Светлане Дементьевой, которая так и норовила дотянуться этой замечательной частью своего тела до носа главкомсомальца. Отправив, наконец, девушек на дистанцию, Тихонов подошёл ко мне с таким видом, как будто разгрузил вагон с углем и тут я его ещё больше огорошил:

Михаил Сергеевич, а ты заметил, что Дементьева к тебе неровно дышит?

Кто?! Света?! — изумлённо переспросил он и посмотрел вслед удаляющейся лыжнице.

На мой взгляд, фигура у неё так себе — широковата в кости и никакого изящества, но ЗДЕСЬ это вполне конкурентоспособный типаж, а учитывая размер груди и небольшое количество девушек в техникуме, у неё должно быть немало явных поклонников и тайных воздыхателей. Повернувшись от удаляющейся девушки ко мне, Тихонов задумчиво произнес:

Как-то не замечал...

Точно тебе говорю, можешь мне поверить!

Да вообще-то, это неважно, я же Аню люблю, — не совсем уверенно поставил он точку в обсуждении симпатий Дементьевой, переводя взгляд на Никитину, которая метрах в пятнадцати от нас о чем-то оживлённо беседовала с тремя парнями- болельщиками.

Тут главкомсомальца снова позвали и он пошел закреплять номера лыжникам младшей возрастной группы. После чего вернулся и мы стали обсуждать секцию самбо, придя к выводу, что с декабря можно будет увеличить количество занятий до трёх раз в неделю, но, чтобы не увеличивать нагрузку на меня, я буду приходить на час, показывать упражнения и приемы, смотреть начало отработки для устранения ошибок, а завершать занятия будут уже без меня, под контролем Тихонова. Только мы закончили обсуждение секции, как позвали теперь уже нас обоих — близился финальный забег.

На этот раз меня поставили в первую линию и, вырвавшись со старта на тридцать метров, я прошёл дистанцию в гордом одиночестве и завершил гонку первым, однако порядком подустав — всё-таки состав участников был сильнее, чем в отборочном забеге, да и выкладывались ребята по максимуму. Никитина так вообще рухнула в снег, финишировав пятой. Дав нам отдышаться минут пять, главный судья объявил построение и произвел награждение, при этом я, как победитель главного финала, получил почетную грамоту последним.

Затем соревнования объявили законченными и мы толпой в сторону площади Сенной, чтобы разойтись оттуда по разным направлениям. Я далее пошел с обитателями общежития — надо было занести лыжи. Студенты шли по узким заснеженным улицам растянутой гурьбой, обсуждая соревнования и фильм. Настроение было у всех радужное, так как впереди был выходной день и можно было не думать об учебе. А студенты всегда и везде одинаковы — большинству главное побольше веселиться и поменьше учиться. От их веселой беззаботной болтовни моя душа наполнялась белой завистью — как хорошо жить здесь и сейчас, искренне радуясь завтрашнему воскресенью и нисколько не думая о страшном будущем, уготованном всем нам. Да и толку от моих знаний, все равно ведь я решил не вмешиваться путем предоставления информации. Одни душевные страдания. Может напиться? Я ведь так и не попробовал этот способ возврата ТУДА. А седьмого ноября я хоть и был в хорошем подпитии, но дошел своими ногами до Леночкиной квартиры, да ещё и смог что-то показать в постели. Ну а если не вернусь, так хоть душу отведу. Подумав о Болеславе — раньше ведь во многом именно из-за неё мною не производились попытки возврата — я осознал, что эмоции несколько поугасли и уже не могут быть

сдерживающим фактором. При дальнейших размышлениях я пришел к выводу, что напиваться до усачки в общежитии — не самая лучшая идея, ведь могу напустить в штаны, но при этом остаться ЗДЕСЬ. Надо подойти к этому вопросу более обдуманно. Вот с такими невеселыми мыслями я добрался до общежития, где бросил лыжи, сходил в душ, после чего посидел полчаса за справочником по двигателям внутреннего сгорания, правда, скорее для того, чтобы не терять время, пока обсыхаю. Затем оделся поприличнее и отправился к любовнице, зайдя по пути в коммерческий магазин за продуктами. Позвонив четыре раза, пришлось подождать, пока Лена соизволит открыть дверь.

Ты чего припёрся? — любовница злобно смотрела на меня красными от слез глазами, — иди к своей...

Но я не стал дожидаться уточнения направления, куда я по её мнению, должен направиться, а крепко схватив женщину, поцеловал в губы. Она попыталась оттолкнуть меня, но силы были неравны и вскоре под взглядами дружно высывавших в коридор соседей, я, подхватив за талию сдающуюся на мою милость Леночку, отвел её комнату, где она в голос разрыдалась, а я принялся ее утешать и словом и телом. Вскоре она успокоилась и стала с энтузиазмом отвечать на мои ласки, не сдерживая криков и стонов, как это всегда делала раньше. Но мерзопакостные соседи не дали нам разгуляться, начав стучать в дверь и требуя прекратить безобразие.

На следующий день, я покинул заезженную любовницу только в половине второго, вместо обеда выпив чаю с баранками, так как измотанная женщина не имела сил не то что обед приготовить — она даже встать с кровати не могла. Я тоже, честно говоря, передвигался только за счёт мобилизации силы воли, и если бы не необходимость явиться на секцию, так бы и не вылезал из кровати. Да после лыжного финала мне было намного легче! Добредя до общежития, я взял спортивную форму и отправился в техникум под раздумья о пользе воздержания. Несмотря на усталость, на тренировке пришлось выкладываться по полной — контингент ведь совсем необучен, глаз да глаз нужен. Однако, сразу после окончания занятий уйти не получилось, так как Тихонов попросил меня задержаться, чтобы продиктовать ему речь, произнесенную мной после киносеанса. На вопрос, зачем ему это надо? Главкомсомолец ответил:

Хочу в стенгазете разместить и в «Горьковского комсомольца» отнести — вдруг напечатают?

Пришлось задержаться и, напрягая память, а местами и фантазию, воспроизвести моё вчерашнее произведение ораторского искусства. В спокойной обстановке пустого спортзала, изложенная на бумаге речь получилась ещё более яркой и мотивирующей. По завершении совместного творческого процесса, я попрощался с товарищем и, едва переставляя ноги, все же дошел до Кремля, а затем погулял по заснеженной Советской площади, разглядывая отдыхающих горожан и размышляя о парадоксальности бытия.

В понедельник, как всегда, первым уроком была литература, преподавательницу которой хотя и переполняло прекрасное настроение, тем не менее та большую часть провела сидя за столом — видимо не отошла ещё от воскресного переутомления. А на перемене ко мне подошёл Дроздов и сообщил, что про меня напечатали в газете. Мы вместе спустились в холл, где были стенды с газетами, но подойти не смогли, так как там плотной стеной стояло не менее сотни студентов, страдающих приобщиться к печатной мудрости. Комсорг предложил зайти в библиотеку, но я махнул рукой:

Никуда газета не убежит, позже прочитаю! Пошли, скоро следующее занятие начнется!

Товарищ согласился со мной и мы пошли в кабинет математики. А после третьего урока он принес газету в кабинет и протянул мне со словами:

Тихонов передал специально для тебя!

Я поблагодарил его и сел за парту, приступив к чтению. Вокруг меня немедленно собралась большая часть одноклассников, которые также хотели ознакомиться со статьей, которую искать долго не пришлось. Первая полоса начиналась с моей фотографии (той же что и на доске почета) а ниже под заголовком «ПЕРВАЯ ЛИНИЯ РЕЗЕРВА» шла сама статья, которую я решил прочитать вслух, чтобы слышали все желающие:

«В субботу, 18 ноября в Автотранспортном техникуме прошли соревнования по лыжам, организованные комитетом комсомола. Между отборочными и финальными забегами был организован просмотр участниками соревнований художественного фильма о героях Гражданской войны «Всадники». По окончании киносеанса с речью выступил один из лучших студентов техникума, победитель соревнований по стрельбе между учебными заведениями города, общественный тренер секции боевого самбо, орденносец Ковалев Андрей Иванович, который впоследствии стал и победителем лыжного финала»... Далее шла моя речь в том виде, как мы записали вместе с Тихоновым.

Ну что же, круто! Вот только бы ещё знать, какие будут последствия?

Закончив читать, я поднял голову и осмотрел окружающих меня студентов.

Вот товарищи, и городская газета заинтересовалась нашими соревнованиями, а что отсюда следует? Надо показать, что мы достойны этого внимания, то есть ещё с большей ответственностью подходить к учебе и усилить спортивную подготовку! — Вот Остапа понесло! Так вообще можно разучиться говорить нормально!

Отучившись в понедельник шесть часов я ещё на четыре часа засел в библиотеку, после чего отправился в

общежитие, решив в оставшийся вечер спокойно поваляться на своей кровати и нормально выспаться. А во вторник, однозначно истолковав зовущие взгляды Леночки, повстречавшейся мне в столовой, завалился к ней в пять вечера и провёл на скрипучей кровати три чудесных и потных часа. Покидая любовницу, в коридоре коммуналки я наткнулся на мальчика лет не более восьми. Протянув мне ту газету, с моей речью и портретом, этот маленький засранец, невзначай меня спросил:

Дядь, а дядь, а правда это Вы в газете?

Спорить тут было не с чем и я подтвердил:

Да, мой юный друг, это я!

Дядь, а дядь! А Вы правда нашу тётю Лену едете?

В это время на кухне раздался раскатистый смех, издаваемый несколькими глотками. Нда, попал в засаду, ну что же, будем пробиваться! Сев на корточки, я спросил засранца:

Тебя как зовут, мой юный друг?

Егоркой кличут!

Нет, ты уж мне полностью, по имени отчеству

назовись!

Егор Лукич, — как то задумчиво ответил пацан, видимо, начиная подозревать, что веселой шутки может не получиться.

Ну так вот, дорогой мой Егор Лукич, скажи мне, что ты сам по этому поводу думаешь?

Так едете Вы её, вся квартира знает! — выпалил засранец, снова повеселев. На кухне опять раздалась смешки.

А зачем же ты спрашиваешь, раз у тебя есть устоявшееся мнение?

Так просто... — хлопая глазами, задумчиво протянул мелкий гавнюк.

Ну как просто? Ты пытаешься вести себя как взрослый, подходишь к уважаемому человеку, чей портрет в газете напечатан, по имени-отчеству называешься, вопросы задаешь об отношениях взрослых людей, а потом оказывается: «Просто!»? — произнес я обличительную речь постепенно все больше и больше добавляя жути и металла в голос.

Ой, — мальчик опустил голову и я увидел, как у него под ногами образуется лужа. Постояв ещё пару секунд, засранец захныкал.

Нда, кажется я переборщил с жутью-то, уж очень у меня искренне получилось. Тут из кухни выскочила женщина неопределенного возраста, одетая в застиранной грязно-серый халат и бросилась к ребенку:

Что он сделал?! Он тебя ударил?!

Да я его пальцем не тронул, просто вежливо поговорил!

Так вежливо, что он описался и плачет?! Да я на тебя жалобу напишу! В горком пойду! Ходит здесь, детей пугает!

Вы бы гражданочка, лучше за ребенком следили, а то он у вас в детсадовском возрасте шибко много матерных слов знает, с которыми к прохожим пристаёт, за такие дела можно и родительских прав лишиться, а его в детдом заберут, там-то его по нормальному смогут воспитать! — добавив в голос угрожающего давления, насел я на нее, ведь лучшая защита — это нападение.

Увидев, что мои слова возымели нужный мне эффект, я направился к выходу и на прощанье грозно сказал:

Вот если ещё раз будет замечено, что вы не исполняете своих родительских обязанностей, то будем разговаривать в другом месте.

Закрыв за собой дверь, я нервно выдохнул. Вот будет задница, если она и впрямь пойдет жаловаться! Мать ведь защищая ребенка, горы может свернуть. Ну да ладно, будем пока надеяться на лучшее.

На следующий день я пришел в техникум пораньше и перехватил Леночку по пути в кабинет.

Ну как там? — начал я с вопроса о главном.

Да всё нормально, все успокоились, вежливые стали, аж до смешного, — с некоторым весельем в голосе ответила любовница.

Вот и ладненько, сегодня у меня тренировка, а завтра заскочу! — пообещал я и отошёл в сторону под любопытными взглядами скопившихся в коридоре студентов.

В эту среду учебный день у меня прошел как обычно, а вечером на тренировку заявили незапланированные гости. Увидев в спортзале двух незнакомых мужчин и девушку в полувоенной форме я поинтересовался у них:

Здравствуйте, позвольте узнать, кто Вы и по какому вопросу?

Тридцатилетний мужчина с лёгкой сединой в черных волосах и хмурым взглядом протянул мне документ в красной обложке и представился:

Третий секретарь горкома комсомола, Белов Федор Пахомович, а это товарищи из отдела развития физкультуры и спорта: Кошкин Пётр Матвеевич, — широкоплечий русоволосый парень протянул мне ладонь для рукопожатия и Большакова Елизавета Андреевна, она у нас за развитие женского спорта отвечает, — стройная

молодая женщина в черной кожаной куртке и синих командирских галифе обозначила приветствие кивком.

«Ей только Маузера на пояс не хватает,» — с иронией подумал я, разглядывая спортсменку-комсомолку.

Ковалев Андрей Иванович, как Вы, наверное, уже догадались, — несколько запоздало представился и я, — А по какому поводу?

Нам хотелось бы поприсутствовать на тренировке, — пояснил Белов и, отдавая дань вежливости, уточнил, — Вы ведь не будете против?

Я только за! — постарался я улыбнуться как можно искреннее, подумав: «Вот и первые последствия статьи, пока, правда, непонятно — хорошие или плохие?» — и радушным жестом указал на скамью около стены, — Располагайтесь, но предупреждаю, что это только третья тренировка, и ничего интересного Вы здесь не увидите.

В это время в спортзале появился Тихонов, который, увидев делегацию, подошёл к нам, и поздоровавшись, обратился к Белову по имени-отчеству. Тот, ответив на приветствие, продолжил говорить со мной:

Это даже хорошо, значит посмотрим самые азы! — и, в сопровождении коллег и Тихонова направился с скамье.

А я, подождав ещё пять минут, пока подтянутся опаздывающие студенты, приступил к занятиям, стараясь не обращать внимания на гостей.

По окончании тренировки, когда все студенты, за исключением Тихонова, покинули спортзал, Белов вновь подошёл ко мне:

Вы были правы, Андрей Иванович, интересного мы мало чего увидели.

Я же говорил, на первых занятиях главное — это подготовить спортсмена к последующим нагрузкам. Да и позже тренировки по самбо — это довольно скучное зрелище, ведь за одно занятие разучивается не более двух-трёх приемов путем их многократного повторения.

А как же тренировочные схватки, соревнования? — подал голос Кошкин.

Я думаю, что к соревнованиям можно допускать самбистов, занимающихся не менее года, но там ведь значительную часть приемов применять нельзя, поэтому отработка приемов до автоматизма путем многократного повторения это основной способ формирования навыков самообороны.

А покажите, что нельзя использовать в соревнованиях? — поинтересовался все тот же Кошкин.

Возьмите меня за куртку в области груди! — пошел я ему навстречу.

Комсомолец, как будто только этого и ждал, сразу крепко ухватив меня правой рукой и весь напряжился, видимо, ожидая от меня какого-либо силового приема. Однако я не стал показывать ничего зрелищного — просто накрыл его кисть своей ладонью и сжав его большой палец, аккуратным движением оторвал его руку от своей груди и вынудил Кошкина опуститься на колени.

Вот простейший пример, — пояснил я, не обращая на вытаращенные от боли глаза комсомольца, — прием очень эффективный, но его не то что в соревнованиях применять, его отрабатывать надо с очень большой осторожностью из-за высокой травмоопасности.

Отпущенный Кошкин вскочил и принялся растирать палец под удивлёнными взглядами коллег-комсомольцев — при наблюдении за этим приёмом со стороны невозможно понять, почему крепкий здоровый парень вдруг со страдальческим лицом падает на колени.

Белов, задумчиво помолчав с полминуты, продолжил разговор новой просьбой:

А не могли бы Вы ещё нам показать что-нибудь?

Ещё приемов? Да пожалуйста! Так как гости были одеты не для спортивных занятий, я подозвал Тихонова, который все так же стоял рядом и изобразил на нем два десятка приёмов, которые можно было показать без убранных после тренировки борцовского ковра. По завершении демонстрации Большакова восхищённо спросила:

Это где же такому учат?

Военная тайна! — строгим голосом пресёк я на корню ненужные мне расспросы.

Женщина понимающе кивнула и перешла на другую тему:

А девушек этому можно научить?

Вообще можно, но есть своя специфика — надо делать упор не на силовую технику, как мужчинам, а на различные хитрости и точные удары в болевые точки.

Большакова вновь кивнула, дав понять, что мой ответ её полностью удовлетворил, а Белов перешёл, наконец, к делу:

Мы, собственно, вот по какому вопросу: после статьи про Вас, к нам обратилось более двух десятков комсомольских организаций города с просьбой оказать содействие в организации занятий боевым самбо и горком комсомола желал бы поддержать их энтузиазм, но у нас совсем нет тренеров и инструкторов.

Как это нет? — удивился я, — Насколько я знаю, в клубе железнодорожников есть секция самбо!

Есть, — согласился собеседник, — но это скорее клуб, участники которого ранее изучали джиу-джитсу по книгам, а с прошлого года стали называться секцией самбо, но уровень их умений, так и остался на весьма

невысоком уровне.

Понятно! — кивнул я и задумался. Вот же незадача! Впрягся в маленькую тележку, а теперь к ней сзади ещё целый воз хотят прицепить! Но, с другой стороны, отшить горком комсомола может обойтись себе дороже. Прикинув разные варианты, я предложил выход из этой ситуации:

Давайте сделаем так: по средам к восьми вечера, когда я закончу тренировку со студентами, пусть подходит человек двадцать желающих из той секции самбо, всё-равно у них кое-какая подготовка есть, я с ними буду заниматься в течении часа, потом они самостоятельно у себя в клубе будут закреплять усвоенные знания. Так за пару месяцев мы получим подготовленных инструкторов, которые уже смогут обучать начинающих спортсменов, параллельно продолжая под моим руководством повышать свою квалификацию. Однако, прошу Вас обратить внимание на тщательный отбор при допуске к занятиям, так как самбист голыми руками может покалечить двух-трёх человек.

Белов уже открыл было рот, чтобы ответить на моё предложение, но тут влезла Большакова:

Нам надо ещё подумать, что делать с девушками, желающими заниматься самбо! Вы же сказали, их надо обучать отдельно?

А девушки... — эх, вот я нагрузился по самое не хочу! — Девушки пусть приходят в воскресенье к часу, только отберите два десятка таких, что уже имеют хоть какую-то спортивную подготовку, скажем, не ниже значка ГТО, я также буду с ними заниматься в течении часа, а Вы сами организуете для них ещё два занятия в неделю для закрепления.

На этот раз все были согласны и мы распрощались. Когда гости ушли, мне стоило огромных усилий сдержаться и не высказать Тихонову всё, что я думаю о его журналистских талантах, благодаря которым, я стал настолько популярным, что скоро на трах и сон времени хватать не будет. Но смолчал, осознавая собственную недалёковидность, проявленную, когда сначала произнес слишком эффектную речь, а потом и сам помог главкомсомольцу эту речь записать. Да и про свои познания в боевом самбо надо было изначально молчать. Язык мой — враг мой!

Так что, попрощавшись с Тихоновым, я в печальном настроении направился в общежитие, раздумывая о том, что я ещё совсем плохо адаптировался ЗДЕСЬ и надо было бы сидеть ниже травы, тише воды. Но сейчас тут так одно за одно цепляется, что и не спрячешься никуда. Отсюда вывод: во-первых всё-таки надо напиться и попробовать вернуться, а если не получится, то ни в коем случае не побеждать на городских соревнованиях по лыжам, а то от всех побед только головная боль прибавляется.

В четверг, как и обещал, я посетил Леночку с большим удовольствием проведя там три вечерних часа. При этом соседей вообще было не слышно и не видно. Пятницу я полностью посвятил учебе, помня о необходимости сдать экзамены экстерном за два года. В субботу, по уже устоявшейся привычке, остался у любовницы на ночь, но на этот раз мы оба вели себя осмотрительно, чтобы не переутомиться.

В воскресенье, придя на занятие с женской группой к часу дня, встретил там Никитину и Дементьеву, насчёт которых со мной договорился Тихонов ещё в пятницу, и Большакову, которая тоже решила заниматься боевым самбо. Кроме этих трёх моих знакомых было ещё девятнадцать горящих энтузиазмом молодых спортсменов. Проведя короткую разминку, я показал девушкам несколько упражнений на гибкость и для развития нужных мышц, затем мы поработали над обучением правильному падению из различных положений, после чего я их распустил, напомнив, что за неделю они должны провести две тренировки. Большакова заверила меня, что все под контролем и тренировки будут проходить под её чутким руководством.

Так, в трудах и заботах, среди которых единственной радостью были недолгие часы, проводимые мною у Леночки, настало тридцатое ноября, когда в начале занятия по математике взял слово наш комсорг Дроздов сообщивший следующее:

Товарищи! Сегодня по радио было передано сообщение Советского Правительства о том, что Рабоче-крестьянская Красная армия перешла границу буржуазной Финляндии для оказания помощи пролетариату этой страны в свержении гнёта капиталистов! Сегодня, в два часа у техникума по этому поводу состоится митинг.

После этого сообщения, разумеется, было уже не до учебы — студенты, не обращая внимания на преподавателя, шептались между собой о начавшейся войне с полной уверенностью, что не пройдет и недели, как наша армия будет в Хельсинки. На перемене Дроздов подошёл ко мне и ожидаемо сообщил, что я обязан выступить на митинге и я, так же ожидаемо согласился.

К назначенному времени все студенты и преподаватели вышли на пятнадцатиградусный мороз последнего ноябрьского дня и за полчаса провели коммуно-патриотический митинг с одинаковыми, как под копирку, ярко-оптимистическими речами и бравурными лозунгами. Я выступил четвёртым и, стараясь не выделяться на фоне предыдущих ораторов, высказал всеобщую поддержку, уверенность в победе и необходимость крепить единство рядов.

В последующие дни каких-либо запоминающихся событий в моей жизни не происходило до девятого декабря,

когда был проведен первый тур городских лыжных соревнований. В нашей команде под руководством физрука и Тихонова было четыре спортсмена: ваш покорный слуга, Василий Захаров, занявший второе место на чемпионате техникума и две девушки — Никитина и Дементьева. К нам присоединилась также небольшая группа поддержки, в которую вошла и Леночка, без какого-либо стеснения занявшая рядом со мной место в автобусе. За последнюю неделю она ещё больше изменилась: похорошела, стала увереннее в себе и ещё ласковее в постели, перестала скрывать наши отношения в техникуме, обедая в столовой со мной за одним столом и открыто общаясь на переменах. Эти изменения и радовали и напрягали — а вдруг она вбила себе в голову, что я могу на ней жениться? Вот и сейчас, прижимаясь ко мне упругим бедром, женщина болтала всякую чушь про своих соседей по коммуналке и этажу, а когда автобус подбрасывало на колдобинах, наваливалась на меня всем телом, чмокала в губы и залиvisto смеялась, показывая всем своим видом, как она счастлива. Никитина, сидевшая через проход, при этом старательно изображала безразличие.

В течении часа автобус доставил нас на лыжную трассу, расположенную за городом в лесистой местности, где все и выгрузились. Я немного прошёлся по трассе, проверив, как действует моя доморощенная лыжная смазка и остался доволен результатом. Вскоре вернулись уходившие на регистрацию физрук и Тихонов, сообщившие, кому какой достался забег и мы вернулись в автобус, чтобы не стоять на морозе. К этому времени запасы Леночкиных историй иссякли и Тихонов, занимавший впереди стоящее сиденье, втянул меня в беседу о войне с белофиннами. В газетах и по радио сообщений было крайне мало, только короткие оперативные сводки одинакового содержания: «За минувшие сутки наши войска продолжали продвижение вперёд» к этому сообщению прилагалось название нескольких занятых деревушек, так что ситуация в зоне боевых действий была совершенно непонятна. Главкомсомолец посетовав, что информации о боях нет никакой, сообщил мне, что почти сотня студентов старших курсов ходили в военкомат и просились добровольцами на финский фронт, но их оттуда выгнали почти без разговоров.

Правильно! — одобрил я действия военных, — во-первых на фронте нужны подготовленные солдаты, а пока эти олухи пройдут хотя бы минимальную подготовку, бои уже закончатся, во-вторых, это малозначительный конфликт для победы в котором у Армии достаточно сил и без студентов-недоучек, нам же надо заниматься учебой, чтобы развивать промышленность и транспорт, а в случае втягивания мировой буржуазией нашей страны в более масштабный конфликт, мы должны пойти защищать Родину, имея очень нужную в войсках специальность.

Как ты хорошо сказал! — Тихонов достал блокнот и стал записывать мои слова, — Я это в стенгазете опубликую!

Вот же досада! Слова лишнего сказать нельзя, чтоб в газету не попасть! После этого я уже старался говорить поменьше, более слушая Тихонова, углубившегося в разглагольствования по поводу успеваемости, драки в общежитии — здесь я посоветовал взять драчунов на заметку и, если по итогам разбирательства их не отчислят, то ни в коем случае не допускать в будущем к занятиям самбо. Далее мы закономерно перешли к обсуждению секции и сошлись во мнении, что надо бы пару лучших студентов допустить к тренировкам инструкторов, чтобы подготовить мне помощников. Постепенно подошло время моего отборочного забега, в котором я занял первое место, как и планировал. Финальные забеги у мужчин и женщин были запланированы на утро воскресенья, поэтому наш автобус вскоре отправился по обратному маршруту, везя пассажиров, не слишком довольных результатами первого дня, так как из всей команды только я прошёл в финальную часть соревнований. По обратному пути мы с Леночкой вышли вместе и пошли к ней домой. Я решил не заходить в общежитие и идти сразу к любовнице и завтра от неё вместе отправиться на соревнования.

* * *

Следующим утром я, выспавшийся, обласканный и накормленный, уселся вместе Леночкой в автобус, чтобы ехать на финал. Из вчерашней компании отсутствовали лишь проигравшие вчера Захаров и Никитина, а вот Дементьева, перешедшая в разряд болельщиков, заняла место рядом с Тихоновым и о чем-то беззаботно щебетала всю дорогу.

После прибытия на трассу, ждать начала финального забега пришлось совсем недолго, поэтому уже через пятнадцать минут я стартовал в середине толпы из двадцати четырех спортсменов. Попрыгав с лыжни на лыжню, к исходу первой половины пятикилометровой трассы я выбился в лидирующую группу, в составе которой вскоре и финишировал на пятом месте. Сделав вид, что я едва стою на ногах из-за усталости, пояснил разочарованным моим результатом Тихонову и физруку, что соперники попались «уж очень сильные» и вернулся в автобус, чтобы отправиться назад.

На следующей неделе я, наконец смог снять на месяц однокомнатную квартиру в частном двухэтажном деревянном доме. Фактически это жилище было мне нужно на пару дней, но найти подходящий вариант на меньший срок оказалось невозможно. Предупредив любовницу, чтобы не ждала меня в субботу, я заперся в квартире с четырьмя бутылками водки и постарался как можно больше выпить этой отравы до тех пор пока не отключусь, концентрируясь на желании вернуться в две тысячи восемнадцатый год. Однако, придя в себя на

следующий день, я обнаружил, что лежу все в той же квартире, а за окном не видно никаких признаков светлого будущего. Очевидно, попытка возврата не увенчалась успехом. С силой протолкнув в себя пятьдесят лечебных граммов, я сменил своё заблеванное и обоссанное шмотье на предусмотрительно запасенную одежду и завалился на кровать, чтобы хоть немного прийти в себя перед воскресной тренировкой. Немного отлежавшись, я все таки добрал до техникума и кое-как провел две тренировки. Всю следующую неделю я пытался бороться с тоской, навалившейся на меня с невероятной тяжестью в результате неудачи возврата. Ведь в глубине души я всё время надеялся, что окружающая меня мрачная действительность сталинского социализма — это не навсегда, что есть возможность вернуться, при этом понимая, что велика вероятность отрицательного результата. Отчасти потому так долго и откладывал эксперимент, предпочитая жить с призрачной надеждой, чем смотреть в глаза реальности. Сейчас же иллюзии рухнули окончательно, что и вогнало меня в продолжительную депрессию. Теперь даже Леночка стала раздражать настолько, что я прекратил её посещения, отговариваясь при встречах в техникуме плохим самочувствием.

Двадцать седьмого декабря после третьего урока, меня нашла секретарша директора и сунула мне для ознакомления телефонограмму: «27.12.1939 к 14 часам Ковалёву Андрею Ивановичу надлежит явиться в кабинет 214 Управления НКВД». Расписавшись, я посмотрел на часы — время ещё есть — посижу на двух уроках, пообедаю в столовой, а потом можно и идти. После следующего занятия, найдя Тихонова, предупредил его, что меня вызывают в НКВД и если не успею на тренировку, чтобы занимались самостоятельно. Ещё через час пообедав, направился в знакомое мне здание. Прибыв на двадцать минут раньше назначенного мне времени, я получил заказанный для меня пропуск, подождал четверть часа на скамье в холле и поднялся в кабинет к Куропаткину. Тот, увидев меня, поздоровался, указал жестом на стул и, положив перед собой на стол сцепленные в замок ладони, немедля перешёл к делу:

Как Вы, товарищ Ковалёв, наверняка знаете, в настоящее время Красная Армия ведёт боевые действия против белофиннов. Так вот, в наше управление поступил приказ о направлении в пограничные войска НКВД для охраны тыла бойцов и сержантов с хорошей лыжной и стрелковой подготовкой из числа проходящих службу или первой очереди резерва. А Вы Андрей Иванович, как раз к таким и относитесь, отличились на соревнованиях по лыжам и стрельбе, имеете боевой опыт, хоть и не в составе Красной Армии, но в отличие от большинства остальных бойцов, которые будут направлены вместе с Вами, это серьёзное преимущество. Вопросы есть? — «Вот засада! Что называется, не думал, не гадал он...никак не ожидал он...», — подумалось мне с меланхоличной обречённостью после слов капитана госбезопасности, но всё же я спросил, хватаясь за последнюю соломинку:

Есть! А как насчёт соблюдения режима секретности?

А что с секретностью? Соблюдайте! Там на фронте и кроме Вас секретносителей полно, так что это не повод отсиживаться в тылу во время войны. Вот, ознакомьтесь с инструкцией и распишитесь.

Взяв отпечатанный на машинке текст, я углубился в чтение оригинального документа. В частности, мне под угрозой трибунала запрещалось сдаваться в плен, сообщать сослуживцам и командирам о своем польском происхождении и любых обстоятельствах получения мною награды. Подписав, я вернул Куропаткину бумагу, которую он сунул в папку, а мне дал три других — повестку на тридцатое декабря к восьми утра («Хорошо, хоть не на завтра!»), предписание об отзыве из резерва и ордер на получение вещевого довольствия и оружия. Далее, он объяснил, как найти склады тыловой службы и выпроводил меня из кабинета. По пути за обмундированием, я нещадно ругал свою тупость, из-за которой в очередной раз вляпался в дерьмо: «Ишь, товарищ орденосец, как под звуки медных труб тебя от гордости расперло, — и по стрельбе чемпион города, и по лыжам чемпион техникума, и в газете фотография, и девки за тобой бегают, так что в ознаменование Ваших успехов получите повестку и распишитесь. Теперь Вы сами будете бегать. За финскими диверсантами. Или от них. Индюк надутый!». Дойдя до склада, я получил у работавшего на выдаче старшины все что мне причитается. Особенно «порадовало» меня зимнее обмундирование — шинель с разговорами, будёновка, тонкие матерчатые перчатки и обычные яловые сапоги. «В этом меня посылают воевать в сорокоградусные морозы! Суки!» — мысленно ругнул я начальство, решив, что придется потратить собственные средства. Закончив с униформой, я спросил у старшины про то, с кем можно поговорить по поводу оружия?

Оружие вам будут тридцатого выдавать, перед отправкой.

Я знаю, но я снайпер, хотелось бы этот вопрос заранее обсудить

А, так иди к капитану Ларионову! Дальше по коридору, кабинет один дробь восемь.

Поблагодарив старшину, я закинул на спину увязанное в тюк обмундирование и проследовал к указанному кабинету, в который вошёл, предварительно постучав. В тесном помещении буквой Г стояли три массивных письменных стола, за которыми сидели один капитан войск НКВД и два молодых лейтенанта, погруженные в работу с документами. Войдя, я несколько запоздало произнес уставную фразу:

Разрешите войти? — и представился, — Отделенный командир Ковалев!

Ближайший ко мне командир поднял голову и, осмотрев меня, спросил:

Вы к кому? И почему в гражданском?

К капитану Ларионову! Только сегодня получил предписание об отзыве из резерва в связи с направлением в Финляндию.

И что от меня нужно? — спросил капитан, — Оружие будет выдано утром тридцатого числа...

Я снайпер, хотелось бы узнать заранее о том, какое оружие планируется для меня.

Снайпер? — он нахмурился и стал листать бумаги, лежащие у него на столе, потом пробежав глазами найденный лист, продолжил, — здесь ничего не написано, Вам полагается обычная самозарядная винтовка.

Я чемпион города по стрельбе и обучен стрельбе из снайперской винтовки.

Капитан ещё раз задумчиво полистал бумаги, потом сделал себе пометку и ответил:

Уточню этот вопрос, если подтвердится, то получите.

Только, пожалуйста, не надо самозарядку, мне бы «мосинку» с хорошей кучностью. Привык я.

Тот, усмехнувшись, ещё что-то записал и произнес:

Будет тебе «мосинка», этого добра у нас навалом!

Получив нужный мне ответ, я удалился, направившись в общежитие.

Там я сообщил пацанам, что скоро отбываю на финскую войну и под их восторженно-завистливыми взглядами пришёл зелёные петлицы с красными треугольниками к гимнастёрке и шинели. Посмотрев на часы, я понял, что успеваю ещё и поужинать перед тренировкой, для чего отправился в расположенное поблизости кафе. Кормили здесь в целом неплохо, но меня раздражало, что зале постоянно накурено, а вечером ещё и полно пьяных, так там подавали алкоголь (в основном водку). Оставив пальто в гардеробе, я вошёл в зал и сел за свободный столик, высматривая официантку, которая, впрочем, не заставила долго себя ждать.

Здравствуйте, Андрей Иванович, что будете кушать? — я ведь здесь никогда никому не говорил, как меня зовут, но после пятого посещения все работники уже обращались ко мне исключительно по имени-отчеству.

Ваш фирменный бифштекс, если есть, конечно, с жареной картошкой и морс.

Для Вас, Андрей Иванович, у нас всегда есть всё, что пожелаете! — двусмысленно ответила тридцатипятилетняя женщина и удалилась, многообещающе покачивая полными бедрами.

Мда, похоже, здесь знают не только моё имя, но и про то, что мне нравятся женщины за тридцать.

Тут ко мне за стол плюхнулся пьяный мужик в потрёпанной одежде с ополовиненной бутылкой и стаканом в руках.

Товарищ, давайте выпьем за победу!

«Ну вот, начинается весёлый вечер! Хотя нет, это лишь логичное продолжение сегодняшнего дня!» — подумалось мне при виде пропитой хари.

Не буду я с тобой пить, вали давай, откуда пришел! — ответил я ему как можно спокойнее и даже улыбнулся по доброму.

Но помятого гражданина такой ответ не удовлетворил:

Почему это?! Не уважаешь, да?! Орден получил, так сразу зазнался, да?! С рабочим человеком выпить брезгуешь, да!? — выражая своё негодование он вскочил, упёршись руками в стол и встал, громогласно обличая меня в неуважении к пролетариату, — или ты за победу пить не хочешь?

Вступать с ним в словесные баталии не было никакого желания, поэтому я коротко ответил:

Пшел вон! Мразь!

Собеседник подобного обращения не стерпел и со злобным воем схватил меня за грудки. Экий молодец! Возблагодарив небеса за возможность выпустить пар, я, не вставая со стула, левой прижал его руки к столешнице, а правой коротко ударил в челюсть, отправив паскудника в нокаут. После этих моих недружественных действий, зал погрузился в тишину и только из угла раздался истерический женский крик:

Убили-и-и!

Дабы не давать злопыхателям почву для вредных фантазий, я поднялся из-за стола и полил на голову пьяницы водкой из его же бутылки. Казавшееся трупом тело немедленно село на полу и стало мотать головой, отфыркиваясь и хлопая глазами. Тем временем из дальнего угла приблизились четверо собутыльников этого персонажа с явно недружелюбными планами по отношению ко мне. Дав первому из подошедших пьяных мужиков возможность проявить свои агрессивные намерения, я ушел в сторону от неуклюжего замаха, а затем одного за другим нокаутировал троих нападавших экономными ударами. Четвертый оказался самым умным и, успев отскочить назад, примирительно поднял открытые ладони на уровень груди:

Не надо, извиняюсь, я не того...

Ну раз не того, тогда вали отсюда! — рявкнул я на умника, и тот, благоразумно пятясь задом, удалился за стол, на котором ещё оставалось достаточно выпивки и закуски.

При всей моей аккуратности, разлетающиеся тела всё же испортили ужин некоторым посетителям, разметав и разбив тарелки с едой на столах поблизости. Под возмущенные крики публики, я подошёл к скромно стоящим в

стороне официанткам, и махнув рукой в сторону побоища, произнес:

Вы видели, они первые напали! — женщины хором кивнули, — Вот, возьмите, — я протянул той, что принимала у меня заказ, купюру в двадцать пять рублей, — Надеюсь, будет достаточно для возмещения ущерба?

Официантка взяла деньги и снова кивнула:

Конечно! Красиво Вы их, а то совсем обнаглели! Садитесь за стол, скоро Ваш заказ будет готов!

Нет уж, милые гражданки! Что-то шумно тут у вас сегодня, да и времени совсем нет — дела! Так что пойду я, до свидания!

Попрощавшись с официантками, я оделся и покинул негостеприимное кафе, направившись на тренировку. После лёгкой, практически разминочной потасовки настроение заметно улучшилось и я принялся составлять планы на ближайшие два дня, чтобы всё успеть. Вспомнив о необходимости приобретения маскировочного халата (среди выданного мне обмундирования его не было и совершенно неизвестно, удастся ли получить его по прибытии на место службы) Я посмотрел на часы и решил, что благодаря отказу от ужина, успеваю зайти к портнихе, которая мне шила самбистскую куртку. Ускорив шаг, я свернул на улицу Карла Либкнехта и вскоре добрался до нужного адреса. Там я пробыл около десяти минут, объясняя, что мне нужно, заплатил аванс и почти бегом направился к техникуму. Опоздав на пять минут, при входе в спортзал я увидел, что Тихонов, как мы и договаривались, уже начал тренировку. Дав команду начинающим самбистам остановиться и построиться, я произнес небольшую речь:

Как вы, наверное, знаете, сегодня меня вызывали в НКВД. Там мне было вручено предписание об отзыве меня из резерва для направления в зону боевых действий в Финляндии. Поэтому в ближайшие один-два месяца вам придется заниматься самостоятельно. Прошу заниматься со всей самоотдачей, отрабатывать пройденные приемы до автоматизма и работать над развитием силы и выносливости. Руководство тренировочным процессом возлагается на товарища Тихонова. Сегодня я покажу вам максимальное количество приёмов, чтобы вы их разучивали в моё отсутствие.

Услышав новость, студенты восторженно загалдели. Вот идиоты! Нашли чему завидовать! Но я не дал им пообсуждать нечаянно свалившуюся на меня радость:

Отставить разговорчики! Занимаемся максимально интенсивно и внимательно! Направо! Бегом марш!

Далее, сократив разминку до десяти минут, я разделил группу на две части и стал показывать спортсменам занимавшимся на ковре приемы с бросковой техникой, а тем кто работал на полу — блоки и ударные техники. Таким образом, разучив шесть приемов на ковре и семь на полу, в сумме получилось тринадцать приемов — с учетом ранее изученных восемнадцати вполне достаточное количество для занятий на ближайшие три месяца.

По окончании тренировки я их снова построил и сказал:

Сейчас вам известны практически все основные приемы боевого самбо, в дальнейшем вам необходимо оттачивать навыки и отрабатывать их до автоматизма. Распустив студентов, я принялся за будущих инструкторов, которым также сообщил о своем убытии на войну, и провёл интенсивную тренировку, удливив её до полутора часов, после чего сказал:

Таким образом, товарищи, за три занятия мы смогли изучить тридцать два основных приема, которые в совокупности образуют цельную систему современного рукопашного боя. Разумеется, существует ещё множество приемов, но ни один человек не в состоянии отработать до совершенства их все. Хороший боец должен идеально владеть десятком приемов и порядка двадцати знать хорошо. Запомните, что победа в схватке зачастую определяется не количеством изученных приемов, а качеством владения одним-двумя. Поэтому, хорошо наработав все то, что мы с вами изучили, через пару месяцев вы уже сможете самостоятельно вести секции боевого самбо, но прошу не забывать о необходимости не только изучать приемы, но и развивать общую физическую подготовку и выносливость. На этом у меня всё, можете расходиться!

Однако будущие самбисты не спешили идти по домам, а подошли ко мне и каждый из них пожал мне руку с пожеланиями удачи и скорого возвращения. Эти хоть не завидуют, но оно и понятно, всё-таки здесь народ постарше, поопытнее, а по городу уже идут слухи о серьёзных проблемах в Финляндии.

На следующий день, придя в техникум, в фойе я встретил Леночку, которая, похоже, ждала именно меня. Женщина, не обращая внимания на столпившихся зевак, подошла ко мне вплотную и с болью в заплаканные глаза спросила:

Это правда? Тебя забирают?

Правда, но не забирают, а отзывают из резерва. И не надо плакать, всё будет хорошо!

Взяв Лену за руку, я дошел с ней до кабинета литературы, по пути утешая расстроенную любовницу. Блин, кто бы меня утешил! Пообещав зайти к ней вечером, я оставил её в кабинете и направился к директору техникума. Однако его ещё не было на месте и я направился на занятия. Все одноклассники уже знали новость о моём скором отбытии на войну и те, что поступили в техникум сразу после семилетки, пятнадцатидесятишестилетние пацаны откровенно высказывали свою зависть, и надежду, что им когда-нибудь тоже посчастливится повоевать. Один из

одногруппников, Вася Синичкин, увидев моё хмурое лицо, спросил:

Андрей Иванович, а почему Вы так расстроены, Вы что не хотите воевать? Ещё один орден заработаете! Вот если бы меня взяли, я бы так радовался!

Я улыбнулся этой детской непосредственности, но не стал жалеть его психику и ответил:

Да так, вспомнилось... Знаешь, когда человеку осколком вспарывает живот, то наружу вываливается все дерьмо в перемежку с кровью, а еще выползают черви, глисты то есть...

Василий, не дав мне договорить, согнулся пополам и его вырвало на пол. Слегка наклонившись вбок я взглянул на лужу извергнутой из студенческого желудка харчей, и прокомментировал:

Вот сразу видно, человек дома живёт, мамка хорошо кормит... морковку на завтрак даёт...

Тут бедного паренька, один за другим, поддержали ещё четверо молодых студентов, стоявших поблизости, предоставив на всеобщее обозрение содержимое своих желудков. Можете себе представить, какую живописную картину застал преподаватель физики, вошедший так не вовремя в кабинет перед началом урока.

По окончании первого часа занятий я вновь поднялся в кабинет директора и, к моей радости, застал его на месте.

Здравствуйте, Пётр Апполонович! — Вежливо поздоровался я, войдя в кабинет.

А, Ковалев! Заходи, присаживайся! — директор оторвался от прочтения утреннего номера правды и жестом указал на стул. Дождавшись, пока я сяду, спросил, — По какому вопросу?

В армию меня снова забирают... если быть точным, отзывают из резерва, — ответил я, протягивая предписание, — У меня есть два дня, поэтому, если возможно, хотелось бы сдать зачёты и экзамены досрочно, так как я полностью готов и не хотелось бы уходить с долгами.

Понятно... — задумчиво протянул Петр Апполонович, читая документ, — полагаю, что это вполне возможно. Давайте сделаем так: Вы идите на своё текущее занятие, а я тем временем поговорю с преподавателями. Предписание пока оставьте у меня, надо снять копию. Подходите на следующей перемене, там поговорим более предметно.

Удовлетворённый предварительными результатами беседы, я вышел из кабинета и отправился на занятия по истории. Студенты более не проявляли восторга при моём появлении, избегая встречаться со мной взглядом, что меня вполне устраивало. Просидев положенные сорок пять минут под рассказ Татьяны Харитоновны — пожилой женщины с короткими седыми волосами — о восстании краснопресненских рабочих, я вновь поднялся к директору, которого застал в приёмной у стола секретарши за прочтением каких-то бумаг. Увидев меня, он сразу перешёл к делу:

По математике и биологии Вам поставят пятерки автоматом, по химии Иван Иванович готов Вам автоматом поставить четверку, Бальхевич настаивает на экзамене по физике, уж очень его огорчил сегодняшний инцидент. Я конечно, понимаю, как порой раздражают Вас восторженные юнцы, не нюхавшие пороха, сам ведь воевал в гражданскую, но... помягче надо, помягче.

Прошу простить за несдержанность, как-то само собой получилось. А химию можно сдать? Полагаю, что моих знаний достаточно на «отлично».

Можете, кстати у Смирнова сейчас окно, он должен быть в лаборатории, так что, если уверены в своих силах, идите прямо сейчас. Да вот, возьмите, — он протянул мне военное предписание, — копию уже сняли.

Взяв бумагу, я положил её в портфель и направился в химическую лабораторию, где, в полном соответствии со словами директора, застал преподавателя химии Ивана Ивановича Смирнова, тридцатилетнего мужчину с ничем не примечательной рабоче-крестьянской внешностью. Тот, увидев меня на пороге, сразу понял, зачем я явился:

Доброе утро, Андрей Иванович! Всё-таки пятерку получить желаете?

Вы правы Иван Иванович! Именно! — подтвердил я его догадку.

Тогда присаживайтесь! Сразу предупреждаю, что химия предмет для автотехника важный и для отличной оценки Вам надо будет постараться. Итак начнем с химических свойств железа...

Через сорок минут я покинул лабораторию с пятёркой в зачетке, ради которой пришлось изрядно потрудиться, аж вспотел, хотя в техникуме было довольно прохладно. Поразмыслив, на уроки я решил больше не ходить, а перекусив в столовой, сдать экзамен по физике. Однако этот план пришлось корректировать, так как не скрывающий неприязни Бальхевич сказал, что сможет уделить мне внимание только на следующий день после двух часов. Гнида. В результате, из-за злобной вредности физика, я уже к двенадцати часам прибыл на Алексеевский рынок, где, периодически пресекая поползновения карманников, приступил к покупкам, начав с вместительного сидора (вещмешок который выдали в НКВД, был маловат для моих планов). Далее я приобрел телогрейку из овчины, пару белых шерстяных женских чулок, вязаный свитер, два десятка выделанных беличьих шкурок, две пары шерстяных носков и три килограмма шпика. Упаковав свои покупки в сидор, я отправился в общежитие, где вооружившись нитками и иголками, приступил к шитью. Первым делом, потратив два часа

времени, из женских чулков сшил себе двухслойную балаклаву. Благодаря тому, что окружность женского бедра близка к размеру мужской головы, получилось довольно неплохо. Гораздо больше усидчивости у меня потребовало изготовление налокотников и наколенников из белых шкур, с которыми я, под заинтересованными взглядами соседей по комнате, провозился до шести вечера. За это время Ваня Прохоров успел рассказать, что моя байка про распоротые животы стала очень популярной в техникуме, вызвав около трёх десятков рвотных приступов у наиболее впечатлительных студентов и студенток. А преподаватель по биологии на занятиях подробно прокомментировала этот рассказ с научной точки зрения.

Не знаю, чего эти городские такие нежные, пожилы бы в деревне, отмыли бы раз свиные кишки от дерьма, так у них эта дурь бы и прошла, — закончил на оптимистичной ноте парнишка.

Далее у меня по плану было посещение любовницы, к которой я пришёл в половине восьмого с бутылкой вина и конфетами. Там меня уже ждал накрытый стол, но добрались мы до него только спустя полчаса, проведенных с большим удовольствием в постели. Сев за стол и положив в тарелку разогретые котлету с жареной картошкой, Леночка сообщила неожиданную новость:

Я в январе уезжаю в Муром, мама заболела, ей тяжело одной, очень просит приехать.

Неожиданно, однако! Некоторое время поразмыслив, я пришел к выводу, что это к лучшему, всё-равно нам надо бы расстаться, а то уже как-то слишком сильно мы сблизились. Не дожидаясь моих комментариев, женщина продолжила:

Знаешь, я ведь, как тогда сбежала, маму и не видела больше, только письма писала... А теперь, получается, еду к ней, а с тобой расстаёмся навсегда, — она спрятала лицо в ладонях и её плечи задрожали.

Пришлось мне бросить недоеденный ужин и утешать плачущую женщину. Весь дальнейший вечер был заполнен пустой грустной болтовней моей Леночки и сексом вперемешку со слезами. А в семь утра мы проснулись и, даже не смотря ни на утреннее соитие, ни на вкусный завтрак, я ушел от любовницы в тягостном настроении, которым она в течении всего нашего свидания щедро со мной делилась. А ведь у меня и без её слёз и соплей настроение было, откровенно говоря, дерьмовое. Кроме того, пришлось ещё пообещать, что и сегодняшний, последний мой вечер на гражданке, я также проведу с ней.

С утра в первую очередь я отправился в продовольственный магазин, придя за пять минут до открытия. Там я купил литр спирта, три пачки плиточного чая и килограмм галет, потом отправился в военторг, где приобрёл флягу, солнцезащитные очки и белую простынь. Вернувшись в общежитие, перелил спирт в купленную флягу и сложил в ситор все то, что должно было мне пригодиться на этой проклятой войне. Много места заняли унты, но без них — никак, а сразу одевать нельзя — не по Уставу. Однако, как я и рассчитывал, вещмешок вместил всё необходимое и ещё осталось место для маскхалата.

До экзамена по физике оставалось ещё три часа, поэтому я не стал терять время, а взяв учебник, погрузился в повторение ранее изученного материала. Освежив в памяти за два последующих часа все пройденные темы по механике, я оделся и отправился в техникум, где первым делом пообедал, а уж потом предстал перед светлые очи Бориса Моисеевича Бальхевича — тщедушного, но очень вредного старика с желтушным лицом. Похоже, он вбил себе в голову, что инцидент со рвотой студентов был заранее спланированным мною актом вредительства, направленным именно против него. А как же иначе ещё объяснить тот факт, что погоняв меня по всем темам в течении полутора часов, заставив решить три заковыристые задачи и убедившись, что придраться не к чему, он тем не менее, нисколько не смущаясь, заявил, что ставит мне четверку, а если я не согласен, то могу в установленном порядке обжаловать оценку. Говорил же что он гнида! Как бы то ни было, но сессия у меня была сдана и можно было не думать хотя бы об этом. Хотя, разумеется, я понимал, что стоящая передо мной проблема выживания на этой проклятой войне гораздо сложнее и важнее, чем досрочная сдача сессии в техникуме.

Несмотря на то, что родился и вырос в Сибири, я хронически ненавидел холод. В общем-то это была одна из причин, по которой не стал поступать в Москву или Питер, а отправился учиться в Варшаву. И, собственно, поэтому я так основательно закупились теплой одеждой. История финской войны ТАМ как-то прошла мимо моего внимания, честно говоря, я даже точной даты окончания не помнил. Но в тех статьях и телепередачах, которые время от времени всё-таки мне попадались на глаза, всегда упоминалось о лютых морозах и массовых потерях из-за обморожений. Так что именно холода пугали меня больше всего, когда я начинал думать о предстоящих мне злоключениях. Да у меня уже сейчас все внутри леденело, стоило только представить, что несколько месяцев придется жить в какой-нибудь землянке посреди заснеженного леса при сорокоградусные морозах. Это если ещё выживу. Тут ведь придется выполнять приказы далеко не самых умных командиров, а с них станет какую-нибудь каверзу придумать, чтобы поудачнее положить личный состав, дабы не заморачиваться с его кормежкой. Так что моё путешествие по немецким тылам в Польше по сравнению с будущими невзгодами вспоминалось как веселая курортная прогулка.

С таким депрессивными мыслями я дошел до портнихи и забрал сшитый по моему заказу маскхалат. Потом завернул в ювелирный магазин и купил простенькие золотые сережки за двести четырнадцать рублей. Добравшись

до общезнания, я окончательно упаковал вещмешок, собрал постельные принадлежности и отнес их коменданту на склад, там же оставил и свои гражданские одежду, обувь и лыжи, которые я решил с собой не брать, а то и без этого буду слишком выделяться из общей массы со своими прибабасами. После чего оделся в военную форму, попрощался с соседями по комнате и, закинув за плечи объёмный и тяжёлый сидор, отправился к своей любовнице.

Леночка встретила меня в своем лучшем платье и с тщательно уложенными волосами. Вопреки моему ожиданию, она не стала сразу прыгать в постель, а усадила меня за стол, на который вскоре поставила передо мной тарелку с жареным стейком из осетра с картофельным пюре, блюдо с вареными раками, плошку с солёными груздями и полбутылки пятизвездочного армянского коньяка, купленного мною три недели назад. Накрыв стол, она встала напротив, явно ожидая похвалы. Действительно, она почти в точности выполнила мои представления об идеальном праздничном ужине, которыми я как-то с ней поделился, там правда вместо раков были омары, а коньяк двенадцатилетний «Хеннесси», ещё здесь не хватало некорых мелочей вроде оливок, фруктов и красной икры, которая мне всегда нравилась больше черной. Помнится, когда я рассказывал ей о своих кулинарных предпочтениях, она с подозрением спросила, не из дворян ли я? и мне пришлось очень хитро отмазываться... Так вот, глядя сейчас на ждущую одобрения женщину, я достал из кармана серьги и протянул ей со словами:

Стол просто великолепен! А это мой тебе подарок на Новый Год!

Любовница взяла подарок и с изумлённым видом переспросила:

Это же ужасно дорого?! — далее, не дожидаясь ответа, она бросилась к зеркалу, вынула из ушей серебряные серёжки и вставила золотые, покрутилась, разглядывая себя десяток секунд со вздохами и ахами, после чего бросилась ко мне и, встав на колени стала целовать мою руку, глядя снизу вверх восхищенными глазами.

А через секунду, так и не попробовав угощений, я оказался уже в постели, сжимая в объятиях стонущую от переполняющего её желания обнаженную женщину. До осетрины я разумеется, хоть и через час, но добрался, эта рыба даже в остывшем виде восхитительна, тем более под коньячок и соленые грузди. Знаю, гурманы скажут, что, мол, коньяк под грузди это моветон, но я сибиряк, а нас там, знаете ли, свои предпочтения. Эта ночь была настолько восхитительна, что я даже пожалел, что не подарил ей украшения раньше. Утром Леночка накормила меня омлетом, налила в казённую флягу сладкого чая, потом сунула в вещмешок жареную курицу и оделась, чтобы проводить меня до здания НКВД, хотя я бы предпочел без долгих прощаний. Уже на полпути она начала плакать, сначала потихоньку вытирая глаза платком, потом раздались всхлипы, а когда я, поцеловав её в соленые губы, вошёл через боковую калитку во двор управления, сзади раздалось рыдания во весь голос. Впрочем, она там была не единственная женщина, оглашающая причитаниями окрестности и роняющая на снег горячие слезы.

Жена? — спросила меня стройная девушка в форме капитана погранвойск со снайперской СВТ за плечами и наганом в поясной кобуре. Позади неё кучковались пятеро красноармейцев и старший сержант с зелёными, как и у меня петлицами, уже вооруженные винтовками.

В соответствии с Уставом я вытянулся по стойке смирно и, отдав честь, четко произнес:

Сержант Ковалев! Нет, она мне не жена!

Капитан смерила меня изучающим взглядом и скомандовала:

Вольно! Идите получайте оружие и довольствие!

Есть!

Подтвердив получение приказа, я направился в уже знакомое мне здание тыловой службы. Найдя оружейную комнату, я застал там капитана Ларионова, который, взяв у меня паспорт, сначала выдал взамен мою сержантскую книжку, потом отправил помогающего ему младшего сержанта за патронами и амуницией, а сам принес предназначенную для меня «мосинку» с оптическим четырехкратный прицелом, которую отдал со словами:

Хорошая винтовка! Новая, только с завода, кучность на полутысяче шесть сантиметров — сам вчера проверял и пристреливал.

Здорово! — я принял из его рук винтовку, отвел назад затвор, проверяя отсутствие в ней патронов, спустил курок и поставил на предохранитель, затем прочитал номер, пересчитал принесенные мне патроны и расписался в журнале. После чего снарядил обоймы и разложил их по подсумкам. Потом взял каску и с усилием запихнул её в сидор.

Капитан с интересом осмотрел мой набитый до упора вещмешок внушительного неуставного размера и с ухмылкой произнес:

Иди в в пять-дробь-восемь, там сухпай получишь.

Задумчиво почесав затылок, я кивнул и отправился искать указанный склад. Там, получив две банки тушёнки которые распихал по карманам галифе и буханку хлеба. Выйдя на улицу, я увидел, что в кучке вооруженных бойцов прибавилось два красноармейца, а девушка-капитан распекает ещё одного с опухшей рожей за опоздание. Пропустив мимо себя рядового, бросившегося со всех ног исполнять приказ стройной командирши, я приблизился к товарищам по несчастью. Младший командир взвода — высокий широкоплечий парень — показался мне

знакомым и я, покопавшись в памяти вспомнил, что он был участником финала городских соревнований по лыжам, но пришел где-то далеко позади меня. Судя по приветственной улыбке, он тоже узнал меня и мы пожали друг другу руки. Как младший по званию, первым представился я, а потом и он назвал свои имя и фамилию:

Михаил Петренко! — и добавил, оглядываясь на бойцов, — тут ещё пятеро с того чемпионата, но они до финала не дошли.

Нда, удачно мы там покатались, — с сарказмом прокомментировал я наше участие в лыжных соревнованиях.

Михаил в ответ горько махнул рукой:

Да у меня всё-равно в личном деле лыжная подготовка записана... говорят, там полная задница... а у меня на прошлой неделе только сын родился.

Надеюсь, насчёт трудностей слухи сильно преувеличены, но проблемы определенно есть, иначе не стали бы нас забирать.

Петренко кивнул:

Да, не надо панику разводить, — и, покосившись в сторону капитанши, перевел разговор на другую тему, — Ты снайпер, что ли?

Ага, я ведь не только на лыжах, ещё и на соревнованиях по стрельбе отметился, показал, так сказать, себя во всей красе.

Старший сержант понимающе ухмыльнулся. В это время на крыльце появился лейтенант и хорошо поставленным голосом сообщил:

Капитан Горбушкина! Вас майор Пронин вызывает!

Проводив взглядом исчезнувшую за дверью девушку, я заметил:

Такая молодая, а уже капитан.

Так наверное, из госбезопасности или милиции, у них же на две ступени звания выше. Да и откуда в войсках женщинам-командирам взяться? Небось следователь — добровольцем пошла. Да, наверно так и есть, — не стал спорить я, переводя взгляд на последнего бойца, вышедшего с винтовкой на ремне из здания тыловой службы, — ну вот, вроде все собрались, только командира не хватает.

Ожидая Горбушкину, нам пришлось померзнуть во дворе ещё десять минут, за это время из гаражного бокса выкатилась полупорка и встала перед воротами, видимо, в ожидании нашей погрузки.

Когда капитан, наконец, вышла во двор с кожаной папкой в руках, она сразу приказала:

Отряд, в одну шеренгу становись! — затем, дождавшись, пока мы выполним команду, провела переключку, зачитывая фамилии из списка, который взяла из папки, и внимательно вглядывалась в бойцов, стараясь запомнить.

Закончив проверку, она объявила:

Командиром отделения назначается младший командир взвода Петренко! В машину! — по этой команде мы быстро побросали в кузов полупорки свои вещмешки, поставили туда же чемодан капитана и расселись вдоль бортов, зажав свои винтовки стоймя между колен, после чего Горбушкина села в кабину и мы поехали в направлении железнодорожного вокзала.

Сегодня на улице было около десяти градусов мороза, ярко светило, но не грело появившееся над горизонтом зимнее солнце, а при движении грузовика встречный ветер пронизывал буквально насквозь, не спасал даже свитер, надетый мной под гимнастёрку. Радовало только то, что ехать было недалеко. Полупорка спустилась по Зеленскому съезду, по набережной выехала к Канавинскому мосту и вскоре мы уже были на вокзале, где, подчиняясь командам Горбушкиной, строем проследовали к последнему плацкартному вагону стоящего у перрона пассажирского состава, где нам досталось одно крайнее купе на всех. Все остальные места в вагоне были заняты бойцами и сержантами в такой же как у нас форме с зелёными петлицами. Капитан, проведя переключку, ушла в соседний вагон с докладом, оставив Петренко за старшего. Тот приказал четырём бойцам снять ремни, с помощью которых все наши винтовки увязали в две охапки и закинули на багажные полки, туда же отправились вещмешки и наша верхняя одежда, затем он назначил дневальных, ответственных за сохранность оружия, рассадил бойцов на нижние полки по трое-четверо и сел напротив меня около прохода.

За что наградили? — указав взглядом на орден, уважительным тоном спросил меня младший комвзвода.

В орденской книжке написано, что за героизм и находчивость, проявленные при выполнении воинского долга, а все остальные подробности относятся к военной тайне — привычно отбарабанил я в ответ.

Петренко кивнул:

Понятно!

В это время поезд дёрнулся, трогаясь с места и за окном поплыл, ускоряясь, унылый станционный пейзаж, застучали колеса. Чувствуя, что начинаю засыпать в тепле натопленного вагона, я спросил Петренко:

Михаил, я вздремну чуток на верхней полке, а то...

Ночка бурная была! — с ухмылкой продолжил за меня младкомвзвода и разрешающе махнул рукой, — Залезай! — затем, обращаясь уже к бойцам сказал, — Давайте тоже по очереди на вторых полках ложитесь, хоть

внизу посвободнее будет.

Не теряя времени, я взял свою шинель, свернув, положил её в изголовье вместо подушки, снял сапоги и одним движением запрыгнул на деревянную полку, после чего практически мгновенно уснул под ритмичный стук колес.

Проснулся я примерно через четыре часа и, глянув с полки вниз, оценил обстановку как вполне спокойную: Петренко подрёмывает вполглаза, сидя на сиденье у прохода, два бойца спят на соседних полках, бодрствующие красноармейцы вполголоса беседуют на житейские темы. За окном проплывает зимний заснеженный лес. Спрыгнув с полки я надел сапоги и, потягиваясь, сказал младшему комвзвода:

Поспали, можно и пожрать!

Садись за стол, да ешь, тут уже всё пообедали.

Следуя разумному совету, я достал из вещмешка жареную курицу и хлеб, после чего, усевшись на освобожденное для меня бойцами место, плотно пообедал, слушая рассказ Вани Трофимова, русоволосого коренастого парня с типичной крестьянской внешностью:

Так значит, в баньке после первого захода, мы ещё бражки добавили, а у нас парни, в селе такую бражку делают, вы нигде такой...

Да ты, Вася, про свою бражку уже третий раз рассказываешь, — прервал рассказ другой красноармеец, лениво развалившийся рядом со мной.

Да про неё можно и десять раз рассказывать, к нам артисты приезжали, так их главный сказал, что это настоящее произведение искусства! Песня! А ты говоришь, три раза!.. Ну значит, добавили мы...

Вот так, под стук колес и нехитрые рассказы бойцов, в половине шестого вечера мы прибыли в Москву на Курский вокзал. За это время из разговоров я успел узнать, что наше отделение под номером шесть входит в состав маршевого взвода, сформированного в основном из солдат срочников Горьковского полка НКВД, которых отобрали после проведения внутренних соревнований по лыжам. Парни тогда ещё не знали, какой приз за победу их дожидается, вот и старались. Хотя, наверное, даже если бы знали, старались бы изо всех сил, так как большая часть этих бойцов искренне радовалась тому, что их отправляют на фронт. В отличие от резервистов из нашего отделения, которые на ситуацию смотрели гораздо пессимистичнее. После того, как поезд замер у перрона, мы организованно выгрузились и командир маршевого взвода старший лейтенант Карпов, рядом с которым молча стояла Горбушкина, дал команду строиться, и Петренко расположил наше отделение на левом фланге шеренги. Далее, повернувшись по команде направо, мы по кривым московским улочкам за полчаса дошли до казарм, в одной из которых нам и приказали располагаться. Вместо кроватей здесь были дощатые двухъярусные нары без матрасов и белья, температура воздуха в помещении не превышала десяти градусов. Поэтому, не снимая шинелей, мы только составили винтовки в козлы и побросали на нары вещмешки, после чего Петренко сказал, что собирается узнать насчёт ужина и, оставив меня за старшего, вышел из казармы. А я, стараясь держать бойцов из нашего отряда в поле зрения, сел на нары и привалился спиной к стене. Разумеется, выспавшись в поезде, я чувствовал себя бодрячком, но ещё на курсе молодого бойца в российской армии я уяснил, что на воинской службе надо уметь отдыхать наперед. Однако долго мне пребывать в расслабленном состоянии не дали, так как вскоре ко мне подошёл старшина Потапов, которого мне ещё в поезде показал Петренко, пояснив, что тот является заместителем командира маршевого взвода, в который входит и наше отделение. Дождавшись, пока я встану и представлюсь, старшина — тридцатилетний крепко сбитый мужчина среднего роста — спросил где Петренко, на что я честно ответил:

Он пошёл узнавать насчёт ужина, меня за старшего оставил.

Что же он меня-то не спросил? Ужина не будет, вам выдали сухпай? — вместо ответа я утвердительно кивнул, и он продолжил, — Вот им и ужинайте, там в углу плиты дровяные затопили, можно будет банки с тушёной картошкой разогреть, а как Петренко появится, чтоб сразу доложил мне о прибытии. Всё понял?

Да! — четко ответил я по уставу и, дождавшись, пока Потапов отойдет метров на десять, обратился к бойцам, находившимся поблизости, — Всё слышали? Так что, если кто проголодался, то можете приступать.

Четверо парней взяли за свои вещмешки, доставая продукты, остальные вернулись на свои места, видимо, решив пока отложить ужин. Я тоже не стал спешить и улёгся на нары, но отдохнуть опять не получилось, так как вернулся Петренко в компании незнакомого мне старшего политрука, которого тут же представил:

Это комиссар нашей маршевой роты Феофанов, — после чего поделился уже всем известной информацией, — ужина не будет, питайтесь сухпайками.

Я, представившись комиссару, рассказал Михаилу про старшину Потапова и он, несколько погрузнев лицом, удалился. А старший политрук тем временем принялся за дело: созвал находящихся поблизости бойцов и, рассадив их перед собой на нарах, за двадцать минут провел с нами политбеседу о коварстве мирового империализма и его злобных цепных псов — белофиннов. Говорил он много, обличая антисоветские планы британской, французской и американской буржуазии, но практически ничего не сказал о положении на фронте, заметив лишь, что наши доблестные войска продвигаются вперёд, вопреки злобному сопротивлению врага, и вот-вот, ещё немного и мы

победим. То же самое, что в газетах написано. За время этой пустой болтовни, к нам присоединился Петренко, вернувшийся от старшины. Когда, наконец, вдоволь наговорившийся комиссар пошёл искать новые жертвы для своего красноречия, я решил, что пора ужинать и, подогрев свою и Мишину банки тушёнки, поужинал вместе с Петренко, который поделился со мной информацией, полученной им во время посещения командирского барака:

Тут собираются взводы из Подмосковья и близлежащих областей, из которых будет сформирован маршевый батальон, который завтра с утра эшелонам и отправят. Так что недолго тут нам куковать осталось.

А куда, не говорят?

Как куда? — Петренко делано удивился моей неосведомлённости, и с сарказмом произнёс, — В Финляндию, куда же ещё!

Ну спасибо, товарищ старший сержант, за информацию, а то я, по простоте душевной, надеялся, что нас в Крым направят позагорать, винца попить, да баб повалять!

Михаилу моя шутка понравилась и он зашелся в раскатистом хохоте, вызвав удивлённые взгляды парней из нашего отделения, не слышавших содержания нашего разговора. Отсмеявшись, он пересказал бойцам наш разговор, после чего смеялось уже все отделение:

В Крым! Ха-ха-ха!!! Вина попить! Да ещё и баб повалять!!!

Этим весельем заинтересовались солдаты из других отделений и вскоре по всей казарме то тут, то там раздавался дружный смех красноармейцев. Такая реакция на вполне себе простенькую шутку меня несколько удивила, но я себе напомнил, что вокруг меня находятся люди, которые по менталитету существенно отличаются от моих современников из двадцать первого века.

К ночи в казарме несколько потеплело благодаря натопленным плитам, но спать на деревянных нарах всё-равно было зябко и жёстко. Однако у каждого военнослужащего должна быть «твердость воли и привычка стойко переносить тяготы и лишения боевой службы» (Дисциплинарный устав РККА), поэтому я, ворочаясь и поёживаясь, стойко перенес эту ночь и даже немного поспал.

Утром нас всё-таки покормили кашей, подогнав к казарме полевую кухню. После чего маршевый батальон в полном составе построили и поротно повели к железной дороге. На этот раз погрузка производилась не на вокзале, а с перрона грузовой станции, до которой мы дошли за десять минут. Нашему отделению снова досталось крайнее купе плацкартного вагона, где мы и расположились с максимальным удобством. В отличие от вчерашнего дня, сегодня мы следовали в составе воинского эшелона и главным плюсом этого на мой взгляд было трёхразовое горячее питание, которое разносили по вагонам в термосах. Сидя в теплом вагоне под спокойные разговоры на семейно-бытовые темы, было трудно представить, что, возможно уже на следующий день я с товарищами окажусь посреди холодного карельского леса, где придется рвать жилы и проливать вражескую кровь, чтобы остаться в живых. Парни, по всей видимости, не представляли себе всех предстоящих трудностей и демонстрировали приподнятое настроение и уверенность в завтрашнем дне. Меня же мучили мрачные предчувствия и смертельная тоска.

Что-то грустный ты какой-то, Андрей! — заметил Петренко моё, упавшее ниже плинтуса настроение.

Да вот, вспомнил, что сегодня Новый Год, а ёлочка не наряжена, — грустно пошутил я а ответ.

Ничего, скоро нас в финские леса направят, там ёлок навалом, вот и нарядим какую-нибудь! — беззаботно пообещал младший комвзвода, расслабленно развалившись напротив меня.

В половине восьмого вечера, когда за окнами вагона уже стояла ночная темень, которую разгонял только свет полной луны, висящей среди звёзд в ночном небе, поезд остановился на какой-то станции и командир взвода приказал подготовиться к выгрузке, после чего мы оделись, разобрали оружие и в таком виде сидели ещё минут пятнадцать до тех пор, когда, наконец, раздалась команда:

Взвод! Выгружаться по отделениям! У вагона строиться в колонну по четыре, головой к локомотиву!

Петренко немедленно продублировал:

Отделение! По одному выгружаться! Ковалев первым! Строиться в колонну по четыре!

Услышав приказ, я подхватил винтовку и, выйдя в тамбур, соскочил на покрытую снегом землю. Здесь перрона не было, так что пришлось прыгать с высоты более метра. Отойдя метра на четыре, я скомандовал:

Винтовку держать в руках, штык направить в сторону! Быстро отходить от вагона! — в этих условиях поранить штыком себя или соседа — раз плюнуть.

После того, как наше отделение выгрузилось, мы, почти по колено в снегу стояли на двадцатиградусном морозе ещё минут пятнадцать, дожидаясь, пока выгрузится весь личный состав маршевого батальона и будет проведена переключка. Затем, основательно промёрзнув, наконец, куда-то двинулись организованным строем. Идти оказалось совсем недалеко, и вскоре нашу роту завели в полутёмное помещение, которое, видимо, изначально было складом, а теперь использовалось в качестве временной казармы. Здесь не было ни кроватей, ни нар, вместо которых на пол были набросаны грязные матрасы из мешковины, набитые соломой. Подушки тоже отсутствовали, не говоря уже о роскоши вроде одеял или простыней. К достоинствам этого помещения можно

было отнести лишь то, что здесь была плюсовая температура, да освещение, которое давала лишь одна тусклая лампочка над входом. «Номер класса убожество минус десять звёзд», — по достоинству оценил я условия ночлега и оптимистично заметил сам себе: «Дальше будет только хуже!». Получив в распоряжение участок пола, мы составили к стене винтовки и легли на матрасы, не снимая шинелей и сапог, но так как мы все спали днём в поезде, да и сейчас ещё не было и девяти часов, никто уставшим себя не чувствовал и спать желания не было. Кто-то, несмотря на то, что недавно был ужин, грыз кусок черного хлеба, кто-то негромко разговаривал. Мы же с Петренко лениво продолжили начатую ещё в поезде беседу о том куда нас занесло.

По времени движения поезда, это может быть Ленинград или Петрозаводск, но, хотя я в местной географии не силен, названия станций, которые мы проезжали, скорее указывают на Карелию, — блеснул я дедукцией, лёжа на спине и закинув руки за голову.

Ну да... Похоже... — не стал спорить коллега, — получается, где-то между Ладогой и Онегой повоевать придётся.

Получается так, — настала моя очередь соглашаться, — Знать бы ещё, как тут у них дела...

Да какая разница! — не согласился Петренко, — Наше дело маленькое, — скажут идти — иди, скажут лежать, значит будем лежать, а если скажут стрелять, то будем стрелять!

Так-то оно да, но не совсем, — неопределенно ответил я ему и мы немного помолчали.

Через некоторое время уже вся рота уверенно говорила о том, что мы всё-таки находимся в Петрозаводске, причем, понять, откуда эта уверенность, было совершенно невозможно, вполне может быть, что окружающие нас с Петренко бойцы передали своим соседям содержание нашей с Михаилом беседы, и так, постепенно, это предположение разошлось по казарме. Новый год в таких непрезентабельных условиях праздновать никто не стал и все уснули ещё до полуночи.

Утром нас разбудили в шесть часов, приказав строиться прямо в казарме, отбросив матрасы к стене. Здесь было хоть какое-то освещение и относительно тепло, в то время, как снаружи ещё стояла ночная темень и собачий холод. Вместе с командиром маршевой роты под лампочкой у входа сгрудились десяток офицеров, которые вызывали из строя бойцов и младших командиров, зачитывая фамилии по бумажкам и уводили их за собой на улицу.

Меня, Петренко, и ещё четверых бойцов из нашего отделения примерно в середине процесса распределения вызвал младший лейтенант с ничем не примечательной внешностью и, приказав идти за ним следом, за полчаса привел в бревенчатый барак, который внутри выглядел значительно оптимистичнее, чем наше последнее место ночлега. Тут было нормальное освещение, достаточно тепло, чтобы можно было снять шинель, однако впечатление несколько портила очевидная теснота помещения, подчёркнутая трехъярусными нарами и узкими проходами между ними. При входе в казарму дневальный доложил нашему сопровождающему, что личный состав роты находится на утренней зарядке. Отведя нас в закуток, где стояли незастеленные деревянные нары, младший лейтенант сказал:

Сидите пока тут, скоро завтрак, потом по машинам и... — он махнул рукой показывая куда-то вдаль.

Мы сбросили шинели, поставили к стене винтовки и расположились поудобнее. Говорить было уже не о чем — за два дня пути мы уже успели наговориться — так что сидели молча. А минут через десять рота вернулась с зарядки и в тесном помещении стало не протолкнуться от снующих туда-сюда красноармейцев. Вскоре поблизости раздался звонкий голос:

Первый взвод — в столовую! — после чего часть бойцов вновь вышла из казармы.

Интересно, а мы какой взвод? — спросил Ваня Трофимов, видимо, опасаясь остаться без завтрака.

Скоро узнаешь, боец! Не бойсь, накормят! — ответил ему Петренко и наш маленький отряд вновь погрузился в молчание.

Через пятнадцать минут мы услышали команду уже второму взводу идти на завтрак, а к нам подошёл старшина — тридцатилетний мужик плотного телосложения — и спросил:

Это вы пополнение из Горького?

На что Петренко, не вставая, ответил по старорежимному:

Так точно!

Пошли за мной, комроты вызывает! — скомандовал тот строгим тоном и мы все двинулись по узким проходам казарменного лабиринта.

Дойдя до двери на другом конце барака, он, постучав, вошёл, и вскоре, выглянув, позвал Петренко. Михаил пробыл в кабинете около трёх минут, и следующим вызвали меня. В тесной комнате стояло два стола, за которыми напротив друг друга и боком к двери сидели капитан — русоволосый мужчина в возрасте лет тридцати, и старший политрук — двадцатипятилетний парень с еврейской внешностью. Войдя, я вытянулся по стойке смирно и представился:

Отделенный командир Ковалев! Отозван из резерва тридцатого декабря прошлого года!

Лыжник, снайпер, орден Красного Знамени? — вопросительно перечислил мои регалии капитан.

Да.

Комсомолец? — это уже политрук.

Да.

Где воевал? — поинтересовался капитан, разглядывая меня, полуразвернувшись на стуле.

Военная тайна.

Даже для меня? — удивлённо спросил капитан.

Да. Я вообще никому не имею права рассказывать. Можете сделать запрос.

Понятно... — озадаченно протянул капитан и продолжил, — Отделением доводилось командовать?

Нет. Командного опыта не имею.

Комроты переглянулся с комиссаром и вынес вердикт:

Ну, раз так, то ставить тебя на отделение не буду, останешься пока в моём подчинении.

Завершив со мной, капитан приказал старшине, который так и стоял позади меня:

Калинин, остальных бойцов определяем в четвертый взвод, сейчас выдай всем теплую одежду и лыжи, отведи в столовую и проследи, чтобы накормили и выдали сухпай! Через сорок минут отправление. Идите!

Выйдя из кабинета, я вместе с парнями отправился вслед за старшиной сперва в каптерку, где получил ватные штаны с бушлатом и валенки, потом в холодном сарае нам выдали лыжи с палками, на которых мы сразу же нацарапали свои фамилии, и, наконец, добрались до самого важного — позавтракали кашей в тесной столовой. Тут, уплетая перловую кашу, мы немного пообщались — Петренко сообщил, что его назначили помощником командира второго взвода, а я рассказал о своем неопределенном статусе. По окончании приема пищи мы, получив сухой паек, состоящий из банки тушёнки с двумя пачками галет, вернулись в закуток, где были оставлены шинели с вещмешками и принялись облачаться по зимнему: поверх шаровар с гимнастеркой надели ватный костюм, затем шинели и валенки. Потом Петренко с бойцами отправились искать своих новых командиров, а я, мысленно сравнив себя с кочаном капусты, вышел из казармы, чтобы не потеть в помещении. В таком одеянии на улице холод уже почти не ощущался, мёрзли лишь голова в суконной буденовке, да руки в тонких перчатках. Однако по своему, ещё сибирскому опыту, я знал, что если простоять на таком морозе минут двадцать без движения, то начнёшь потихоньку замерзать, а часа через два-три может наступить и переохлаждение. На часах было половина девятого, луна зашла, а небо только начало светлеть на востоке, и я, желая отвлечься от мрачных мыслей, повернулся на запад, любуясь медленно тускнеющими звёздами. Вспомнилось, как в мои школьные годы, бывало, мы с отцом, затемно выходили на лыжную прогулку и он показывал мне Венеру и наиболее яркие звёзды, ещё заметные на утреннем небосклоне. Как давно это было, будто и не со мной вовсе!

Из задумчивого созерцания меня вывел звук приближающихся автомобилей и вскоре на площадь перед казармами въехала, возглавляемая ГАЗовским автобусом, колонна тентованных грузовиков — два ЗИСа с прицепленными к ним полковыми трехдюймовками, ещё один ЗИС тащил полевую кухню, вслед за которой двигались восемь полупорок. Из казармы сразу стали выбегать бойцы, раздались команды строиться. Не зная, куда приткнуться, я нашел на левом фланге шеренги старшину Калинина и спросил его.

Твою мать, Ковалев! — радостно выругался тот, увидев меня, — Я его по всей казарме ищу, а он, оказывается, тут прохлаждается! Давай становись сзади меня!

Вскоре после того, как я выполнил этот приказ, рядом пристроились ещё один комот и пять красноармейцев, из которых четверо были безоружными и лишь у одного на плече висела трехлинейка. Через пару минут перед строем появился командир роты с политруком и капитаном Горбушкиной, которую я не видел с момента прибытия в Москву. Подождав несколько минут, пока командиры взводов проверят наличие личного состава, он подозвал их к себе и распределил по машинам. Когда взводы приступили к погрузке мы с Калининым, вторым комотом, которого старшина называл Павловым и пятью бойцами подошли к командиру роты, после чего тот приказал нам садиться в автобус.

«А жизнь-то налаживается» — жизнерадостно подумал я, сняв шинель и устраиваясь на заднем сиденье в теплом салоне. Рядом со мной расположился Калинин с Павловым, на соседних сиденьях сели красноармейцы. А после того, как передние места заняли командир роты, комиссар и Горбушкина, ротная автоколонна двинулась в путь. Пользуясь возможностью, я расспросил старшину о подразделении, в составе которого, мне, по всей видимости, вскоре придется воевать. Как я узнал с его слов, рота погранвойск НКВД прибыла в Петрозаводск три дня назад из Белоруссии с некомплект почти пятьдесят человек и все это время спешно пополнялась бойцами, привезенными из разных городов — Москвы, Ленинграда, Новгорода, Твери, ну и последними прибыли мы, горьковчане. Командиром роты у нас капитан Волков, комиссар — старший политрук Белковский, который всем говорил, что он поляк по происхождению. Ехавшие с нами в автобусе комот Павлов и четыре бойца — это так и недоукомплектованное санитарное отделение. Пятый солдат — Юра Пушкин — чернявый поджарый парень, был посыльным командира роты. Вскользь проиhsись по Горбушкиной, которую старшина видел впервые, тут я ему

поведал, что капитан прибыла из Горького, но больше мне ничего не известно. Потом Калинин перевел разговор на тонкости пограничной службы, похоже, надеясь окольными путями выведать у меня хоть что-нибудь о моём прошлом, но я пресёк эти попытки, рассказав, что служил во внутренних войсках, а всё остальное — это военная тайна. После этого наша беседа потихоньку сошла на нет, и на задних рядах автобуса установилось молчание, лишь впереди комиссар о чем-то оживленно беседовал с Горбушкиной, но из-за шума двигателя, слов было не разобрать.

Через каждые два часа неспешного движения по порядком разбитой грунтовой дороге, колонна останавливалась, чтобы замерзающие бойцы могли справиться нужду, да хоть немного согреться с помощью приседаний и других, разгоняющих кровь упражнений.

Около двух часов пополудни мы въехали в небольшое село и остановились у бывшего православного храма, переделанного в колхозный клуб. Замёрзшие бойцы заняли всё помещение главного зала, радуясь появившейся возможности отогреться и пообедать горячей пищей.

Получив у полевой кухни свою порцию щей, я сел на широкую скамью и с удовольствием приступил к трапезе.

О, вот ты где! — с радостным возгласом, как будто не видел меня целый год, Петренко занял место по соседству и пожаловался, — Насквозь промерз, а ещё ехать и ехать, ты-то как?

Нормально! В автобусе ведь тепло!

Так ты в автобусе с командиром ехал?! Вот повезло! Так и впрямь вместо финских лесов в Крыму окажешься!

Эх, хорошо бы!

А мне казалось, что у меня даже кишки заledenели.

Хорошее дело, глядишь, глисты и перемерзнут!..

За этой дружеской перепалкой быстро пролетело время обеда и пришла пора вновь грузиться в автомобили и продолжать движение.

А ещё через пять часов колонна прибыла в Олонец, где мы и заночевали в двухэтажном здании местной школы. Ни кроватей, ни матрасов, разумеется, здесь не было, но, на такие мелочи солдаты не обращали внимания — главное, была возможность отогреться и отоспаться после трудной дороги. Утром второго января автоколонна пограничной роты продолжила свой путь через карельские леса и в середине короткого зимнего дня въехала через укрепленный КПП в небольшой финский город Питкяранта, который и был конечной целью нашего путешествия. Сначала мы остановились у двухэтажного каменного здания, над дверью которой была закреплена доска с надписью «Комендатура». Тут комроты, разрешив бойцам покинуть машины и размяться, исчез в здании, а я остался в автобусе, как и все остальные его пассажиры, наблюдая из теплого салона через заиндевевшие окна за бойцами роты, пытающимися хоть немного согреться с помощью энергичных движений. Через полчаса Волков вышел из комендатуры в сопровождении лейтенанта с красными петлицами. Тот сел с нами в автобус и стал показывать дорогу, направив автоколонну на окраину городка, где располагались деревянные одноэтажные дома с обширными огородами. Судя по тому, что ворота и калитки были заметены снежными сугробами без человеческих следов, здесь уже долго никто не жил. Это подтвердил и лейтенант из комендатуры:

Хозяева домов все были выселены белофиннами до нашего прихода, хорошо хоть сжечь не успели. Там осталось много продуктов и кое-какое имущество, хищение всего этого будет считаться мародёрством. Под Вашу ответственность, товарищ капитан. По дровам принято решение об использовании.

Знаю, уже предупредили под роспись! — Хмуро сообщил ему наш командир роты и добавил, — все будет в целостности и сохранности.

По прибытии на новое место дислокации, Волков созвал командиров взводов и вместе с комиссаром произвел распределение жилплощади, выделив на каждый взвод по два дома. Под штаб и, по-совместительству командирские квартиры, выделили единственный на улице двухэтажный кирпичный особняк с высоким деревянным забором, который ранее, видимо принадлежал местному богатому. Санитарному отделению, к которому в жилищном плане прикрепили меня и старшину, достался небольшой, но вполне добротный пятистенник в самом конце улицы. Заметенную снегом калитку открыть было невозможно, поэтому мы перелезли через невысокий забор, и после того, как Павлов сбил прикладом навесной замок, вошли в дом. Бросив в сени вещи и оружие, погрузились в хлопоты по обустройству: найдя в сених наколотые дрова, затопили печь, потом, взяв оставленные хозяевами лопаты, приступили к расчистке двора от снега. За этим делом нас и застал старший политрук Белковский, появившись через полчаса после прибытия. Приказав всем войти в дом и построиться, он придирчиво осмотрел помещение, потом спросил подозрительным тоном:

Показывайте, что уже успели здесь взять!

На что Калинин честно и невозмутимо ответил:

Ничего не трогали кроме дров для печки, да лопат для снега, мы же слышали, что нельзя.

Комиссар с презрительно-недоверчивым выражением лица кивнул и, оставив нас в строю, прошёлся по дому, придирчиво заглянул в шкаф, потом сел за стол и, диктуя сам себе, переписал имущество:

Шкаф один, комод один, стульев четыре, кровати три... — и так далее, вплоть до кочерги. Закончив со списком, он дал расписаться под листом Калинину, Павлову и мне, потом заглянул в погреб и опечатал его, приклеив на стык люка и половой доски полосу бумаги с датой и своим автографом. Закончив с инвентаризацией, он перешёл к другим вопросам:

Обед через двадцать минут, пока можете затопить баню, сегодня всем надо будет помыться и привести себя в порядок! Но сначала, Павлов, сразу после обеда, ты должен направить санитаров по одному в каждый взвод, проверить здоровье и на вшивость!

Есть!

Дождавшись, пока политрук, закончив раздачу указаний, выйдет из дома, Калинин скомандовал:

Разойтись! Всем чистить тропу к бане! — и, обращаясь ко мне, продолжил, — Андрей, Федор, гляньте, как там у финнов парная устроена, а мне надо идти, — после этих слов, выйдя из дома, старшина отправился в сторону штаба, а мы с Павловым, прихватив дрова и лопату, двинулись к небольшому бревенчатому строению, расположенному в дальнем углу огорода. Подойдя к заметенной снегом двери, я за пару минут расчистил её, и вошел в деревенскую сауну.

Ишь ты, аккуратно сделано! — зайдя следом за мной, заочно похвалил хозяев дома Павлов, разглядывая в полумраке внутреннее убранство, — и топят по-белому, и полок с умом сделан, вот только ещё найти бы, где у них веники? Надо бы чердак проверить!

А они без веников парятся, — блеснул я эрудицией, — и пар не поддают, видишь каменки-то нет.

Федя оторопело уставился на печку, оглядел её со всех сторон и, соглашаясь со мной, возмущённо прокомментировал:

Вот ведь неруси! Неужели так трудно было узнать, как правильно сделать? Совсем рядом ведь живут, вон, в Олонце, небось, бани-то как у людей! А эти чухонцы... и как же нам теперь без веников?

Надеюсь, в лесу пихта растёт, из неё тоже можно сделать, если нет, тогда из ели, но давай сперва затопим — предложил я единственно возможный, в сложившейся ситуации, вариант.

Это что из ёлки? Колотья ведь будут! Ты сам-то пробовал? — заинтересованно засыпал меня вопросами Павлов.

Пробовал с пихтовым, — я с ностальгией вспомнил свою сибирскую молодость ТАМ, — немного непривычно, но если нет берёзового, то деваться некуда, — заключил я, отрезая от полена щепу для растопки печи.

Это да, некуда... — согласился Павлов и, сев перед печкой, приступил к растопке, используя бересту, сорванную с полена, и нарезанную мной щепу. Через минуту в топке весело заиграло пламя и комот сунул туда полена, — Ишь я, дурень, размечтался, — продолжил он разговор, глядя, как разгорается огонь, — тут ни белья, ни матрасов, война за околицей, а я по веникам тоскую, — после этих слов, он забросил в печь ещё три полена и закрыл чугунную дверцу, — Ладно, пошли, часа через полтора уже мыться можно будет.

Выйдя вслед за Павловым на улицу, я увидел, что усилиями санитаров тропа от дома до бани уже расчищена и один из них, энергично махая топором, занимается колкой дров, ещё двое несут от колодца ведра с водой для бани и дома — молодцы! По возвращении в избу, я наполнил брошенный финнами закопченный чайник водой и поставил его на печку — за полчаса должен закипеть — затем посмотрел на часы, которые в нашем маленьком сборном отряде были только у меня, сообщив парням, что настало время обеда. Данная информация была воспринята с большим воодушевлением и мы, взяв в доме котелки, пошли к полевой кухне за долгожданной порцией горячего питания. Там уже собралась практически вся рота, и бойцы, дожидаясь своей очереди, курили и весело обменивались впечатлениями о местных реалиях, обсуждая мороз, непривычный для многих после Белоруссии, тесные дома, где придется спать на полу без одеял и матрасов, ну и хит сезона — финские бани без каменки и веников. Наполнив котелки пищей, мы вместе со старшиной вернулись в избу и сев за стол, быстро расправились с обедом, состоявшим из щей с кислой капустой и перловки с мясом. Не хотелось бы кликушествовать, но похоже, это будет наше стандартное меню на ближайшие месяцы. Опустошив свою походную посуду, санитары под командованием Павлова, в соответствии с приказом комиссара, ушли проверять бойцов роты на вшивость (в прямом смысле), а я, выйдя со двора, под внимательными взглядами постовых, срезал ножом с молодой одиноко растущей ёлки десяток веток подходящего размера и вернулся в избу, там за десять минут связал два веника, попутно рассказав старшине, об особенностях финской сауны. Потом мы в ожидании готовности бани занялись своими делами. Калинин достал из вещмешка картонную папку, сел поближе к окну и углубился в изучение своих бумаг, задумчиво шевеля губами и делая пометки карандашом. Я же, взяв винтовку, тщательно её почистил, протер все детали насухо, затем, достав простыню, купленную ещё в Горьком, оторвал полосу белой ткани и стал аккуратно обматывать приклад. Старшина, заметив мои манипуляции возмущённо воскликнул:

Ты что творишь!? Казённую вещь портишь! Да тебя надо под трибунал за вредительство!

Спокойно, старшина! Я эту простынь за свои кровные покупал, смотри — здесь нигде нет штампа РККА! — постарался я его успокоить.

Калинин, бросив свои бумаги, подошел ко мне и придирчиво осмотрев белую ткань со всех сторон, недовольно сказал:

Все равно зря, вещь хорошая, а ты её на финтифлюшки изводишь!

От этих финтифлюшек, как Вы, тащ старшина, изволили заметить, в скором будущем будет зависеть моя жизнь, да и не только моя. А это дороже, намного дороже белой тряпки!

Старшина, недовольно покачав головой, вернулся к своим бумагам у окна и уже оттуда спросил раздраженным голосом:

Ты слышал, что Павлов меня Петровичем зовёт?

Так точно, тащ старшина!

Вот и ты меня так же зови, когда по простому говорим! И чтоб я больше этих старорежимных словечек не слышал! — закончил он, намекая, на то, что утвердительный ответ начальнику в форме «Так точно!», был только в уставе царской армии, а в СССР эта фраза является неполиткорректной.

Есть, тащ Петрович! — шутливо согласился я, вновь вызвав его недовольство:

ТЬфу ты, клоун, растудыть налево!

Прекратив пререкаться со старшиной, я завершил маскировку винтовки, а затем, под неодобрительным взглядом старшины проделал ту же операцию с каской. Затем, сходя в баню, подбросил там дров в печку, положил в теплую воду веники и, вернувшись в дом, сообщил Петровичу, что уже можно париться. Санитаров решили не ждать, так как семерым в бане будет тесно, да и неизвестно, когда они закончат со своими вшивыми делами. Поэтому, прихватив мыло и бритвенные принадлежности мы отправились в сауну вдвоём. Пар пришлось нагонять плеская водой на чугунную дверцу топки, быстро остывавшую от воды, поэтому доведение до подходящей влажности заняло минут пятнадцать, и за это время, узнав от Петровича, что смену нательного белья привезут только через несколько дней, я по быстрому простирнул кальсоны с рубахой, планируя, что после помывки гимнастёрку с шароварами придется надеть на голое тело, но ничего, ночь как-нибудь переживу. Вопреки недоверчивому отношению Петровича, еловые веники показали себя с лучшей стороны — главное, не лупить со всей дури как берёзовым. Для большего кайфа мы, по русской традиции после парилки пару раз выбежали на улицу и повалились в снег. Так что, заканчивая помывку, мы со старшиной пришли к заключению, что несмотря на отсталость финнов в этом деле и отсутствие пива, банный вечер получился у нас превосходным. Санитары появились аккуратно, когда мы закончили, но сразу мыться не пошли, так как была израсходована почти вся горячая вода. Вернувшись из бани, мы с Петровичем ударили по чаю с галетами, наслаждаясь мимолётным ощущением счастья под разговоры санитаров о собранных во время проверок бойцов новостях и сплетнях, среди которых, впрочем, не было ничего заслуживающего внимания. Через полчаса санитары пошли в баню, Петрович умотал по своим делам, а ну я занялся каской. Ещё в клубе реконструкторов мне приходилось примерять каску РККА, тип СШ-40, которая мало отличалась от имевшейся у меня СШ-39. Сейчас мне предстояло устранить проблему заключающуюся в том, что крепления и подшлемник не рассчитаны на зимний период, то есть каска должна надеваться на голову без шапки. Однако в условиях карельской зимы гулять по лесу без теплого головного убора — натуральное безумие. Каска же крайне необходима в бою — от прямого попадания из винтовки или пулемета, она, конечно не уберёжёт, но от разлетающихся в разные стороны во время лесного боя щепок, осколков, pistolетных и автоматных пуль голову вполне может защитить, а это уже немало. Поэтому я до ужина возился с креплениями — убрал встроенный подшлемник, а ремни приспособил так, чтобы каску можно было закрепить как поверх буденовки, так и поверх моей кроличьей шапки.

* * *

Следующее утро второго января одна тысяча девятьсот сорокового года выдалось таким же ясным и морозным, как предыдущее, новогоднее. Стоя на левом фланге ротного строя, даже не пытаюсь вслушиваться в пропагандистский бред комиссара, я любовался окружающими пасторальными пейзажами. На востоке только занималась алая заря, укутанные мохнатым инеем деревья казались созданными из хрусталия абстрактными произведениями искусства, а бревенчатые избы, ничем не отличающиеся от сельских домов России, создавали впечатление, что я где-то в средней полосе. И если бы не периодически доносящиеся издали звуки разрывов артиллерийских снарядов, и строй парней в военной форме, внимательно слушающих речь старшего политрука, то вообще ничего не напоминало бы о том, что я уже нахожусь на войне.

Когда, наконец, Белковский закончил свою бессодержательную речь, слово взял Волков, который, без лишних экивоков, приказал поворачиваться направо и двигаться в сторону заснеженного поля, отделяющего городок от соснового бора. Там командир роты приказал повзводно отрабатывать походное движение в лыжной колонне с последующим развертыванием в боевой порядок, отправив меня заниматься с первым взводом. Сначала мы провели тренировку, двигаясь колонной по одному. Полсотни лыжников растянулись метров на сто пятьдесят, и, когда раздалась команда занять позиции к бою, взвод смог перестроиться в боевое положение под матерные крики лейтенанта только за две минуты. Казалось бы, чего сложного в разворачивании из колонны в боевой порядок,

фактически представляющий из себя шеренгу? Но заснеженное поле это не плац, а когда на ногах ещё и лыжи... смотреть как бойцы падают, сцепившись лыжами или с ошалелыми глазами бегут на правый фланг вместо левого, было бы смешно, если бы не было так грустно, а если представить, что дело происходит в лесу под обстрелом противника, то смертельно грустно. Сходив после первой тренировки на доклад к командиру роты, лейтенант по возвращении приказал отрабатывать движение тремя колоннами — по центру идёт два отделения и по одному отделению с флангов на удалении тридцать-сорок метров. Так дело пошло на лад и хоть к концу тренировки бойцы едва не падали с ног, но добились вполне приличных результатов.

Когда по окончании утренних тактических занятий, рота строем проходила мимо Волкова, то он подозвал меня к себе, спросил:

Что это ты с винтовкой и каской сделал?

Обернул для маскировки, на снегу не так заметно будет.

Ты же в шинели, всё-равно заметно! — недоуменно указал мне командир на очевидный факт.

Так у меня и маскхалат есть, с ним всё нормально будет! Как раз хотел спросить у Вас разрешения надеть его.

И где же ты его раздобыл?

Заказал у портной ещё в Горьком, когда повестку получил.

Волков смерил меня взглядом, будто увидев впервые, его, видимо, поставил в тупик тот факт, что сержант за свои деньги приобретает амуницию, которая, вообще-то должна выдаваться за казённый счёт. Впрочем, капитан более ничем не выдал своего удивления и разрешил мне носить маскхалат как на тренировки, так и на боевые выходы. Я же, решив не останавливаться на достигнутом, затребовал ещё позволения надеть унты и кроличью шапку, похоже, окончательно вызвав у того разрыв шаблона.

И из каких же соображений ты взял с собой на войну унты? — после небольшой паузы с некоторым удивлением в голосе переспросил меня ротный.

Так зима же, север, холодно, а в них по любому удобнее, чем в валенках!

Это да, удобнее, — с некоторой завистью в голосе согласился капитан, снова взяв паузу, и мне подумалось, что ему претит, что один из нижних чинов, одетый не по уставу, будет слишком сильно выделяться на общем фоне однообразно-уставной роты.

Тем не менее, здравый смысл восторжествовал (или, скорее, командир принял во внимание то, что я и без того уже выделяюсь из общей массы, будучи снайпером-орденоносцем) и мне было разрешено одеваться более комфортно. Про наколенники, налокотники и телогрейку я спрашивать не стал, так как их не будет видно под маскхалатом.

После обеда тренировки продолжились уже в лесу, но на этот раз я, уже в унтах, кроличьей шапке и маскхалате, тренировался с третьим взводом. Пришлось изрядно побегать, то на лыжах при отработке движения в походном построении, то пешком по колено в снегу при отработке взаимодействия во время боя, так что к вечеру бойцы и командиры едва стояли на ногах и обливались потом, несмотря на двадцатиградусный мороз. Учеба закончилась перед самым ужином и я, вернувшись в дом вместе с санитарями, практически сразу отправился к полевой кухне, только сбросив маскхалат и взяв котелок. Получив свою порцию макарон по флотски, я собрался было возвращаться в избу, но появился Петренко, выказавший при встрече со мной неподдельную радость. Я не стал чураться земляка и пригласил его в свой дом. Тот с радостью согласился и, дождавшись, пока он получит свою порцию пищи, мы направились в избу. Расположившись в полутьме, разгоняемой лишь одной-единственной лучиной, за столом в спальне, земляк с нескрываемой завистью констатировал:

Хорошо у вас, просторно! А у нас там двадцать три человека в пятистенке — яблоку упасть негде, бойцам приходится жрать сидя на полу, а я, когда за стол сажусь, буржуем себя чувствую, аж кусок в горло не лезет.

Ну да, могли бы побольше домов выделить, вон на соседней улице стоят пустые, — согласился я с ним, прожевав очередную ложку разваренных макарон с мясом.

Так Волков хотел, чтобы все рядом были, так охранять легче, да и, говорят, что ещё части будут приходить, наступление ведь встало, подмога нужна, так что те дома, мабуть уже поделены, — объяснил Михаил ситуацию.

Потом Петренко принялся ругать финские бани и самих финнов, которые не могли додуматься до элементарных вещей, а я ему рассказал про еловые веники.

Вот те на! — земляк с досадой хлопнул себя по колену, — как же я сам-то не догадался?! Мне же дядька как-то рассказывал, как они на лесозаготовках в Шахунье зимой сосновыми вениками парились! Ругал он их, конечно, на чем свет стоит... Вот я и не вспомнил, ну ничего, в следующий раз!..

Потом разговор перешёл на сегодняшние тренировки.

Да, если бы мы в том состоянии, как с утра были, финнов встретили, показали бы они нам кузькину мать, и взвода ихнего бы на нашу роту хватило, перебили бы как курей. А так за день хоть немного двигаться научились! — объективно оценил Петренко боеготовность пограничников и спросил меня, — Ты тоже занимался?

Ага, побегал сначала с первым взводом, а после обеда — с третьим, — коротко, но ёмко рассказал я товарищу

про свои сегодняшние дела.

А с нами весь день Горбушкина бегала, ей командования тоже, как и тебе, не доверили, хоть и капитан, простым снайпером будет... Кстати, слышал? У них с комиссаром всё сладилось, и в баньку вдвоем ходили, и в комнате одной живут...

Не знал... — задумчиво отреагировал я на новость, — Ну да это их дела, не маленькие же дети!

Ага, так то оно так, но он-то ведь женат и двоих детей имеет!

Тем более это их дела, — продолжил я настаивать, думая о том, что комиссару за военно-полевой адюльтер может здорово влететь по партийной линии.

Ну да, наверное, ты прав, у нас другие заботы: поспать, пожрать, и, главное, живым остаться, — в конце-концов согласился земляк.

И чайку попить! — дополнил я его пирамиду потребностей, наливая в кружки ароматный напиток.

Мы успели сделать лишь по паре глотков, как дверь в спальню без стука открылась и в дверь вошёл боец из первого взвода, который, пытаясь рассмотреть в полумраке сидящих за столом меня и Петренко, доложил:

Красноармеец Сазонов! Меня лейтенант Бондаренко к комоту Ковалёву послал!

Тут я! — подав голос, я, не вставая из-за стола, помахал рукой, и боец, наконец, разглядев меня, продолжил:

По приказу капитана Волкова Вы идёте завтра в многодневный боевой выход с первым взводом, и к семи часам Вам необходимо явиться в полном снаряжении к зданию штаба.

Понял! Можешь идти!

Красноармеец развернулся и скрылся за дверью.

Вот значит как... Многодневный... — задумчиво протянул Петренко, отхлебывая чай, — Вот служба и началась!

Ну так, того и следовало ожидать, — спокойно прокомментировал я полученный приказ, — Ты вот галету бери и сахар к чаю, не стесняйся!

Дальше мы пили молча, погружившись в свои мысли. Я обдумывал свою экипировку, размышляя о том, стоит ли одевать телогрейку и брать ли с собой все имеющиеся личные запасы продуктов? Допив чай, мы с Петренко тепло попрощались, и я занялся подготовкой снаряжения, решив, что из еды надо взять лишь пару пачек галет, да отрезать шмат сала. Нам ведь должны будут выдать достаточно продовольствия. Лучше по максимуму боеприпасами нагрузюсь, а телогрейку суну в вещмешок — при движении в ней будет жарко, но если придется ночевать в полевых условиях, то она очень даже может пригодиться. Закончив нехитрые приготовления к боевому выходу — у меня ведь, по большому счету, и так всё было давно готово, я завалился спать под сверлящую мысль о том, что винтовка так мною и не пристреляна.

На следующее утро, проснувшись без двадцати семь, я умылся, натянул на себя всю одежду и снаряжение, подхватил винтовку и собранный ещё с вечера вещмешок, а затем вместе с санитаром Гришей Шишкиным, который, как оказалось, тоже был прикомандирован на время боевого выхода к первому взводу, ровно к семи часам прибыл к штабу. Встретивший нас лейтенант Бондаренко, придирчиво осмотрев мой внешний вид, приказал получить у полевой кухни завтрак, принять пищу во взводной избе и идти на склад для получения довольствия, а я доложил ему о том, что винтовка у меня так и не пристреляна, на что получил ответ, что рядом с городом шум выстрелов может повлечь подъём по тревоге расположенных там частей, так что надо отойти подальше.

Позавтракав в соответствии с распоряжением командира в тесной избе первого взвода, мы с Гришей и другими бойцами уже через двадцать минут прибыли на склад, где под присмотром находившегося здесь Бондаренко, нами занялся Петрович, выдавший каждому сухпай на два дня, три гранаты РГД-33 и положенное количество патронов, здесь сославшись на снайперскую специальность, я смог выбить у старшины добавки и теперь с учётом боеприпасов, полученных ещё в Горьком, у меня теперь было двести тридцать патронов — не бог весть что, конечно, однако Калинин обнадежил, сообщив, что дополнительные боезапас с продуктами уложены ещё и на волокуши, которые мы также потащим с собой.

Когда я, покинув склад, посмотрел на часы, было уже без четверти восемь, и мне пришлось ещё пятнадцать минут топтаться на улице в обществе замкомвзвода Тошбоева, ожидая построение и поёживаясь от забравшегося под одежду стылого ветра, в то время как бойцы заканчивали затариваться на складе. Тошбоев за это время успел рассказать про нашу задачу — пройти по лесам около двадцати километров в восточном направлении, в конечной точке оборудовать кордон, а затем, опираясь на него, приступить к патрулированию дальних тылов армейских частей, воюющих к северу от нас. Ну теперь хоть немного понятно, куда и зачем нас посылают отцы-командиры. Как-то спокойнее на душе стало... А ведь как все хорошо начиналось... Курва! И в животе всё заледенело, стоило лишь представить предстоящие будни в холодных финских лесах. Пся крев! Я в городе хочу остаться, в теплой избе и с финской баней!

Однако долго пребывать в пессимистической меланхолии у меня не получилось, так как прозвучала команда:

Рота в четыре шеренги становись! — и я поспешил занять место на правом фланге взвода за спиной Тошбоева.

Потом, по обыкновению, выступил комиссар, в очередной раз успешно заклеив агрессивных наймитов мирового империализма. А по окончании его короткой, но пафосной речи, Волков вызвал из строя Бондаренко, который громким, хорошо поставленным командирским голосом доложил:

Первый взвод в составе сорока четырех бойцов и младших командиров, включая прикомандированных снайпера и санитара, к выполнению боевой задачи готов!

После чего, выслушав доклад, командир роты отдал команду:

Приказываю заступить на охрану тылов фронтовых частей Красной Армии! При выполнении задачи неукоснительно соблюдать требования Уставов!

Затем, по команде Бондаренко, взвод повернулся направо и направился на восток, в сторону соснового бора, расположенного за околицей финского городка. Далее, дойдя до опушки, мы, следуя приказам командира, встали на лыжи и тремя походными колоннами, углубились в пока ещё темный предрассветный лес. Как и на вчерашних тренировках, при движении мне было отведено место в середине центральной колонны, впереди меня скользило первое отделение, а сзади двигалось четвертое, в котором каждый боец тащил за собой волокушу с грузом. Шли не спеша, в удобном для меня темпе, останавливаясь каждые два-три километра для выравнивания строя, так как боковые отделения умудрялись то забежать вперёд, то отстать, то уйти в сторону за пределы видимости.

Сосновый бор, по причине почти полного отсутствия подлеска и больших расстояний между деревьями, наверное, более других лесов подходит для лыжных прогулок, и именно по таким местам я любил пробежаться на лыжах в выходной день ТАМ, когда ещё жил в Тюмени. Пара часов физических нагрузок на морозном, пахнущем хвоей воздухе, доставляли мне тогда немалое удовольствие, в значительной степени благодаря тому, что я знал — вскоре вернусь в теплую квартиру, где сидя в глубоком кресле отхлебну ароматного кофе из синей с золотой каймой фарфоровой чашечки.

Здесь же ближайшие перспективы были куда печальнее — до упора тащиться с грузом за плечами, а потом ещё и заниматься обустройством кордона. И это в лучшем случае — если на финских диверсантов не нарвемся. Часа через два, когда солнце, уже окончательно оторвалось от горизонта, сосновый бор закончился и мы вышли к заснеженному, редко поросшему чахлыми деревцами болоту. Тут Бондаренко поменял тягловую силу, поручив тащить волокуши третьему отделению и отправив четвертое на правый фланг. Затем, выставив вокруг три парных поста, построил взвод и проинструктировал:

Болота зимой обычно не промерзают, однако на лыжах пройти можно. Нельзя падать и снимать лыжи. Передовой дозор двигается по одному, с дистанцией пять метров между бойцами, если на лыжне замечено проступание воды, нужно искать обходной путь, — закончив инструктаж, командир выкрикнул мою фамилию, — Ковалев!

Я!

Давай пристреливай винтовку и идём дальше!

Есть!

Получив приказ, я отъехал вдоль болота на триста метров, и, выбрав широкую сосну, ножом вырезал в коре углубление диаметром пять сантиметров, в которое вложил снег и утрамбовал его ладонью. Получилась мишень, хорошо заметная издали, вполне достаточная для пристрелки. Затем, отойдя на сто метров, два раза выстрелил из лежачего положения. Вернувшись к мишени, я с удовлетворением осмотрел следы от точных попаданий, расположенные в сантиметре друг от друга. Продолжив пристрелку с трехсот метров, я получил не менее обнадеживающий результат, о чем и доложил командиру. Выслушав меня, тот приказал продолжать движение, и взвод тремя колоннами, выйдя на болото, заскользил дальше на восток.

Двигаясь таким образом, по моим прикидкам, отряд до двух часов преодолел около тридцати километров, однако если считать по прямой, то значительно меньше, так как нам приходилось обходить часто встречающиеся скалистые холмы и буреломы. В начале третьего часа взвод перешел по льду речушку шириной в полсотни метров и остановился на привал. Выставив дозоры, командир поручил Тошбоеву организовать разведение костров и прием пищи, а сам, вытащив карту, стал крутиться по сторонам, стараясь определить наше местоположение. Дождавшись, пока бойцы разведут четыре костра, по одному на отделение, я сел поближе к огню и поставил греться банку тушёнки, предварительно открыв её ножом, потом нанизал на ветку три куска хлеба и, вытянув руку, стал греть их над костром. Вдруг из памяти всплыло воспоминание, как в Польше я также грел хлеб над костром для Болеславы. Потом перед внутренним взором стали один за другим всплывать лучшие эпизоды нашего танкового путешествия, где эта чудесная девушка была невероятно красивой и желанной. Как же давно это было! От внезапно нахлынувшего отчаяния защипало в носу и на глазах выступили слезы. Кажется я становлюсь слишком сентиментальным, чёрт возьми! Сделав вид, будто поперхнулся дымом, я закашлялся и вытер слезы.

Неправильно сидишь, Андрей, дым-то на тебя идёт, вот и кашляешь, — посочувствовал мне Равиль Тошбоев, поглощая тушёнку с другой стороны костра.

Зато комаров нет, — сострил я в ответ и, достав закопченную банку из пламени, немного сдвинулся в сторону и

тоже приступил к обеду.

После того, как все поели, Бондаренко оставил Тошбоева за старшего в расположении взвода, а сам, взяв меня и вестового, отправился к близлежащему холму. Там, обойдя кругом, мы обнаружили, что противоположный реке склон вполне пригоден для подъёма и, оставив лыжи внизу, взобрались на вершину. Здесь командир снова достал карту и, пользуясь компасом и биноклем, продолжил привязку к местности, делая в блокноте пометки карандашом. Я же стал осматривать холм и окрестности с помощью оптического прицела, но ничего интересного не увидел. Холм при высоте порядка двадцати метров имел крутые скалистые склоны и только с южной стороны можно было без труда подняться на вершину. Далее он с трёх сторон огибался неширокой рекой, за которой мрачной стеной возвышался сосновый бор, а с южной стороны километра на три тянулось болото, далее виднелась опушка леса.

Филюк! — подозвал командир вестового, — передай Тошбоеву, что кордон будем ставить на этой высоте. Фролов со своим отделением остаётся внизу и занимается постами, а всем остальным с грузом немедленно подняться сюда!

С одной стороны, логичное решение — холм доминирует над местностью, к тому же при свете дня подойти скрытно невозможно — со всех сторон открытое пространство. А ночью в любом случае придется полагаться только на посты. С другой стороны, вода есть только внизу в реке, но это терпимо, так как можно и снег растопить, однако проблема ещё и в том, что на вершине практически нет ровных площадок для обустройства жилой зоны кордона, да и окопы с землянками здесь не выраешь — скала. Но приказ командира — закон, и вскоре я вместе с остальными бойцами включился в шалашно-строительные работы. Бондаренко с Тошбоевым определили одиннадцать участков условно пригодных для расположения шалашей. Мне досталось довольно неплохое место между двумя скалистыми выступами с восточной стороны холма, где для создания жилища было достаточно настелить сверху крышу и убрать с пола снег. Получив в распоряжение трёх бойцов из второго отделения, я немедленно приступил к работе. Благодаря предусмотрительности командиров в волокушах был шанцевый инструмент, но нашей бригаде топора, коих на взвод было всего пять штук, не досталось, однако малые лопатки (иногда ошибочно называемые саперными) тоже неплохо подходят для рубки веток и небольших деревьев, поэтому за полтора часа до захода солнца мы успели нарубить внизу необходимое количество жердей с лапником и затащить заготовленные стройматериалы наверх. В течении следующих двух часов, когда уже окончательно стемнело и на небе появились звёзды, моя бригада навела крышу, поставила стену в промежутке между выступами, затем мы вывели снег из построенного жилища, застелили пол лапником и закрыли вход щитом из сосновых веток. Потом ещё полчаса собирали камни на вершине и склонах холма, устроив из них очаг в дальнем от входа в углу. Разобрав там кусок крыши, чтобы было куда уходить дыму, мы запалили небольшой костер, и сели рядом, грея руки и наблюдая, как дым уходит через дыру в потолке. Вроде получилось неплохо. Оглядев ещё раз творение своих рук, я нашел лейтенанта и доложил ему о завершении строительных работ. Тот, не удовлетворившись моим докладом, прошёлся со мной и осмотрел шалаш со всех сторон, после чего, забравшись внутрь и оценив костер, горящий в очаге, командир вынес свой вердикт:

Что же, неплохо! Но внимательно смотрите, чтобы не угореть от дыма, на ночь костер потушить! Иди у Тошбоева получи крупы на четверых, тушёнку надо экономить, разделите одну банку на всех, сварите кашу в котелках на своем костре!

Действуя в соответствии с приказом командира, я вместе с бойцами к восьми часам вечера плотно поужинал и, решив, что было бы неплохо в очаг добавить ещё камней, чтобы тепло дольше держалось, отправил бойцов найти и принести валунов покрупнее. Сам же остался в тепле приглядывать за костром. Сержант я или кто?! Устроившись у огня, на полный желудок я разомлел и совсем бы уснул, если бы не периодически залезавшие в шалаш красноармейцы с камнями. Однако вскоре очаг был доведён до более приличного состояния и мы, потушив костер и задраив отдушину, завалились спать.

Проснувшись в два часа ночи, я обнаружил, что шалаш выстудился и внутри стоит собачий холод, который уже успел тихой сапой пробраться мне под одежду и хорошенько остудить тело, ощущавшееся теперь сплошным куском замороженного мяса. Во избежание дальнейшего переохлаждения, я разбудил бойцов, приказав им размяться, открыть отдушину и вновь развести костер в очаге. Сам тоже выбрался наружу и присел раз двадцать, разгоняя кровь по замёрзшим жилам. Когда через десять минут все мои поручения были выполнены, а в очаге вновь заплесало ласково согревающее пламя, я назначил дежурного и, пригрозив ему всеми возможными карами, если он, не дай бог, уснет, вновь погрузился в дрему. Дальше я уже не мог нормально спать, так как надо было периодически просыпаться, чтобы проверять и менять дежурных. Тяжела и сложна жизнь командира.

В семь часов утра нас разбудил вестовой командира взвода Филюк, который принес крупы и банку тушенки:

Тащ комот! Вставайте! Вот завтрак на всех! В восемь часов вы со вторым отделением идёте в патруль!

Умывшись снегом и размявшись на холодке, мы с парнями сварили в котелках перловку, добавили туда тушёнку и позавтракали. Затем нашли Бондаренко и ровно в восемь часов в составе второго отделения под началом

отделенного командира Дмитрия Соловьева, я спустился с холма и мы отправились на восток. Небо было затянуто облаками, падал редкий снег и поначалу, пока не начало светать, нам пришлось двигаться по темному карельскому лесу очень медленно, тщательно выбирая дорогу. Сам я, конечно, благодаря своему хорошему ночному зрению мог бы идти быстрее, но Соловьев поставил меня замыкающим и я медленно плёлся позади. После девяти часов уже значительно посветлело и мы могли бы ускориться, но вошли в труднопроходимый лиственный лес с густыми зарослями кустарника и буреломом, из-за чего скорость нашего движения ещё снизилась. Потом наткнулись на незамёрзшее болото и пошли на север в надежде найти обход. На нашу, и без того небольшую скорость движения влияло ещё и то, что командир отделения останавливался каждые пятнадцать минут и делал пометки на схематически нарисованной от руки карте. Так, плутая по заснеженной тайге, до четырнадцати часов, когда, после обеденного привала, Соловьев принял решение возвращаться, по моим прикидкам, мы вряд ли отделились от кордона дальше семи километров по прямой. Назад отряд пошел не по своему, уже порядком засыпанному снегом следу, а «по прямой» как выразился командир отделения. Разумеется, как я и предполагал, его настрой оказался излишне оптимистичным и на обратном пути порядком уставшему отряду пришлось покружить ничуть не меньше, обходя многочисленные препятствия. Небольшим утешением для нас явилась березово-рябиновая роща, где по моей инициативе бойцы набили вещмешки мороженой рябиной. А то взводу в качестве питания выдали только перловку и тушёнку, так и до цинги недалеко. На кордон мы вернулись только в половине седьмого, уставшие как ездовые собаки.

На следующее утро, один из бойцов второго отделения, проживающий в моём шалаше, Андрей Пинегин, разбудил меня и остальных бойцов радостным сообщением:

Тама на севере бабахает шибко! Небось наши белофиннов бьют!

Заинтересовавшись, я выбрался на мороз и, отойдя от кучкующихся красноармейцев, восторженно обсуждающих изменение ситуации на фронте, прислушался. Действительно, с северного направления доносились раскаты артиллерийской канонады, а на горизонте предрассветную тьму временами разрывали едва заметные сполохи. Ко мне подошёл Тошбоев и с воодушевлением произнес:

Наконец-то наши делом занялись, а то, считай, дней десять на месте топтались! Давно уже пора этих вражин задавить!

Мне очень хотелось бы порадоваться вместе со всеми, однако, хотя у меня знания об истории этой войны были довольно скудными, я помнил, что мирный договор с Финляндией был заключён где-то в середине марта, так что, если даже там, на севере, сейчас пытается наступать Красная Армия, в чем у меня были некоторые сомнения, то никакого положительного эффекта не будет, и мёрзнуть нам на этом кордоне придется ещё долго. Потоптавшись там ещё пару минут, я пришел к выводу, что дальнейшее стояние на холоде не имеет смысла, и вернувшись в шалаш, подбросил дров и устроился поближе к очагу. На часах было уже половина седьмого утра и пытаться ещё поспать не имело смысла, да и не хотелось — выпался. Примерно через двадцать минут в шалаше появились воодушевленные бойцы, после чего мы, получив продукты, поставили на очаг свои котелки с растопленной из снега водой и перловкой.

После завтрака, к которому мы сегодня добавили по десятку горьковатых ягод рябины, наше отделение вновь отправилось патрулировать в запутанных таёжных лабиринтах восточного направления. Вчерашняя лыжня была уже засыпана снегом и отряду пришлось прокладывать путь по снежной целине. Однако, благодаря приобретённому опыту, сегодня нам удалось отойти от кордона на несколько километров дальше и не сильно плутать при возвращении.

Эта ночь была несколько теплее предыдущих, да и нападавший снег утеплит крышу, поэтому при потушенном костре получилось проспать почти до утреннего подъёма. Проснувшись в половине четвертого я вышел до ветру и, справив нужду, осмотрелся по сторонам, отдавая дань смутной тревоге, мучившей меня с вечера. Вокруг стояла ночная тишина, а в прояснившемся небе висела половинка луны, заливая окружающий зимний пейзаж серебряным светом. Красота. Заметив вдали какое-то движение на уходящей к северу речке, я, вернувшись в шалаш, взял винтовку и с помощью оптического прицела пригляделся к заинтересовавшему меня объекту. По ровному, покрытому заснеженным льдом руслу беззвучно, словно бестелесные призраки, вызывая ощущение нереальности происходящего, размеренно отталкиваясь палками от наста, скользили десятка два белых силуэтов.

Боец! — вполголоса подозвал я топчущегося поблизости часового и приказал ему, — поднимай лейтенанта, к нам приближается финский отряд.

Где? — будто проснувшись, красноармеец выпучил глаза и взяв винтовку наизготовку, стал крутиться на месте, вглядываясь по сторонам.

Да не дергайся ты так! До них ещё километра два. Я просто в темноте хорошо вижу, а тебе не разглядеть. Буди командира!

Есть!

Боец направился к командирскому шалашу, а я, вернувшись к себе, натянул маскхалат и надел каску. К тому

моменту, когда я вновь прибыл на наблюдательную площадку, там уже был Бондаренко, накинувшийся на меня с расспросами:

Ковалёв, что ты городишь?! Какие финны?! Где?!

Вон там! — я махнул рукой, указывая на север, — по льду реки приближаются, сейчас до них уже примерно полтора километра.

Лейтенант посмотрел в бинокль и через полминуты отозвался:

Вроде бы есть какое-то движение, но и только...

У меня хорошее ночное зрение, там лыжники, около двадцати человек.

Крылов! — командир подозвал караульного, — Зови сюда Тошбоева, командирам отделений поднимать бойцов по тревоге, но не шуметь, огня не зажигать и не курить!

Красноармеец удалился едва ли не бегом и через минуту в лагере поднялась суета. Бойцы приводили амуницию в порядок и с оружием в руках занимали позиции. А я, попросив у лейтенанта бинокль, смог получше рассмотреть приближающегося противника.

Семнадцать диверсантов, идут колонной по одному, авангард три человека с удалением пятьдесят метров, сзади трое с волокушами, — сообщил я о результатах наблюдения командиру и подошедшему Тошбоеву.

А может, это наши? — предположил Равиль.

И что они тут делают в четыре часа ночи? — задал я ему встречный вопрос.

Может армейская разведка, они тоже тылы патрулируют и маскхалаты у них есть, — согласился со своим помощником Бондаренко, — пошлю бойца, чтобы сперва спросил.

По мне так совершенно напрасно. Но, в случае чего, отвечать ведь ему, так что он, разумеется, в своём праве. Далее Бондаренко подозвал Прошкина, энергичного худощавого старшего красноармейца и поставил перед ним задачу:

Там, слева от холма, прямо на берегу валун выступает из земли, вот за ним и спрячешься, а как подойдут метров на пятьдесят, с этого расстояния тебе их уже видно будет, то кричи погромче: «Стой, кто идёт» а сам за камень прячься и не высовывайся, даже если стрельба начнется! Понял!

Понял!

Тогда бегом марш!

Боец бегом скрылся внизу, а я снова приложился к оптическому прицелу, рассматривая движущегося в нашем направлении противника. Командир тоже посмотрел в бинокль и сказал будто сам себе, но так, чтобы слышали мы с Тошбоевым:

Идут. Меньше километра осталось.

Томительное ожидание действовало на нервы не только мне, но и командиру, и его помощнику, но мы практически не разговаривали, а молча вглядывались в темноту, ожидая приближения противника на дистанцию уверенного поражения. Начавшие замерзать на позициях бойцы согревались как могли, разгоняя кровь скудными движениями. Но вот, наконец, передовому дозору финнов (а я был абсолютно уверен, что это они) осталось до позиции Прошкина три сотни метров и я занял позицию, разместившись лёжа между двумя валунами среднего размера. Лейтенант полушепотом подозвал командиров отделений и распределил сектора обстрела, после чего занял место за валуном неподалеку от меня. Наведя прицел на передового диверсанта, я с волнением ожидал начала боя. Когда лыжники подошли ещё ближе, старший красноармеец зычным голосом (теперь мне стало понятно, почему командир выбрал именно его) крикнул:

Стой кто идёт?

Но диверсанты, разумеется, ничего не стали ему отвечать, а бросились в снег, отбрасывая в стороны лыжи и занимая позиции для стрельбы лежа. Те же самые действия предприняла и основная группа противника. Тем временем Прошкин, не услышав ответа, начал импровизировать:

Чего молчите? Стрелять буду!

После этой фразы два диверсанта поползли к нашему бойцу, стараясь взять его в клещи. Этого оказалось достаточно, чтобы у лейтенанта пропали последние сомнения, и он отдал команду:

По врагу — огонь!

По этому приказу высота немедленно окуталась грохотом выстрелов винтовок и пулеметов. Я успел подстрелить лишь одного финна из головного дозора, как большая часть врагов, успевших сделать в нашу сторону не более сотни выстрелов, были уже убиты, получив по две-три пули. До основного отряда противника было не более трехсот метров, у нас было численное превосходство и выгодное положение на холме, благодаря чему противник был виден на ровном снегу в лунном свете как на ладони. Лишь замыкающие колонну четверо диверсантов избежали гибели в начале боя и попытались скрыться, но я не дал им такой возможности, потратив на каждого по одному выстрелу. Последнего, самого прыткого, снял уже с пятисот метров.

Прекратить огонь! — скомандовал лейтенант, когда стрельба и без того стала затухать, и, дождавшись, пока

этот приказ, продублированный его помощником и командирами отделений, будет выполнен, продолжил, — Тошбоев, берешь второе отделение, проверить противника, если есть раненые, тащи их сюда, собрать документы и оружие, взять их волокуши...

Тащ лейтенант, разрешите обратиться, — решил и я вставить свои пять копеек.

Говори, — хмуро кивнул не отошедший ещё от горячки боя командир.

Там я одного в ногу подстрелил, похоже ещё живой, ворочается, его бы в плен взять, только аккуратно надо, и ещё снять бы с них маскхалаты — нашим-то они очень быгодились, да лыжи взять с ботинками, ну и ранцы ихние с продуктами.

Это уже мародёрство получается!

Тащ лейтенант, в статье там как написано? Корыстный умысел должен быть. А у нас тут умысел — только повышение боеготовности. Да и связного в роту в любом случае посылать надо, вот и запросим разрешение.

Ладно, убедил, — согласился со мной после недолгого раздумья командир, — вот ты сам этим и займись. Иди с Тошбоевым, сначала пленного взять, потом организуешь сбор имущества и опись составишь!

Ну да, как и положено в армии, инициатива имеет инициатора! Получив приказ, я отправился к шалашу, где, сняв ненужные на предстоящих работах маскхалат и каску, надел шинель и догнал на склоне второе отделение во главе с Тошбоевым.

Дойдя до реки, первым делом я, взяв с собой Андрея Пинегина, направился в хвост колонны, где раненный мною в ногу диверсант отчаянно пытался уползти по пластуни подальше от этого кошмарного для него места. Совершенно бессмысленно, на мой взгляд, но, с другой стороны, не лежать ему же спокойно в снегу, дожидаясь, когда подойдут русские и пристрелят, ну или, в лучшем случае, возьмут в плен. Приказав Андрею следовать за мной в пяти метрах и не стрелять без приказа, я, держа винтовку на изготовку, быстрыми шагами приблизился к раненному врагу метров на пятьдесят, когда тот, услышав шаги, сел лицом ко мне и, подняв руки вверх, что-то залопотал по-своему. Похоже, сдаётся и просит не стрелять. Не теряя бдительности, я, держа его на мушке, медленно приблизился и, зайдя ему за спину, приказал бойцу:

Вяжи ему руки за спиной.

Дождавшись, когда Пинегин выполнит мой приказ, я положил раненного диверсанта лицом в снег и, осмотрев у стонущего от боли финна левую, простреленную ногу, определил, что перебита кость ниже колена, но крупные сосуды не повреждены — жить будет. Поразмыслив над своими дальнейшими действиями, я озадачил бойца:

Андрей, разломай его лыжи пополам и тащи сюда, потом освободи вон ту волокушу от поклажи и тоже тащи сюда.

Пока Пинегин выполнял мои указания, я нашел в рюкзаке у диверсанта перевязочный пакет и туго забинтовал рану, потом, используя обломки лыж, наложил шину. Тут раненый пришёл в себя и спросил:

Ду ю спик инглиш? — и, услышав, моё подтверждение, продолжил по-английски с ужасным акцентом и коверкая слова, — не убивайте, я хочу жить.

Если хочешь жить, то ты должен будешь рассказать честно все, что знаешь, — ответил я ему на языке Шекспира, — сейчас мы тебя отвезём в наш лагерь, там и допросим.

После этого короткого диалога, мы с Пинегинем взвалили пленного на волокушу и за пятнадцать минут дотащили его до нашего лагеря и запихнули в мой шалаш, там я развел костер и, оставив бойца для присмотра, нашел командира, нервно прогуливавшегося по вершине и доложил ему:

Мною совместно с красноармейцем Пинегиным задержан раненный финский диверсант, ему оказана первая помощь, дальнейшее лечение необходимо проводить в условиях госпиталя. Пленный владеет английским языком, так что есть возможность допросить.

Кто допрашивать будет? — как-то раздражённо спросил меня лейтенант, — Ты что ль?

Могу и я.

Английский знаешь? — удивлённо уточнил командир.

Да.

Теперь Бондаренко смотрел на меня с нескрываемым подозрением, — уж не шпион ли я? Но, видимо, поразмыслив, он решил не учинять сейчас следствия, а использовать мои таланты на пользу дела.

Пойдем! — после паузы сказал он, — я буду спрашивать, а ты — переводить и записывать! — и, безрезультатно поискав глазами вестового, — крикнул в темноту, — Филюк!

Я! — боец мгновенно появился будто из воздуха метрах пятнадцати от нас и подбежал к командиру, поедая его глазами и показывая свою готовность исполнить любой приказ.

Найди Тошбоева, передай, чтобы трофеями полностью сам занимался, а Сашаеву передай, пусть подойдёт в шалаш Ковалева!

Есть! — боец побежал выполнять приказ, а мы с командиром направились в шалаш. Там, отправив Пинегина на улицу, мы приступили к допросу диверсанта.

Через пять минут появился командир третьего отделения Сашаев и получил приказ пройти по лыжне, оставленной финнами на три километра, мало ли что.

Ещё через час мы закончили допрос, и хмурый Бондаренко, взяв лист с записями, выбрался из шалаша. А я позвал Пинегина с улицы, вскипятил на костре воды из снега и сыпанул в котелок заварки, потом вытащил из своего вещмешка хлеба и сала, сделал три бутерброда, два из которых раздал бойцу и пленному, разлил чай по кружкам и, приступив к лёгкому завтраку, погрузился в раздумья. Да... Плохи наши дела... Полученная от диверсанта информация была безрадостной. Канонада, которую мы вчера приняли за наступление наших, со слов пленного, на самом деле сопровождала крупное успешное наступление финских войск. Всех подробностей он не знал, да и не мог знать, но был совершенно уверен, что фронт частей Красной Армии прорван, так как их группу как раз и отправили через прорыв для совершения разведки и диверсий. Так что очень даже может быть, что между нами и регулярными частями финской армии больше нет никаких советских частей и разделяет нас только расстояние, леса и снега. Перекусив, я поручил Пинегину следить за костром и пленным, а сам лег на лапник с намерением вздремнуть в тепле, справедливо рассудив, что если я буду нужен, то меня найдут. Но планы на отдых оказались несбыточными, так как вскоре вломился Филюк и дал мне банку трофейных консерв и крупный кусок финского же белого хлеба:

Командир приказал Вам быстро поесть, через двадцать минут выступаете!

После недавнего перекуса голод уже не ощущался, но, раз такое дело, я немедленно вскрыл банку, с некоторым разочарованием обнаружив там рисовую кашу с мясом — мне бы предпочтительнее была чистая говядина — но, делать нечего, и, подогрев банку за пять минут, я быстро расправился с содержимым. Потом, надев маскхалат и взяв полный комплект своего снаряжения, я направился к командирскому шалашу, где меня уже дожидался лейтенант в компании четырех рослых бойцов, вооруженных СВТ, уже одетых в трофейные маскировочные костюмы с пятнами крови.

Ковалёв, ты ведь хороший лыжник? — спросил командир, после того, как я доложил о прибытии.

Да, — утвердительно кивнул я.

Так вот, слушай приказ — вот с этими красноармейцами, которые тоже неплохие лыжники, берешь пленного и тащишь его в Питкяранту, ну и документы финские все возьмёшь, — он протянул мне увесистый свёрток, — Тут и мой рапорт. Для ориентировки вот тебе трофейные компас и карта, — закончив передачу мне принадлежностей для ориентирования на местности, он произнес, — Командуй!

Первым делом я записал данные переданных мне в распоряжение бойцов, потом приказал им принести свои шинели, которые они сняли, чтобы надеть маскхалаты. Далее мы вдвоем с Пинегиним вытащили пленного из шалаша, где я натянул на него свою телогрейку, а затем, укутав финна в шинели бойцов, привязал его к волокуше. Я всерьез опасался даже не за здоровье, а за жизнь пленного, так как ему предстояло лежать на морозе несколько часов в неподвижном состоянии. Ещё раз осмотрев бойцов и проверив их снаряжение, дал команду на выдвижение. Спустившись с холма, наш небольшой отряд встал на лыжи и в предутренней темноте отправился в путь по старой лыжне проложенной три дня назад нашим взводом и последние два дня использовавшейся первым отделением для патрулирования в западном направлении. Шли мы колонной по одному с бойцом в передовом дозоре. Лыжня была укатанная, бойцы действительно оказались сильными лыжниками и, часто меняясь у волокуши, у нас получалось поддерживать весьма неплохой темп.

Полученное задание, в общем, несмотря на то, что придется почти весь день переться на лыжах, меня даже несколько обрадовало, так как была перспектива попариться в баньке и переночевать в человеческих условиях, а там, глядишь и вообще могут в городе оставить, поэтому я скользил по лесу в прекрасном настроении, равномерно отталкиваясь палками. Уже через два часа мы сделали привал, в первую очередь для того, чтобы не дать замёрзнуть финну. Запалив костер, мы быстро вскипятили чай, дали горячего напитка финну, выпили сами, прогрели пленного у костра и через сорок минут снова продолжили свой путь. Ещё через час движения, когда солнце поднялось уже достаточно высоко в безоблачном небе, накатанная лыжня кончилась. Вчера именно здесь первое отделение развернулось, направившись назад к кордону, и теперь нам предстояло идти дальше по едва заметной под выпавшим снегом лыжне, заметно снизив скорость движения. Ещё через полчаса, двигаясь первым в основной колонне, я увидел, как идущий в головном дозоре Прохор Ильин внезапно соскочил с лыжни и рухнул в снег. Подав вполголоса команду: «Ложись!», я повторил его маневр и нырнул в сугроб, сняв и отбросив лыжи в сторону, шедшие сзади бойцы также, не медля, последовали моему примеру. Замерев лёжа в снегу, мы несколько минут до рези в глазах вглядывались в окружающий нас сосновый лес, однако противник никак себя не проявлял. Тем временем Прохор, чуть приподнявшись, махнул рукой, подзывая к себе. И как? Как к нему подбираться? Ползком по снегу, или можно добежать, пригнувшись? Немного подумав, я избрал безопасный, хоть и более сложный путь. Вы когда-нибудь пытались ползать по пластунски в рыхлом снегу глубиной хотя бы полметра? Попробуйте. Незабываемые впечатления гарантированы! Примерно так думал я, когда взмокнув от пота, преодолел разделяющее нас расстояние в полсотни метров.

Что тут у тебя? — шёпотом спросил я Ильина, осторожно выглядывая из сугроба рядом с ним.

Лыжня! — он указал рукой вперёд, — Чужая!

Присмотревшись в указанном направлении, я понял, что он имеет ввиду. Впереди, метрах в двадцати от нас, к заметенной снегом лыжне, оставленной нашим взводом при движении в сторону кордона, подходила и сливалась с ней свежая, вероятнее всего, оставленная финнами лыжня. Ещё раз осмотревшись по сторонам, я пришел к выводу, что дальнейшее лежание в снегу не имеет смысла, и, пригнувшись, двинулся вперёд, чтобы рассмотреть следы повнимательнее. Форма оставшихся от лыжных палок выемок, однозначно указывала на движение в сторону Питкяранты. Стало быть, эти следы оставлены финнами или небольшим лыжным подразделением Красной армии, отступившим из зоны боевых действий, что гораздо менее вероятно. В любом случае, при планировании дальнейших действий, необходимо исходить из наихудшего варианта. То есть предполагаем, что это вражеские диверсанты. Как пограничник, я обязан принять меры к преследованию и уничтожению противника. Тут вообще не имеет значения, что их в разы больше, уход от боя со ссылкой на численное преимущество противника является трусостью, за которую в боевой обстановке может быть только одно наказание — расстрел. Нет никаких сомнений, что если я прикажу уйти в сторону, то бойцы обо всем чистосердечно доложат начальству, такой уж тут менталитет. Правда у меня есть приказ доставить пленного, но Бондаренко о приоритете этого задания над обязанностью борьбы с врагами ничего не говорил, то есть, если я покинув с лыжню, смогу мирно добраться до Питкяранты, то меня, не долго думая, отдадут под трибунал, со всеми вытекающими... А впятером у нас, против превосходящих по численности диверсантов, шансов, прямо скажем, очень немного... Куда ни кинь, всюду клин. Попросту говоря, сплошная задница — либо те шлёпнут, либо эти. Грустно прикинув варианты, я решил, что раз погибать, так уж лучше с музыкой, после чего подозвал остальных бойцов, чтобы те подошли к нам и, дождавшись их, проинструктировал Ильина:

Идём прежним порядком, внимательно смотри вперёд, чуть что, сразу падай. Если видишь финнов, показываешь над головой сжатый кулак. Если какие другие непонятки, махаешь раскрытой пятерней! И внимательно осматривай лыжню и пространство перед собой — может быть заминировано!

Понял.

Тогда вперёд!

Посмотрев вслед удаляющемуся Ильину, я ещё раз напомнил остальным бойцам:

При его падении сразу занять боевой порядок и пленному заткнуть рот кляпом! Ясно?

Все трое бойцов кивнули и мы продолжили движение. Через пару километров от перекрестка, мы обнаружили место привала вражеского отряда — теперь, благодаря оставленным здесь пустым банкам из-под консервов, было окончательно ясно, что мы идём по следу финских диверсантов. Судя по остывшим углям, те значительно опережали нас и шансов их догнать у нас практически не было, что не могло не радовать. Однако мне необходимо было перед бойцами продемонстрировать служебное рвение, поэтому я сделал максимально короткий привал из-за необходимости дать горячей еды и питья пленному, заодно по-быстрому перекусил с бойцами, уложившись в пятнадцать минут, а затем приказал ускорить движение. Ещё через полчаса движения в лесной тишине издалека донеслись звуки внезапно вспыхнувшей перестрелки. Услышав хлопки выстрелов и перестук автоматных и пулемётных очередей, мы сперва залегли в рыхлом снегу, однако, разобравшись, что до места боя не менее километра, я приказал продолжить движение. Когда звуки беспорядочной стрельбы приблизились, я приказал одному из бойцов оставаться с пленным, а с остальными тремя красноармейцами, развернувшись неширокой цепью пошел на сближение с местом продолжающегося боя. Однако при всей нашей бдительности, финны, зарывшиеся в сугробы, заметили нас раньше и сразу же открыли огонь. Благодаря внезапно вспыхнувшей в чувству опасности, я с криком «Ложись!» успел рухнуть в сугроб за долю секунды до того, как автоматная очередь выбила щепки из деревьев на уровне моей груди. Короткий всхлип с последующим стоном, сообщил о том, что один из бойцов не успел уклониться от вражеской пули.

Рассыпаемся, меняем позиции, огонь по врагу, — прокричал я, отползая назад и в сторону, чтобы спрятаться за дерево.

Укрывшись за широким стволом, я сначала высунул каску с правой стороны потом осторожно высунулся сам. Мои бойцы уже вели огонь, переползая с места на место. Судя по всему, они даже не видели, где находится противник, а палили из своих самозарядных винтовок в белый свет как в копеечку. Ну и прекрасно, пока враги отвлекаются на красноармейцев, я займусь самими врагами. Быстрый осмотр вражеских позиций, расположенных на удалении около семидесяти метров, позволил мне засечь автоматчика, которого я и снял первым выстрелом. Для поражения второго противника мне пришлось отползти в сторону метров на тридцать, так как на прежнем месте он был скрыт от меня стволом дерева, и на адреналиновом кураже я проделал этот путь за несколько секунд. Однако, выглянув из укрытия на новом месте, я обнаружил, что на ранее замеченной вражеской позиции никого нет — финны тоже не дураки и тактике обучены. Всё же, благодаря энергичной стрельбе моих парней, вызывавших ответный огонь, отсюда я смог засечь места расположения двух вражеских стрелков и произвел два

прицельных выстрела, Одному я попал точно в голову, а второму смог поразить только выставленный из-за дерева ствол винтовки. Потеряв оружие, тот затаился за деревом, не предпринимая никаких действий. Теперь стрельба была слышна только в отдалении, на расстоянии примерно трёхсот метров от нас. Похоже, что здесь в тыловом охранении у финнов было только три солдата и все уже кончились.

Ильин, живой?

Да!

Фролкин?

Рука... — раздалось в ответ, голосом, полным боли.

Сазонов?

Живой!

Прикрывайте меня, здесь один финн остался, я его гранатой достану!

Тут с вражеской позиции раздался отчаянный крик:

Нет граната! Мой сдаться!

Выходи, суоми! Руки вверх! Или жди, падла, гранату!

После моих слов с криками:

Сдаться, сдаться! Не стрелять! Нет граната! — из-за дерева появился финн с поднятыми руками.

Бегом сюда! Ко мне быстро! — скомандовал я противнику двумя фразами, надеясь, что он хоть что-то поймет, раз по-русски немного кумекает.

Тот, к своему счастью, сообразил, что от него требуется, и побежал в нашу сторону, высоко поднимая ноги и держа руки поднятыми.

Сазонов, вяжи его и тащи к Петрушину, Фролкина туда же, пусть перевяжет, потом догоняй нас!

Есть!

Ильин, бери финский автомат! Разберёшься?

Есть! Постараюсь!

Перебежками вперёд! — скомандовал я себе и Ильину, после того как Сазонов связал руки пленному.

Стоило лишь пробежать по снегу около ста метров и спрятаться за деревом, как я увидел бегущего мне навстречу солдата неизвестной принадлежности в маскхалате и с «дегтярем» в руках. Наличие у приближающегося воина советского пулемета, вызвало у меня определенные сомнения и я, предварительно прицелившись, крикнул погромче:

Эй, ты кто такой?

Пулеметчик после моих слов рухнул в снег и дал очередь наугад в мою сторону. Обидно как-то — я ведь поговорить хотел, а он... как в душу плюнул... Выстрелив невежливому финну в голову, я откатился за дерево. Вовремя. В том месте, где я только что находился, от дерева отлетели щепки, выбитые точным выстрелом. Поёжившись от внезапно пробравшего меня нервного холода, я крикнул:

Ильин, осторожно, здесь снайпер!

Потом, прикинув его местонахождение, я пополз назад и левее, чтобы сперва спрятаться за другим деревом, а потом, прикрываясь кустарником, уйти ещё дальше в сторону, чтобы с нового места попытаться вычислить позицию снайпера. Однако, как только я отполз на пару метров, то увидел ещё одного вражеского солдата, перебежками пытающегося обойти нас с фланга. Пришлось стрелять не целясь из неудобного положения, но — попал! Понимая, что моё местоположение засвечено, я с места рванул вперёд, к спасительному дереву. Сзади щёлкнуло два выстрела, раздался треск автоматной очереди (наверное Ильин), на последнем метре мне обожгло бок, и в конце концов, я рухнул за дерево. Курва! Попали! Лихорадочно ощупав место ранения, я поставил предварительный диагноз: ранение по касательной в области четвертого ребра слева. Требуется перевязка, а ещё лучше зашить, но как тут?..

Занятый мыслями о своем ранении я не сразу сообразил, что больше не слышу стрельбы, не только поблизости, но и вообще в пределах слышимости.

Ильин?!

Я! — раздался бодрый голос с правого фланга.

Что там?

Не знаю, тишина...

Дебил! Я и так знаю что тишина! Куда финны подевались? Так, спокойно! спокойно, пся крев!

Сазонов?!

Я! — этот, как и должен, слева.

Что у тебя?

Ничего!

Сделать по выстрелу, сменить позиции, если тихо, смотрите, чтобы с флангов и тыла не обошли!

После моих слов справа прострелкотала короткая очередь, слева грохнул выстрел, но со стороны финнов никакой реакции не последовало. Я высунул из-за дерева каску, надетую на ствол винтовки, помахал — ноль реакции. И что делать дальше? Финны отступили? Или обходят? Голова взрывается от напряжения, острая боль в простреленном боку, душа воеет от страха, который, исчезнув в разгар боя, теперь вернулся и давит, заставляя пальцы дрожать мелкой дрожью и рисуя в воображении картины то моего остывающего трупа с простреленной головой, то мучительную, растянутую на несколько дней смерть от пули в живот. От этих гипнотизирующие реалистичных, ужасающих до глубины души картин, внезапно накатывает паника и хочется вскочить и бежать отсюда куда глаза глядят. Удерживаясь на последних остатках воли, я хватаю пригоршню снега, и размазываю её по лицу, щедро запихивая за воротник, чтобы попало на грудь и спину. Отпустило... Чёрт!

Понимая, что далее так лежать бессмысленно, я крикнул:

Сазонов! Ильин!

Я!

Я!

Иду вперёд, вы прикрываете!

По хорошему, следовало бы послать вперёд кого-то из бойцов, но я ведь в центре, так меня оба могут прикрыть. Поэтому придётся всё делать самому. Перекатившись в сторону, я на максимальной скорости бросился вперёд и рухнул за ближайшим деревом. Тихо. Идём дальше.

После третьей перебежки, я заняв позицию, скомандовал:

Бойцы, перебежками вперёд!

В ответ на это спереди, оттуда, где должны были быть финны, раздался крик:

Эй, кто там впереди? Наши что ли?

Не скрывая радости, я крикнул:

Пограничники! А Вы?

Тоже! Ты из какого взвода?

Из первого!

Тут раздался возглас Ильина:

Ваня! Пронин! Ты что ли?!

Ну я! А ты кто?!

Чё, не узнал?! Я Прохор, Ильин!

Вот мать твою через коромысло и якорем сверху! Не узнал! Долго жить будешь! Так значит наши?!

Только не вылезать и без объятий, — я громкой командой приглушил их восторг, — Здесь ещё могут быть и финны, и мины, Ильин, осторожно сближайся с Прониным и обследуйте здесь все, трупы проконтролировать выстрелами с пяти метров в голову, они могут притворяться или быть заминированы, перед выстрелом кричать «контроль». Сазонов, осторожно назад за пленными и обозом. Я проведу контроль и осмотр здесь.

Проведя таким образом инструктаж на пределе голосовых связок, я двинулся назад, вспоминая, где были убитые мной финны. Первым делом проконтролировал и осмотрел пулемётчика. Потом осторожно двинулся дальше. Автоматчика проверил Ильин, когда брал автомат, так что мне оставалось найти только двоих. Увидев лежащее на спине тело, я крикнул: «Контроль», — и выстрелил в голову, хотя по положению и так всё было ясно. Потом, обшарил труп и, не найдя ничего интересного, дошел-таки до автоматчика, оказавшегося сержантом, и обнаружил у него во внутреннем кармане маленькую, граммов на двести, фляжку с водкой. То что надо. Сделав два глотка для успокоения расшатанных нервов, я крикнул:

Сазонов!

Тута я!

Дуй сюда с обозом, пленными и Петрушиным!

Есть!

Нет, похоже, два мало, добавил ещё четыре глотка. Теперь нормально. Пока ребята не подошли, я продолжив обыскивать труп финского сержанта, обнаружил у него под курткой кобуру с пистолетом ТТ и запасной магазин. Сунув находку в свой вещмешок, я сделал ещё один глоток из фляжки и, помахав группе товарищей в веселеньких белых халатах, сел на успевший окоченеть труп (ну не в снег же садится!) И принялся разоблачаться. К моменту когда бойцы с пленными подошли, я уже разделся до пояса и, вытащив из подкладки шапки нитку с иглой, тщательно протер их водкой, и протянул Петрушину:

Шей!

Тот удивлённо захлопал глазами:

Я не умею!

Чё тут уметь, мать твою!.. — разозлился я.

Правильно этого придурка в тылу оставил, трусоватый он какой-то.

Давайте я! — Сазонов взял у меня из руки иголку, а я сунул в рот ветку и плеснул водкой на рану.

Боец, присев рядом, за пару минут наложил три шва, после чего я выплюнул пожеванную ветку. Терпимо. Боялся, больнее будет. Потом допил остатки водки и оделся. Тут из-за деревьев появились двое красноармейцев в шинелях и направились в мою сторону. Когда они подошли ближе, я узнал в одном из них своего горьковского земляка — Петренко. Тот подойдя ближе, бросился было ко мне обниматься, но я его остановил:

Тихо, тихо! Я ранен!

Мой товарищ остановился с разведёнными в стороны руками, с его лица сползла радостная улыбка:

Куда? Как? Перевязал? — посыпались вопросы от товарища.

Царапина, уже зашили, до дому дойду... Что у вас тут за дела?

А-а, — он в сердцах махнул рукой и повернувшись к бойцу, пришедшему с ним, приказал:

Малович, показывай дорогу ребятам! А мы с комотом за вами...

Сазонов! Там ещё один непроверенный финн, — я махнул рукой, показывая направление, — Проконтролировать, забрать документы, вещи и оружие!

Есть!

Петрушин, Фролкин! Кстати, как ты? — вспомнил я про ранение своего бойца.

Нормально, перевязали, — стараясь говорить бодрым голосом, ответил боец, но было видно, что его мучает боль.

Надо было ему водки оставить, а я всю фляжку в одно рыло выдавил. Эгоист. Кстати, ни в одном глазу, только нервы чуть успокоил и боль слегка притупилась.

Идите с пленными за Маловичем! — закончил я ранее начатый приказ, и бойцы, построившись колонной по одному, двинулись за провожатым.

Подождав, пока бойцы отойдут метров на тридцать, Петренко с болью в голосе произнес:

Семь человек потеряли, четверо тяжело раненных и шесть легко, а если бы не вы, все бы там полегли.

Дела-а, — сочувственно протянул я, поразившись большому числу потерь, а сколько всего вас было?

Полувзвод, двадцать два штыка вместе со мной, остальные-то на ближних подступах к городу патрулируют, ну и дорогу охраняют, а нас вот... — отпустив бойцов метров на сорок, мы направились вслед за ними, и Михаил продолжил, — наш отряд по болоту шел, а финны на опушке засаду устроили, ну и только мы приблизились, как эти гады из всех стволов... Головной дозор сразу положили. Ну и пошла стрельба кто кого. Назад не уйти — место открытое — достанут, да и раненных не бросишь, вперёд тоже никак — у финнов два пулемета и автоматы. Думал, всё, отбегал Мишаня своё... Метко стреляют, сволочи. А тут стрельба у них в тылу... и тишина... Мабуть, испугались белофинны, что в колечке окажутся, да ушли, но раненных своих всех взяли, а груз лишний бросили. Вот и получается, спасли вы нас!

Мы некоторое время шли молча, думая каждый о своём, потом Петренко спросил том, как мой отряд тут оказался? Я подробно рассказал при событиях прошедшей ночи. За этой беседой мы, пройдя мимо дозорных, приблизились к лагерю, где бойцы второго взвода готовили волокуши для перевозки раненных и трофеев.

Поешь? — земляк показал на костер, где грелись вскрытые консервы.

Давай, а то проголодался я что-то с этой кутерьмой!

Подойдя к костру мы сели на поваленное дерево и, взяв поднесенные нам бойцом по команде Михаила две банки советской тушенки, приступили к трапезе.

Получается, вы четверых завалили и одного в плен взяли, а мы, целым полувзводом смогли уничтожить только шестерых. Интересно, сколько их всего было? Мне показалось, что больше тридцати.

Так что гадать? Сейчас у пленного и спросим! — я повернулся в сторону своих бойцов, которые, пока суть да дело, тоже развели костер и споро уминали консервы, — Петрушин! Веди сюда пленного!

Тот, отставив в сторону жестяную банку, приказал подниматься финну, сидевшему поблизости со связанными руками и подошёл к нашему костру вместе с ним, открыто демонстрируя недовольное выражение лица — дескать, оторвали от законного приема пищи. Усилием воли подавив раздражение, вспыхнувшее от неприкрытой наглости подчинённого, я спросил пленного:

Сколько вас было?

Восемнадцать солдаты два сержанты и лейтенант Линдквист.

Цели, задачи?

Разведать около Питкяранта, бить малый отряд, брать руска плен.

Уводи! — махнул я рукой Петрушину и спросил Петренко, — среди убитых офицера не было?

Нет, — задумчиво ответил Петренко, — Получается, их одиннадцать ушло, это с ранеными...

Бросай париться, если бы мы в преследование пошли, они бы нас всех положили, одной грамотной засады хватило бы... Да, кстати, а почему в дальний патруль не командира взвода, а тебя отправили?

Он вчера ходил с другим полувзводом, но у них маршрут был чуть севернее, они там в непроходимое болото

упёрлись, стали обходить — застряли в буреломе, переломали лыжи, двое вывихнули ноги, командир нагоняй получил. А мы тогда на ближних подступах к городу в дозорах стояли, сегодня вот, поменяли задачи и Волков приказал мне по вашей лыжне пройтись, посмотреть, что да как... А я парней потерял... — Петренко замолчал и на его бледном лице отразились мучительные переживания собственной вины за гибель подчинённых.

Не накручивай. Их белофинны убили, а не ты потерял. Ты же всё делал, как научили — тремя колоннами с головным дозором впереди на дистанции пятьдесят метров. А знать наперед ты ничего не мог. И вообще, это не только я тебя спас, но и ты меня, без вашего отряда финны бы нас без проблем перебили бы, мы ведь тоже по лыжне шли, — я попытался успокоить товарища, хотя понимал, что и его вина в потерях есть — на открытом пространстве расстояние до головного дозора должно быть больше.

Михаил кивнул, хотя было видно, что я его не убедил. В это время подошёл командир отделения из первого взвода, фамилии которого я не помнил и доложил:

Отряд к выходу готов, надо распределить, кто в дозорах, кто волокуши тащит.

Тут нам пришлось поломать голову — людей мало, волокуш много, там ведь не только тяжелораненые, но и оружие, боеприпасы и другие трофеи, хорошо ещё, что трое раненых — в том числе и я — могут и дозор нести и волокушу тащить, ходячего пленного тоже решили в волокушу запрячь, а вот погибших решено было пока оставить с тем, чтобы вывезти их завтра. Меня с Сазоновым и Ильиным оставили в тыловом прикрытии, чтобы дать отряду спокойно отойти на безопасное расстояние, так как была возможность, что финны оставили часть своего отряда неподалеку. Закончив совещание, Петренко дал команду собираться, по лагерю забегали красноармейцы, а я с двумя бойцами занял оборонительные позиции. Дождавшись, когда колонна потрепанного полувзвода с волокушами скроется из виду, мы тоже встали на лыжи и с максимально возможной скоростью устремились вслед за основным отрядом. Более никаких происшествий не было, мы, не останавливаясь, брели по лыжне на запад, периодически меняясь в упряжи волокуш, и около пяти часов, когда вечерние сумерки окончательно сгустились, уступая место настоящей ночной тьме, наш отряд наконец встретился с патрулем ближнего охранения города. А ещё через полчаса вошли в Питкяранту, где нам навстречу вышли все, кто был в расположении роты, предупрежденные отправленным вперёд бойцом. Петренко хотел было построить отряд и доложить, как положено, но подошедший к нам Волков приказал:

Раненых в дивизионный медсанбат, Карпов, организуй! Бойцам в казарму отогреться, там уже кипяток для чая готов. Командирам в штаб на доклад!

Рассудив, что мне сначала надо в штаб, а уж потом показаться врачам, я взял свёрток, полученный от Бондаренко и подошёл к командиру четвертого взвода Карпову:

Тащ лейтенант, тут вот финн пленный раненый, — я указал на волокушу, — его наверное, тоже в медсанбат, у него серьёзное ранение — кость на ноге перебита.

Лейтенант глянул на финна, кивнул и, оглядевшись, подозвал бойца:

Шишкин!

Я!

Хватай эту волокушу и тащи в медсанбат! Это раненый пленный финн, поэтому, остаёшься там и охраняешь! Понял?

Есть!

Телогрейка на нем моя, не оставляй её в госпитале, если меня не найдешь, передай Калинин, — добавил я, вспомнив про своё имущество.

Затем я взял второго финна и зашёл с ним в штаб. У порога меня встретил Белькевич, и с ходу наехал:

Ты зачем его привел?

А куда его? Допросить же надо, наверное! — постарался я по-простому объяснить комиссару элементарные факты.

У нас тут переводчиков нет! Его армейской разведке надо передать, — не унимался непонятно чем раздраженный старший политрук.

Он по-русски говорит! — Выложил я последний козырь в этом непонятном споре.

Белькович сделал паузу, потом, после короткого раздумья, крикнул в коридор:

Кононов!

Я! В проёме двери мгновенно появился невысокий коренастый боец с винтовкой за спиной.

Отведи пленного в чулан, где Сапожников сидит! И смотри, головой отвечаешь!

Есть! — красноармеец схватил финна за плечо и толкнул перед собой, — Пошёл!

А ты, Ковалев, иди за мной! — комиссар развернулся и направился к лестнице.

Вслед за ним я поднялся на второй этаж и вошёл в комнату, выделенную под кабинет. Внутри обстановка была довольно скудной — длинный стол, составленный из двух, по бокам от него лавки, на которых сейчас сидели Горбушкина, командиры взводов и их помощники, в том числе Петренко. Во главе стола, спиной к зашгоренному

окну в деревянном кресле с высокой спинкой задумчиво курил командир роты, стряхивая пепел в самодельную пепельницу, сделанную из доньшка гильзы трехдюймовки, слева от него над старомодным комодом с выдвигаемыми ящиками висела схематическая карта нашей зоны ответственности, на которой я, бросив короткий взгляд, успел разобрать береговую линию Ладожского озера и Питкяранту. Освещение давала электрическая лампочка ватт на сорок.

Садись сюда! — комиссар показал мне место за столом с самого края, а сам взял стул, до того стоявший у стены, и сел с торца стола, спиной к двери.

Проследив тяжёлым взглядом за нашим размещением, Волков, не поворачивая голову в сторону помкомвзвода-два, с металлом в голосе произнес:

Петренко, доклад!

Мой земляк как-то суетливо подскочил, переступил назад через лавку и стал докладывать виноватым тоном о своем боевом выходе: сообщил направление движения, какие стояли задачи, потом перечислил силы и вооружение, а когда дошел до начала боестолкновения, комроты резко произнес:

Стоп!

Михаил замолчал, а Волков встал, достал из комода лист писчей бумаги, положил его перед собой на стол и жестом подозвал Петренко:

Рисуй схему!

Тот взял карандаш и стал рисовать условные обозначения, комментируя:

Вот тут мы шли, где-то здесь был головной дозор... — далее он подробно рассказал всё то, что мне уже было известно. Все присутствующие, кроме меня, сгрудились вокруг стола, где помкомвзвода-два рисовал и объяснял схему.

Когда Михаил закончил доклад, ответив на несколько уточняющих вопросов, Волков разрешил ему сесть и переключился на меня:

Ковалев! Теперь ты рассказывай!

С чего начинать?

Давай сначала про бой!

Про который?

Волков и до того бывший в весьма дурном настроении, после моих вопросов, стукнув кулаком по столу, буквально взревел от ярости:

Ты мать твою, что мне тут Ваньку валяешь? У тебя там что, десять боёв за день было?

Два боя за сутки, вот...

Не дав мне договорить, Волков откинулся на спинку кресла и хлопнул по столу теперь уже открытой ладонью:

Стоп-стоп! Сначала коротко об обоих!

Первый бой был сегодня, около четырех часов утра, на кордоне первого взвода, полностью уничтожена разведывательно-диверсионная группа белофиннов в составе шестнадцати человек, плюс один взят раненым в плен, наших потерь нет. Второй бой — сегодня, около четырнадцати часов при движении от кордона к Питкяранте мною совместно с четырьмя бойцами первого взвода была атакована с тыла вражеская разведывательно-диверсионная группа, вступившая в бой с отрядом под командованием младшего комвзвода Петренко, мы уничтожили трёх белофиннов и одного невредимым взяли в плен, в моём отряде потерь нет, только я получил лёгкое ранение! Вот документы по первому бою! Тут и рапорт комвзвода — я подошёл к командиру роты и положил перед ним свёрток.

Капитан немедленно разорвал упаковку, сшитую наспех из белой ткани трофейного маскхалата и вывалил содержимое, состоящее в основном из личных документов убитых финнов на стол. Взяв из кучи три листа бумаги с рукописным текстом, он пробежал их глазами, потом принялся читать вслух рапорт лейтенанта Бондаренко. Ничего так, кратко и объективно написано. Отмечена моя роль в обнаружении диверсантов и захвате пленного. Разумеется, не упомянуто сколько я в том бою убил врагов, но лейтенант этого и не мог видеть, там ведь взвод палил из всех стволов и поди разбери, у кого сколько трупов на счету. По мере прочтения рапорта, настроение Волкова постепенно улучшалось и вскоре он был уже в положительном расположении духа. Тут я его прекрасно понимал — одно дело докладывать начальству, как одно из подчинённых тебе подразделений в тяжёлом бою с противником понесло большие потери, при этом значительная часть финских диверсантов ушла к своим, а другое дело, когда можно ещё и про образцовый бой на кордоне рассказать, плюс предьявить пленного. А если ещё правильно акценты расставить, то и на награду, наверное, можно рассчитывать.

Завершив читать рапорт, Волков задал мне несколько уточняющих вопросов, попросил показать на карте расположение первого взвода и, вспомнив про лежащую у меня за пазухой трофейную карту, я отдал её командиру роты, поставив крестик на месте кордона. Далее он расспросил меня про дневной бой, после чего разрешил идти ужинать и в медсанбат. Покинув штаб, я подошёл к полевой кухне, народу там уже не было, но раздатчик был ещё

на месте и шлепнул мне в котелок положенную порцию каши с мясом. Получив пайку, я быстрым шагом поспешил к своей избе, дойдя до которой, обнаружил, что дверь открыта, а внутри темно, никого нет и довольно прохладно, видимо с утра не топили. Вытащив из дымохода задвижку, я быстро развел в печи огонь с помощью ранее заготовленных щепок и бересты, сунул в топку четыре полена и поставил сверху греться наполовину полный чайник. Потом сел за стол и, хорошо пережевывая, съел казённый ужин. Чайник должен был закипеть ещё минут через десять, поэтому я решил почистить винтовку — стрелял ведь сегодня довольно много. На подоконнике стояла керосиновая лампа, очевидно, появившаяся здесь стараниями старшины в период моего недолгого отсутствия. Переставив светильник за стол и определив, что внутри достаточно керосина, я зажёл фитиль и выкрутил его на максимум. Моего ночного зрения вполне хватало, чтобы нормально ориентироваться в темном помещении, но для разборки и чистки оружия необходимо нормальное освещение. Пока чайник закипал, я разобрал и почистил затвор, потом налил горячий напиток в кружку, а пока он остывал до приемлемой температуры, я успел почистить ствол и собрать винтовку. Далее я достал трофейный ТТ, внимательно осмотрел и почистил его. Сдавать пистолет я не собирался — самому пригодится — воевать ещё долго и резервный ствол точно лишним не будет. Потом достал галеты и не спеша напился чаю. Ну все, теперь можно и к лекарям!

Надев шинель и валенки, я вышел из дома и первым делом зашёл на ротный склад к Петровичу, оставил там винтовку и унты, рассказал вкратце о своей эпопее и расспросил старшину, как добраться до медсанбата. Получив подробные инструкции, я уже через десять минут вошёл в двухэтажное, пропавшее карболкой здание, которое при финнах было местной гимназией. Там, спросив у первого попавшегося мне санитаря, нашел кабинет дежурного хирурга и, войдя, доложил по форме:

Отделенный командир роты погранвойск Ковалев! Прибыл на лечение в связи с получением ранения.

Сидевший за столом военврач третьего ранга — мужчина в возрасте лет тридцати, оторвавшись от лежащих перед ним бумаг, спросил меня несколько удивлённым голосом:

И куда же Вас ранило?

Я показал на левый бок:

Сюда попало, рассечение по касательной.

Ну раздевайтесь, посмотрим!

Следуя этому указанию, я снял шинель и обнажился до пояса, затем, подошёл к врачу и показал защитую рану.

Тот увидев шов, первым делом спросил:

Кто, когда зашивал?

Боец, сегодня около четырнадцати часов, сразу после боя, в полевых условиях.

Дезинфекции, получается, не было?

Иглу и нить смочили в водке и рану водкой полил.

Хм, — лекарь внимательно осмотрел рану, нажал сверху, снизу, и спросил, — А нитки, я смотрю обычные, хлопчато-бумажные?

Ну да, других не было.

На первый взгляд, неплохо получилось, но в любом случае, надо недельку полежать у нас, ещё может загноиться.

Далее он заполнил медицинскую карточку и ещё какие-то бумажки, отдал их мне и сказал:

Дальше по коридору, через два кабинета фельдшерская, там отдайте бумаги, Вам обработают рану и оформят. Можно не одеваться.

Взяв одежду в руки, я дошел до указанного мне кабинета, там меня продержали несколько дольше — обработали шов зелёной, наложили повязку, проверили на вшивость и определили в палату. Так что уже менее чем через час я лежал на кровати, застеленной свежим бельем. Лепота!

Хотя к моменту моего заселения в лазарет не было ещё и восьми часов вечера, я уснул практически мгновенно, стоило лишь моей голове коснуться подушки. На следующее утро меня разбудили перед самым завтраком, без четверти семь. Легкораненым полагалось питаться в столовой, причем из-за небольшой площади данного заведения прием пищи осуществлялся попалатно в строгой очередности. Обо всем этом поведал разбудивший меня шустрый паренёк, назвавшийся Васей Ивановым. Поэтому я, быстро умывшись, оделся и направился в столовую. Обитателям «лёгкой» палаты, была оставлена их повседневная униформа, в отличии от «тяжёлых», которым выдавались пижамы. Вот и мне пришлось натянуть на себя простреленную окровавленную гимнастёрку и в таком виде явиться в столовую. Впрочем, в обмундировании с аналогичными дефектами здесь шеголяло около трети находящихся на излечении бойцов. Остальные были больными или обмороженными. Завтрак состоял из манной каши на молоке и кружки сладкого чая, к которому прилагался кусок черного хлеба со сливочным маслом. Что же, на фоне моего до тошноты однообразного питания последних дней, всё выглядело довольно неплохо. Жаль только, что долго мне здесь пробыть не суждено.

В палате, кроме моей, было ещё одиннадцать коек, которые были заняты легкоранеными, простуженными и обмороженными бойцами и отделенными командирами. Все мои соседи были армейскими, то есть находились в подчинении наркомата обороны в отличии от меня, проходящего службу в погранвойсках НКВД. Однако здесь никто не демонстрировал, что называется, корпоративной неприязни, всё-таки мы все здесь были в одной лодке, к тому же наличие у меня боевого ранения и ордена показывали, что я не какая-нибудь тыловая крыса, а такой же как и они подлинный труженик войны.

Узнав о том, что здесь имеется библиотека и ежедневное поступление газет, я понял, что попал в рай. Тут даже мифических райских дев не надо и так всё прекрасно. Позднее, правда, выяснилось, что книги здесь преимущественно из запасников местной гимназии, оставшиеся ещё с царских времён, и, разумеется, напечатанные старым, дореволюционным шрифтом с его буквенными излишествами. По всей видимости, лишь небольшая часть запасов была допущена к внутривольничному обороту вездесущим политотделом — произведения Пушкина, Жуль Верна, Конан Дойла, Герберта Уэлса, Льва Толстого — но и этого хватало, чтобы почти

полностью покрыть имеющийся спрос. Однако, в первую очередь для того, чтобы поддерживать репутацию политически грамотного младшего командира, сначала я внимательно ознакомился с подшивками коммунистической прессы за последнюю неделю. В газетах всё также почти ничего не писалось о происходящем на финском фронте — только короткие оперсводки — Красная Армия продолжает продвижение вперёд, преодолевая сопротивление белофинских войск. Большинство моих соседей по палате не утруждали себя чтением книг и газет, а наслаждались ничегонеделанием и болтали между собой, делясь воспоминаниями о мирной, в основном деревенской жизни, и женщинах. Однако комиссара госпиталя такое положение дел в подведомственном учреждении устраивать не могло и он ежедневно посещал нашу палату и устраивал политинформацию, рассказывая о невероятной подлости финских агрессоров. Во время его лекций все обитатели палаты молча сидели с хмуро-задумчивыми лицами и кивали, будто бы действительно во всём согласны с этим краснобаем.

Через день отдыха на этом райском курорте, военврач, внимательно осмотрев благополучно заживающую рану, снял швы и «обрадовал» новостью, что через пять дней меня выпишут. В этот момент очень сложно было продемонстрировать энтузиазм, но я старался изо всех сил и, надеюсь, у меня неплохо получилось. Не хотелось разочаровывать окружающих, считающих меня настоящим героем. Ведь в нашей палате не было ни одного солдата, который мог с уверенностью сказать, что убил хотя бы одного финна. Я же в первый день пребывания в лазарете честно сообщил, что у меня на счету восемь врагов, из которых, правда зачтено только четыре, да ещё два пленных. А так как в госпитале лечились и Фролкин из моего отряда и бойцы из полувзвода Петренко, то вскоре все знали, что мои слова не являются пустым бахвальством, соответственно и отношение ко мне было искренне уважительным и бойцы считали, что я просто обязан снова рваться в бой, в отличии от них, мечтающих подольше отдохнуть в медсанбате. В действительности же, на душе у меня кошки скребли от скорой необходимости снова возвращаться на войну.

Однако выписали меня ещё раньше, чем я ожидал. Одиннадцатого января финны вновь перешли в наступление, что привело к росту потерь и раненых в прилегающих к Питкяранте частях и подразделениях РККА и одним из результатов этих трагических событий стала нехватка койко-мест в госпитале. Начальство проблему решило радикально — постелили матрасы в коридорах, куда перевели легкораненых и выздоравливающих, а тех, кому оставалось менее трёх дней до выписки, отправили долечиваться в расположении своих подразделений. Так что после ужина одиннадцатого января, возвратившись из госпиталя, я доложил о прибытии Волкову, упомянув, что мне ещё положено три дня постельного режима, на что он мне ответил:

Хрен тебе, а не постельный режим. Сегодня, так уж и быть, отдохай, а завтра, после завтрака чтобы был на разводе, найдем для тебя дело.

Ну что за жизнь?! В расстроенных чувствах добрал до склада, забрал винтовку, телогрейку и унты, отдал Калинину свою простреленную и окровавленную гимнастёрку на списание и получил новую (вообще так не положено — я должен был ее заштопать и отстирать, но по знакомству и из уважения к моему героизму старшина пошёл мне навстречу). Пока перешивал петлицы, мы с ним пообщались. Я в очередной раз рассказал о ставших уже легендарными боях на кордоне и на лыжне, он поведал мне о местных новостях — о пополнении в нашей погранроте, о сложном положении на приближающемся фронте, грохот которого был уже хорошо слышен в Питкяранте. Потом он угостил меня чаем с конфетами — хорошо живёт старшина — и мы, ругая январскую стужу, вместе пошли в нашу избу, где застали Павлова и одного из его санитаров. В доме было хорошо натоплено, поэтому я сразу завалился спать.

На следующий день после завтрака я прибыл на утреннее построение и занял место на левом фланге позади старшины, надеясь, что Волков передумает и разрешит мне ещё три дня бить баклуши, ну или вообще забудет про меня. Однако мои призрачные мечты не сбылись и я был отправлен капитаном на лесозаготовку вместе с третьим отделением четвертого взвода, с предупреждением, что от меня требуется не махание топором, а организация караульной службы. После развода я нашел командира отделения Юру Гордеева, назначенного старшим на это важнейшее дело. Тот, пока мы стояли в очереди за сухим пайком, рассказал, что дрова кончаются, а поблизости от города только сосна растёт, вот и решили послать отделение на лесозаготовки в берёзовую рощу, что в семи километрах к юго-востоку, дабы заготовить дров. По мне так и сосной топить можно, тут война идёт, а начальству берёзу приспичило. Однако, приказ есть приказ, и наш отряд, подготовив инструмент и волокуши отправился в указанном направлении. За час быстрого хода по накатанной лыжне мы добрались до рощи и приступили к делу. С Гордеевым мы договорились, что он назначает на охрану трёх красноармейцев, которые каждый час будут меняться с лесорубами. Обойдя наш лагерь вместе с выделенными в караул бойцами, я расставил их по своему усмотрению, а сам стал ходить по кругу, периодически заруливая к костру, чтобы отдохнуть и отогреться, а то ведь минус тридцать — холодно! Судя по тому, что я видел, большинство парней к рубке леса были привычные и работали довольно быстро, до часу дня успев повалить шесть крупных деревьев, обрубить на них ветки и распилить на пригодные к транспортировке на волокушах бревна. Я же за это время набрал килограмма три мороженой

рябины — весь мой предыдущий урожай остался на кордоне. Выполнив первую часть работы, мы пообедали, после чего бойцы впряглись в волокуши и мы отправились в обратный путь. Разумеется, за одну ходку мы физически не могли вывезти весь заготовленный лес, так что сегодня нам предстояло сделать ещё один грузовой рейс. Мы с Гордеевым шли без волокуш, я — в головном охранении, он шел замыкающим. Обратный путь с грузом занял у нас почти два часа и в половине четвертого мы доставили бревна к зданию штаба. После чего, не медля, развернулись и вновь направились к вырубке. Вернувшись после второго рейса в Питякранту, около штаба я, неожиданно для себя, встретил Тошбоева, который по моему мнению должен был находиться на кордоне. Равиль выглядел очень измотанным, потухший взгляд, опущенные плечи говорили о том, что ему в последнее время было очень нелегко. Однако увидев меня, он постарался улыбнуться и раскрыл руки для объятий. После того, как мы крепко обнялись, я коротко спросил Тошбоева:

Как там? — подразумевая, в первую очередь, положение на кордоне.

Да уже никак... — Равиль снова погрузился и оглянулся по сторонам, — у тебя в казарме тоже толпа?

Да нет, я же в крайней избе со старшиной и санитарями живу, — ответил я, понимая, что Тошбоев не хочет разговаривать на улице, — сейчас наберу каши в котелок и айда ко мне, — на сегодня лесозаготовка закончилась, так что до следующего утра я был свободен.

Мы вместе подошли к полевой кухне, вокруг которой народ уже рассосался и получили в котелки вечернюю пайку макарон по-флотски. Зайдя в избу я обнаружил, что санитарное отделение находится уже здесь в полном составе, в том числе и Ваня Мухин, который был прикомандирован вместе со мной к первому взводу. Конфисковав у них керосиновую лампу, мы с Тошбоевым прошли в спальню, где и расположились с максимальным удобством. Видя, что товарищ находится в крайне расстроенных чувствах, я достал свою записку — фляжку со спиртом, плеснул на доньшко кружек и развел водой. Потом нарезал сала — Равиль хоть и был по происхождению татарин, за два года службы уже привык к свинине, являющейся неотъемлемой частью воинского рациона. Опрокинув по пятьдесят грамм, мы закусили бутербродами с салом, потом я приступил к каше, а Тошбоев приступил к рассказу:

Нет больше нашего кордона... — от этих своих слов он ещё больше погрузился и, переведя взгляд на фляжку, спросил, — Давай ещё?

Я молча плеснул ему спирта, воды он добавил сам и сразу же выпил. Себе я наливать не стал, так как в общем-то никогда не был любителем пьянства.

Ещё десяти не было, — продолжил рассказ Равиль, — Патрули уже ушли, на кордоне только четвертое отделение оставалось. Мы услышали стрельбу с севера, куда третье отделение ушло. Заняли позиции, а там сотни полторы финнов на лыжах, — товарищ сделал паузу и принялся за кашу, видимо спирт разбудил его аппетит, — Подпустили их поближе и врезали из пулемета и винтовок. Человек двадцать ихних положили. Место там ведь хорошее, помнишь? Но эти гады на штурм больше не пошли, а попрятались стали лупить из минометов. А наверху ведь и укрыться особенно негде, валуны одни. Трех насмерть... Командира и ещё четверых ранило, дегтярь разбило, вот Бондаренко и приказал отходить. Хорошо, те не успели нас обойти, да и следом не пошли. По пути встретились с первым отделением, да и двинулись сюда. Всего во взводе осталось восемнадцать человек вместе с командиром и ранеными, — он снова замолчал, выскоблил последнюю кашу из котелка и взялся за бутерброд с салом, — А второе и третье, получается там остались...

Да, жаль парней... Я ведь со вторым отделением уже и сдружиться немного успел за два дня плутаний в патруле, а трое бойцов так вообще со мной в одном шалаше жили, на одном костре пищу готовили. Тоска...

А комиссар теперь Бондаренко хочет под трибунал отдать, за трусость, говорит! — закончил Равиль свой печальный рассказ и вопросительно посмотрел на меня.

Я его понял правильно и налил спирта в наши кружки:

Помянем...

После того как Тошбоев ушел, я, на сытый желудок и хмельную голову лег спать, хотя ещё не было даже девяти часов вечера и до следующего утра успел хорошо выспаться.

На следующий день меня снова определили на лесозаготовку, однако теперь мы получили указание рубить сосны сразу за околицей, что меня могло бы обрадовать, если бы не паршивое настроение из-за гибели товарищей. Вообще, не понятно зачем я тут был нужен — дровосек из меня никакой — бок ещё болит, в охране нет никакого смысла, так как поблизости наши патрули, охраняющие подступы к городу. Лучше бы на кровати полежал. Однако, раз приказали, ходил на лыжах вокруг вырубки, но больше сидел у костра — холодно! Сегодня весь день была слышна артиллерийская канонада — в пяти километрах севернее города шли ожесточенные бои, финны ещё одиннадцатого января перерезали дорогу, которая шла от Питякранты к позициям сто шестьдесят восьмой дивизии и наши безуспешно пытались её отбить. Плачевное положение наших войск более ни для кого не было тайной, но старались об этом в компаниях больше двух человек вслух не говорить, чтобы не нарваться на обвинения в распространении пораженческих настроений. Мне полный расклад по ситуации сегодня во время завтрака дал

Тошбоев, временно исполнявший обязанности командира первого взвода и присутствовавший в штабе на утреннем совещании. Однако, не смотря на то, что фронт вплотную приблизился к Питкяранте, здесь не было заметно никаких признаков подготовки к обороне, что на мой взгляд являлось преступным легкомыслием. Хотя бы траншеи за околицей вырыли.

Сегодня бойцов не отрывали от рубки деревьев для несения охранной службы, да и возить бревна было недалеко, поэтому леса заготовили достаточно, чтобы не беспокоиться о дровах ближайшие месяц-полтора. После ужина я потратил час на расчистку снега во дворе и приусадебном участке нашего дома. По крайней мере это так выглядело со стороны. На самом деле я по мере возможностей готовил наш двор к обороне, как никак мы расположены на самой окраине — за забором начинается поле, скорее всего служившее выпасом для скота, а дальше, была опушка соснового леса, до которой не было и пятисот метров. Будь моя воля, я бы здесь вырыл хоть какой-нибудь окоп, однако такую инициативу могли расценить как паникерство, поэтому я ограничился только сбрасыванием снега к забору, чтобы было хоть какое-то ограждение со стороны леса.

На следующий день меня Волков вновь прикомандировал к первому взводу, в котором теперь было всего пятнадцать человек вместе с Тошбоевым и отправил патрулировать вдоль дороги на Салми в южном направлении. Можно было бы сказать, что это самый безопасный маршрут, но только не в ситуации когда враг на подступах городу, а финские лыжные подразделения чувствуют себя в лесу как дома. К тому же охраняемая нами дорога была единственной трассой, связывающей прифронтовую Питкяранту с тылами и финны вполне могли обойти город по лесам и попытаться перерезать дорогу, как это они уже многократно делали на этой войне. И пойдет на это дело не менее роты. А нас всего шестнадцать. Такая вот грустная арифметика. Но Волков нас усилить не мог, даже если бы хотел — подступы к городу тоже надо патрулировать и в расположении роты должно быть не меньше взвода в качестве резерва. С такими вот мрачными мыслями мы и ходили в патруль — каждый раз как последний, Однако в то время как у других взводов ежедневно происходили боестолкновения с небольшими финскими разведгруппами, у нас четыре дня выдались спокойными.

Восемнадцатого января возвращаясь с маршрута мы с тревогой вслушивались в звуки канонады, доносящиеся со стороны Питкяранты, и вот, когда нам до расположения оставалось около пяти километров, стало окончательно ясно, что бой идёт уже в самом городе. Мы тем временем подошли к просеке, идущей в восточном направлении, которая также должна была нами проверяться. Тошбоев приказал сделать привал и отозвал в сторону меня и командиров отделений.

В самом городе стрельба, — начал Равиль совещание временный комвзвода с очевидной информации, — есть предложения?

По имеющемуся приказу мы обязаны пройти по просеке до хутора и, осмотрев его, направиться в сторону города, — сообщил я ему не менее очевидный факт, а что он хотел услышать — разворачиваем лыжи и бежим к Салми? Так нас за такие дела под трибунал отдадут со всеми вытекающими.

Остальные комоты хмуро покивали головами, выражая согласие с моим мнением. Хотя по ним было видно, что никакого желания лезть в мясорубку у них нет.

Ну, раз все согласны, идём по просеке, к заброшенному хутору, Фролов, ты идёшь в головном дозоре и будь там предельно внимательным!

Есть!

Ковалёв, идёшь в голове основной колонны, я в центре, Корнеев замыкающим, боковые дозоры в том же составе.

Ну что же, разумно — Вася Фролов парень сообразительный, идти будет медленно, внимательно осматриваясь по сторонам. Ни к чему сейчас спешка. К Питкяранте лучше подходить, когда уже стемнеет, в этом случае моё ночное зрение, о котором Тошбоев хорошо осведомлен, повысит наши шансы на выживание. Вскоре, перестроились, мы отправились в направлении пустующего хутора. Завидя огороженные забором бревенчатые постройки, мы залегли в снег и Равиль отправил двух бойцов на разведку. Те вернулись через десять минут и доложили, что на хуторе пусто. Тошбоев уже собирался дать команду начать движение в обратном направлении, но я, осматривая в оптический прицел противоположную опушку, заметил там какое-то неясное движение, о чём и сообщил временному командиру взвода. Тот, поразмыслив несколько секунд, приказал взводу бежать на хутор и занимать оборону. Удобный предлог, чтобы задержаться здесь подольше. Если бы не одно но — движение действительно было. Конечно, это могли быть волки, чьи свежие следы мы многократно встречали в здешних лесах или ещё какой другой зверь, однако интуиция мне подсказывала, что там финны и в скором времени нам предстоит тяжёлый бой.

Отпустив бойцов вперёд, Тошбоев придержал меня за руку и спросил, заглядывая в глаза:

Ты уверен?

Да, Равиль, уверен, там финны.

Кутагым! — товарищ в сердцах выругался по-татарски и, вернувшись к русскому языку, продолжил, —

занимаем хутор, если полчаса ничего не будет... — закончить ему не дала пулемётная очередь, выпущенная со стороны опушки по хутору и мы оба нырнули в сугроб.

Оказавшись в лежачем положении, я, не теряя времени, переполз в сторону метров на пятнадцать и, заняв место в неглубокой ложбинке, прицелился по продолжающему стрелять короткими очередями пулеметчику. Далековато. Метров шестьсот. Да и ствол дерева его прикрывает почти полностью. Выстрел. Мимо. Сменил позицию. Пулемет решил пока отложить, так как появились другие цели — от опушки к хутору перебежками приближались около тридцати финнов. Бойцы нашего взвода уже забежали на хутор и, рассыпавшись между строениями открыли огонь из винтовок и ручных пулеметов. Я также открыл огонь по вражеским солдатам, так неосмотрительно вышедшим на открытое пространство. За первые две-три минуты боя я выбил восемь финнов, ещё около десяти уничтожили остальные бойцы нашего взвода. И где-то десять-пятнадцать вражеских солдат смогли ползком отступить в лес и укрыться за деревьями. Однако теперь мы с Равилем теперь оказались в непростой ситуации — до хутора около двухсот метров открытого пространства, которое теперь под огнем противника стало непреодолимым препятствием. Финны подошли к хутору с востока, мы с Равилем находимся к западу от него, с юга не обойти — там болото, скорее всего не промерзшее. Севернее тоже открытое пространство, но это не болото, а луг или поле, посреди которого возвышается поросший кустарником небольшой холм высотой метров пять-шесть. Я подполз к Тошбоеву и показал на холм:

К хутору мы с тобой не пройдем, а вот до этой высотки, пожалуй, доберёмся.

Тот задумчиво осмотрелся и помотал головой:

Мне на хутор надо, я же командир! А вот ты давай туда, фланг прикроешь!

В принципе, он прав, его обязанность — руководить взводом во время боя, но шансов добраться до хутора даже ползком, немного. Похлопав товарища по плечу, я развернулся и по-пластунски преодолел двадцать метров до опушки, а когда кусты скрыли меня от финнов, встал и пробежал в северном направлении двести пятьдесят метров, чтобы высота оказалась между мной и вражескими позициями. Потом лег в снег и ещё двести метров прополз по-пластунски, выкладываясь изо всех сил. Тем временем, перестрелка не прекращалась, и создавалось впечатление, что к финнам подошло подкрепление. Когда до холма осталось около ста метров, я, рассудив, что теперь меня с финских позиций не видно, встал и бросился бегом вперёд. Здесь, на открытом пространстве, благодаря ветру, снег был менее глубокий и более плотный, чем в лесу, поэтому я смог развить приличную скорость и вскоре, невредимый, упал на восточный склон пригорка, приводя в порядок дыхание и осматриваясь по сторонам. Полежав с полминуты, я поднялся по склону и глянул в сторону Тошбоева. С того момента, как мы расстались, Равиль по-пластунски преодолел в направлении хутора около ста пятидесяти метров. Судя по следам, ему пришлось дважды менять направление движения, уходя из-под обстрела. Поднявшись ещё выше, я нашел удобное укрытие в кустах между валунами, откуда смог беспрепятственно осмотреть поле боя. Да, вовремя я сюда забрался. Похоже, вражеский командир, поняв, что что взять хутор с наскока не получается, оценил стратегическую ценность этого холма и отправил отделение с пулеметным расчетом, чтобы завладеть доминирующей высотой. Но открытое пространство между западной, занятой финнами опушкой и холмом неплохо простреливалось с хутора, поэтому вражеские солдаты были вынуждены обходить опасную зону по замёрзшему руслу ручья, протекающего на триста метров севернее холма. Сейчас они, оказавшись под защитой холма, выбрались на луг и перебежками приближались к моему укрытию. Судя по всему, о моём присутствии здесь они не догадывались. Первым моим побуждением было перестрелять этих горячих парней из винтовки, а сделать это я мог без особых затруднений, однако, поразмыслив, решил подпустить их поближе, чтобы захватить пулемет. С этой штукой я смогу здорово помочь нашим бойцам, оказавшимся на хуторе в довольно сложной ситуации. Для претворения моего, несущего смерть врагу, плана в жизнь, было необходимо использовать гранаты, поэтому я достал все имевшиеся у меня три штуки РГД-33 поставил их на боевой взвод и затаился в своем укрытии, ожидая приближения противника. Существовала опасность, что финны издалека смогут заметить мои следы и насторожиться, но видимо, тут как раз тот случай, который называется «пот застил глаза». Чтобы добраться до холма, вражеским солдатам пришлось в полной выкладке преодолеть по снегу бегом около километра, поэтому совсем неудивительно, что на последнем участке этого марафона они не смогли проявить достаточно бдительности и рассудительности, сгрудившись у подножия холма.

Бросив одну за другой все три гранаты, я выхватил пистолет и, дождавшись взрывов, за несколько секунд добежал до финнов и принялся стрелять. Подобные операции мне приходилось многократно осуществлять в тренировочных шутерах ещё ТАМ, так что и сейчас всё произошло без сучка и задоринки. Первыми, ещё на бегу я застрелил двух финнов, которые несколько отстали от своих невезучих товарищей, благодаря чему они остались целы и уже изготовились к бою, в данном случае мой успех был предопределен более высокой скоростью прицеливания и стрельбы. Через секунду я окончательно сблизился с финнами и принялся палить из пистолета почти в упор. Вот солдат, трясая головой от контузии, поднимается со снега, становится на колени, поднимает винтовку и ошалелыми глазами ищет цель. Выстрел! Он падает навзничь раскинув руки, а я навожу пистолет на

следующего врага — раненного в ногу парня, который, глядя на меня расширенными от ужаса глазами пытается передернуть затвор винтовки, стоящей на предохранителе. Выстрел! Далее я с максимальной скоростью делаю ещё четыре выстрела по врагам, подающим признаки жизни, меняю магазин и добиваю остальных, после чего падаю в снег, укрываясь от возможной стрельбы с финских позиций на опушке. Затем, забрав ручной пулемет «Лахти» и ранец с запасными магазинами, поднимаюсь на вершину холма и открываю огонь по финским позициям на опушке. Отстреляв магазин, переползаю на другое место, беру винтовку и в оптический прицел пытаюсь высмотреть вражеских снайперов. Не получается. В сторону моего холма теперь ведут огонь пулеметный расчет и не менее десятка стрелков. Но как понять, кто из них снайпер, а кто просто патроны переводит? Поняв, что снайпера, если он есть, мне не выявить, аккуратно прицелившись, снимаю пулемётчика и откатываюсь с позиции. Потом надеваю на сапёрную лопатку свою каску и поднимаю её, покачивая. Вражеская пуля пробила каску и выбила лопатку из руки, подтвердив мои предположения о наличии у противника снайпера. Эх, мне бы ещё парочку бойцов, я бы его без проблем вычислил и шлепнул. А так придётся в одиночку вертеться. Поразмыслив, я отполз с пулеметом в сторону и дал очередь в сторону вражеских позиций, сразу после этого спрятавшись за камнем. Над головой противно взвизгнула пуля и я вновь поменял позицию. Так, ползая и стреляя, я играл в кошки-мышки с финским снайпером, в течении получаса. У меня была надежда, что дождавшись темноты, я смогу реализовать своё преимущество в ночном зрении. Финны, имевшие численное превосходство, видимо, также надеялись на темноту, полагая, что смогут ближе подобраться к хутору и ко мне. Однако ни моим, ни вражеским планам не суждено было сбыться.

Хлопок орудийного выстрела у меня за спиной и последующий взрыв трехдюмового снаряда на финских позициях возвестили о коренном переломе в ходе боя. Обернувшись назад, я увидел бойцов РККА, занимающих позиции на опушке с нашей стороны. За последующие пару минут единственное имевшееся в наличии у наших орудие произвело ещё десяток выстрелов по финским позициям и советская стрелковая рота, рассыпавшись цепью, с криками «Ура» пошла в наступление. Вовремя подоспели. Со стороны финнов стрельба постепенно прекратилась. Отходят навверное. Я отполз с вершины холма на склон, обращённый к востоку, снял каску с шапкой и балаклавой, а взамен надел будёновку. А то в маскхалате меня от финна не отличить, обидно будет, если свои же по ошибке пристрелят. Потом пошёл мародерить. Обыскав трупы убитых мною финских солдат, я собрал документы, взял трофейные автомат «Суоми», пистолет «Люгер» и электрический фонарик, найденные у пулемётчика, затарился патронами, затем подобрав пулемет и свою винтовку, направился в сторону артиллерийской позиции, обвешанный оружием, как новогодняя ёлка игрушками. Бойцы, находившиеся у орудия, издали завидев меня, взяли на прицел, пришлось орать, надрывая глотку: «Свои!» с поднятыми руками. Однако, пока не подошёл и не представился, красноармейцы винтовки не опускали. Неприятно. Когда я, наконец, приблизился, то увидел среди бойцов старшего лейтенанта, которому и представился, козырнув:

Отделенный командир погранроты НКВД Ковалев!

Тот протянул руку и сухо потребовал:

Документы!

Я бросил в снег пулемёт и, расстегнув маскхалат и ватник, вытащил из кармана гимнастерки командирскую книжку, которую протянул старлею. Тот, внимательно прочитав документ, вернул его мне и только тогда представился сам:

Командир роты Фомин. Что тут произошло?

Мы осуществляли патрулирование вдоль дороги, в четырнадцать тридцать вышли к этому пустующему хутору для проверки. Одновременно с нами здесь появились белофинны в количестве около ста штыков, навверное, неполная рота. Наш взвод успел первым занять хутор, финны попытались нас выбить. Завязался бой. Я на той высоте прикрывал фланг, уничтожил финский отряд в составе девяти человек, пытавшийся занять холм, захватил пулемёт и автомат. А тут и вы подошли, — коротко доложил я.

Понятно... — с некоторой завистью посмотрев на трофеи, протянул Фомин и продолжил уже четким командирским тоном, — Похоже финны отступили, мы их далеко преследовать не будем, пошли, посмотрим, что там с вашим взводом, — старлей развернулся и направился в сторону хутора. Я подобрал оружие и пошел вслед за ним вместе со старшиной и красноармейцем-вестовым. Хутор состоял из двух жилых домов, пяти бревенчатых нежилых строений, которые отличались отсутствием окон и двух дощатых сараев. Когда мы подошли, навстречу вышли два комота.

Васильев, доклад! — скомандовал, остановившись, Фомин.

Шедший первым комот с курносым мальчишеским лицом остановился, вытянулся в струнку, поднес руку к виску, отдавая честь и четким командирским голосом доложил:

В ходе боя первый взвод занял данный хутор, на котором держали оборону пограничники. Рота продолжила наступление в восточном направлении, а я, по приказу командира взвода вместе с первым отделением взвода и санитарным отделением роты остался на хуторе для организации обороны и оказания первой помощи раненым.

Сейчас на хуторе находятся четыре раненых из нашей роты и семь раненых пограничников. Убито — один боец из нашей роты и четверо пограничников. Раненые размещены в бане, там печь топится по белому и окошки целые. В домах все стекла выбиты, но мы и там печи затопили, сейчас бойцы пытаются хоть чем-то закрыть окна. Отделенный командир Васильев доклад закончил!

Где сейчас теплее, чтобы штаб разместить?

Вон в том доме, что поменьше, — комот махнул в сторону небольшой избы, которую из-за её кособокости и ветхого вида правильнее было бы называть лачугой.

Васильев не соврал, в этом убогом жилище действительно было теплее чем на улице — по ощущениям около ноля градусов, однако в помещении стоял едкий дым, от которого сразу стали слезиться глаза и запершило в горле.

Тащ командир, проходите к окну, тут посвежее! — суetyщийся возле печи боец показал на идущую вдоль стены широкую лавку, которая была единственной мебелью в помещении, — Печь давно не топили, щели появились, вот и дымит, — продолжил боец, после того как мы сели у нельшого разбитого окна, кое как закрытого свежим еловым лапником, — Но Мишаня там в погребе сейчас со стен глины наколупает, так мы щели и замажем!

«А мне тут что делать?» — запоздало подумал я, осматриваясь по сторонам, и спросил Васильева:

А пограничники где?

В бане, наверное, но там тесно.

В любом случае мне надо доложить своему командиру, — сказал я и, поднявшись с лавки, спросил у Фомина:

Разрешите идти?

Идите и решите там, кто рапорт будет писать, он будет нужен в двух экземплярах — для вашего командования и для меня.

Я сложил в углу трофейные автомат и пулемет — хотелось надеяться, что здесь их не сопрут, оставил свой вещмешок и каску, у двери козырнул и, выйдя из избы, пошёл в баню, в которой, как и предупредил меня Васильев, действительно было не протолкнуться — в полумраке, который разгонял лишь свет, падающий из двух небольших окошек, на лавках и на полу сидели и лежали раненые, многие из которых стонали, вокруг них суетились санитары, проводя перевязку. Четверо невредимых пограничников сидели в углу слева от входной двери, обняв свои винтовки и невидяще глядя перед собой, ни Тошбоева, ни командиров отделений среди них не было. Оценив ситуацию внутри помещения, я понял, что разговаривать надо снаружи и скомандовал:

Пограничники на выход!

Бойцы перевели на меня свои полусонные взгляды и принялись непонимающе разглядывать меня, будто видели впервые.

Живей! Выходим!

После повторного приказа бойцы зашевелились и, поднявшись с показной ленцой, вышли на улицу.

В шеренгу по одному становись!

Однако эту команду бойцы не спешили выполнять. А один из них, Пётр Краснов, спросил меня наглым тоном:

Ты, чего это тут раскомандовался, комот? Ты где вообще был, пока нас тут убивали? В лесочке прятался? Так мы молчать не будем! Всё как было доложим!

От этих слов кровь ударила мне в голову и стоило больших душевных усилий унять резко вспыхнувшую ярость и не врезаться по этой борзой морде. Отойдя к наметенному у стены сугроба, я взял пригоршню снега и растер лицо. Отпустило слегка. Снова повернувшись к бойцам, которые всем своим видом выражали полную поддержку Краснову, я, махнул в сторону холма и, стараясь придать максимальное спокойствие голосу, сказал:

По приказу командира взвода Тошбоева, я вел бой вон на той высоте! Там лежат трупы убитых мной белофиннов. Поэтому вы все сейчас бегом выдвигаетесь туда и собираете оружие, боеприпасы, продовольствие, и маскхалаты. Через полчаса стемнеет, поэтому работаем быстро! Старшим назначается красноармеец Краснов! Направо! Бегом марш!

Присмирившие бойцы дружно побежали в заданном мной направлении. Пусть пробегутся, поработают, глядишь, остынут, сучьи дети. Да и мне остыть не мешало бы. Ещё раз растерев лицо снегом, я снова вошёл в баню. Осторожно ступая между лежащими на полу ранеными, я внимательно всматривался в их лица, пока, наконец, не нашел Тошбоева. Слава Богу, живой! Тронув руку сидевшего неподалеку санитаря, я спросил:

Как он?

Боец грустно покачал головой:

Плохо, ранение в грудь, без сознания.

Да, печально, шансов мало. Его бы надо прооперировать, однако здесь только санитары, которые кроме как перевязать рану, больше ничего не умеют.

У него планшетка была, не знаешь, где она?

Посмотри под лавкой, — санитар махнул в сторону.

Сделав пару шагов в сторону, я подошёл к лавке, на которой сидели легко раненные и, сев на корточки и наклонившись заглянул под скамью. Здесь были свалены шинели, винтовки, вещмешки. Осторожно перемещаясь в тесном помещении, я смог отыскать искомую планшетку. Найдя в ней бумагу и карандаш, я переписал всех раненных пограничников, находящихся в бане, потом узнал у санитара, где лежат убитые и также их переписал. С этими записями я вернулся в штабную избу, в которой стало уже значительно меньше дыма, и спросил Фомина:

Товарищ старший лейтенант, есть данные по убитым финнам?

Пока нет, но скоро принесут. Но там ведь не только ваши, но и наши трупы. Как делить будем?

Ишь какой! Убитых финнов ему подавай! У нас считай от взвода ничего не осталось, а он о наградах думает. И приписать тут ничего не получится — сколько финских документов сдано, столько вражеских мертвяков на подразделение и запишут.

А что тут сложного? Все с пулевыми — наши, с осколочными — ваши.

Фомин задумчиво нахмурился:

Так не совсем честно получится, мы ведь вас спасли!

А что, сейчас в Красной Армии за спасение мертвыми душами платить принято? — спросил я его ироническим тоном, — За спасение вот Вам небольшой презент, товарищ старший лейтенант, — я достал из-за пазухи «Парабеллум» и положил его на стол перед офицером, всё-таки они действительно нас спасли, а мне такие трофеи не по рангу, да и ТТ у меня есть, который тоже от всех скрывать надо, чтобы не забрали.

Фомин взял в руки немецкий пистолет и, несколько повеселев, принялся разглядывать.

Ладно, посмотрим, что по твоей арифметике получится. Гринюк! — подозвал он к себе вестового, — Беги к комиссару, он там на опушке мертвяков считает, скажи, чтобы отдельно посчитал с пулевыми и осколочными.

Есть! — энергичный боец, козырнув, умчался на улицу.

Проводив его взглядом, я сел по турецки на пол, и, используя лавку в качестве стола — другой-то мебели в доме нет — принялся писать рапорт химическим карандашом. За двадцать минут я написал почти полностью два экземпляра — там оставалось только проставить количество уничтоженных финнов. В это время появились Краснов сотоварищи с оружием, ранцами и увязанными в узлы маскхалатами.

Так, бойцы, давайте доставайте финские консервы десять штук и грейте в печке!

Красноармейцы, с которых вся борзость слетела, как и не бывало, быстро принялись за дело. Но я-то помню... Всё помню!

Когда консервы подогрелись, я было приказал Краснову взять четыре банки и отнести их раненым, но Фомин сказал, что он уже распорядился, чтобы их покормили из сухпайков, которые были в вещмешках наших бойцов. Тогда я разрешил бойцам съесть по две банки. Во время обеда появился комиссар с раскладом по вражеским трупам. Согласно его подсчётам, от пулевых попаданий погибло двадцать семь финнов — это с учётом уничтоженных на поле в самом начале, но без убитых мной на высоте. А от осколков погибло всего восемь. Видимо, финны быстро сообразили, что дело пахнет керосином и успели отойти вглубь леса. Отправив моих бойцов на улицу, чтобы не слышали лишнего, старлей приступил к торгу, напирая на то, что его бойцы, наступая цепью тоже вели огонь из винтовок. Немного поупиравшись, я пошел ему навстречу и согласился записать на его счёт в общей сложности четырнадцать мерзляков, при этом выбив себе три трофейных «дегтяря» и пять автоматов «Суоми» плюсом к захваченным мной у высоты. После этого я внёс итоговые числа в оба экземпляра рапорта, один отдал старлею, а на втором он и комиссар сделали отметки о том, что все изложенные факты соответствуют действительности.

Тем временем на хутор подъехали сани, запряженные лошадьми и из бани стали выносить раненых.

Их что, на телегах повезут? — Спросил я у старшины, руководившего погрузкой.

Да нет, только до дороги, там в машины и через час уже в Салми будут, не в Питкяранту же везти, — ответил он, намекая на непрекращающуюся канонаду, звуки которой отчётливо доносились до хутора.

Краснов! — подозвал я к себе бойца, — проверь чтобы у всех наших раненых с собой их вещмешки были, потом с остальными бойцами наши взводные оружие и боеприпасы собери и пересчитай, трофейные автоматы, пулеметы, патроны и гранаты сложи в одном месте. — пусть работает, сучий потрох, меньше всякой дури в голову будет лезть!

Есть! — боец беспрекословно бросился выполнять приказ.

А я, озадачив немногочисленных подчинённых, вернулся в тёплый штаб, где, получив от вестового кружку горячего чая, сел на пол, прислонившись спиной к печке.

Товарищ старший лейтенант, подсобите с транспортом, — обратился я за помощью к Фомину, котрорый, сидя на лавке напротив меня, пил чай в компании комиссара и взводных командиров, — А то трофеев набрали столько, что самим не донести.

Офицер снисходительно посмотрел на меня, отхлебнул чаю и с веселой иронией сказал своим офицерам:

Вот товарищи командиры, смотрите какие пограничники жадные бывают! Нахапали трофейного добра

столько, что сами увезти не могут!

Лейтенанты, только сегодня получившие боевое крещение, улыбались шутке, тем не менее смотрели на меня уважительно, зная о девяти финских трупах, лежащих в холодном снегу у одинокого холма. Мне же шутить после потери товарищей не хотелось совершенно, поэтому я холодно ответил:

Так уж получилось, товарищ старший лейтенант, что те кто мог бы донести эти трофеи до расположения роты, либо ранены, либо убиты.

Старлей молча отхлебнул чаю, а потом примирительным тоном произнес:

Ладно, комот, не хорохорься, мы ведь тоже не в тылу отсиживаемся, уже сегодня на передовой будем.

В полутемной избе возникла неловкая пауза, растянувшаяся на пару минут, в ходе которых все мы пили молча горячий чай в прикуску с галетами. Помолчав, старлей как ни в чем не бывало продолжил:

Сейчас подводы отвезут раненых и вернутся, я тебе одну выделю, дойдете с нами до Питкяранты, а там посмотрим, надеюсь наш полк врезал белофинам как следует!

Лейтенанты согласно покивали головами и чаепитие продолжилось под указания, которые давал Фомин командиру третьего взвода, остающегося на хуторе:

Песков, сегодня же организуй на холме пост с огневой точкой. Место там стратегическое. Да и вообще этот хутор очень важен, отсюда перерезать дорогу на Салми в два счёта можно и тогда кранты нашим в Питкяранте. Поэтому бдительности не теряй! Белофинны в любой момент могут снова появиться. Пушку я тебе пока оставляю, а там уж как комполка решит.

Лейтенант, которому были адресованы эти разъяснения, кивнул с сосредоточенным видом, а Фомин вновь обратился ко мне:

Ковалёв, а ты не знаешь, почему здесь гарнизона не было?

В начале января это был глубокий тыл, а почему потом, когда финны Леметти обошли, здесь гарнизон не поставили — не знаю. Во всяком случае, у нашей роты на это людей не было, — постарался я ответить ему как можно нейтральное. Ну не рассказывать же ему, что у местного армейского командования со стратегическим планированием на мой взгляд вообще туговато. Ладно окружение Леметти просрало, но ведь можно было подумать о том, что дорога Кителя — Питкяранта может оказаться под ударом и не допустить ее блокирования финнами! А он про этот хутор спрашивает, который ещё дальше!

* * *

В Питкяранту мы вернулись после пяти вечера, прошагав шесть километров за строем пехотной роты.

Шли мы в окружении карельского леса по единственной дороге, связывающей тыловые города Олонец и Салми с оказавшейся на переднем крае Питкярантой под звуки приближающегося боя. Когда уже окончательно стемнело, пройдя через короткую улицу пригорода с деревенскими домами, колонна остановилась у длинного одноэтажного здания из красного кирпича, в котором скрылись командир и комиссар, остававшиеся там десять минут. После того, как они вышли, ко мне подбежал вестовой и передал приказ Фомина разгрузить телегу и явиться в штаб обороны города, который как раз тут и располагался. За пару минут я вместе со своими бойцами освободил повозку и проводив взглядом уходящую колонну, оставил красноармейцев охранять взводное имущество, а сам вошёл в здание штаба. Здесь дежурный лейтенант подробно внёс в журнал мои данные, переписал из рапорта сведения о бое на заброшенном хуторе, потом приказал занести в здание штаба привезенные мной трофеи и взводное имущество. Своей группе я оставил пулемет Дегтярева, трофейный автомат, полсотни гранат и по пять банок трофейных консервов на человека, а остальное занёс в здание штаба. Быстро пересчитав стволы, он выдал мне расписку, в которой было указано точное количество сданного оружия, а все остальное было обозначено лаконичной записью «и прочее имущество». Ну, хоть так. Разобравшись с материальными ценностями, лейтенант сообщил, что пограничники ведёт бой на восточной окраине города. Там где раньше и было наше ротное хозяйство. Выйдя из штаба я подзвал бойцов и мы по темным переулкам направились в сторону передовой. Не доходя метров двести до здания ротного штаба, мы встретили двух наших ротных санитаров, которые несли носилки с раненым в ногу бойцом, вслед за ними плелись четверо бойцов с перевязанными руками. Эти бойцы, узнав меня, подтвердили, что мы идём в правильном направлении. Дальше мы двигались уже перебежками от одного укрытия к другому. Добравшись до здания штаба, я обнаружил, что у него нет крыши и выбиты все стекла, однако из окон ведётся огонь в сторону наступающих финнов. Оставшиеся в живых красноармейцы также ведут огонь, скрываясь, кто в домах, кто за сараями или в сугробах. Какого либо управления боем мне не заметно. Похоже, каждый боец стреляет как и куда считает нужным. Видимо, командиры все выбиты. Несколько построек, в том числе и крайняя изба, которая две последних недели служила мне домом, полыхали в вечерней тьме в ночи огромными яркими кострами. Судя по хорошо различимым в темноте вспышкам выстрелов, враги уже подобрались метров на тридцать — сорок к околице. Бой грозил перейти в затяжную фазу и финны могли либо занять дома на окраине, создавая себе плацдарм для продвижения вглубь города, либо укрепиться на своих нынешних позициях, вырыв окопы в снегу. Оценив ситуацию как критическую, я скомандовал бойцам своего

отряда:

За мной! — и направился к переднему краю.

Сначала мы перебежками продвинулись по улице, потом нырнули во двор складской избы, где четверо бойцов из второго взвода рассредоточившись по приусадебной территории, неприцельно палили в сторону врага. А из окна дома вел огонь короткими очередями пулеметчик.

Кто старший? — спросил я, стараясь перекрыть звук выстрелов. Но бойцы никак не прореагировали ни на моё появление, ни на мой вопрос, тогда я приказал следовавшему за мной Краснову:

Доведи тут до всех, что они переходят под моё командование, и идите за мной к крайнему дому, вон тому, который горит, — Краснов кивнул и на четвереньках почапал в сторону ближайшего бойца, а я, махнув остальным своим бойцам, чтобы следовали за мной, пополз через заснеженный огород в сторону бани, находящейся у самой околицы, судя по редким выстрелам, там ещё оставался кто-то из наших.

Сумев быстро и без потерь добраться до своей цели, я совершенно неожиданно для себя увидел Горбушкину, которая вела огонь в сторону финнов из обычной «мосинки» меняя позицию после каждого выстрела. Здесь же лежали и четыре трупы наших солдат.

Федоров, Касумов! С пулеметом в баню, там с торца окошко, через него и стреляйте, только сами в него не высовывайтесь. Ваша задача — отвлекать от меня! Гранаты мне все оставьте! Пашкин! Гранаты сюда и ползи налево, стреляй оттуда.

Бойцы высыпали мне свои запасы гранат и ползком двинулись к своим позициям, а я принялся готовить гранаты к бою. Тем временем Горбушкина продолжала стрелять, не обращая на меня никакого внимания. «Контуженная, наверно!» — подумал я, глядя на её рваные, нерациональные движения. Поставив на боевой взвод шесть гранат, я, тщательно прицеливаясь, из полулежачего положения бросил их одну за другой в сторону финнов. Здесь расстояние до врага было около сорока — пятидесяти метров. ТАМ, при прохождении курса инъекций «Аресом», одним из наблюдаемых показателей, была дальность и точность броска гранаты. И, надо сказать в этом деле, благодаря препарату я добился впечатляющих результатов. Вот и сейчас, все гранаты попали в цель, выбив пулеметный расчет, двух автоматчиков и трёх наиболее активных стрелков. Произведя ещё пять прицельных выстрелов из винтовки, я с удовлетворением констатировал, что напротив меня все враги уничтожены. Зарядив опустошенный магазин своей «мосинки», я кликнул Пашкина и пополз на правый фланг. Переместившись на полсотни метров правее, я обнаружил, что Горбушкина также ползет за мной. Здесь я вновь повторил метание гранат и произвел десяток выстрелов из винтовки. Финны бой вели тактически грамотно — после каждого выстрела сразу меняли позицию. Но, так как я хорошо видел в темноте, мне их уловки не мешали и каждый выстрел находил свою жертву. Уничтожив противника в непосредственной близости от себя, я внимательно осмотрел поле боя. Правее двигаться было некуда, так как там была болотистая ложбина, из-за которой околица изгибалась в западном направлении и финны здесь не имели возможности приблизиться. Но левее врагов оставалось ещё достаточно много — не менее сотни солдат, вплотную приблизившихся к нашим позициям. Из дома с другой стороны улицы по ним бил короткими очередями «дегтярь», но без особого успеха, видимо пулеметчик стрелял наугад, не высовываясь, иначе его самого уже давно подстрелили бы финские снайпера. Однако пока у него пока получалось удерживать противника на дистанции. Составив план действий, я приказал Пашкину, чтобы он передал Федорову с Касумовым выйти из бани и выдвинуться на левый фланг, потом то же самое сказать Краснову. После чего я сделал ещё пару выстрелов, добив подранков и, также опираясь на четыре конечности, направился к бане, заметив, что Горбушкина ползет вслед за мной. Вообще, исходя из её капитанского звания, здесь приказывать должна была она, но судя по всему, к выполнению командных обязанностей, по крайней мере в данный момент, она была непригодна. Добравшись до бани, я расположился позади неё и стал стрелять в финнов, находящихся напротив нашего левого фланга. Отсюда до них было двести-триста метров и у меня получалось вести прицельный огонь. Позиция для этого здесь была крайне удачная. Со стороны фронта меня прикрывала баня и в то время, как на нашем левом фланге, благодаря посланному мной пополнению, огонь заметно уплотнился, враги не догадывались, что главная опасность исходит с другого направления. После того, как я, убил и ранил ещё полтора десятка финнов, оставшиеся в живых стали отходить, точнее отползать к опушке соснового бора. А я продолжал вести огонь, пока те не скрылись за деревьями. После того, как отступившие финны перестали стрелять, с нашей стороны пулеметы и винтовки тоже постепенно затихли. В наступившей тишине до меня донёсся из бани едва слышный плач. Осторожно заглянув туда, я увидел Горбушкину, которая сидела на полу и тихонечко выла, положив голову мертвого комиссара себе на колени. Печальное зрелище. Теперь окончательно понятно, что она командовать не в состоянии. Но должен же кто-то из командиров взводов или хотя бы их помощников в живых остаться. Куда все подевались? Надо же оборону организовывать, ведь финны как отошли, так и снова могут пойти в наступление. С этими раздумьями я, пригибаясь, направился в сторону левого фланга, где, судя по всему, собралась большая часть имеющихся в наличии бойцов погранроты. Однако, пройдя десять метров, я увидел Калинина, движущегося мне навстречу также на полусогнутых ногах, за его спиной шли четверо

моих бойцов. Подойдя, тот хлопнул меня по плечу со словами: «Жив, чертяка!». Я тоже был рад тому, что Петрович жив и в душевном порыве так крепко хлопнул ему по спине, что тот аж закричал:

Ух, да, силен! Прямо медведь! Пошли, там, за горящим домом укроемся, заодно и тушёнку на огоньке подогреем, — он показал мне вещмешок, в котором, очевидно, было десятка два банок консервов, и мы перебежками преодолев открытое пространство, укрылись за горящим домом, где бойцы под руководством старшины за пару минут соорудили подобие скамьи из чурок и досок от забора.

После того как мы расположились в тепле на комфортном расстоянии от горящего дома, бойцы вскрыли банки с тушенкой и поставили их греть поближе к огню. На горящий деревянный дом можно смотреть бесконечно, точнее до тех пор, пока он окончательно не сгорит. И мы с Петровичем некоторое время молча смотрели на то, как пламя облизывает деревянные стены.

Долго гореть будет, бревна-то в полметра толщиной, глядишь, только к утру и прогорят... — нарушил молчание старшина.

Жаль избушку, хорошо мы там устроились, чем это её финны подожгли? — поддержал я праздный разговор, всё-равно сейчас спешить некуда.

Видно, в лампу нашу керосиновую попали, она аккурат у окна с той стороны стояла, — высказал Петрович правдоподобное объяснение причины пожара.

А что у Вас тут произошло? Где командиры? — я перешёл, наконец, к делу.

А нету командиров, вон Горбушкина, до мы с тобой, ну ещё Павлов, да может кто из коматов уцелел, — хмуро объяснил мне безрадостную ситуацию и после паузы продолжил, — Тут ведь как получилось, часов в одиннадцать финны подошли к городу с севера и попытались войти, но там армейские смогли закрепиться на окраине, пушки наши туда забрали, да и пополнение к ним вовремя подошло с танками, так что показали они там финнам, где раки зимуют. Командир наш, Волков, направил связных, чтобы патрульные группы в город отошли и заняли оборону, а у нас тут только сугробы — ни окопов, ни дзотов — ни хрена... — он обречённо махнул рукой и продолжил, — Токма мы кое-как позиции заняли, так финны и сюда вышли, видать с фланга захотели обойти, но, как они из леса высунулись, мы их обстреляли, они отошли и вдарили из минометов, тут у нас разом человек тридцать побил, да поранило, Волкова крепко задело, да дружка твоего — Петренко...

Так они живы? — переспросил я, услышав фамилию своего земляка.

Когда уносили, были живы, крови много, но живы. Минометы ведь страшно бьют, а у нас даже окопов нет, вот и побил солдатиков да командиров, хорошо ещё, что у них мины кончились, а то бы нас всех тут... — он опять замолчал, бездумно глядя в огонь.

К этому времени тушёнка подогрелась и Пашкин принес нам по одной вскрытой банке. Подспудно беспокоивший меня голод после окончания боя перерос в зверский аппетит и я, достав из кармана ложку, набросился на консервированное мясо. Калинин от меня не отставал и также с большой охотцей наворачивал тушёнку. Поев, он снова молча уставился в огонь. Я некоторое время тактично молчал, надеясь что он сам продолжит рассказ, но тот как ни в чем не бывало пялился на горящий дом, не проявляя никакого желания говорить, поэтому я взял на себя смелость спросить его:

А дальше-то, что было?

Старшина дёрнулся, как будто проснувшись и посмотрел на меня, похоже, не понимая, о чем я говорю, однако быстро сообразил в чем дело:

Ох, что-то я задумался... — он нахмурил лоб, видимо вспоминая, на чем остановился и продолжил, — мины у них кончились и они снова из леса полезли. Мы по ним стрелять начали, а они где ползком, где перебежками приближаются. Тут комиссар — он же после ранения Волкова за главного остался — и поднял роту в атаку, в шпыки! Етить растудыть! А у тех снайпера, да пулеметы с автоматами, да и больше их раза в два, а то и в три было. Вот политрука первым и убили. Взводные попытались было атаку продолжить, да финны и их тоже... Вот мы и отступили, три десятка наших там осталось, тело комиссара вынесли и в баню положили, похоронить бы... — он снова сделал долгую паузу, но продолжил без напоминаний с моей стороны, — Горбушкиной комиссар приказал отсюда снайперским огнем их прикрывать, но у нее винтовка отказала, самозарядки вообще много у кого заклинили, такие вот дела... А финны поначалу тоже отошли, но как стемнело, поперли вперёд. Их и так-то в маскхалатах не видно, а тут ещё темень, вот и пришлось нам практически наугад лупить. А они все ближе... Думал, всё уже, сейчас в последнюю рукопашную пойдем. А тут вдруг ты подоспел! Хорошо у тебя с гранатами получилось...

Мы снова замолчали. Я обдумывал услышанное, а старшина похоже снова подзавис, пребывая в полусне с открытыми глазами. Судя по всему, он не собирается заниматься организацией обороны. Вот он развернулся спиной к огню и с выражением блаженства теперь греет спину. После пережитого боя он впал в состояние пофигизма, тем более, что в подразделении есть старший по званию — капитан Горбушкина, которая и будет за все отвечать. Но та тоже в прострации после гибели комиссара, с которым у неё были близкие отношения.

Возникает вопрос — а мне, что больше всех надо что ли? Разумеется, если бы не финны, расположившиеся в нескольких сотнях метров, мне тоже было бы похрен в квадрате на возникшую анархию. Нашел бы местечко потеплей — и на массу. Однако так расслабляться в непосредственной близости от врага нельзя, как минимум надо организовать оборону.

Краснов!

Я! — бодро откликнулся боец, также уже успевший подкрепиться тушёнкой.

Бери бумагу и карандаш, — я протянул бойцу письменные принадлежности, — Вместе с Касумовым обойди позиции, перепиши, кто есть живой. Если есть раненые, оказать первую помощь и доставить в госпиталь. Но вообще этим санитары должны заниматься. У погибших забрать документы, переписать. Если у кого нет еды, выдай им из наших запасов финских консервов, только запиши. Всё понял?

Понял!

Выполняй!

Есть!

Бойцы поднялись и направились на обход позиций.

Федоров!

Я!

Бери пулемет и за мной!

Есть!

Пашков!

Я!

За мной!

Есть!

После того как бойцы нагло наехали на меня на хуторе, а потом увидели, что были глубоко неправы, их исполнительность меня только радует. Понимают, суки, всю глубину своего грехопадения.

Раздав приказы своим бойцам, я, оставив Петровича в тепле и одиночестве, направился в баню. Войдя, я увидел там Горбушкину, которая все также сидела в обнимку с трупом комиссара, но теперь уже молча и неподвижно. Глаза у нее были закрыты.

Товарищ капитан, разрешите обратиться!

Никакой реакции, даже не пошевелилась. Подойдя ближе, я её слегка толкнул в плечо. Девушка без всякого сопротивления упала на бок. Без сознания. Взяв её на руки, я вышел из бани и отнес её в теплое и безопасное место за горящим домом. Осмотрев её, отнес чуть подальше и положил на поваленный забор — лицо и руки обморожены, что в общем-то немудрено — в бане ведь было холодно также как и на улице, не ошибусь, если скажу, что уже и минус сорок может быть.

Пашкин! Иди снимай с убитых шинели, сколько есть, капитана надо завернуть, а то она обморожена.

Есть!

Так давай её сюда! В тепло! — старшина внезапно пришел в себя, но, по незнанию, сморозил явную глупость.

Нельзя, надо укутать потеплей и дать горячее питьё, чтобы отогрелась изнутри.

Так может, в госпиталь?

Там сейчас раненых много, могут, не глядя, раздеть, да в тепло положить, а потом руки отрезать придется. Сами отогреем! Ты бы лучше чайник или другую посудину нашел, чтобы ей сладкого горячего чая сделать.

Да я сейчас в кружке снег растоплю и сделаю, сахар у меня есть! На вот, шинель мою возьми, я тут и в одном ватнике не замерзну.

Взяв шинель, я положил её под Горбушкину, потом снял с себя балаклаву и надел на неё, а сверху свою кроличью ушанку, завязав шнурки под подбородком. Тем временем появился Пашкин и принес пять шинелей. Мы вместе укутали девушку, закрепив кокон из шинелей ремнями.

Когда мы закончили её укутывать, старшина принес кружку с горячим чаем. Отхлебнув, я поставил кружку остывать в снег — слишком горячо. Повернувшись к Горбушкиной, я увидел, что та открыла глаза.

Лежите, товарищ капитан, у Вас обморожение, сейчас горячего дам.

Девушка молча поводила вокруг глазами и сфокусировала взгляд на мне. Тем временем чай уже достаточно остыл и я приподняв голову Горбушкиной, которая так и продолжала смотреть мне в лицо, задрал балаклаву и поднес кружку к её губам.

Пейте, товарищ капитан, маленькими глотками.

Та неспеша стала пить чай. После того, как она опустошила кружку, я вновь натянул ей на лицо балаклаву и кликнул бойцов:

Пашкин, Федоров! Там, если я не ошибаюсь, в дальнем доме первого взвода окна уцелели, несите её туда. Прогреться она должна своим внутренним теплом, поэтому в доме должно быть прохладно, но не холодно. Через

полчаса ещё дать горячего чаю, но не кипятка. Когда размораживание пойдет, ей будет больно, надо будет потерпеть. Найдите санитаров, объясните всё им и пусть за ней ухаживают. Потом ко мне!

Есть! — хором ответили бойцы и принялись за дело. Изготовив из лыж и веревки некое подобие носилок, они положили туда Горбушкину и понесли в дальний конец улицы.

Разобравшись с этим вопросом, я подсел к старшине, который снова задумчиво смотрел в огонь.

Товарищ старшина, получается, ты старший. Горбушкина сейчас не в состоянии руководить.

Получается так, — охотно согласился Калинин, не отводя взгляда от огня, — А поэтому, комот Ковалев, слушай мой приказ: организовать наблюдение за противником, организовать отдых и питание личного состава и подготовить рапорт о сегодняшних боевых действиях, я подпишу.

Вот жучара! Я, значит, вертись, а он будет смотреть кино под названием «Горящий дом»! Нашел, пся крив, мальчика для поручений!

Тащ старшина, а Вам не кажется, что слишком много поручений для комота, не имеющего командного опыта? — задал я вопрос задушевым тоном, надеясь хоть с каких-то поручений соскочить.

Да не, нормально! И, Ковалёв, не забывайте, что Вы в армии, а здесь приказы командира исполняются, а не обсуждаются!

Твою ж мать! Мысленно ругнувшись, я уже собрался идти выполнять приказ, но тут появились Краснов и Касумов, за которыми плелись ещё шестеро бойцов. Нет, приглядевшись, я понял, что ошибся — пятеро бойцов и один комот — командир отделения из четвертого взвода. Порывшись в памяти, я вспомнил его фамилию и вернулся к Петровичу:

Тащ старшина, тут комот Черемисин подошёл, думаю, что хорошо бы его к организации постов пристроить!

Калинин повернул голову и увидев комота, кивнул:

Ох и везёт же тебе, Ковалёв! Ладно, пиши рапорт, а остальным он займётся.

Я тогда в уцелевшую избу пойду, не на улице же писать! — сообщил я Ковалёву о своих намерениях, после чего взял у Краснова список и отправился в тот дом, куда отнесли Горбушкину. В избе температура была в самый раз для лечения обморожений девушки — примерно плюс пять градусов. Похоже, здесь с утра не топили, вот дом и остыл к вечеру, но нам как раз того и надо. Из бойцов здесь находился только Пашкин, сидевший у стены на скамейке.

А Федоров где? — спросил я его про второго бойца.

Санитаров пошел искать.

Давай, затопи печку, много дров не клади, два полена хватит. К тому моменту, когда протопится, у неё уже обморожение пройдет. И поставь воду кипятить в кружке.

Пашкин принялся суетиться у печки, а я сел за стол и приступил к составлению рапорта. В избе было темно, опасаясь финнов, мы не зажигали даже лучины и мне пришлось писать рапорт в темноте, напрягая все свои способности. Большую часть пришлось писать на основании сведений, полученных от Калинина. Картина, изложенная в рапорте, получалась совершенно безрадостная. Всего в строю оставалось двадцать семь человек без учёта Горбушкиной, и без учёта артиллеристов, чья судьба была мне неизвестна. Кроме того, сколько человек убито, а сколько ранено доподлинно неизвестно — часть трупов лежит на поле за околицей и их никто не пересчитывал. А раненых доставляли в госпиталь без какого либо учёта. Полный бардак!

А-а-а! Больно!!! — внезапно взвyla Горбушкина, выгнувшись дугой на полу и пытаясь вырваться из теплого кокона.

Пошел прогрев! Оставив бумаги, я подошёл к девушке, которая под влиянием боли стала изрыгать многоэтажные непристойные выражения.

Когда-то давным-давно, ещё в Тюмени, мне по своей глупости довелось отморозить ногу, поэтому я не понаслышке знал о том, какую дикую боль испытывает человек, когда замёрзшие конечности начинают отогреваться и в них восстанавливается кровоток. Так что её поведение меня не удивило. Взяв горячую воду, я добавил в кружку немного спирта — сейчас это пойдёт на пользу и, приговаривая успокаивающие слова, привел её в сидячее положение и поднёс кружку ко рту. Та на минуту замолчала, чтобы выпить, но потом снова стала требовать, чтобы её развязали.

Ещё десять минут! Товарищ капитан, Вам надо прогреться и потом я всё лишнее сниму, — твердо пообещал я девушке и она несколько успокоилась, но ещё некоторое время продолжала стонать и материться вполголоса.

В это время появился Федоров с одним из санитаров — Сергеем Зиновьевым — и сообщил, что Павлов с остальными своими подчиненными помогают в госпитале. Пришедший санитар с ходу предложил лучше протопить помещение, а потом раздеть Горбушкину и растереть. Вот-вот, после таких действий и приходится отрезать пальцы после обморожений. Пришлось надавить на него своим званием и заявлением, что вся ответственность на мне.

Когда обещанные десять минут прошли, я расстегнул на Горбушкиной ремни и убрал лишние шинели. После

того, как она осталась в своём ватном костюме и валенках, я сказал:

Теперь, чтобы кровообращение полностью восстановилось, Вам надо делать физические упражнения — начните с бега на месте.

Та не стала спорить, хотя, казалось бы, кто я такой? Не врач и даже не санитар, и по званию младше её, однако девушка, поднявшись с пола, приступила к выполнению моих указаний, постанывая и жалуясь на боли в ногах и руках. А тем временем я поставил греть последние оставшиеся у меня две банки финских консервов. У моих бойцов и Зиновьева были свои запасы, которые они также поставили в печку. Ещё через пятнадцать минут Горбушкина сообщила, что у неё ничего не болит и полностью возвратилась чувствительность пальцев на руках и ногах. После этого я усадил капитана за стол, дал ей горячую пищу и снова развел немного спирта в горячей воде.

Вам бы, товарищ капитан, показаться врачу, а то неясно, какие ещё последствия могут быть после переохлаждения! — сказал я отогревшейся и слегка захмелевшей девушке, после того как она выпила и поела.

А, не до этого сейчас! — отмахнулась Горбушкина и спросила, переходя к делам, — Что там с ротой?

Я по приказу старшины Калинина подготовил рапорт, разрешите зачитать?

Давай, я слушаю!

Командиру батальона майору Колесникову. Рапорт. Настоящим сообщаю, что... — далее я прочитал описание боя, полученное мной от Калинина...

Нет, не пойдет, — вынесла свой вердикт капитан по окончании прочтения, — Про комиссара надо было написать, что он не просто поднял роту в атаку, а геройски возглавил атаку, заставив врага отступить на исходные позиции! И другие моменты надо более подробно описать. Так что давай бумагу и организуй освещение, я сама напишу как надо, а вы с Калининым потом по моему образцу напишите!

Ну что же, дело командирское. Занавесив по моему приказу окна шинелями, бойцы настрогали лучин и зажгли их, вставив в щели между досками стола. Я дал капитану бумагу и химический карандаш, после чего она приступила к составлению рапорта. Написав пару строк, капитан подняла голову от бумаги и вежливым, но твердым тоном мне сказала:

Товарищ отделенный командир, прошу Вас организовать сбор оружия и документов погибших бойцов и командиров, оставшихся на нейтральной полосе.

Вот же, курва, твою мать! Вылечил на свою голову! Теперь переться на сорокоградусный мороз. Хорошо, что она в сумраке не видела моего лица, когда я максимально лояльным тоном ответил:

Есть!

После этого я оделся и взяв Пашкина и Федорова, направился к переднему краю. Калинин всё также сидел у горящего дома и таращился на пламя. Похоже, у него какой-то бзик, может он тайный пироман? Сев рядом со старшиной, я сообщил:

Горбушкина пришла в себя, теперь пишет рапорт, а меня отправила организовать сбор документов и оружия с нейтральной полосы.

Правильное дело! — поддержал приказ капитана старшина, — Я тоже об этом думал. Пойдем, я тебе бойцов выделю!

Калинин встал и направился к избе, в которой раньше располагался третий взвод. Здесь также как и в большинстве других домов было выбито два окна, но бойцы уже завесили их шинелями и затопили печь, так что внутри было достаточно тепло. Зайдя в помещение, старшина назвал пять фамилий, и, после того как эти бойцы подошли к нам, приказал им одеваться потеплее и поступить в моё подчинение для выполнения приказа капитана Горбушкиной. Судя по выражениям их лиц, бойцы были весьма огорчены перспективой что-то делать на улице в такой собачий холод, однако деваться им было некуда и они, одевшись, вышли на улицу. Оглядев одетых в трофейные маскхалаты бойцов, я сказал им, чтобы шли следом за мной и направился к передовой. Добравшись перебежками до околицы, я залег за сугробом и посмотрел на нейтральную полосу. Увиденное зрелище меня огорчило — финны оказались расторопнее и теперь их солдаты ползали между трупами на заснеженном поле собирая ранцы, оружие, документы и боеприпасы. Всего таких бесшабашных смельчаков я насчитал одиннадцать человек. Опять придется воевать. Сев на землю за сугробом, я подозвал к себе бойцов.

Сейчас там, — я махнул рукой в сторону поля, — Ползают финны, поэтому вы должны рассредоточиться максимально широко и после моего выстрела начинаете стрелять в сторону финнов. Не высовываться и после каждого выстрела менять позицию. Ваша главная задача отвлечь финнов от меня, поэтому целиться никуда не надо. Все, разбежались, быстро!

Проследив за бойцами, занявшими позиции по фронту, я двинулся в глубь нашего расположения. Складская изба была расположена за горящим домом, при этом она была выше и удобно стояла торцом, так что я мог стрелять из чердачного оконца, но противник не сможет меня обнаружить, так как вспышки выстрелов будут незаметны за пламенем. Разместившись на этой позиции, я приступил к планомерному уничтожению финнов, работавших на нейтральной полосе. Мои бойцы поддержали меня отвлекающим огнем, солдаты противника также

активно включились в перестрелку. После того как я попал в шестого финна, я понял, что недооценил противника — у меня над ухом противно взвизгнула пуля. Я сразу вжался в пол и отполз от оконца в сторону, а потом и спрыгнул с чердака в сугроб. Всё-таки смогли засечь, и если бы финский снайпер учёл, что горячий воздух, поднимающийся над горячей избой, смещает летящую пулю вверх, то я бы уже мог пораскинуть мозгами. Пришлось возвращаться на передовую и продолжать отстрел уже оттуда, пользуясь тем, что мои бойцы ведут отвлекающий огонь. Так как мне приходилось менять позицию после каждого выстрела, а финны на нейтральной полосе не спешили подставляться под пули, прячась за трупами и в складках местности, то их уничтожение заняло у меня довольно много времени — более трёх минут. Убедившись, что враги на нейтральной полосе уничтожены, я передал по цепочке приказ своим бойцам прекратить огонь и собраться за горячей избой. Надо выждать какое-то время, чтобы бдительность противника снизилась. Когда все собрались, то выяснилось, что имеются потери — один боец погиб от попадания в голову. Назначив двух бойцов наблюдателями, я приказал остальным отдыхать, а сам направился на доклад к Горбушкиной. Обрисовав капитану ситуацию, я рассказал о дальнейших планах и, получив одобрение, вернулся к горячей избе, где и завалился спать рядом с бойцами. Проснувшись через сорок минут, я разбудил своих солдат и отправил их на нейтральную полосу собирать оружие и документы, а сам занял позицию на переднем крае для прикрытия. Финны не демонстрировали никакой активности, видимо основательно устав от продолжительных боёв, поэтому наша операция прошла тихо и успешно — уже через час в складскую избу доставили собранные документы, оружие и другое имущество. Составив список погибших на нейтральной полосе, я отнес его Горбушкиной и там же завалился спать на скамейке. Разбудили меня около пяти утра — оказалось, что нас отводят в тыл, а позиции занимает пехота РККА. Погрузившись в два ЗИСа, мы за час добрались до Салми, где на сильно поредевшую роту выделили три дома, один из которых отошёл под штаб, квартиру капитана Горбушкиной и склад. Всё-таки хорошо, что старшина Калинин остался цел и невредим — он быстро организовал расселение и кормёжку личного состава, причём командовал бойцами напрямую, не привлекая меня и других комотов в качестве промежуточного звена. Тыловые вопросы он решает намного лучше, чем боевые, ну так на то он и старшина. После раннего завтрака все снова завалились спать. Мне досталась панцирная кровать с ватным матрасом — весьма комфортные условия по сравнению с бойцами, которым пришлось спать на полу. Около двух часов нас подняли обедать, затем сходили в баню, благо, здесь парилка была нормальной, русского типа с каменкой. Перед самым ужином Калинина, меня и других двух комотов вызвала к себе Горбушкина. Она сидела в штабной комнате за большим прямоугольным столом, заваленном бумагами. В свете электрической лампочки были хорошо видны мешки под глазами на её бледном, осунувшемся лице. Показав рукой на лавку у стены, она произнесла:

Прошу садиться!

После того, как мы расположились, она продолжила приказным тоном:

Доложите о наличии личного состава, здоровье, и имеющихся проблемах, начнем с первого взвода!

Мне снова пришлось вставать.

В первом взводе в наличии четыре бойца, не считая меня. Здоровье у всех нормальное, табельное оружие в наличии, есть ещё трофейное, размещены в одном доме со вторым взводом и санитарями. Не хватает кроватей и отсутствует постельное бельё. Так же довожу до Вашего сведения, что моё командование взводом не оформлено приказом. Доклад закончил!

Горбушкина кивнула, что-то записала на лежавшем перед ней листе бумаги и разрешила мне сесть. Потом в том же духе доложили и остальные комоты, после которых слово взял Калинин и сообщил, что матрасы и бельё получим завтра, а кроватей не будет. Далее Горбушкина объявила, что личный состав роты сводится в два взвода, я буду временно командовать первым взводом. А нашей задачей в ближайшее время будет патрулирование участка дороги на Олонец.

30 марта 1940 года, город Петрозаводск, СССР

Отделенный командир Ковалев! Для награждения выйти из строя!

Четко печатая шаг, я подошел к командиру погранотряда и доложил:

Отделенный командир Ковалев по Вашему приказанию прибыл!

За героизм, проявленный в боях с белофинами, награждаетесь орденом Красной Звезды!

После этих слов полковник вручил мне орден в коробочке и орденскую книжку. На мне была шинель, так как награждение производилось на плацу перед штабом погранотряда и, несмотря на то что на дворе заканчивался первый весенний месяц, в Карелии ещё лежал снег и было достаточно холодно, а на шинель, как известно, награды не вешают. Как раз по причине холодной погоды полковник не зачитывал полного перечня моих подвигов — награждаемых много, будешь все заслуги перечислять — околеешь. Вот про погибшего комиссара Белковского подробно зачитали, ему ведь орден Ленина посмертно дали. По моему скромному мнению, которое я благоразумно держал при себе, совершенно незаслуженно. Хотя, если исходить из тех рапортов, что мы написали под давлением Горбушкиной, комиссару вообще надо было героя давать и памятник ставить. Горбушкина, кстати,

получила орден Красного Знамени, по бумагам-то она активно руководила боем в Питкяранте и своими умелыми и героическими действиями не допустила прорыва финнов в город. Да и черт бы с ней, но я считал, что за мои подвиги по совокупности мне тоже вполне могли второе «Знамя» дать. Ну да ладно, переживем, все-таки теперь у меня два ордена, а это по нынешним временам реально круто. А возможность заработать награды впереди ещё будет, хотя мне бы и того, что есть хватило — не хочу больше воевать.

После того как нашу роту вывели в Салми, нам ведь больше принимать участия в боевых действиях, не довелось. Армейские части смогли укрепить фронт и с диверсантами справлялись собственными силами, а мы до конца войны занимались охраной тылов, патрулировали дороги да изредка отлавливали дезертиров. Работы было много, каждый день в патрулировании часов по четырнадцать, без выходных, но спали в тепле на белых простынях, питались сытно, хотя и однообразно, в общем жить можно. Но если ещё раз, то ну его на хрен!

Однако вернемся к нашей роте. В середине февраля из госпиталя вернулся Волков и принял командование подразделением, а Горбушкина осталась при нем в качестве заместителя. С наградами командира роты обошли, видимо, наверху решили, что раз выбыл по ранению в начале боя, то недостоин. В конце февраля к нам заехал по пути из госпиталя Петренко, его отправили домой долечиваться после тяжелого ранения. А вот Равиль Тошбоев умер в госпитале, жаль. Вообще, когда мы из Питкяранты в Салми прибыли, в роте осталось шестьдесят два человека — меньше половины от первоначального состава. Крепко нас финны потрепали. Пополнения нам не присылали, лишь возвращали выздоровевших после ранения. Поэтому мне пришлось исполнять обязанности командира первого взвода вплоть до сегодняшнего дня. Война завершилась мирным договором тринадцатого марта, Однако пограничники еще две недели работали в режиме военного времени. Но теперь всё, закончилась служба!

По окончании награждения я вернулся в казарму, прицепил на гимнастерку орден, попрощался с боевыми товарищами, забрал свой битком набитый сидор и отправился на вокзал. Можно было подождать пару дней и добраться до Горького бесплатно воинскими эшелонами, но я решил ехать в обычном пассажирском поезде, тем более, что с деньгами у меня проблем не было — жалование за должность командира взвода было достаточно неплохим.

Желание поскорей уехать от окончившейся неудачной войны, от казарменного быта и воинской дисциплины было настолько сильным, что я едва ли не бегом бежал на вокзал, а тем временем где-то на краю сознания постоянно свербила иррациональная мысль, что сейчас меня остановят и скажут, что произошла небольшая ошибка и надо ещё некоторое время послужить. Как же я устал от всего этого. Для человека двадцать первого века жизнь в сталинский период — тяжкое испытание, обусловленное бытовой неустроенностью, бедностью и скучностью существования, информационным голодом и прочими «прелестями». А служба в армии — хоть в НКВД, хоть в РККА заставляет ощутить все местные проблемы наиболее остро.

Именно опасаясь того, что мой дембель может сорваться, я не стал заранее покупать билет на поезд, решив, что приобрету перед отправлением на вокзале. Однако, подойдя к окошку кассы за полчаса до отправления, я узнал, что билеты есть только в СВ за двадцать один рубль пятнадцать копеек, и в общий вагон за три рубля. Что это такое я не знал, так как из ТАМошной жизни я знал, что вагоны бывают купейные и плацкартные, ЗДЕСЬ такие вагоны тоже были, но, со слов кассирши, на сегодняшний рейс билеты на них закончились. Немного поразмыслив, решил взять СВ — за такую цену должно быть очень круто. Взяв билет я вышел на перрон — состав уже был подан и пассажиры — в основном военные — подходили группами и по одному, но по большей части ещё не садились в вагоны, а стояли рядом — курили, общались с провожающими и между собой. У меня был билет во второй вагон, поэтому мне пришлось идти в голову поезда. Здесь на перроне стояла группа старших командиров, которые слегка удивленно проводили меня взглядами, когда я предъявил билет проводнику — усатому полнеющему мужчине в возрасте около сорока лет. Видимо, не по рангу мне в таком вагоне ехать, но ничего, переживут. Вагон оправдал мои ожидания — на полу лежала ковровая дорожка, на окнах белые занавески, а латунные ручки и элементы отделки начищены до блеска. Двухместное купе также выглядело весьма впечатляюще — полки обтянуты натуральной кожей, а стены отделаны бархатом. Довольно неожиданно было видеть эту роскошь после грязного обшарпанного вокзала в стране всеобщей уравниловки. Сбросив на полку сидор, я снял шинель и буденовку, после чего сел к окну, положив на стол перед собой две «Комсомольские правды» — вчерашнюю и сегодняшнюю. Кстати, шиза за все последних три месяца ни разу не появлялся, хочется надеяться что он пропал навсегда, а газеты я взял, чтобы было что почитать в поезде. В этом мире я постоянно пребывал в состоянии информационного голода — неприятное, скажу вам чувство. Лишь только я расположился, как дверь купе открылась и вошел батальонный комиссар — это звание соответствовало званию майора. Вошедший был среднего роста, возраста и телосложения. Он скользнул взглядом по моим петлицам и наградам, а я, встав, представился:

Комот Ковалев Андрей Иванович, с сегодняшнего дня переведен в резерв!

Комиссар ещё раз посмотрел на мои ордена и протянул руку:

Волгин Сергей Ильич.

Был бы сосед гражданский, можно было бы поздороваться не вставая и не представляясь, а вот если старший по званию командир, то так, по Уставу.

После знакомства я сел на место и развернул газету. Но почитать прессу сегодня вечером мне было не суждено. После того, как поезд тронулся, комиссар выставил на стол бутылку армянского коньяка и попросил меня сходить к проводнику за стаканами. Такие тут порядки — у кого звание ниже, тот за стаканами и ходит. А газету мы использовали для нарезки полукопченой колбасы из запасов комиссара. Бутылку коньяка мы пили часа три под неспешный разговор о войне да о международной политике. При этом мы сошлись во мнении, что британские буржуи крайне заинтересованы в том, чтобы рассорить СССР и Германию и будут прилагать к этому все силы. Однако Сергей Ильич не согласился со мной, когда я заявил, что летом немцы покажут англичанам и французам кузькину мать и раскатают их в кровавую кашу за пару месяцев, он был уверен, что эта война затянется на год или больше. Наевшись и напившись, мы завалились спать до самого Ленинграда, в который поезд прибыл только в час ночи. Вообще, по расписанию он должен был прийти в десять вечера, однако здесь опоздание на несколько часов — привычное дело, тем более что на этом направлении полно воинских эшелонов, которые сбивают весь график движения рейсовых поездов. Если бы мы приехали вовремя, то Сергей Ильич успевал на трамвае добраться до дома, а я — уехать с Финляндского вокзала на Московский и сесть там на последний поезд, впритык, но вполне мог успеть. А так мне пришлось до утра куковать на вокзале. Волгин, как и другие старшие командиры, прибывшие на этом же поезде вызвал из вокзальной комендатуры себе такси и уехал, тепло попрощавшись со мной. А мне этот комфорт был не по рангу — телефон один, очередь к нему в порядке звания. Со своими треугольниками я бы добрался до заветной трубки где-то во второй сотне. И лишь в шесть утра, когда на маршруты вышли первые трамваи, я поехал на Московский вокзал. Там приобрел билет на поезд до Горького, куда и прибыл следующим утром, хорошо выспавшись в купейном вагоне.

По прибытии в Горький, первым делом я, разумеется, направился в техникум, добравшись туда через час после начала занятий. Быстро оформив документы на восстановление, я заселился в ту же комнату в общежитии, где проживал ранее, и отправился в управление НКВД. Нужно было отчитаться по имуществу и оружию, которое мне было выдано перед отправкой в Карелию. Сдав на складе справки о том, что винтовка, каска и другое подотчетное имущество мною сданы в Петрозаводске в арсенал погранотряда, я поднялся в кабинет к Куропаткину.

Товарищ капитан госбезопасности, разрешите войти?

Заходи, заходи, что там у тебя?

Я подошел к столу и протянул капитану справку о прохождении службы, о необходимости которой тот предупредил меня перед отправкой на войну. Капитан указал мне на стул, после чего изучил бумагу, коротко прокомментировав прочитанное:

О, проявил мужество и героизм, награжден орденом! Молодец!

Далее он взял из сейфа папку, пролистал подшитые в неё листы, достал из стола нитку с иглой и неспешно подшил предоставленную мной справку. После чего откинулся на спинку стула и пару минут молча с показным интересом разглядывал меня. Я сфокусировал взгляд на шторах за его спиной, ожидая продолжения беседы.

Немцам известно, что танк у нас, — продолжил он после затянувшейся паузы, — Поэтому режим секретности по твоему делу снижен с «Особо важно» до «Совершенно секретно». Для тебя это практически ничего не меняет, все инструкции остаются в силе, просто имей ввиду. Можешь идти!

* * *

Выйдя из здания, я вдохнул морозный воздух и задумался над полученной информацией. Немцам известно о танке. Впрочем, было бы наивным полагать, что этот факт будет долго оставаться секретом. Слишком много народа посвящено в тайну — НКВД, военные, инженеры. Его ведь не просто хранили в закрытом помещении под замком, его должны были изучать, испытывать, а это десятки или даже сотни людей. Вот кто-то и проболтался. Всё-таки абвер сейчас на голову превосходит советскую контрразведку. Хотя может это англичане пронюхали и слили информацию немцам через Канариса. Ну да мне от всех этих размышлений ни холодно, ни жарко. Маловероятно, что отношения между Германией и СССР в настоящее время из-за того танка глобально изменятся. Немцам позарез нужен нейтралитет СССР во время предстоящей горячей фазы войны с англо-французской коалицией, а Сталин изначально не хотел обострять отношения с Германией, надеясь избежать столкновения. Так что вряд ли я сильно изменил историю, но хотелось надеяться, что наличие этого танка в распоряжении советских военных и инженеров позволит лучше подготовиться к надвигающейся войне.

По обратному пути в общежитие я накупил конфет и печенья, а когда вернулся то большинство студентов уже пришли с занятий и в моей комнате были все мои соседи, плюс комсорг техникума Тихонов устроился на табуретке за столом, дожидаясь меня — не мог подождать до завтра. После радостных объятий я хотел перейти к чаепитию, и уже выложил сладости на стол, но тут в комнату стали один за другим заходить студенты из соседних

комнат и каждый считал своим долгом спросить где я воевал, за что мне дали орден, и между делом съесть конфету или печенюку. В комнате очень быстро стало не протолкнуться, поэтому я вышел в коридор и толкнул перед собравшимися студентами короткую речь, в которой сообщил, что я очень рад всех видеть, воевал вблизи от города Питкяранта, где боролся с белофинскими диверсантами, за что и награжден, подробности относятся к военной тайне. Но народ не унимался, задавал всякие глупые вопросы вроде того: почему финские солдаты пролетарского происхождения не перешли на сторону Красной Армии? Скользкие такие вопросы, но ещё на войне от комиссаров различного уровня я много раз слышал шаблонные ответы на этот вопрос — мол, сделали своё дело оголтелая антисоветская пропаганда наймитов мирового капитализма и мелкобуржуазные настроения значительной части несчастного обманутого финского населения.

Когда импровизированный митинг закончился, оказалось что все конфеты и печенье уже съедены. Но у меня в запасе ещё была пара банок тушенки, а у пацанов нашлись макароны, так что, объединив наши ресурсы, поужинали вполне сытно. За столом Тихонов рассказал, что секции боевого самбо процветают, уже пятнадцать шгук открыто по всему городу и ещё несколько десятков заявок от комсомольских коллективов со всей области. Да, как-то не ожидал я, что этот вид спорта будет пользоваться такой бешеной популярностью. Но больше говорить пришлось мне, товарищи жаждали услышать подробности эпичных побед, а я старался не сболтнуть ничего лишнего. В советских газетах ведь об этой войне писали весьма скупно, стараясь скрыть военные просчеты и крупные потери. Я опасался, что излишняя откровенность могла привести к печальным последствиям вроде обвинения в антисоветской агитации или разглашении военной тайны, поэтому все мои рассказы сводились к тому как надо готовиться к войне и чего можно ждать в будущем.

... потому и не надо надеяться на то, что при мобилизации тебе всё выдадут. Запасные портянки и трусы уж точно не помешают... вот кто из вас умеет правильно забинтовать рану и поставить жгут? Да, на допризывной подготовке об этом говорили, но вы-то запомнили? Вот ты, Серёга, скажи, чем отличается венозное кровотоечение от артериального?

Плотников застыл с поднесенной ко рту ложкой, пытаясь вспомнить ответ на поставленный мной вопрос, аж глаза от мозгового напряжения вытаращил.

Да расслабься ты, прожуй макароны, а то остынут! — я по-дружески подколот его и продолжил, — это надо знать как таблицу умножения, ведь в бою, под обстрелом действовать нужно быстро и правильно, там времени на раздумья нет. К тому же если начнется большая война, то обучение призывников будет сокращенным и той же первой помощи при ранениях внимания будет уделяться мало.

А ты думаешь, что большая война будет? — тут же ухватился за мою фразу Тихонов.

Не знаю, но вы все видите, что ситуация в мире напряженная, а готовиться надо к худшему, надеясь на лучшее! — соскочил я с прямого ответа, да и что я мог сказать? Мол, парни, война непременно будет и скорее всего вы все погибнете?

Это ты хорошо сказал — готовиться к худшему — а можешь провести лекции или что-то вроде кружка по этим вопросам? — Тихонов уже задумался о том, как бы на меня ещё какую общественную нагрузку повесить.

Э, нет, Михал Сергеич! Мне программу техникума нагонять надо, да и секциями самбо, по всей видимости придется много заниматься! У нас ведь в техникуме есть допризывная подготовка, там всё это изучается, проблема ведь в том, что студенты относятся к этому курсу как к ненужной нагрузке — сдал и забыл, это в лучшем случае, а в худшем прогуливают и ничего не учат, руководство техникума тоже считает, что это далеко не самый важный предмет. Вот тут товарищ комсорг для Вас и открывается широчайшее поле деятельности, надо достучаться до каждого, чтобы и студенты и руководство техникума к допризывной подготовке относились серьёзно, ведь на самом деле это вопрос жизни и смерти, просто сейчас мало кто это осознаёт, все по старой русской традиции думают, что авось пронесет.

После этого моего монолога главкомсомолец задумался, а пацаны продолжили попытки выведать у меня подробности боевых действий. Однако долго мы засиживаться не стали, уже в восемь вечера я отправил Тихонова домой, а пацанов разогнал по кроватям, мотивировав это тем, что устал и мне надо выспаться перед учебой.

Весь следующий день в техникуме мне ожидаемо пришлось отбиваться от навязчивого внимания студенческой братии. А тут ещё и студентки активно возобновили свои попытки завладеть моим вниманием. Леночки ведь нет, ещё вчера Тихонов мне об этом сообщил. Вот и началось негласное соревнование. На улицах хоть и лежал ещё снег, но за окном ярко светило солнце и весеннее настроение всё больше начинало овладевать сердцами людей, в том числе и моим. Поэтому, глядя на местных девиц, я вспомнил, что женщины у меня не было аж с прошлого года, а это очень продолжительный период, когда речь идет о воздержании. Поэтому... а не замутить ли мне всё-таки с Никитиной? Вполне симпатичная девушка и не скрывает своей готовности в любой момент из платья выпрыгнуть прямо ко мне в постель, ну а после в ЗАГС меня потащить... или до... Или вон Куприянова Валя, русоволосая синеглазая красавица с четвертым размером и застенчивым взглядом, она не такая настырная как Никитина... и не спортсменка, и не отличница, но тоже себе намечтала орденосца на белом

мотоцикле.

Постепенно разогретый весенними гормонами мозг переключился на воспоминания о Болеславе. Я ведь последнее время с практически не вспоминал её — там, на войне, на романтические воспоминания как-то совсем не было времени, даже когда нас вывели в Салми, я упыхивался на командовании взводом так, что едва на ходу не засыпал. Да и грызла меня подспудно мысль, что причиной моей шизы является именно моя любовь к Болеславе. Но сейчас подзабытые чувства вновь заявили о себе и я осознал, что трудно будет найти кого-то, кто сможет дать мне тот тот же букет эмоций и счастья, который мне дарила Болеслава. Вот так весь день вместо того, чтобы заниматься учебой, я думал о ней, гадая, суждено ли нам увидеться вновь. Я вспомнил о своем письме, в котором писал, что люблю гулять около кремля воскресными вечерами. А вдруг она уже приезжала и не встретив меня вернулась во Львов?

Вечером отвлекаясь от размышлений на тему межполовых отношений мне помогла тренировка, точнее даже две тренировки по самбо — для студентов и инструкторов. За три часа я хорошо нагрузился, проверяя навыки, наработанные парнями за время моего отсутствия. Что же, весьма неплохо, все ранее показанные мной приемы доведены до автоматизма и можно двигаться дальше.

Проснувшись следующим утром, я решил, что с этими розовыми соплями надо заканчивать. Вся проблема в моей усталости от войны и воздержании, поэтому в воскресенье (а сегодня был четверг) я вечером прогуляюсь около кремля, а если там не встречу Болеславу, то этот вопрос надо будет решать за счет местных кадров, но лучше без привлечения студенток. А задача на сегодня — заняться текущими проблемами — в усиленном темпе наверстывать отставание в учебе. Эх, я ведь планировал в конце года сдать за два курса экстерном, но теперь, конечно, ничего не получится, текущий год я нагоню без особых проблем, но второй курс за два месяца пройти нереально. А план был хороший — к лету сорок первого закончить техникум, устроиться на автозавод и получить бронь от мобилизации, я ведь говорил, что не хочу воевать? А инженерно — технический состав автозавода весь попадает под бронь — это ведь стратегическое предприятие. Хороший был план, но он провалился. В любом случае буду учиться и искать другие варианты откосить, до войны ещё есть время и надо использовать его так, чтобы потом, в окопе под артобстрелом, не было мучительно больно за впустую потраченные дни и месяцы.

Оставшиеся дни недели прошли в учебе и трудах по согласованию с преподавателями планов как наверстывать моё отставание. Днём в воскресенье я опять провел две тренировки — первая была для девушек, вторая — для студентов. Кстати на первой тренировке я разглядел парочку вполне симпатичных спортсменок и мысленно записал их в кандидатки на мою пассию. Впрочем, по большей части мои мысли были заняты бессмысленными рассуждениями на тему: придет ли Болеслава сегодня к кремлю. И чем больше я об этом рассуждал, тем больше сходил сам с собой во мнении, что надеяться на это глупо. Открытка ведь попросту могла и не дойти до неё, а если и дошла, то у Болеславы могла найтись тысяча причин, чтобы не ехать сюда — у неё ведь есть маленький ребенок, мог найтись муж. В конце-концов ей просто могли не дать разрешение на пересечение границы. Да и наш короткий военно-танковый роман не мог служить для неё основанием, чтобы бросить всё и ехать сюда, практически в неизвестность.

Когда я вечером вышел из техникума, на улице шел промозглый дождь вперемешку со снегом, но я всё-таки нашел в себе силы пойти к кремлю по такой мерзопакостной погоде. Раз собирался идти, значит надо идти, чтобы потом не было сомнений и лишних рефлексий. Людей на улице почти не было, ну какой же дурак попрется на улицу в такую мерзкую погоду? На Советской площади, прилегавшей к кремлю было темно и пусто, фонари ещё не зажгли, разумные люди в такое ненастье сидят дома да пьют горячий чай.

И под этим дождем в темноте лишь одинокий стройный силуэт приближался навстречу мне из темноты.

Больше книг на сайте - Knigoed.net